

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

9/08

52.

*QCA

Mayon

МАЯКЪ

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

И

ОБРАЗОВАННОСТИ.

WILKÓWSKA

Wydawn. umi. i druk.

W ŁÓDZIU.

Luceat lux vestra coram hominibus:

Арт. VI

№ 6

XII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

ПРОГРАММА.

1. Собрание трудовъ гг. ученыхъ и литераторовъ.

2. Обобщеніе наукъ и содѣйствіе ученой жизни и дѣятельности въ обществѣ, направленныхъ къ истинному и прочному *просвѣщенію*.

3. Направленіе (словомъ и дѣломъ) литературы къ истинной *образованности*.

4. Обширная *критика*, прямо содѣйствующая тому и другому.

5. Обработка элементовъ истинной философіи по Русски.

6. Вообще же чтеніе пріятное и полезное.

И все это направленно къ одной, постоянной, преобладающей цѣли: просвѣщенію и образованности истинной, прочной и народной.

Для достиженія этой цѣли, Маякъ избралъ себѣ раму, въ которую могло бы все войти. Всѣ предметы распределяются въ пяти главахъ.

1. *Науки*. Сюда входятъ статьи, представляющія полный очеркъ какой либо науки со всеми ея элементами, главными истинами, вопросами, законами и проч. Изложеніе въ нихъ *наглядное*, свободное отъ частныхъ подробностей, обширныхъ доказательствъ, разсужденій, но которое, бывъ построено въ одно органическое цѣлое, и выставляя всѣ главныя части содержанія въ

полномъ свѣтѣ, удовлетворительно изображало бы самую сущность науки. Сюда входятъ всѣ науки отъ богословія, медицины, физики, естественной исторіи, политики, до математики, технологии и торговли — нѣтъ надобности исчислять ихъ подробно.

2. *Словесность*, въ стихахъ и прозѣ: романы, повѣсти, рассказы, отрывки изъ путевыхъ, историческихъ и политическихъ записокъ, отрывки и цѣлыя пьесы драматическія, очерки правовъ, статьи юмористическія.

3. *Материалы для наукъ и словесности*. Рѣшеніе частныхъ вопросовъ. Разсужденія, описанія отдѣльныхъ предметовъ. Выдержки изъ ученыхъ записокъ и всякія частности наукъ и литературы, не входящія въ составъ первыхъ двухъ главъ. — Биографіи, некрологіи, легенды. Новыя изобрѣтенія по части наукъ и промышленности, компаніи, и прочая.

4. *Библиотека избранныхъ сочиненій*. Разборъ книгъ Русскихъ и иностранныхъ, достойныхъ вниманія человека просвѣщеннаго и образованнаго.

5. *Неорама, смѣсь и разныя извѣстія*. Новости Русской и иностранной литературы, учености, торговли, промышленности, политическаго и гражданскаго быта, анекдоты, афоризмы — разныя мѣлочныя свѣдѣнія.

МАЯКЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

И

ОБРАЗОВАННОСТИ.

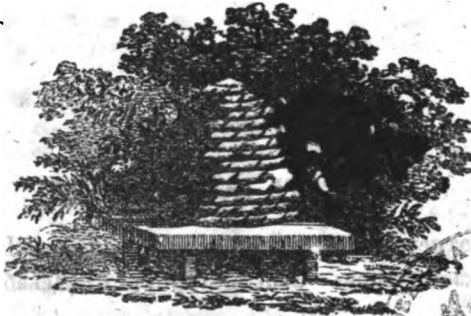
ТРУДЫ

УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ,
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ.

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ:

П. КОРСАКОВЪ и С. БУРАЧЕКЪ.

Lucent lux vestra coram hominibus.

ЧАСТЬ XII

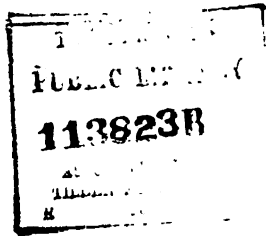
КОММИССИОНЕРЪ

Книгопродавецъ Ю. Юнглейстеръ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи были представлены въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ Санктпетербургъ, Декабря 1840 года.

ЦЕНСОРЪ *А. Крыловъ.*

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

УТЪЩЕНИЕ ВЪ МОЛЕТВѢ.

(Г. И. Д—НЬ—РУ..)

Когда образится вдругъ бурей чело,
И черной, какъ мглою, задернется думой
На радость тому, что внутри тяжело.
Все щемить и давить, какъ демонъ угрю-
мый.

Разбитое жизнью сердце-горюхъ;
О прошлой потерѣ иль горькой утратѣ:
О другъ, объ избранной сердцемъ, иль
братъ

Стенаешь и рвется неложный въцунъ,
И вмѣстѣ грядущее горе пророчить,
И вѣрить, что горе желѣзной стрѣлой
То сердце занозить, потомъ захочеть
Надъ жалкой, и горькой безплодной молю-
бой.

Возвыси, возвыси съ живымъ упованьемъ
Взоръ скорбный, но полный любви, къ
небесамъ,

И смѣло борясь съ земнымъ истязаньемъ,
Молися, молися Живущему тамъ.
И вѣрь, что Господь никогда не отри-
нетъ

Горячей молитвы болѣзненный стоить;
Тебя-ль безутышнаго сына покинуть
На вольную жертву отчаянья Онъ?

Часть XII. Гл. II.

Но благостно взглянуть, склоненный моль-
бами,

И даръ облегченья съ престола пошлетъ,
И будто зиждательный ангелъ крылами,
Коснется души, изъ нее извлечеть
Зерно всѣхъ болѣзней; злеемъ желан-
нымъ

Боль лзвь умаститъ. И все станетъ свѣ-
тло.

А ты отъ грозы весь спасенный Искан-
нымъ,

Забудешь, что нило, терзало,—прошло.

Н. ФАНАГОУЪ.

С. Боръ
Нижегородской губернии.

О Т Ц У.

СТАНСЫ.

Отець! отецъ!... таинственное слово!
И чувствую его, и помялъ я!

PERLSTEIN 13 DEC 1940

Мой лучший друг, хранитель мой от
злаго! —
Что мне весь мир!... отца имью я!

Пусть на меня весь свѣтъ вооружится,
Возстанетъ зависть, хитрость злыхъ сер-
дечъ,

Пусть на меня коварство ополчится:
Отъ козней ихъ спасетъ меня отецъ!

Я подь его эгидою могучей
Путь бытія спокойно перейду;
Онъ для меня разгонитъ съ солнца тучи,
Въ дни скорби въ немъ отраду я найду.

Терновый путь къ селеніямъ зѣира
Усыплетъ весь цвѣтами онъ любви,
Спасетъ меня отъ искушеній міра,
Пыль благородныхъ чувствъ зажжетъ въ
крови.

Мой гордый духъ въ борьбѣ съ ковар-
нымъ рокомъ
Отецъ своей любовью подкрѣпитъ,
И въ славный путь на грозный бой съ
порокомъ
На брань со зломъ меня благословитъ.

И если вдругъ, добыча ослѣпленья, —
Самъ руку протяну пороку я, —
То и тогда отъ бездны искушенья
Онъ отвлечетъ, спасетъ, проститъ меня!

Помню васъ я дни прекрасные,
Дни младенчества души!
Безмятежные и ясные!
Какъ вы были хороши!
Я черты для сердца милыя
Сохраню до позднихъ дней;
Не забуду до могилы я
Ласки матери моей.
На душъ храню глубокія
Я черты—дней лучшихъ слѣдъ;
Живо помню и уроки я
И забавы дѣтскихъ лѣтъ!
И слова и наставленія
Въ тѣ безоблачные дни —
Мнѣ святые впечатлѣнія
Въ сердце врезали они.
Укрѣпляло время кровную
Связь съ отцомъ воинъ въ тиши—
Онъ мнѣ жизнь далъ, жизнь духовную,
Жизнь и сердца и души.

Онъ внушилъ мнѣ чувство, номысли,
Онъ любовь мнѣ въ сердце влилъ,
Онъ съ заботливостью Промысла
Дви мои отъ бѣдъ хранилъ.
Онъ меня какъ Провидѣніе
Осѣнялъ и защищалъ,
Отъ бѣды, отъ искушенія
Отъ страстей оберегалъ.

Вмѣсто ангела хранителя
Въ миръ послалъ тебя Творецъ —
Весь ты образъ Вседержителя,
Въ миръ Богъ земной Отецъ!!..

Отецъ! отецъ!.. скажи же чѣмъ могу я
За все что сдѣлалъ ты, благодарить?
Однимъ лишь тѣмъ, что такъ тебѣ люб-
лю я,
Какъ на землѣ сильнѣй нельзя любить!

Нѣтъ! чувства мнѣ не выразить святого!
Но цѣлый вѣкъ твердить все буду я:
Отецъ! отецъ!... таинственное слово!...
И понялъ я, и чувствую тебя !!
В. ЗОТОВЪ.

Ж И З Н Ъ.

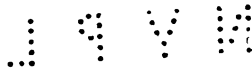
Жизнь не есть одно мгновеніе,
Не зарницъ въ зѣирѣ слѣдъ;
Нѣтъ, но долгое снѣпленье
Многихъ благъ и многихъ бѣдъ.

О судьба! Но что такое
Называемъ мы судьбой?
Только ль дѣйствіе нѣмое
Случая, игры слабой?

Или, силы сокровенной,
Непостижной, но живой,
Всемогущей, неизмѣнной,
Исполнитель роковой.

О судьба! Но мглой обвита
Предзавѣтная глыба,
И въ предбудущемъ сокрыта
Смертныхъ радость и печаль.

Мы не знаемъ, что возможно,
Что доступно будетъ намъ;
Гдѣ преграда, непреложно,
Какъ гранитный берегъ волнамъ.

Часто лютый змѣй таится
Среди розовыхъ цвѣтовъ,
И огонь волкана тлится
Средь витающихъ снѣговъ.

Но тернистыми стежами
Къ славѣ жребій насъ ведетъ,
И лезвемъ мы слезами
Счастья будущаго плодъ.

Что нашъ умъ? фонарь въ туманъ;
Но разцѣченнымъ стекломъ
Сколько призраковъ, въ обманъ,
Мечетъ зыбкимъ онъ лучемъ.

Но заботъ и огорченій
Не смягчаетъ онъ ярма.
Сколько жъ бѣдствій, преступленій,
Все отъ имени ума!

Неизвѣстность и волненье
Путь земнаго бытія;
Но надежда и терпѣнье
Въ жизни лучшіе друзья.

И. ПАЛЬМИНЪ.

HERZ! MEIN HERZ!

(Изъ Гёте)

Сердце, что съ тобой случилось?
Что запало въ глубь твою?
Новой жизнью ты забилось—
Я тебя не узнаю . . .
Все, что прежде ты любило,
Что не разъ тебя томило,
Все исчезло . . . Гдѣ покой? . . .
Сердце, сердце! что съ тобой?

Въ цвѣтѣ ль жизни образъ милой,
И взоръ полный добротой,
Свѣтлый, нѣжный, чудной силой
Оковалъ тебя собой? . . .
Я хотѣлъ бы съ нимъ разстаться,
Вновь окрѣпнуть, оторваться,
Но тотчасъ опять за нимъ
Я стремлюсь путемъ моимъ.

Противъ воли и желанья
Держитъ милая меня,
Крѣпко нитью обаянья —
Нить порвать не въ силахъ я:
Знать, ея покорный воля,
Въ очарованной неволѣ,

Долженъ жить я . . . Что со мной? . . .
О любовь, отдай покой!

КНЯЗЬ Д. КРОПОТКИНЪ.

1840. Октябрь.

УТѢШЕНІЕ.

Ложился сумракъ одинокій;
Надъ грозной бездною я стоялъ;
На днѣ ея потокъ глубокій
По грудамъ камней пробѣгалъ.
Мнѣ было грустно, сердце ныло,
Душа рвалась къ чему-то въ даль:
Ее предчувствіе томило
И безотчетная печаль.
Прошедшихъ дней надежды; радость,
Моя родимая семья,
Любви отравленная сладость,
И свѣтлой юности друзья,
Все, что похищено судьбою,
Чамъ жило сердце, что любилъ,
Что невозвратно схоронилъ,
Все, все предстало предо мною . . .
А вдалекѣ, какъ геній бѣдъ,
Въ одеждѣ траурной, грядущее стояло
И, маніемъ руки, качалось, призывало
Меня идти ему во слѣдъ . . .
Потокъ кипѣлъ, и я въ отчаяньѣ жесто-
комъ
Ужъ въ бездну броситься хотѣлъ,
Взглянулъ на небеса съ безмысленнымъ
упрекомъ:
Хоръ дивныхъ звѣздъ на нихъ горѣлъ
Созвѣдіе Креста ярче всѣхъ сіяло.
Къ нему очами я пріянулъ:
Въ душѣ-страдалицѣ волненье затихало,
Я пролилъ слезы и вздохнулъ,
Вздохнулъ, и въ этотъ мигъ весь вдругъ
переродился:
Огонь отчаянья погасъ,
И долго, долго я и искренно молился
Тому, кто гибнущаго спасъ.

КНЯЗЬ Д. КРОПОТКИНЪ.

КОЛОМБЪ.

Плыви, о безстрашный пловец! Возвы-
шаетъ
Тебя твой великій и творческій умъ!
И кормчій, исполненный мыслей и думъ
Усталую руку на руль опускаетъ.

На западъ! на западъ! искусства, науки
Должны процвѣсти и возвыситься тамъ!
И кормчій отважный, съ молитвою руки,
Исполненъ надежды, подъялъ къ небе-
самъ.

Реветь океанъ! Въ парусахъ корабля
Шумитъ буйный вѣтеръ. Пловецъ огля-
нулся
И дѣвственный міръ передъ нимъ раз-
вернулся.
Все ближе, ближе, вотъ берегъ, земля!

Вѣрь въ промыселъ Божій, съ надеж-
дой сердечной
Молись, — голосъ твой до Небесъ долетитъ.
Природа и гении живутъ въ дружбѣ вѣч-
ной:
Державшій, онъ скажетъ — она совер-
шитъ!

ГР. ПЕРЕТЦЪ.

1840 года
27 сентября

ВОСПОМИНАНІЕ.

Другъ того, чей взоръ тоскующій
Не вздремнетъ на ложъ сна,
Звѣздной тверди гость кочующій,
Солнце полвочи, луна,
Я люблю твой ликъ божественный,
Но не грѣтъ онъ въ ночи,
И не властны тмы торжественной
Разогнать твой лучи!
Да; но есть еще сініе;
Есть луна небесъ другихъ;
Тамъ горитъ воспоминаніе
Блажь утраченныхъ мнѣ;
При звѣздъ его негрѣющей
Ихъ душа расшознасть,
Но ни искры пламеняющей
Съ нихъ на сердце не падеть!

Н. К—НЪ.

ВОРОНЪ.

Здорово, другъ воронъ, бездомный, без-
сонный,

Разумная птица моя!
Сосѣдъ мой, мой воронъ, мой гость бла-
госклонный,

Прилетъ твой привѣтствую я.
Зачѣмъ ты такъ близко къ жилищу жи-
ваго,

И зорко такъ въ очи глядишь?
Иль въщую тайну изъ міра другаго
Ты молча на сердцѣ таишь? ..

Все знаю, другъ воронъ, въщунъ запоз-
далый.

Ты поздно подсялъ подъ окно;
Все знаю, мой воронъ, мнѣ сердце ска-
зало,

И сердце сказало давно!
Н. К—НЪ.

ПѢСНЯ КАЛАБРІЙКИ.

Помню, весною, въ роцѣ миндальной,
Въ мирномъ пріютѣ дѣтскихъ годовъ,
Бѣгать, рѣзвиться, мнѣ безпечальной
Весело было въ морѣ цвѣтовъ.
Кудри взвѣвалъ мнѣ воздухъ летучій;
Тихо все было, только меня
Радовалъ чей-то голосъ пѣвучій,
Сладкія рѣчи слушала я.
Колоколь звонкій звалъ ли въ обитель?
Люди ли пѣли? въ полѣ ль свирель?
Нѣтъ; то былъ добрый ангелъ хранитель,
Ангелъ хранившій мою колыбель.

Помню, потомъ я стала невестой;
Съ юношей пылкимъ, часто вдвоемъ
Мы удалялись къ роцѣ, безвѣстной
Людямъ нескромнымъ; темнымъ патромъ
Сталась надъ нами тѣнь снукмора,
Сладко сливались наши уста;
Помню я пламень дружнаго взора,
Рѣчь, будто шопотъ пальмы листа.
Мы разставались: вновь утѣшитель
Мнѣ одинокой нѣжно шепталъ;
То былъ мой добрый ангелъ хранитель:
Радость свиданья онъ общалъ.

Матерью юной скоро я стала,
Помню подъ мирнымъ кровомъ моимъ,
Какъ я малютокъ милыхъ ласкала!
Какъ наслаждалась счастьемъ святымъ;
Дѣти довили съ смѣхомъ невиннымъ

Падавший съ древа ядовитый ядъ,
Ръзво бросаи шаръ апаальсинный.
Я удмбалась нѣжно, но вотъ
Кто-то невидимый, слышу, мнѣ шепчетъ;
Я оглянулась... дѣти молчатъ...
Въ роцѣ лимонной птичка ль щебечеть?
Рыбарь постъ ли? волны ль звучать?
Нѣтъ; то былъ голосъ благовѣститель
Радостно сердце спѣлося съ нимъ;
То былъ мой добрый ангелъ хранитель,
Ангелъ счастливый счастьемъ моимъ.

Время наткнулось; я устарѣла;
Жизнь доживаю грустно одна;
Волось не выстои мой посядѣльцъ;
Щеки поблѣкли; грудь холодна.
Грѣтъ старуху пламень трескучий
Въ хижинѣ бѣдной; я сторожу
Пару овечекъ, только созвучий
Прежнихъ я въ сердцѣ не нахожу.
Слышу, какъ будто мой утѣшитель
Что-то мнѣ шепчетъ тихой перою;...
Это мой добрый ангелъ хранитель,
Далитъ онъ горе, слезы со мной.

Я. ЩЕТКИНЪ.

ЦВѢТНИКЪ.

Утромъ, когда на востокъ слезался съ
золотомъ пурпуръ,
Пышный коверъ разстилаютъ для солнца
и солнце восходитъ:
Я поспѣваю въ цвѣтникъ ароматный,
гдѣ ссыпаны краски
Радужной кучой; гдѣ роза адыетъ, обры-
знула блескомъ
Зерою росистыкъ; гдѣ нѣжно склонилась
головкой лилея,
Вѣдый цвѣтокъ Гавриила, гдѣ лхонтъ
красавицы утра
Ярко пунцовую звѣздку красавицы ночи
смѣнляетъ;
Гордо подьемаютъ тюльпаны свои поло-
сатыя чаши;
Маки махровые, будто шары разноцвѣт-
наго снага,
Брошены въ яркую зелень; вотъ розо-
вый съ синимъ гортензій
Полнитъ клубами кошачью... люблюсь
я этимъ сайаньемъ
Неба отгѣнковъ съ побѣгами праха, и
сердца подруга,
Вѣчная спутница жизни, мечта моя, въ
дольную область

Мира угасшаго мнитъся, и вотъ, привела,
она Флору!
Дивна краса этой вѣщней богини! Я ви-
жу, какъ шелкомъ
Къ персямъ лилейнымъ текутъ ея доко-
новъ пышныхъ разливъ;
Вижу, какъ свѣтлыя очи играютъ; заря
молодая
Дышитъ въ прозрачныхъ ласкатахъ, а бѣ-
лая ручка стыдливо
Стройнаго стама красу обвиваетъ воздуш-
ною тязью.
Легкій эефиръ помобилъ эту дивную
нимфу, и тщетно
Прочь отъ него красота убѣгала; на рѣз-
выхъ крылахъ онъ
Гордую скоро догналъ, разукрасилъ цвѣ-
точной гирляндой,
Розаны свилъ для ея діадымы и, полный
цвѣтами,
Рогъ изобилія въ руку вложилъ ей, и
стала богиней
Нимфа красавица, стала подругой воздуш-
наго бога.

Долго въ Эмладѣ и Римѣ народы ей жер-
твы курили;
Въ честь ея игры свершались; но минуло
чудное время!
Рушился жертвенникъ, пали во прахъ ея
храма колонны.
Нѣтъ ужъ богини! и грустно взглянулъ
я на пестрое царство...
Что же! богиня цвѣтовъ мнѣ явилась
изъ сѣни душистой
Призракомъ дивнымъ, и ласково, нѣжной
улыбкой и взоромъ,
«Здѣсь я!» она говорила; дыханье ея на
крылахъ золотистыхъ
Мнѣ мотыльки доносили; рѣзвился эефиръ
перелетный,
Страстно лобзалъ воздушную нимфу, кра-
савицу Флору.

Я. ЩЕТКИНЪ.

ИЗЪ ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛЬДА.

КЪ МОРЮ.

Ахъ! если бы я могъ отъ смертныхъ
отложиться,
И съ добрымъ Геніемъ въ пустыни дни
вести;
Дѣлать досуги съ нимъ, душою съ нимъ
сдружиться,

И къ ближнимъ ненависть отъ сердца
отвести!

Тамъ страсти бурныя и суеты мірскія
Не волновали бы моихъ забытыхъ дней.
Ужель не властна ты, державная стихія!
Ты, породившая восторгъ въ груди моей,
Переселить меня въ завѣтный край же-
ланий?

Иль оболещенъ мечтой, я все создалъ
Приюты тайныя, мѣста очарованій,
И Геніями ихъ по волѣ населялъ?
Ахъ! ежели они въ семь міръ обитаютъ,
То къ кругу своему насъ рѣдко приоб-
щаютъ!

Отрадны для меня дремучія дуб-
равы,

Картины дикія прибрежія морей;
Есть съ берегомъ морскимъ бѣсѣды ве-
личавы,

Утѣхи тайныя — въ мелодіи зыбей.
Я ближняго люблю, — природа мнѣ
милье,

Душой сливаюсь съ ней; забывъ чѣмъ
нынѣ я,

И чѣмъ былъ нѣкогда, я чувствую
живѣе

Всѣ то, что выразить и скрыть впол-
нѣ нельзя.

Клуби, волнуй, пучина-море!
Хребты лазоревыхъ зыбей!
Пусть тщетно на твоємъ просторѣ
Текутъ станицы кораблей.
Рука губителя покрыла
Грядой развалинъ сонмъ земель:
Но водъ твоихъ не возмутила,
Ты тотъ же, Океанъ! досель.

На зыбкой влагѣ всѣхъ крушеній
Ты былъ виновникомъ одинъ:
Нѣтъ и слѣда опустошеній
Рукъ смертныхъ среди твоихъ пучинъ.
Тѣнь человѣка чуть мелькаетъ
И зыблется твоей волной,
Когда онъ въ безднѣ утопаетъ
Подобно каплѣ дождевой,
Тамъ безъ могилы, не обнатый
И саваномъ, лежитъ забытый.

Его слѣды среди зыбей
Безъ впечатлѣнія исчезаютъ;
И степи влажныхъ морей
Подъ власть его не подпадаютъ...
Воеприимешъ въ гнѣвъ, и его
Далече отъ себя отринешь;

Иль дерзновеннаго низринешь
Съ пренебреженіемъ на дно.

Взыграешь ли? — и съ волнѣ на волны
Его мчишь съ пѣной къ облакамъ,
Потомъ, бросаешь силы полный,
Трепещущаго къ берегамъ,
Гдѣ пристань, цѣль его желаній,
Ему видна, его манитъ!
И послѣ страшныхъ истязаній,
Тамъ — поспѣлый трупъ лежитъ.

Рядъ мощныхъ кораблей, какъ стая
Китовъ огромныхъ на волнахъ,
Несется, громомъ поража
Цвѣтущи грады на брегахъ-
Народамъ возвыщаетъ горе,
И цѣпи на владыкъ несетъ:
Но для твоихъ порывовъ море!
Игралище — несмѣтный флотъ!
Его въ обломки раздробляешь,
И съ пѣной бѣлой зарываешь
На вахъ въ пучину горькихъ водъ:
Такъ Трафальгара и Армады
Исчезли грозныя громады.

Твои прибрежія — Державы,
Ихъ измѣнилъ полѣтъ временъ;
Твои же бездны величавы
Не измѣнились, Океанъ!
Гдѣ Греція, гдѣ Римъ цвѣтушій,
Ассирія и Картегенъ?
Въ дни воли сихъ державъ могучихъ,
И позже, какъ въ позорный плѣвъ
Онъ вдался, забывъ дни славы,
Ты омывалъ ихъ рубежи!
Судьбою роковой — державы
Въ пустыни преобразены!
Но ты, въ теченіи, тихомъ, бурномъ,
Всѣ тотъ же, мощный исполинъ!
И на челѣ твоємъ лазурномъ
Вѣка не провели морщины.
Какимъ ты былъ въ день мірозданья,
Такимъ и есть

Ты зеркаломъ Творцу вселенной
Сіяешь, Океанъ! средь бурь.
Въ спокойномъ лѣтѣ, разъяренный,
Свѣтла-ль, мрачна-ль твоя лазурь,
Оковы льдяныя носящій,
Подъ знойнымъ небомъ ли, кипящій,
Всегда могучъ, неизмѣримъ;
Ты образъ вѣчности являешь,
Престоломъ Божества сіяешь;
Течешь, одинъ, неодолимъ.

В. В-СКНІЙ.

ПРОЗА.

КАНУНЪ НОВАГО ГОДА.

(ПОДРАЖАНІЕ САФИРУ).

Канунъ новаго года, точь въ точь насльдникъ: съ «наличнымъ» выраженіемъ печали стоять онъ у гроба стараго года, и радостно поглядываетъ на закрытый ларчикъ новаго. Одной рукой закрываетъ глаза старому году, а другою хотѣлъ бы уже открыть ларчикъ, и поглядѣть, что въ немъ. Четыре спутника года: весна, лѣто, осень и зима опускаютъ гробъ стараго года въ могилу и спѣшатъ на крестины новорожденнаго.

Мгновеніе, самое приличное серьезнымъ и вмѣстѣ веселымъ размышленіемъ, это канунъ новаго года, — страница газеты, гдѣ за извѣстіемъ объ умершихъ, тожь часъ же слѣдуютъ новорожденные.

Никто, читая газеты, нашель страннымъ, что при умершихъ всегда означено, какиихъ лѣтъ и отъ какой болѣзни скончались они; при новорожденныхъ же никогда не означаютъ, на сколько лѣтъ и для какой глупости или болѣзни родились. О, тутъ глубокой смыслъ!

Какъ старъ и отъ какой болѣзни умеръ старый годъ, всѣ мы знаемъ; но съ какими нравственными болѣзнями родится новый, къ сожалѣнію никто не знаетъ; а между тѣмъ, мы поздравляемъ другъ друга, съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ. Человѣку, впрочемъ, сулятъ счастье даже въ день рожденія....

Вообще, эти желанія — злая иронія! Ужь какъ усердно мы сокращаемъ даже собственные наслажденія, пересаливаемъ свои радости, а другъ другу еще усерднѣе, въ продолженіе цѣлаго года, подсынаемъ горечи, изъ блага дѣлаемъ «черный годъ»; а пришелъ новый, опять — «съ новымъ счастьемъ!» или это врожденная глупость, или величайшая тайна! Счастье не дается намъ — и мы его желаемъ. Ну почѣму бы не пожелать новаго аппетита, новаго сна, и тому подобныхъ бытовыхъ вещей? — Такъ нѣтъ, счастья и — только счастья!

Такъ рассуждалъ я, держа въ рукахъ бокаль шампанскаго, оглушенный громкимъ шумемъ оркестра, при батальномъ

чоканъ бокаловъ, раздавшемся въ огромной и многолюдной залѣ съ первымъ ударомъ 12 часовъ на канунъ новаго года.

Старичекъ сосѣдъ, съ улыбочкою на всѣхъ насъ поглядывавшій, и видно слушавшій мои выходки, вотъ что насклазалъ мнѣ дорогою, когда мы шли съ нимъ съ праздника домой.

Вѣра, трудъ, разумъ, деньги и счастье—это пятиструнная арфа, которую легко запасться всякому. Стоитъ лишь натянуть первую струну, потомъ вторую, потомъ третью—двѣ остальные какъ-то сами приходятъ; а всѣ пять чудесную симфонію жизни разыгрываютъ. На бѣду нашу мы начинаемъ на выворотъ,—настраиваемъ перво-на-перво счастье, и разумъ вѣдетъ «высоко»; да послѣ какъ огнемъ въ его тонъ натягивать остальные струны: деньги, разумъ, трудъ, даже вѣру, смотришь—хлопъ да хлопъ! такъ и рвутся; только Вѣра выстаиваетъ до могилы; а счастья нѣтъ какъ нѣтъ! Кого же винить? Вѣра охраняетъ человѣка отъ бурь съ верху—съ неба; трудъ и разумъ закрываютъ его отъ бурь земли; деньги—навозъ, изъ котораго при первыхъ трехъ хорошо растутъ земные цвѣтки счастья.

Но какая разница между Вѣрой и разумомъ: разумъ—цвѣтокъ безъ стебля, его нигде нельзя посадить; но вѣра—цвѣтокъ съ вѣчно зеленымъ стеблемъ, его можно крѣпко всадить въ сердце. Разумъ требуетъ еще всегда чего-то другаго, а вѣра сама себя удовлетворяетъ.

Разумъ живетъ въ головѣ; голова большой открытый домъ: черезъ уши, глаза и все другое, идутъ къ нему большія дороги; тамъ вѣчный шумъ и говоръ, а гдѣ шумъ, тамъ счастья нѣтъ. Но вѣра, тайникъ нашего сердца: къ ней ведетъ одна только дорога,—изъ сердца, и одна изъ нее,—въ небо.

Вѣра, келья души; когда человѣкъ, рыская за счастьемъ, истратитъ всѣ небесныя и земныя свои сокровища, только

въ ней онъ можетъ, и тогда еще, найти истинное счастье—миръ.

Рѣдко, довольно рѣдко, прибавлялъ старичекъ,—ваходятъ люди этотъ пятилистникъ: вѣра, трудъ, разумъ, деньги и счастье на одномъ стеблѣ; онъ встречается большою частію у людей въ различныхъ сочетаніяхъ и поддѣлкахъ. Иной, у кого есть деньги, думаетъ къ своему счастью, что имѣть и умъ; о другомъ, имѣющемъ умъ, думаютъ къ его счастью, что онъ имѣетъ и деньги. Деньги, счастье, умъ, чудная тройчатка! Много надобно денегъ чтобы ими покрывать всѣ глупости ума и когда либо сдѣлаться счастливымъ посредствомъ ума; большое нужно счастье чтобы умомъ добыть много денегъ, и при томъ надобно много ума чтобы сдѣлать счастье за деньги.

Умъ ведетъ къ сознанию, деньги даютъ имѣніе: знать у себя имѣніе—для многихъ составляетъ величайшее «сознаніе». Человѣкъ съ умомъ то, что онъ есть, человѣкъ съ деньгами—то, что онъ имѣетъ.

Деньги даютъ чистую монету на ассигнаціи, умъ ассигнуетъ на чистую монету. Пока человѣкъ живъ, люди неохотно приписываютъ ему умъ, еще не охотнѣе, разумъ или духъ; но какъ только умираетъ, говорятъ о глупѣйшемъ человѣкѣ: онъ испустилъ духъ. Право, большая задача, испустить то, чего не имѣешь. О богатомъ покойникѣ къ слѣдовало бы говорить: «онъ испустилъ деньги!»

Безъ денегъ, безъ жены, и безъ зубовъ приходимъ въ свѣтъ; безъ денегъ, безъ жены и безъ зубовъ оставляемъ свѣтъ. Чтожъ мы дѣлаемъ въ свѣтѣ? Получаемъ зубы, добываемъ деньги, достаемъ женъ. Это ли все назначеніе человечества?—Ну! да не о томъ дѣло. Пока «дѣлаемъ» зубы, наживаемъ деньги и жену, насъ мучаютъ воспалительныя лихорадки; но когда получимъ наконецъ зубы, имѣемъ и жену въ боли и мученіяхъ, тогда они насъ мучаютъ. Худшее

не то, что надобно ихъ выдернуть, заложить или бросить; худшее, когда они «слабы» и грозятъ ежеминутно «пасть».

Зубы приходятъ сами; но деньги приходятъ или за женой или жена приходитъ черезъ деньги. Если деньги придутъ за женой, жена убьетъ деньги; придетъ жена за деньги? жену убьютъ деньги. Кто женится на богатой, владеетъ вдругъ четырьмя сокровищами: вѣрой, счастьемъ, деньгами и умомъ т. е. она имѣетъ деньги и умъ, или лучше — умные все дѣлать поперекъ, а онъ вѣрить, что это счастье, и счастье его, если только онъ вѣрить. Деньги, умъ и счастье, — прибавилъ старичекъ, давая глубокой смыслъ своимъ словамъ — предметы достойные всякаго уваженія. Деньги — истинный умъ счастья, счастье — умъ денегъ, а денежный умъ — великое счастье! Я, напримѣръ, охотнѣе разговариваю съ миллионщикомъ нежели съ умнымъ человѣкомъ; когда долго говорю съ великимъ человѣкомъ; стыжусь какъ-то своего ума; но когда разговариваю съ миллионщикомъ, думаю: пусть стыдятся карманы мои, я вѣчемъ виноватъ. Но за то съ людьми, имѣющими только деньги, бѣда: на минуту не можешь звать, какъ съ ними говорить и какую оказать имъ честь. Если, напримѣръ, говорю съ миллионщикомъ и дѣлаю ему миллионный поклонъ, — это поклоны, при которыхъ кланяешься такъ глубоко, что наконецъ заглянешь въ глубину кармана, а между тѣмъ, какъ я ему кланяюсь, быть можетъ, чужой умъ, чужая жена украли уже миллионъ его, и я поклонился только видѣнью миллиона.

Говорятъ, деньги ворочаютъ свѣтомъ — не правда. Тѣ, у кого много денегъ, обыкновенно все мало знаютъ, а свѣтъ — еще меньше, и вертятся вмѣстѣ съ нимъ, не зная сами куда.

Вообще не надобно ошибаться въ смыслъ пословицъ; напримѣръ говорятъ «Счастье поправитъ глупость;» это значитъ, черезъ счастье она сдѣлается еще

«лучшею» глупостию. Какъ можетъ счастье поправить глупость, когда счастье не глупость, а глупость — сама уже счастье. Домъ умалишенныхъ по моему мнѣнью домъ счастья; счастье уже что имъ строить домъ; вѣдь умнымъ людямъ никто не строитъ домовъ. Каждый домъ умалишенныхъ вообще не что иное, какъ каменный комплиментъ, который люди сами себѣ выстраиваютъ; увѣряя себя взаимно, что кто не вѣнѣтъ, тотъ умный человѣкъ. Счастье, прибавилъ старичекъ помолчавъ немного — доставляетъ намъ деньги, но ума не можетъ доставить, въ томъ то и счастье! Счастье не можетъ также дать намъ Вѣры, потому что счастье вѣрить только въ себя. Только несчастье рождаетъ умъ, счастье часто убиваетъ умъ и Вѣру. Навѣрное болѣе талантовъ погублено золотыми горами, нежели бѣдностью, и больше ума утонуло въ шампанскомъ нежели въ слезахъ. Вѣра какъ терновникъ, растетъ только подъ громовыми ударами. Только тогда когда потемняетъ Господь земную нашу клѣтку и мракомъ завѣшываетъ ее, лишь тогда слышимъ мы небесную гармонию. Въ скорби, только при концѣ жизни постигаемъ мы величье небесной Вѣры, какъ и солнце показывается великимъ, только при закатѣ. Вѣра узнаетъ отъ жизни, что смерть ничто, а отъ смерти, что здѣшняя жизнь ничто; но счастье огорчаетъ нашу жизнь мыслию о смерти, и смерть — мыслию о жизни, праздно погубленной. Между Вѣрой и счастьемъ стоять трудъ и разумъ и стараются примирить враждебныхъ. Въ каждомъ сердцѣ схороненъ кладъ Вѣры и любви, многіе не знаютъ только волшебныхъ словъ, или зная не хотятъ потрудиться, поискать, и кладъ не дается имъ. Но человѣкъ владеетъ трижды тремя волшебными прутками, съ которыми могъ бы овладѣть въ груди своей кладомъ Вѣры и счастья. Три въ природѣ: *прошедшее* для цовѣрки себѣ, *настоящее* для познанія себя и *буду-*

еще для боязни о своей будущей жизни. Три *въ себѣ*: Вѣра для жизни, надежда для смерти и любовь для счастья собратій, безъ котораго нѣтъ и намъ счастья. И три еще въ трудѣ т. е. въ *искусствѣ*; это три воспоминаія для внутренняго чловѣка: живопись представляетъ предметъ, и черезъ него вливаетъ вдохновеніе; музыка, вливающая вдохновеніе, черезъ него представляетъ предметъ, и поэзія, гдѣ вмѣстѣ — и вдохновеніе и предметъ. Искусство — первородная дочь Чувства: и оно столько же сдѣлало для Вѣры, сколько Вѣра для него. Оно дитя счастья; каждое искусство уже счастье; а счастье — также искусство, и безъ большаго труда и упрямленія не дается. У насъ столько книгъ теперь объ искусствѣ счастья и счастливыхъ искусствахъ. Напримеръ, объ искусствѣ обходиться съ людьми, — что во-все не искусство; съ людьми легко обходиться; напишите книгу объ искусствѣ обходиться съ нелюдьми, съ безчеловѣчными! Пишутъ и объ искусствѣ продолжать жизнь чловѣческую, что все таки не такое искусство, какъ продолженную жизнь сдѣлать чловѣчески-сносною; или хлопочуть объ искусствѣ показывать спокойствіе во всѣхъ положеніяхъ жизни: это опять не искусство; сохранить терпѣніе, и только черезъ него спокойствіе при всѣхъ нескладностяхъ чловѣческой жизни — гораздо большее искусство.

Часто случается читать: «объ искусствѣ быть счастливымъ съ женщинами.» Признаться, если и это искусство, то оно по крайней мѣрѣ «не свободное!» Къ тому же, быть счастливымъ съ женщинами, со всѣми женщинами, во-все не искусство, а просто, потерянный трудъ; истинное искусство, быть счастливымъ съ одной женой, съ своей женой. Нѣкоторые правила этого искусства весьма забавны: такъ напр. говорить: «счастливейшія мгновенія въ любви, пока влюбленные еще взаимно не-

открылись.» Я самъ думаю: что счастливейшія мгновенія именно тѣ, когда любовники еще не открыли другъ друга и одинъ о другомъ не знаютъ, существуетъ ли онъ на свѣтѣ. Далѣе продолжаютъ весьма прозаически: «красота пройдетъ, — червонцы останутся.» О сердцахъ и рвчи нѣтъ; да и къ чему оно? Хорошее замѣчаніе, но вѣдь хуже, когда красота останется, а червонцы пройдутъ. Червонецъ безъ красоты, — всегда еще получервонецъ красоты; красота безъ червонца, даже не — получервонцы! Далѣе говорить сочинитель: «во всякомъ несчастливомъ супружествѣ, мужчины изъ десяти разъ вѣрно девять разъ виноваты.» И я того же мнѣнія, муштина девять разъ виновать: разъ, что влюбился въ красоту или въ червонцы, другой, что приблизился; третій, что объяснился, четвертый, что просилъ взаимной любви, пятый, что вѣрилъ, шестой, что просилъ руки, седьмой, что обручился, восьмой, что не тотчасъ же раскаялся и въ девятый разъ, что женился только на красотѣ или на червонцахъ; и такъ согласитесь, въ каждомъ несчастливомъ супружествѣ мужъ девять разъ виновать.

Въ заключеніе всего искусства повторяютъ: «даже буря домашняя пріятна; гроза освѣжаетъ природу.» Истинно и прекрасно! Такая домашняя гроза, въ которой жена гремитъ, а глупый мужъ стоитъ разбитымъ пнемъ, чудно освѣжаетъ природу, — но для этого нужна здоровая природа!

Думаю, что счастье супружества зависитъ отъ совершенно таинственной сигнаціи.

Богъ не тотчасъ создалъ полнаго чловѣка, но только мужчину, и взирая на мужчину видѣлъ, что недобро... муштина сталъ полнымъ чловѣкомъ, получивъ себѣ подругу; и вотъ явилось другое существо: на ланитахъ его двѣ розовыя почки, въ очахъ двѣ звезды, въ устахъ — жемчугъ съ глубины морской, и въ сердцахъ Золота арфа: любовь,

состраданіе Существо это «жена», данная Богомъ спутницею первому мужчине, и это существо сдѣлало перваго мужчину первымъ человѣкомъ. Но чтобы жену сдѣлать близкою мужу, она взята изъ ребра его, чтобы осгавалась на всегда при немъ, и обуздывала и укрощала его, то вздохомъ любви, то вздохомъ состраданія. Вся чары симпатіи состоятъ въ томъ, что каждый мужчина ходитъ, ищетъ ребро свое чтобы соединиться съ нимъ; женись онъ по несчастію на совершенно чужомъ ребрѣ, — бѣда!

Во всей жизни женщины, тысячу чертами говоритъ намъ благороднѣйшая натура ея. Женщина желаетъ только, чтобы мужъ разгадалъ сердце ея, а мужъ желаетъ чтобы жена разгадала желудокъ его. Любовь женщины безмолвна, въ сердцахъ ихъ обитаетъ любовь, но не имѣетъ голоса; мужчины говорятъ о своей любви, любовь въ ихъ сердцахъ имѣетъ голосъ, но не обитаетъ въ нихъ. Потребность любви увлекаетъ дѣвушекъ къ глупостямъ, только; любовь же исцѣляетъ ихъ; потребность глупостей заставляетъ мужчину искать любви, и если находитъ онъ ея, то глупость и любовь оставляютъ его тотчасъ. Каждая женщина полуградусомъ выше своего состоянія, каждый мужчина полуградусомъ ниже. Мужчина знаетъ только состраданіе, онъ дѣлаетъ добро въ угодность своему состраданію. Женщины кромѣ состраданія имѣютъ и сочувствіе, онъ чувствуютъ радость при радости того, кому благотѣльствуютъ.

Даже самое «ты» совершенно иное у женщинъ и мужчинъ! У мужчинъ взаимное «ты» есть только позволеніе быть взаимно грубыми, сколько душъ угодно; у женщинъ при словѣ «ты» распускаются всѣ сердечныя петли, и тянутся впередъ одною нитью. Обыкновенныя женщины произносятъ первое «ты» при трогательныхъ, чувствительныхъ случаяхъ, на свадебныхъ ве-

селіяхъ, у ложа больнаго, на похоронахъ и т. п. Мужчины почти никогда иначе, какъ за бутылкою вина: они дѣлаютъ на сборотъ; пока видятъ одинъ предметъ, говорятъ съ нимъ въ множественномъ числѣ, когда онъ удвоится имъ сквозь вино, говорятъ съ нимъ въ единственномъ. Въ винѣ, говорятъ: «правда,» это ложь: подслушайте разгулявшуюся компанію, что за дичь они пещутъ. Истинная, старая правда, по настоящему, только въ горѣ; обыкновенно его выпиваютъ по капль и до капля, и узнаютъ правду. Съ виномъ вообще какъ съ умомъ: французское вино и французскій умъ теряютъ, если старѣютъ; русскій умъ и русская наливка, чѣмъ старше, тѣмъ крѣпче и совершеннѣе. Но что правда, то правда: вино — проба ума и характера человѣка. Въ игрѣ, гнѣвъ и винѣ можно узнать человѣка. Человѣка можно узнать только когда онъ веселъ; человѣкъ — медвѣдь и человѣкъ-лиса, только при ясной и веселой погодѣ выползаютъ изъ глубокихъ берлогъ. То, о чемъ плачетъ человѣкъ, не рѣдко обманываетъ насъ; но если станемъ наблюдать за тѣмъ, чему смѣется онъ, не обманемся никогда! И здѣсь опять женщина разнится отъ мужчины. Мужчину познаютъ, когда онъ судитъ о комедіи, женщину, когда судитъ о трагедіи; мужчины берутся тотчасъ за дѣйствіе; женщины смотрятъ на языкъ; мужчины разбираютъ характеры, женщины ситуации, по положенію. Но, что женщины строжайшія суды своего пола, можно всегда услышать послѣ представленія новыхъ пьесъ. Герой пьесы всегда годится, на героиню только нападаютъ, и тутъ поэтъ рѣдко угодить на нихъ. Женщины легче сносятъ неожиданное несчастье, нежели неожиданное счастье; мужчины легче сносятъ неожиданное счастье, нежели неожиданное несчастье; отъ того женщины въ супружествѣ гораздо хладнокровнѣе мужчинъ.

Женщинамъ изъ математики извѣ-

стенъ только одинъ «поперечникъ.» Отъ того поперечать они желаніямъ даже любимыхъ мужей. Женщины считаютъ супружество веселой комедіей, которая начинается свадьбой; мужчины считаютъ супружество трагедіей, которая оканчивается смертію. Женщины въ собственныхъ несчастіяхъ и въ своей судьбѣ не отчаяваются, равно какъ читая романъ думаютъ на каждой страницѣ, «кто знаетъ, чѣмъ кончится еще?» Мужчина считая свою жизнь всемірною исторією, ужаснѣйшею истиною, — отчаявается. Даже самую смерть женщины встрѣчаютъ какъ непріятный визитъ, но съ большимъ спокойствіемъ, и наряжаютъ душу и сердце къ приему ея, и это отъ того что онъ болѣе мужчинъ имѣютъ Вѣры; у мужчины умъ подтачиваетъ Вѣру; а Вѣра женщины, напротивъ того, какъ рѣдкій плодъ, долго сохраняется умомъ въ свѣжести;

женщины владѣютъ духомъ вѣры, мужчины вѣрятъ только въ свое присутствіе духа — въ свой умъ.

Смерть, — такъ прибавилъ въ заключеніе мой спутникъ старичокъ — канунъ лучшей жизни: передъ ней звучитъ вечерній колоколъ великой будущности. Смерть большая приватная аудіенція, которую даетъ намъ Царь неба и земли. Гробъ, преддверіе къ нему; до гроба, до дверей этого безконечнаго аудіенцъ-зала, провожаютъ насъ пять спутниковъ и адвокатовъ жизни: Вѣра, трудъ, разумъ, счастье и деньги, но здѣсь трое оставляютъ насъ, и только Вѣра съ разумомъ, т. е. разумная Вѣра отверзаетъ намъ дверь къ небесному Царю, и только Вѣрою проходимъ мы черезъ полночь смерти къ безсмертному новому году вѣчности.

ЛЕВЪ САМОЙЛОВЪ.

•••••

ГЛУХОЙ ДОМЪ.

ПОВѢСТЬ БЕРТЕ.

I.

Въ 1606 году, около конца царствованія Генриха IV, когда король еще занятъ былъ потушеніемъ остатковъ заговора маршала Бирона, Парижъ во все не представлялъ собою картины общественнаго спокойствія и благоденствія, какъ описали его историки XVIII вѣка. Бѣдствія, которыя Франція претерпѣвала при предшествовавшихъ короляхъ, прекратились только въ провинціяхъ, а не въ столицѣ; по увѣреніямъ современныхъ историковъ никогда въ Парижѣ не было такого воровства, такъ много грабежей, столько убійствъ, какъ въ то время. Только что начиналась ночь, по городу рассыпались для добычи воровъ всѣхъ состояній: нищие слуги и безпутные дворяне, шатающіеся бродяги и покрытые рубищемъ солдаты; они обирали запоздавшихъ жителей и часто убивали ихъ, не смотря на безпрестанную бдительность карауловъ. Тогда, какъ люди высшаго сословія отличались одинъ передъ другимъ безразсудной роскошью, чернь блѣдная, больная шиталась около великолѣпныхъ дворцовъ ихъ, ожидая остатковъ отъ ихъ пышнаго стола. Религіозная ненависть, по наружности прекратившаяся, скрывалась еще во глубинѣ сердецъ и по

временамъ выражалась въ ужасныхъ пенствованіяхъ. И при всѣхъ этихъ бичахъ народныхъ, величайшій, ужаснѣйшій изъ всѣхъ — моровая язва распростерла свои черныя крылья надъ столицей Франціи, какъ будто одного голода недовольно было для того, чтобы усыять трупами ея улицы и загромождать галлерей кладбищъ, которыя, какъ ненасытныя пасти, безпрестанно разверзались вокругъ стѣнъ ея.

Въ одинъ лѣтній вечеръ этого самаго года, въ то время, когда зараза была во всей силѣ своей, молодой человекъ, котораго, по платью, можно было принять за военнаго, шелъ по одной изъ улицъ предмѣстія св. Антонія, которое больше всѣхъ другихъ частей Парижа страдало отъ заразы. Незнакомецъ разсматривалъ каждый домъ съ особеннымъ вниманіемъ. На немъ надѣтъ былъ простой свѣрый камзолъ изъ тертый уже отъ латъ его и красные панталоны; платье его не было такъ широко и смѣшно, какъ у тогдашнихъ придворныхъ. Воротникъ его, обрѣзанный по итальянски, выказывалъ смуглую, толстую шею. Лицо незнакомца выражало благородство и твердость характера. Его толстые сапоги съ позо-

доченными шпорами показывали, что онъ вздигъ верхомъ, а бархатный токъ его, украшенный бѣлымъ перомъ, которое качалось надъ смуглымъ лбомъ, придавалъ воинственный видъ его наружности; это подтверждала еще и тяжелая шпага, привѣшенная у него съ боку на лакированной кожаной португаль.

Звонъ колокола не подавалъ еще знака тушить огни (тогда для этого звонили), а улица, по которой шелъ незнакомецъ, была уже пустынна и молчалива; только нѣсколько женскихъ и дѣтскихъ лицъ съ робостію выглядывали по временамъ изъ оконъ домишковъ предмѣстія и иногда онъ видѣлъ проходившихъ мимо него нѣсколькихъ подъячихъ въ красныхъ платьяхъ или нищихъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ; нищія эти поспѣшно бѣжали къ заставѣ св. Антонія, будто ожидали увидѣть тамъ что нибудь особенное, необыкновенное.

Неизвѣстный, можетъ быть, считалъ не нужнымъ обращаться съ вопросами къ людямъ, которые, вѣроятно, и не очень были расположены отвѣчать ему; или онъ такъ занятъ былъ собственными дѣлами, что его ничто больше не интересовало, или наконецъ онъ надѣялся самъ скоро узнать причину ихъ поспѣшности, потому что самъ онъ шелъ туда же; только онъ продолжалъ свою прогулку и разсматриваніе домовъ, не думая о тѣхъ, которые шли и бѣжали по одной съ нимъ дорогѣ. По временамъ онъ останавливался передъ домами, наружность которыхъ была лучше другихъ и, казалось, старался оживить въ своей памяти какія то темныя воспоминанія; потомъ онъ вдругъ ускорялъ шаги свои, будто, чего то испугавшись и желая вознаграждать потерянное время. Иногда онъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на пустыя мѣста, по которымъ проходилъ, на разрушенные и оставленные дома, въ которыхъ пренюхала зараза, на траву, ко-

торая свободно росла по сторонамъ этой грязной улицы, на багровыя лица больныхъ и голодныхъ, выглядывавшихъ изъ оконъ и, качая головой при каждомъ новомъ эпизодѣ этой страшной картины, онъ, казалось, говорилъ: «это ужасно; но было время, когда это мѣсто представляло еще ужаснѣйшее зрѣлище.» Какъ ни былъ молодъ незнакомецъ; но могло быть, что онъ присутствовалъ при осадѣ Парижа. Онъ все шелъ дальше и скоро, повернувшись изъ той улицы, могъ уже видѣть, куда собирались все эти обгонявшіе его люди и начинавшіе возбуждать его любопытство.

По ту и другую сторону заставы св. Антонія, которой мостъ былъ опущенъ и по всей длинѣ Шарантонской дороги стояло чрезвычайно множество людей всѣхъ возрастовъ и состояній, пажей, лакеевъ, школьничковъ, мастеровыхъ; одни вооружены были палками, другіе пищалями, нѣкоторые алебардами, а иные наконецъ инструментами своего ремесла; они составляли многія отдѣльныя группы и все смотрѣли на дорогу, какъ будто, съ минуты на минуту, ожидали появленія какой нибудь неприятельской арміи. Обыкновенный караулъ у заставы, усиленный еще нѣсколькими ротами стрѣлковъ, стоялъ съ оружіемъ передъ караульнымъ домомъ, около котораго, какъ зыбкое море, волновалась пестрая толпа. Но ни одинъ возмутительный крикъ не нарушалъ общей тишины, и объясненіемъ этого молчанія могла олужить огромная вислицца, поставленная въ нѣсколькихъ шагахъ отъ заставы и на столбѣ которой былъ прибитъ королевскій указъ слѣдующаго содержания: «Всякій, какой бы онъ ни былъ религіи, если только какъ нибудь покусится на нарушеніе общественнаго спокойствія, тотчасъ будетъ повѣшенъ на этой вислиццѣ.» Кто умѣлъ прочесть, объяснялъ это прочтемъ и теперь понятно, отъ чего все было нѣмы и молчаливы, хотя были многіе,

желавшіе немного кое-о-чемъ покричать. Но тѣмъ опаснѣе было покуситься на это предпріятіе, что у подвожівъ висѣльцы спокойно сидѣлъ человекъ въ краснойъ платьѣ и съ новой веревкой въ рукахъ, готовый, казалось, съ особеннымъ удовольствіемъ тотчасъ исполнить свое дѣло, огромными буквами начертанное надъ головой его.

Но это странное, удивительное зрѣлище только на мигу заняло вниманіе незнакомца; онъ скоро отворотился отъ этой шумной толпы, отъ войска, готоваго къ сраженію, отъ палача, готоваго къ исполненію казни и не попросилъ даже никого объяснить ему, чего они ждуть и что, за минуту, онъ такъ нетерпѣливо, казалось, желалъ узнать; вдругъ онъ пошелъ скорыми шагами къ дому странной наружности, уединенно стоявшему въ небольшомъ разстояніи отъ заставы и вскричалъ отъ радости, какъ будто, нашелъ наконецъ то, чего искалъ такъ долго.

Домъ этотъ, построенный во вкусъ того времени, походилъ на маленькую крѣпостцу, которая, въ случаѣ нужды, могла держаться нѣсколько часовъ противъ значительнаго отряда. Онъ былъ крѣпко сдѣланъ изъ кирпича и стоялъ отдѣльно отъ всѣхъ другихъ домовъ предмѣстія. На четырехъ углахъ дома возвышались красивыя башенки съ маленькими окнами или, лучше сказать, бойницами, черезъ которыя можно было видѣть все, что дѣлается внѣ строенія; но въ этомъ строеніи, походившемъ во всемъ прочемъ на другія зданія того времени, особенно замѣчательно было то, что, кромѣ этихъ бойницъ, не было къ сторонѣ предмѣстія никакихъ дверей и оконъ, такъ что невозможно было угадать, какъ проникнуть въ это крѣпкое, таинственное жилище. По нѣсколькимъ желтоватымъ вершинамъ тополей, возвышавшимся надъ зубцами башенъ, должно было заключить, что принадлежность этой ми-

ніаторной крѣпостцы составлялъ небольшая садъ; но садъ этотъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ высокими стѣнами, скрывавшими его отъ нескромныхъ взоровъ прохожихъ и сосѣдей; на этихъ стѣнахъ также не видно было ни малѣйшаго признака существованія дверей и можно бы подумать, что эти мѣста совершенно необитаемы, если бы маленькій голубоватый дымокъ, извивавшійся надъ крышею, не свидѣтельствовалъ о существованіи людей въ этомъ негостепріимномъ жилищѣ.

Неизвѣстный, которымъ занимали мы до сихъ поръ вниманіе читателей, дѣлалъ свои наблюденія, ни мало не заботясь о умножавшейся безпрестанно толпѣ, стоявшей на разстояніи пшальнаго выстрѣла отъ уединеннаго дома. Онъ два или три раза обошелъ его, смотря на стѣны, какъ человекъ, привыкшій взлѣзать по нимъ; но, видя вездѣ предосторожности, принятыя обитателями этого дома противъ подобнаго покушенія, онъ съ удивленіемъ качалъ головой. Наконецъ, послѣ долгаго осматриванія, онъ началъ задумчиво подходить къ городской заставѣ, нетерпѣливо насвистывая какую-то военную арію, какъ человекъ, встрѣтившій, въ исполненіи заранѣе обдуманнаго предпріятія, вовсе неожиданныя препятствія и придумывавшій средства отвратить ихъ.

Размышляя, онъ непримѣтно очутился среди шумной толпы, наводнившей предмѣстіе и не замѣтилъ подозрительныхъ, недобривыхъ взглядовъ, на него бросаемыхъ, какъ вдругъ кто-то тихонокко ударилъ его по плечу и робко сказалъ ему на ухо:

— Если вы еще не католикъ, берегитесь, милостивый государь, вы уже подозрительны для всѣхъ этихъ добрыхъ католиковъ.

Незнакомецъ живо обернулся, и взглянулъ на того, кому онъ одолженъ былъ такимъ предостереженіемъ. Это былъ маленькій человекъ съ кроткимъ,

боязливымъ взглядомъ и всѣ черты лица его действительно выражали страхъ опасности, имъ объявленной. Незнакомецъ хотѣлъ обратиться къ нему съ просьбой: объяснить его слова; но маленькій человѣчекъ, положивъ ему палецъ на губы и, давая тѣмъ знать, что онъ не долженъ его спрашивать, сказалъ ему громко и притомъ дружескимъ тономъ:

— Эхъ! не ужели капитанъ Лудюнуа не узналъ своего стараго «урьера Дидіе, прозваннаго «Тихонькимъ», честнаго малаго, служившаго съ нами въ походу маршала де Фервакъ съ самой осады Этампа?

— Точно, это ты! вскричалъ тотъ, кого называли капитаномъ Лудюнуа, пристально осматривая говорившаго съ нимъ и, удивляясь, что нашелъ здѣсь знакомаго человѣка. А за какимъ чортомъ ты здѣсь, Тихонькій? продолжалъ онъ тѣмъ же благосклоннымъ тономъ.

— Я не созданъ для войны, сказалъ его робкій предостерегатель, вполнѣ оправдывавшій данное ему прозваніе, и, при первомъ случаѣ — оставилъ службу. Теперь, если вы сдѣлаете мнѣ честь и пойдете со мной въ ту корчму, что вы тамъ видите (и Дидіе указалъ на дрянную лачужку, стоявшую почти прямо противъ уединеннаго дома, о которомъ мы говорили), то вашъ старшій «урьеръ» предложить вамъ вина съ такимъ усердіемъ, съ какимъ онъ не служилъ вамъ со временъ нашихъ кампаній. Всѣ добрые католики, прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ, чтобы его слышали всѣ ихъ окружавшіе, подтвердить вамъ это.

— Да, да! сказалъ глухимъ голосомъ одинъ изъ стоявшихъ подлѣ нихъ, вино тамъ очень хорошо; надобно бы только желать, чтобы вѣра хозяина была также чиста и хороша, какъ его вино.

Бѣдный Дидіе задрожалъ при этихъ ужасныхъ для него словахъ.

— Вы хотите пошутить надо мной,

Вильгельмъ, сказалъ онъ въ ужасномъ страхѣ, вѣдь вы знаете, что я такой же добрый католикъ, какъ и вы; и вы бы такъ не говорили, если бы я вчера не отказалъ вамъ въ кредитѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, взявъ за руку Лудюнуа, какъ изъ страха, такъ и для того, чтобы не потерять его въ толпѣ, капитанъ разсудить насъ въ этомъ дѣлѣ.

Говоря эти слова, онъ съ недоверчивостію осматривался кругомъ, будто боясь, чтобы не перетолковали какъ нибудь его словъ и, не ожидая отвѣта, повелъ съ собою капитана, послѣдовавшаго добровольно за нимъ, въ надеждѣ узнать наконецъ причину всего, что видѣлъ.

Хозяинъ не сказалъ во время перехода ни слова; ноги его, казалось, отказывались служить ему, такъ онъ былъ напуганъ, и хотя онъ старался принять на себя бодрый видъ, но не могъ сказать ни слова. Наконецъ, когда вошелъ онъ въ домъ свой и когда они затворили и заперли за собою двери, онъ упалъ на скамью, въ низкой комнатѣ корчмы и вскричалъ съ глубокимъ вздохомъ: «я не созданъ для войны!» — проговоривъ при этомъ какую-то таинственную фразу; — но, Боже мой, въ нынѣшнее время, нельзя быть покойнымъ и во время мира!»

Капитанъ, не понимавшій причины страха своего стараго знакомаго, снялъ свою шпагу и положилъ ее на столъ, чтобы быть свободнѣе:

— Чортъ возьми, скажи же мнѣ, любезный мой Тихонькой, что все это значить? Вотъ уже два часа, какъ я стараюсь узнать, что дѣлаютъ всѣ эти ротозеи около висѣлицы.

— Ради Бога, говорите тише! бормоталъ хозяинъ, подхода къ нему; если они васъ услышатъ, то разрушатъ домъ мой до основанія. Вы, капитанъ, вѣрно еще очень недавно въ Парижѣ, что не знаете причины этого собранія.

— Я пріѣхалъ сюда только два часа тому назадъ изъ Седана, куда слѣдо-

валъ я за королею и господиномъ маршаломъ. Видя, что герцогъ Бульонскій исполнилъ свое порученіе и что Седанъ взятъ, я воспользовался минутой перемирія, прискакалъ сюда за однимъ очень важнымъ дѣломъ, въ которомъ ты, Дидіе, можешь быть, мнѣ услужить:

— Весь къ вашимъ услугамъ, капитанъ, сказалъ корчемникъ; но вы пріѣхали въ худое время для нашего прекраснаго Парижа. Теперь нужны сильныя средства и продолжительное время, чтобы избавить насъ отъ несчастій собравшихся надъ нашей столицей.

— Да, я знаю, торопливо отвѣчалъ Людуона, голодъ и язва свирѣпствуютъ въ народѣ; но.....

— А люди еще опаснѣе голода и язвы, сказалъ Дидіе, подойди еще ближе, съ боязливымъ видомъ, къ бывшему своему начальнику; вы не знаете, капитанъ, что всѣ эти люди между которыми я нашелъ васъ у заставы св. Антонія, отчаянные католики, сгбворились тамъ перебить всѣхъ протестантовъ при возвращеніи ихъ съ проповѣди изъ церкви св. Мавркія въ Шаритонъ. Поговариваютъ о новой ночи св. Вароломея!

— Но вѣдь приняты предосторожности для сохраненія тишины и порядка; эти стрѣлки, кажется, нетерпѣливо желающіе исполнить долгъ свой и эта готовая висѣлица свидѣтельствуютъ, что самъ король принимаетъ подѣ свою защиту нашихъ прежнихъ единовѣрцевъ; да вѣдь и ты, Дидіе, если я не обманываюсь, ты тоже былъ реформатъ, гугенотъ, какъ насъ называли въ арміи.....

— Не будемъ говорить объ этомъ, капитанъ; прошу васъ, не говорите объ этомъ; я отрекся отъ этой вѣры, какъ, вѣроятно, и вы, какъ и множество другихъ; и къ чему же теперь открывать этимъ бѣшеннымъ, что ваши матери не крестили насъ въ церкви; было бы неблагоуразумно быть съ

ними откровенными въ эту минуту. Клянусь вамъ, ни стрѣлки, ни висѣлица, не сдѣлаютъ ничего для спасенія гугенотовъ. Пистолеты и пищаля спрятаны подѣ плащами; бѣдные реформаты безоружны и черезъ нѣсколько минутъ, можетъ быть, тамъ прольется много крови.

Капитанъ схватилъ свою шпагу, лежавшую на столѣ.

— Ты преувеличиваешь зло, Дидіе, сказалъ онъ хозяину; и ты правъ, сказавши еще сегодня, что ты не рожденъ для войны; но неужели, видя столь близкую опасность, ты не рѣшишься соединиться со мною, предупредить ее, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, какъ могутъ это сдѣлать два человека, которымъ извѣстно положеніе обѣихъ партій! Тихонькой воле не желалъ, казалось, опровергать, справедливости своего прозванія и явное смущеніе выразилось на его добромъ, хладнокровномъ лицѣ. Капитанъ улыбнулся.

— Понимаю, сказалъ онъ; ты большой политикъ, пойми объ религіи и не заботишься объ успѣхахъ той или другой. Ну! Дидіе, прибавилъ онъ, переживни въ тоиъ, на этотъ разъ я послѣдую твоему благоуразумію. Я вѣдь также довольно часто шпагой и пищаляю увѣрялъ всѣхъ въ свободѣ благослуженія; но теперь не хочу вмѣшиваться въ чужія дѣла. Будетъ сраженіе, вотъ тогда мы посмотримъ, къ кому пристать. А въ ожиданіи этого, я тебѣ сдѣлаю нѣсколько, весьма важныхъ для меня вопросовъ. Именно о томъ домѣ, что стоитъ прямо передъ вами и который, если вѣрить рассказамъ, принадлежитъ одному знатному семейству, коротко мнѣ знакомому.

— А! объ этомъ *глупомъ домѣ*, какъ мы его называемъ! сказалъ хозяинъ, видя себя отъ радости, что капитанъ оставилъ воинственные проекты.

Онъ исчезъ на минуту и скоро явился съ большою кружкой и двумя

оловянными стаканами, которые онъ съ шумомъ поставилъ на столъ.

— Не правда ли, — возразилъ капитанъ задумчиво и не обращая вниманія на стаканъ, налитый Дидіе, — въ этой маленькой крѣпости въ заперлось все семейство Шангальровъ, отъ заразы, опустошающей теперь Парижъ?

— Зачѣмъ же меня спрашивать, сказалъ удивленный хозяинъ, если вы напередъ уже знаете то, что я долженъ отвѣчать вамъ? Да, капитанъ, продолжалъ хозяинъ: дѣйствительно, какъ вы сказали, тамъ заперся баронъ де Шангальръ съ двумя сыновьями и дочерью, въ самомъ началѣ появленія заразы. Если вы хоть немного знаете это семейство, вамъ должно быть извѣстно, что баронъ человекъ свѣтскій, гордится своимъ баронствомъ и боится, чтобы имя его не исчезло въ потомствѣ. Какъ только началась въ Парижѣ зараза, онъ, говорятъ, былъ въ странномъ недоумѣніи. Онъ опасался, чтобы, оставшись въ столицѣ, дѣти его не сдѣлались жертвами язвы, а въ провинціи до сихъ поръ еще такъ опасно жить вельможамъ, что имъ надобно имѣть большое войско для защиты себя отъ неистовой черни. . . .

— Да, да, прервалъ печально капитанъ, баронъ знаетъ по опыту опасности народныхъ войнъ; многіе изъ родственниковъ его погибли во время войнъ въ Поату; замокъ его былъ сожженъ два раза; я объ немъ кое что знаю, я былъ тамъ; но теперь уже не тѣ времена. Продолжай, прибавилъ онъ, проведя рукою по лбу, какъ бы сглаживая какія то непріятныя воспоминанія.

— И такъ я вамъ сказалъ уже, продолжалъ Дидіе, что баронъ былъ въ большомъ затрудненіи, какъ предохранить свое семейство отъ страшной язвы, не различающей бѣднаго отъ богача. Не имѣя возможности оставить Парижъ, онъ принялъ странное намѣ-

ренье, которое многіе оуждали, именно впрочемъ потому, что, по бѣдности, не могли подражать ему. Онъ собралъ въ домъ, который вы видите, на нѣсколько лѣтъ хлѣба и другихъ припасовъ, перевезъ туда дочь свою, мадамозель Анну и двухъ своихъ сыновей, прекрасныхъ молодыхъ людей, которые лучше желали бы погарцовать на конѣ съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ томиться скукой въ этой тюрьмѣ. Потомъ, выславъ ненужныхъ слугъ, онъ велѣлъ заложить двери и окна къ сторонѣ предмѣстія, пресѣчь такимъ образомъ всякое сообщеніе съ заразившимися и сохранить тѣмъ драгоценные остатки фамилии Шангальровъ. Съ того времени домъ этотъ всегда также тихъ и безмолвенъ, какъ вы теперь его видите; никто изъ него не выходитъ и никто не входитъ туда; это ковчегъ Ноевъ среди потопа, какъ сказалъ бы министръ дю Мене, рассказы котораго мы съ вами такъ часто слышали въ арміи Беарнской.

— А Анна, живо возразилъ капитанъ, мадамозель Шангальръ, хочу я сказать, та молодая дѣвушка, о которой ты мнѣ сейчасъ говорилъ, знаешь ли ты, какъ она переноситъ этотъ плѣнъ? Счастлива ли она? говори, говори, Дидіе, знаешь ли ты чтонибудь о дѣвцѣ Шангальръ?

— Да, сказалъ хозяинъ, принявъ на себя важный видъ, я кое-что знаю, и такъ, какъ вы собираете все, касающееся до этого семейства, я вамъ скажу что знаю и что только я одинъ и могу вамъ сказать. Недавно одинъ изъ слугъ ихъ такъ соскучился въ этой темницѣ, что лучше желалъ сдѣлаться жертвой заразы и слѣзть ночью со стѣны, съ опасностію сломать себѣ шею, чѣмъ жить въ такомъ уединеніи. Онъ пришелъ ко мнѣ и откровенно признался, что этотъ домъ, такой тихой по наружности, внутри востоящій адъ. Баронъ и его старшій сынъ Гастонъ, я думаю вамъ это

завѣство, католики, а Генрихъ, младшій сынъ, сдѣлался гугенотомъ и ненавидѣть своего брата, который долженъ получить послѣ отца все имѣнiе; каждый день эти горячіе, пылкіе молодые люди ссорятся. Часто они берутся за шпаги послѣ ссоры своихъ о религіи и, если бы отецъ, хоть на минуту, оставилъ ихъ безъ надзора, если бы Анна, которая, говорятъ, ангель кротости и доброты, не бросалась къ ногамъ ихъ и не умоляла ихъ прекратить ссору, то старикъ Шангальяръ въ этой ненависти сыновей своихъ, нашелъ бы, можетъ быть, еще ужаснѣйшій бичъ для своего семейства, чѣмъ самая зараза.

Капитанъ Лудюнуа всталъ и началъ ходить по комнатѣ въ сильномъ волненiи.

— Да, этого я и ожидалъ, сказалъ онъ, будто самъ себя; бѣдная Анна! такая добрая! такая кроткая!

Потомъ, остановившись передъ Дидіе, который смотрѣлъ на него съ изумленіемъ:

— Я долженъ проникнуть въ этотъ домъ, сказалъ онъ повелительнымъ голосомъ; можешь ли ты доставить мнѣ средства къ этому?

— Невозможно, капитанъ! старикъ баронъ попочуетъ изъ пицалы того, кто осмѣлится влѣзть въ его жилище. Говорятъ онъ столько же боится заразы за себя, какъ и за дѣтей своихъ, а этого довольно

— Пицалей я не боюсь! сказалъ Лудюнуа, я пробивался въ крѣпостцы, по лучше устроенныя, чѣмъ домъ этого стараго дурака.

— Но что за необходимость?

— Что за необходимость! повторилъ капитанъ съ жаромъ, бросивъ на Дидіе исцѣпляющій взглядъ; теперь Дидіе я скажу всю правду, потому что я на все рѣшаюсь для исполненія своихъ предположеній. Ты уже могъ замѣтить, что я очень хорошо знаю семейство Шангальяръ; но ты еще не знаешь,

что я давно люблю Анну и думаю, что и она меня любитъ.

— Вы, капитанъ, бѣдный солдатъ, безъ состоянiя, даже безъ имени, потому что ваше имя есть имя страны, въ которой вы родились, вы любите дѣвицу Шангальяръ, такую богатую и знатную! Но знаете ли вы, что Шангальяръ родственники Роганамъ, Монморанси?

— Это-то и приводитъ меня въ отчаянiе, Дидіе, уныло сказалъ Лудюнуа; но, можетъ быть, я преодолѣлъ уже самыя большія препятствiя: выслушай меня.

Ты помнишь. можетъ быть, что во время послѣднихъ возмущеній въ Поату, пять или шесть лѣтъ тому назадъ, я посланъ былъ взять, съ ротою пицальниковъ маршала, одну деревню. Тогда я былъ сержантомъ той роты, въ которой теперь капитаномъ и случай привелъ меня къ замку Шангальяръ, разграбленному и сожженному разбойниками капитана Дофена. Баронъ и сыновья его взяты были въ плѣнъ; Анна скрылась въ эвринцъ и тѣмъ избавилась отъ дерзостей бродягъ Дофена. Я не знаю какимъ образомъ нашли ее мои люди и привели ко мнѣ, надѣясь, что я могу получить за нее хороший выкупъ. Бѣдная дѣвушка была въ ужасномъ отчаянiи; показывая мнѣ на дымящiяся еще развалины замка, она рассказывала мнѣ объ оскорбленiяхъ, нанесенныхъ грабителями ея отцу и братьямъ, взятымъ съ оружіемъ въ рукахъ. Я сильно растрогался. Тогда я былъ еще молодъ и, хотя выросъ среди кровавыхъ сценъ религіозныхъ войнъ; но не могъ быть равнодушнымъ къ слезамъ умоляющей дѣвицы. Я пустился преслѣдовать Дофена и, частию добровольно, частию силой отнялъ у него плѣнниковъ. Я освободилъ ихъ и отвелъ подъ своимъ коновѣмъ въ сосѣдній замокъ, гдѣ они были въ безопасности. Можешь представить себѣ благодарность этого семейства: баронъ

обнялъ меня со слезами, хотя я былъ гугенотъ, говоря, что спаси дѣтей его, я спасъ для него больше, чѣмъ жизнь. Сыновья его обходились со мной, какъ съ братомъ, а Анна такъ ласково на меня смотрѣла, съ такой добротой говорила со мной, что я невольно полюбилъ ее.

Я нарочно оставался еще въ замкѣ, куда привелъ семейство Шангалъяровъ, подѣ предлогомъ защиты замка противъ партизановъ, опустошавшихъ окрестности. Тогда то укрьпилась любовь наша; часто бывалъ я наединѣ съ Анной, мы любили другъ друга и надѣялись, что баронъ, изъ признательности къ моему великодушію, согласится навсегда насъ соединить. Наконецъ однажды я осмѣлился просить у него руку Анны. Баронъ взбѣсился и отвѣчалъ мнѣ презрительно. Но, онъ былъ мой пѣвникъ, онъ и дѣти его; я былъ начальникъ замка; это заставило его смягчиться и онъ сказалъ: «Если бы вы были еще хоть капитанъ роты, если бы вы были дворянинъ и католикъ, тогда подобное предложеніе могло бы еще быть выслушано; но сержанту, гугеноту, безъ имени, безъ воспитанія, безъ состоянія, жениться на дочери Шангалъяра!»

Этого было довольно, Дидіе; съ этой минуты я началъ думать о средствахъ приобрести все, что, по словамъ барона, долженъ былъ имѣть зять его. Я вывхалъ изъ замка съ своими людьми и первый разъ замѣтилъ въ себѣ новую страсть — честолюбіе. Передъ отъездомъ, я видѣлся съ Анной и мы возобновили клятву всегда любить другъ друга. Среди лагернаго шума я учился грамотѣ, и сталъ читать письма, которыми она тайкомъ писала ко мнѣ, выучился писать, и отвѣчалъ ей. — Тысячу разъ въ сраженіяхъ я подвергалъ опасностямъ свою жизнь, только бы получить давно ожидаемый чинъ капитана; отказался отъ своей веры, сдѣлался католикомъ. Наконецъ вотъ мои

усилія увѣнчались успѣхомъ при осадѣ Седана: король, нашъ старикъ король Наваррскій, котораго ты такъ хорошо знаешь. Дидіе, обвѣщала сдѣлать меня дворяниномъ въ награду за усердную, дѣятельную мою службу; на дняхъ я получу грамоту. Теперь, когда желанія мои исполнились, я спѣшилъ сюда: хочу видѣть Анну, которую такъ давно люблю и сказать отцу ея: «Я дворянинъ, католикъ, капитанъ одной изъ лучшихъ ротъ Ферваскаго полка; считаете ли вы меня «достойнымъ сдѣлаться вашимъ зятемъ?» Недавно, изъ письма Анны, узналъ я о мѣстѣ, куда заперъ ее отецъ, боясь заразы; и я зналъ уже напередъ большую часть подробностей, сообщенныхъ тобою; но я не зналъ еще, что ей такъ скучно въ своей семьѣ, что она несчастна, живя съ братьями врагами и съ отцемъ, который, кажется, ее не такъ любитъ, какъ сыновей. Ты видишь теперь, Дидіе, что я долженъ проникнуть въ этотъ домъ, и сказать Аннѣ сегодня ночью, даже сегодня вечеромъ. . . .»

— Все, что вы мнѣ сказали не перемѣнило моего мнѣнія, возразилъ корчмарь. Повторяю вамъ, капитанъ, что, хоть бы вы были самъ король Генрихъ, вы не могли бы войти въ домъ старика Шангалъяра, не подвергая опасности свою жизнь. Онъ не иначе принялъ бы васъ, какъ человека, котораго присутствіе въ его домѣ можетъ причинить смерть всѣмъ дѣтямъ его и ему самому. А кто знаетъ, капитанъ, можетъ быть, страхъ стараго барона и основателенъ?

— Ты такъ думаешь? спросилъ Лудюнуа, живо поднявъ голову; неужели ты полагаешь, что я, прѣбывавшій сюда лишь за нѣсколько часовъ, могъ уже заразиться болѣзнію?

— Кто знаетъ? повторилъ хозяинъ; эта зараза поражаетъ подобно молніи, совсѣмъ неожиданно; а вы были еще

въ такой многочисленной толпѣ, очень могло случиться.

Лудюнуа задумался на минуту.

— Это невозможно.

Дидіе покачалъ головой и хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ ужасный шумъ внѣ дома поразилъ слухъ ихъ. Слышны были тысячи голосовъ, лошадиный топотъ, звукъ оружія, ружейные выстрѣлы. Оба разскащика съ минуту прислушались; корчмарь поблѣднѣлъ.

— Протестанты вышли и католики начали убійства, сказалъ онъ наконецъ дрожащимъ голосомъ.

— Пойдемъ же! рѣшительно сказалъ капитанъ, надвывая шагу.

— Къ чему это, Боже мой!

— Ты боишься? такъ оставайся, я пойду одинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ Дидіе, медленно снимая съ крючка висѣвшую надъ каменномъ старую алебарду; я не рожденъ для войны; но, когда вы подвергаете себя опасности, я хочу разделить ее съ вами, съ вами, старымъ моимъ пачальникомъ, спасшимъ мнѣ жизнь въ сраженіи, вы знаете въ какомъ. Я слѣдую за вами, говорю я вамъ; но, право не вижу изъ чего.

— Во время общаго безпорядка, задумчиво сказалъ капитанъ Лудюнуа, мы, можетъ быть, найдемъ случай проникнуть въ неприступную крѣпостцу барона Шангалъяра.

Дидіе сдѣлалъ сомнительную мину и вздохнулъ; потомъ, положивъ алебарду на плечо, послѣдовалъ за капитаномъ въ предмѣстіе.

II.

Какъ только они вышли изъ корчмы, тотчасъ очутились среди шумной, буйной толпы, разсыпавшейся во всѣ стороны и представлявшей картину жаркаго боя. Кое гдѣ видны были протестанты: ихъ можно сразу отличить по темнымъ платьямъ, по выразившимся на ихъ лицахъ изумленію, ужасу и вѣсть съ тѣмъ презрѣнію къ такому подлому поступку. Сверхъ того католики, преслѣдовавшіе ихъ съ громкимъ крикомъ, для большаго отличія себя отъ протестантовъ, имѣли на рукахъ и на шляпахъ бѣлые кресты въ память того мрачнаго событія, когда (въ ночь святаго Вареоламея) они кричали: «La messe ou la mort!» и съ этимъ крикомъ поражали враговъ своихъ. Наступала ночь и эта толпа, все увеличиваясь, все болѣе оживляясь, представляла собою отдѣльныя черныя группы: нѣсколько труповъ уже валялось въ пред-

мѣстїи и сшибка скоро могла обратиться въ страшную битву.

Но гвардейскіе стрѣлки у заставы св. Антонія не оставались хладнокровными зрителями среди этой толпы фанатиковъ; пока многіе изъ нихъ охраняли мостъ, защищая тѣмъ протестантовъ, безпрестанно прибывавшихъ по Шарантонской дорогѣ, другіе смѣло нападали на всѣхъ, кто бытъ съ оружіемъ въ рукахъ, не различая, ни католиковъ, ни гугенотовъ и старались обратить ихъ въ бѣгство, чтобы, разсыпавъ по площади, имѣть дѣло съ каждымъ по одиначкѣ. Палачъ съ своей стороны, сидѣвшій такъ спокойно у висѣлицы, всталъ и принялся за дѣло. По первому знаку капитана, стрѣлки хватали отважившихся бунтовщиковъ, не различая вѣры, потому что въ королевскомъ указѣ не было дано преимуществъ, ни той, ни другой партіи; въ

это время палачъ съ усердіемъ оканчивалъ вздергиваніе какого то бѣдняжки, за четверть часа вѣрно не ожидавшаго себя такой жалкой участи.

Капитанъ Лудюуа спокойно смотрѣлъ на эти безпорядки, какъ человекъ, который свыкъ уже съ подобными вещами. Будучи опытенъ въ военномъ дѣлѣ, онъ скоро увидѣлъ что это сраженіе не можетъ быть продолжительно; эта безпорядочная толпа безъ начальника и еще раздѣленная на двѣ партіи скоро должна была уступить силѣ регулярныхъ, опытныхъ войскъ. число которыхъ увеличивалось каждую минуту. Страшный колоколъ Бастиліи прозвонилъ уже тревогу и комендантъ этой крѣпости вѣрно послалъ значительное подкрѣпленіе. Капитанъ оборотился къ Дидіе также неподвижному, какъ и онъ самъ и со страхомъ ожидавшему на что рѣшится его старый начальникъ, чью сторону онъ велитъ принять.

— Намъ вовсе не нужно вмѣшиваться въ это дѣло, Дидіе, сказалъ капитанъ, пусть управляютъ стрѣлки, сраженіе не затянется на долго. Сегодня снимутъ нѣсколько головъ, отрубятъ нѣсколько рукъ, а завтра нѣсколько человекъ повѣсятъ, тѣмъ и кончится эта новая забава добрыхъ Парижанъ.

— Какъ будто для нихъ недовольно моровой язвы, — если имъ хочется умереть, бормоталъ корчмарь.

Рѣшившись такимъ образомъ быть хладнокровными зрителями этой кровавой драки, оба разговаривавшіе стали у сосѣдняго дома и смотрѣли, чѣмъ кончится. Лудюуа не сводилъ слазъ съ таинственнаго дома барона Шангальера, ожидая съ минуты на минуту, что обитатели этого дома примутъ какое нибудь участіе въ происшествіяхъ, случившихся такъ отъ нихъ близко. Но ничто не показывало, чтобы тамъ обращали хотя малѣйшее вниманіе на то, что дѣлается на улицѣ. Наконецъ, при слабомъ мерцаніи вечерней зари, капи-

танъ замѣтилъ на площадкѣ вверху дома что-то похожее на человѣческую фигуру, темно обрисовывавшуюся на красноватомъ небѣ. Фигура эта была такъ высоко и такъ не ясно видна, что капитанъ еще сомнѣвался, дѣйствительно ли это человекъ, какъ вдругъ, при крикѣ нѣсколькихъ фанатиковъ въ предмѣстіи, раздался съ этой террасы рвѣкій, звучный голосъ, пересилившій всѣ прочіе голоса: «Браво, католики, смерть гугенотамъ!»

Этотъ крикъ, въ пылу сраженія, можетъ быть, не былъ замѣченъ никѣмъ изъ сражавшихся; но онъ доказалъ справедливость догадки Лудюуа. Онъ продолжалъ наблюдать внимательно, что происходило въ той сторонѣ, какъ вдругъ раздался голосъ другаго человека съ противоположной стороны жилища Шангальеровъ; это былъ голосъ реформата: «свобода религіи, свобода всѣмъ!»

Человекъ съ площадки исчезъ тотчасъ послѣ этого и все, казалось, опять сдѣлалось мертво и молчаливо въ этомъ глухомъ домѣ.

Лудюуа слушалъ еще нѣсколько минутъ; но, не видавъ и не слыша въ ничего больше съ той стороны, онъ опустилъ голову и съ безпокойствомъ сказалъ: «Можетъ быть, самое ужасное происшествіе сегодняшняго вечера не «составляетъ еще эта драка на улицѣ! кто знаетъ, что эти голоса двухъ «братьевъ враговъ.

Онъ не досказалъ своей мысли. Замѣчаніе это, сдѣланное въ полголоса, относилось къ Дидіе и капитанъ вдругъ замѣтилъ, что Дидіе съ нимъ не было; онъ началъ искать его среди живыхъ группъ его окружавшихъ и замѣтилъ наконецъ, что несчастный корчмарь отбивается отъ двухъ стрѣлковъ, которые вели его къ главному караулу. Пока Лудюуа замѣчалъ происходившее въ домѣ Шангальеровъ, Дидіе паскучивъ прозваніемъ Тихонькаго, которое онъ вполнѣ заслуживалъ, бросился для

спасенія одного католика, своего друга, котораго схватили стрѣлки; но усилія его были напрасны и за свое великодушіе онъ едва не подвергся смертной казни. Известно, какъ скоро стрѣлки оканчивали тогда судъ свой.

Видя стариннаго своего сослуживца въ такой опасности. Лудюнуа, который, какъ читатель могъ уже догадаться, былъ человекъ испытанной храбрости, бросился ему на помощь.

— Господа, сказалъ онъ стрѣлкамъ рѣшительнымъ голосомъ: отпустите этого бѣдняка, я отвѣчаю за его невинность. Я капитанъ пицальниковъ Маршала Ферваксаго, отпустите его, я самъ за него объяснюсь съ вашимъ капитаномъ.

— Чего хочеть этотъ скворецъ, грубо сказалъ одинъ изъ стрѣлковъ; вѣрно, для чего нибудь худаго бережетъ эту собаку харчевника; на! впрочемъ онъ хорошо разсчитываетъ: надѣется, что за такую услугу старій бунтовщикъ угоститъ его лучшимъ виномъ! Оставьте насъ, господинъ капитанъ, вы видите, что сегодня два требуютъ поспѣшности.

— Но я вамъ говорю.

— Убирайся къ чорту! возразилъ стрѣлокъ, оттолкнувъ его.

При такой обидѣ, капитанъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и съ быстротою мысли повергнулъ къ ногамъ своимъ стрѣлка, тяжело раненаго ударомъ шпаги. Другой стрѣлокъ, казалось, старшій этого, видя на землѣ своего товарища, отпустилъ пѣвника и хотѣлъ броситься на Лудюнуа, крича о помощи; но нѣсколько человекъ изъ толпы вдругъ ихъ разрознили:

— Бѣгите! бѣгите! сказалъ съ ужасомъ бѣдный Дидіе; они всѣ придутъ сюда и, какъ бы ни была велика ваша слава, вы погибли, если попадете теперь въ ихъ руки.

— Бѣги самъ и до свиданія! сказалъ капитанъ, видя неизбежную опасность.

И оба они исчезли въ толпѣ, наводнявшей предмѣстіе.

Прошло нѣсколько времени, пока стрѣлковый офицеръ умѣлъ пробиться съ большимъ числомъ своихъ товарищей, раздраженныхъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ одному изъ нихъ.

— Отмстимъ за него! отмстимъ за него! кричали они съ бѣшенствомъ при видѣ крови товарища; гдѣ онъ? гдѣ убійца?

Страхъ иногда дѣлаеть людей шпионами Несчастные, испугавшись, показали солдатамъ на узкую улицу, вдоль стѣны сада Шангальаровъ. По этой дорогѣ побѣжалъ Лудюнуа.

— Въ такомъ случаѣ онъ нашъ, сказалъ начальникъ; эта улица идетъ вокругъ дома, который вы тамъ видите; другаго выхода нѣтъ. Въ каждую сторону по четыре человека — и мы въ минуту захватимъ несчастнаго, осмѣливашагося убить стрѣлка.

Приказанія были исполнены и, если капитанъ, какъ и было дѣйствительно, убѣжалъ въ переулочекъ, показанный солдатамъ, ему невозможно уйти отъ ихъ поисковъ. Съ обѣихъ сторонъ были высокія, гладкія стѣны: съ одной стороны садовая, съ другой стѣны пустыхъ, запертыхъ домовъ. По концамъ каменнаго полукруга стоялъ караулъ. Сверхъ того сержантъ самъ пошелъ съ частію своего отряда по дорогѣ, окружавшей домъ и садъ Шангальара; дошелъ до другаго выхода и не нашелъ, кого искать. Это показалось ему чудомъ.

— Вѣрно онъ гдѣ нибудь спрятался тутъ въ улицѣ, сказалъ начальникъ; это былъ упрямый старикъ и храбрый сержантъ; — хоть бы у него были крылья, но онъ долженъ быть мой. Поищемъ еще разъ.

Вторая попытка неудачнѣе была первой; стрѣлки почувствовали какой-то суевѣрный страхъ. Старій сержантъ задумался.

— Ну! сказалъ онъ наконецъ; по крайней мѣрѣ, я не буду виноватъ: всю ночь стоять по четыре человека

съ маждаго конца улицы и если не
явится этот каналья, его вѣрно нѣтъ
въ живыхъ, тогда вѣчная ему память.

Повинуясь начальнику, часовые всю
ночь сторожили выходы такъ, что ви-
новному невозможно было уйти.

III.

Вотъ какъ случилось это чудо. Ка-
питанъ Лудюнуа понималъ, какъ дорога
для него свобода, для исполненія его
замысловъ; онъ понималъ, какое было
бы для него несчастіе попасть теперь
въ руки стрѣлковъ и бросяся, какъ
мы сказали, въ обманчивый лабиринтъ,
окружавшій глухой домъ Шангальеровъ.

Непреодолимый инстинктъ увлекалъ
его въ эту улицу, въ которой за-
ключалась послѣдняя его надежда;
но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, уви-
дѣвъ въ какую западню попалъ онъ
по своему неблагоразумію. Стрѣл-
камъ, какъ мы сказали, очень хотѣлось
поймать его и капитанъ, дойдя до кон-
ца дефиле, нашелъ его занятымъ сол-
датами. Что дѣлать? Лудюнуа не хо-
тѣлъ шпагой прокладывать себѣ путь;
это бы увеличило еще преступленіе,
въ которомъ совѣсть уже упрекала его.
Онъ побѣжалъ назадъ, надѣясь уйти
черезъ первый выходъ. Тамъ, новая
опасность, начальникъ стрѣлковъ при-
близился съ своими людьми.

Въ отчаяніи и, видя необходимость
подраться съ солдатами, которые въ
теперешнемъ бышенствѣ, заставили бы
его дорого заплатить за смерть това-
рища, капитанъ съ ужасною тоскою
посмотрѣлъ вокругъ себя. Вездѣ вы-
сокія стѣны, безъ всякой неровности,
безъ всякаго выступа, которые въ ноч-
ной темнотѣ еще могли бы скрыть его
отъ преслѣдователей. Наконецъ, отва-
живаясь на все, онъ побѣжалъ впередъ,
не смотря на свое отвращеніе къ по-
вому кровопролитію, какъ вдругъ по-

чувствовалъ, что задѣвъ рукою за что-
то гибкое и подвижное у одной изъ
самыхъ высокихъ стѣнъ Шангальерова
сада. Быстро взглянувъ туда, онъ за-
мѣтилъ, что это была веревочная лѣст-
ница, привязанная на верху къ одному
изъ зубцовъ. Ни мало не думалъ, отку-
да была эта неожиданная помощь, не
разсуждая о послѣдствіяхъ своего по-
ступка, онъ проворно ползъ по дере-
вяннымъ ступенькамъ этой лѣстницы,
дошелъ до верхней террасы; потомъ
также проворно отнялъ спасительную
лѣстницу и прижался за однимъ изъ
зубцовъ, откуда слышалъ, какъ расха-
живали внизу солдаты, разъяренные
неудачею своего преслѣдованія.

Въ первую минуту Лудюнуа чрез-
вычайно обрадовался, что онъ вдругъ
такимъ образомъ избѣжалъ неминуе-
мой опасности и открывъ себѣ входъ
въ это жилище, для чего прежде онъ
готовъ былъ рисковать даже жизнью.
Но скоро прошелъ его восторгъ и онъ
началъ серьезнѣе обдумывать свое на-
стоящее положеніе. Конечно, думалъ
онъ, лѣстница, оказавшая мнѣ такую
помощь, была здѣсь повѣшена вовсе
не для меня. Кто ее привѣсмалъ, вѣрно
опять придетъ сюда, и мнѣ надобно
спрятаться, посмотрѣть кто онъ таковъ
и по тому судить, какъ онъ меня при-
метъ. Лудюнуа не позабылъ разсказовъ
Дидіе о неумолимой строгости, съ ко-
торою старый баронъ рѣшился посту-
пать съ нарушителями спокойствія его
удѣлченія, и сверхъ того, то обстоя-
тельство, что за нѣсколько минутъ онъ

видѣлъ собственными глазами людей на террасѣ дома, даже самая лѣстница, привѣшенная, какъ будто, для побѣга, подавали ему поводъ думать, что онъ, можетъ быть, попалъ туда во время самой ужасной семейной драмы, когда посторонній, кто бы онъ ни былъ, не можетъ ожидать себѣ хорошаго приѣма.

Послѣ этихъ размышленій, капитанъ началъ разсматривать мѣсто, въ которомъ находился, сколько позволяла ему темнота ночи, все болѣе увеличивавшаяся. Съ террасы, на которую попалъ онъ, внизу видѣнь былъ садъ съ огородомъ, гдѣ, казалось, было очень много плодовъ и овощей, необходимыхъ для большаго семейства. На право и на лѣво возвышалось нѣсколько павильоновъ, назначенныхъ, безъ сомнѣнія, для людей, собиравшихъ запасы этого маленькаго отдѣльнаго міра, который долженъ былъ жить собственными трудами. Вдали домъ съ башенками и тамъ въ разныхъ мѣстахъ огни, показывавшіе, что, съ этой стороны только, баронъ не считалъ необходимымъ заложить двери и окна, какъ было сдѣлано со стороны предмѣстія.

Едва онъ осмотрѣлъ это, послышался чей-то голосъ и шумъ шаговъ въ саду. Лудюнуа рѣшился спрятаться. Казалось, или къ террасѣ; онъ быстро сбѣжалъ съ нея по ступенямъ, скользнулъ за дерево, котораго густыя листья почти касались земли и оттуда наблюдалъ внимательно за всѣмъ происходившимъ.

Эти ночные гуляки были два старика, изъ которыхъ въ одномъ Лудюнуа тотчасъ узналъ самаго барона Шангальера. Онъ былъ человекъ еще крѣпкій по наружности, не смотря на то, что немного уже согнулся; лице его было гордо и надменно и въ это время на немъ замѣтно было выраженіе гнѣва и безпокойства. Въ рукѣ у него была пичаль, а зажатый фитиль показывалъ, что онъ готовъ употребить

ее въ дѣло. Онъ подозрительно оглядывался кругомъ, шелъ скоро и говорилъ что-то въ полголоса своему спутнику, почтительно слушавшему. Это былъ, по видимому, старый повѣренный, какіхъ имѣли знатныя особы въ своихъ феодальныхъ замкахъ. Одной рукой онъ держалъ факель, и освѣщалъ трудную дорогу по этимъ неровнымъ мѣстамъ, а въ другой несъ алебарду, вѣроятно, служившую ему, когда еще былъ онъ швейцаромъ въ этомъ дворцѣ, для всѣхъ тенеръ запертомъ.

Скоро оба старика такъ близко подошли къ Лудюнуа, что онъ могъ слышать разговоръ ихъ. Баронъ сказалъ съ горестію:

— Жестокое дѣтя! оставить насъ въ такое время и нати подъ защиту друзей своихъ гугенотовъ! подвергать себя опасностямъ язвы и народной войны! несчастное наше семейство, Гильйомъ, и я несчастнѣйшій изъ отцовъ! У меня два только сына, на нихъ вся моя надежда, но вѣра сдѣлала ихъ смертельными врагами! Еще сей часъ, Гильйомъ, безъ тебя, я лишился бы младшаго и умнѣйшаго изъ нихъ. Такъ ты говоришь, что принялъ мѣры, не дать ему привести въ исполненіе гибельнаго намѣренія бѣжать отсюда?

— Да, господинъ баронъ, сказалъ другой старикъ, при всемъ моемъ почтеніи къ семейству Шангальеровъ, я дамъ тебѣ употребить послѣднія силы свои, чтобы заставить господина Генриха остаться здѣсь. Онъ былъ уже одной ногой на лѣстницѣ и опоздай я нѣсколько минутъ.....

— Ты это хорошо сдѣлалъ, Гильйомъ, и я знаю, что ты всегда желаешь добра нашему семейству. Только, зачѣмъ же ты сейчасъ не снялъ этой проклятой лѣстницы, которая могла бы причинить намъ смерть, если бы кто нибудь изъ несчастныхъ, тамъ преслѣ-

дурныхъ, воспользовался ею и забѣжалъ сюда.

— Я не могъ этого сдѣлать, господинъ баронъ, робко сказалъ старый слуга: увѣряю васъ, я только и думалъ какъ бы задержать молодаго господина и увести его съ этой террасы, что никакъ не успѣлъ снять лѣстницы...

— Ну, авось это пройдетъ безъ всякаго несчастія, со вздохомъ сказалъ баронъ. Онъ вошелъ на террасу, снялъ лѣстницу, понесъ ее съ собою и, съ недовѣрчивостію осматриваясь кругомъ, сказалъ:

— Никого нѣтъ и вамъ нечего бояться. Пойдемъ скорѣе назадъ, Гильйомъ, кто знаетъ, можетъ быть, во время нашего отсутствія, несчастные дѣти опять поссорились? Боже мой, не ужели моя фамилія прекратится?

Глухой стонъ вырвался изъ груди его при мысли о несчастіяхъ, могущихъ постигнуть его семейство; потомъ, обращаясь къ своему спутнику, онъ сказалъ:

— Возьми мою пиццалъ, Гильйомъ и обойди весь садъ, удостовѣрься, не спрятались ли въ немъ кто нибудь. Я

что то не спокоешь; не приходи назадъ, пока такъ не осмотришь, чтобы ты могъ поклясться мнѣ всми святыми, что здѣсь нѣтъ ни одного живаго существа, кромѣ тѣхъ, которыхъ я взялъ съ собою. Кого увидишь, продолжалъ онъ, задрожавъ при этой мысли, знаешь мои приказанія, стрѣлай! Хоть бы это былъ твой отецъ, хоть бы мой.... Понимаешь, дѣло идетъ о сохраненіи имени Шангалъяра!

Гильйомъ поклонился въ знакъ повинновенія, а баронъ пошелъ къ дому.

— Надменный старикъ! бормоталъ Лудюнуа; онъ говоритъ только о буйныхъ сыновьяхъ, наследникахъ его имени, а о бѣдной Аннѣ, убивающей молодость свою въ этой тюрьмѣ; онъ и думать не хочетъ!

Но размышленія эти были прерваны необходимостію спрятаться куда нибудь подалеже. Бравый Гильйомъ со всею ревностію и точностію опытнаго слуги исполнялъ свое порученіе и горяцій читилъ его пиццалъ, бившій въ темнотѣ, предупреждалъ капитана, что малѣйшее неблагоуразуміе обошлось бы ему очень дорого.

IV.

Мы перенесемъ читателя въ залу, въ которой находилось семейство барона Шангалъяра въ тотъ самый вечеръ, когда происходило все, разсказанное нами.

Эта зала, обшитая дубомъ, почернѣвшимъ отъ времени, имѣла самый мрачный видъ, а мебель изъ того же дерева и того же цвѣта, еще увеличивала мрачность и однообразіе этой комнаты, такъ гармонировавшей съ жизнію людей, которые находились въ ней. Мѣд-

ная люстра съ хрустальными подвѣсками висѣла у потолка и бросала таинственный свѣтъ на дѣтей барона; по наружности тотчасъ можно было догадаться о различіи характеровъ этихъ трехъ лицъ, принужденныхъ властію отца жить въ одной общей тюрьмѣ.

Гастонъ, старшій братъ, высокаго роста, красивый собою молодой человекъ, съ живымъ, насмѣшливымъ взглядомъ, съ пріемами, выказывавшими гордость, настоящій вельможа того буйнаго

времени; гордый, сварливый. Онъ видѣлъ уже свѣтъ, знакомъ былъ съ придворными и, даже въ уединеніи, сохранилъ костюмъ ихъ и приемы. Онъ одѣтъ былъ по послѣдней модѣ; на немъ тафтяный камзолъ съ китовыми усами, какъ женскій корсетъ и ужасно широкіе панталоны. Накрахмаленные манжеты и башмаки съ каблуками, которыми онъ притопывалъ на каждомъ шагу, казалось, занимали его больше, чѣмъ все случившееся въ тотъ вечеръ. Повидимому ничто, кромѣ его оружія, не стоило вниманія такой важной особы, какъ онъ, потому что онъ въ это время стиралъ небольшое пятно ржавчины съ блестящаго, богатаго своего книжала; напѣвая, между тѣмъ, въ полголоса пѣсню, въ которой говорилось очень много противъ гугенотовъ и, по временамъ, взглядывалъ съ насмѣшкой на своего брата, какъ бы относя къ нему злобные намеки своей пѣсни.

Генрихъ составлялъ совершенную противоположность съ своимъ братомъ. Малъ ростомъ, худъ, вспыльчивъ; платье темнаго цвѣта сдѣлано со всею строгостію и строгостію костюма кальвиниста. На свромъ камзолъ его не было, ни розъ, ни лентъ; на шляпѣ не развѣвались перья. Сидя у стола, онъ прилежно читалъ Библию, не обращая ни малѣйшаго вниманія на слова своего брата, не удостоивая его даже взгляда; по временамъ, онъ сжималъ судорожно листы книги, какъ будто пальцы его подергивались отъ тайной ярости, готовой каждую минуту разразиться.

Вмѣстѣ съ этими двумя молодыми людьми, злѣйшими врагами, угрожающими другъ другу и знаками, и суровыми взглядами, сидѣла молоденькая дѣвушка въ полномъ блескѣ красоты, какъ небесный ангелъ между двумя демонами. Въ черныхъ глазахъ Анны, въ благородной ея наружности выражались величіе и доброта: увидѣвъ ее,

каждый могъ догадаться, отъ чего она брала иногда верхъ надъ своими неукротимыми братьями. Она отворила дверь въ одну изъ башенъ и черезъ бойницы старалась разсмотрѣть и разслушать, что дѣлалось въ предмѣстіи, гдѣ за нѣскольکو минутъ передъ этимъ такъ бушевали фанатики.

— Ну, любезные братцы, все кончено, сказала она съ довольнымъ видомъ, принявшись опять за свою работу, которую она положила передъ тѣмъ на столъ; ничего не слышно. Наконецъ солдатамъ удалось прекратить это ужасное сраженіе; дай Богъ, чтобы это было послѣднее!

— Богу и святымъ его не стоитъ вмѣшиваться въ это дѣло, любезная сестра, презрительно сказалъ Гастонъ; это просто драка негодаевъ католиковъ съ такими же негодами гугенотами! Да! я былъ бы очень глупъ, если бы вздумалъ идти туда шумѣть съ этими бродягами! А сегодня вечеромъ здѣсь дѣлались неимоверныя глупости.

— А какія именно? спросилъ Генрихъ, прервавъ чтеніе и бросивъ огненный взглядъ на брата.

— Да вотъ, хладнокровно, съ улыбкой отвѣчалъ Гастонъ, одинъ знакомый мнѣ знатный дворянинъ, не понимая важности своего сана, хотѣлъ вмѣшаться въ дѣла черни.

— По крайней мѣрѣ, въ желаніи защитить друзей своихъ видна его храбрость, сказалъ Генрихъ, дрожа отъ гнѣва; трусь только можетъ хладнокровно смотрѣть какъ ихъ убиваютъ, не думая помочь имъ, какъ вы это сдѣлали.

— Я трусь! вскричалъ Гастонъ, подбѣжавъ къ брату съ поднятымъ книжаломъ.

Генрихъ всталъ и хотѣлъ защищаться; Анна, вся въ слезахъ, бросилась между нихъ.

— Братъ, ради Бога вспомните, что вы сей часъ общали отцу и мнѣ? я васъ такъ люблю! Баронъ сей часъ

придетъ; скальтесь, не мучьте его новыми ссорами.

— Анна права, сказалъ Генрихъ, садясь; не всегда же мы будемъ пльнниками, милостивый государь; можетъ быть, со временемъ....

— Да! разсвѣнно сказалъ Гастонъ; вы правы, Генрихъ, не всегда же будемъ мы подъ надзоромъ отца и сестры — старика и ребенка.

Потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, съ прежнею шутовскою, составляющею отличительную черту его характера, онъ сказалъ Аннѣ, которая снова принялась за работу и опустила голову, скрывая свои слезы:

— Помилуй, сестрица, ты опять также печальна и задумчива, какъ всегда. Общаешь ли ты мнѣ, быть веселѣе, если я тебѣ скажу, кого я замѣтилъ сего дня въ толпѣ, смотря сквозь одну изъ этихъ щелей, которыя отецъ нашъ называетъ окнами?

— Кого же, братецъ? съ живостию сказала Анна, поднявъ голову.

— Старого, знакомаго! храбреца, который со временемъ освободитъ насъ изъ рукъ бусурмановъ; я не буду описывать тебѣ его красиваго костюма..

— О комъ же ты говоришь, Гастонъ? возразила сестра его и ея глаза блистали необыкновеннымъ огнемъ; неужели Лудюнуа? ... неужели ты видѣлъ капитана Лудюнуа?

— Капитана! съ удивленіемъ повторилъ Гастонъ: я еще не зналъ, что онъ капитанъ. Ахъ, прибавилъ онъ съ громкимъ смѣхомъ, я вѣдь и забылъ, что говорю двѣицѣ объ ея любовникѣ...

Генрихъ задрожалъ при словѣ — любовникъ.

— Я не потерплю, гордо сказалъ онъ, чтобы сестру мою считали способною позволить такому бѣдному солдату, какъ Лудюнуа, имѣть на нее притязанія, а братъ мой, такъ заботящійся о чести нашей фамилии...

— Да я больше васъ о ней забочусь, гугенотъ! злобно сказалъ Гастонъ.

Уже начиналась новая ссора, когда вошелъ въ залу старый баронъ Шангаларъ, кончившій свой осмотръ. Увидѣвъ его, молодые люди замолчали съ некоторымъ смущеніемъ. Анна, оживившаяся на минуту, удержалась отъ заготовленныхъ ею Гастону вопросовъ о чловѣкѣ, возбужденіемъ, казалось, въ высшей степени ея любопытство и она покраснѣла, будто была также виновата, какъ и братья ея. Старикъ бросилъ испытующій взглядъ на всѣхъ троихъ, потомъ, устремивъ взоръ свой на сыновей, сказалъ имъ съ упрекомъ:

— Дѣти, сей часъ вы давали другъ другу руки и обнимались, какъ братья и друзья. На минуту только я отлучился для общей нашей безопасности и, возвращаясь, нахожу васъ раздраженными другъ противъ друга еще больше прежняго.

Молодые люди съ минуту были неподвижны и нѣмы. Наконецъ, Гастонъ, по праву старшинства, свободнѣе обращавшійся съ отцомъ, съ нетерпѣніемъ, почти съ гнѣвомъ, сказалъ:

— Право, батюшка, здѣсь несносно жить; я совсѣмъ не привыкъ къ такой монашеской жизни. Къ чему имѣть двадцать камзоловъ и двадцать бархатныхъ плащей, если не выказывать ихъ на балахъ, на прогулкахъ или въ обществѣ милыхъ двѣицъ? къ чему копелекъ, набитый золотомъ, если не издерживать это золото съ подобнымъ себѣ дворяниномъ? къ чему носить шпагу, если не повзрять ею изрѣдка съ какимъ нибудь дерзкимъ хвастуномъ, который неучтиво поклонится или, проходя, задѣнетъ за уголъ моего плаща? Подумай только, батюшка! до сихъ поръ я жилъ весело въ прекрасномъ городѣ, а теперь уже пылею восемь мѣсяцовъ, какъ ты заперъ меня здѣсь потому только, что бѣдняки умираютъ отъ заразы въ своихъ лачужкахъ. Клянусь, я бы лучше согласился сдѣлаться жертвою всѣхъ заразъ въ мѣрѣ, чѣмъ жить здѣсь, вмѣстѣ съ людьми, кото-

рыхъ ты меня ни когда не заставишь любить.

Косой взглядъ, брошенный на Генриха, объяснялъ, къ кому относилась эта обида. Младшій Шангальяръ подошелъ къ отцу своему и, принявъ на себя важный, строгій видъ реформата, сказалъ:

— Милостивый государь! (только старшій изъ дѣтей барона имѣлъ право называть его отцомъ), Гастонъ правъ, одинъ изъ насъ здѣсь лишній и, если бы вы мнѣ позволили привести въ исполненіе мое сегодняшнее намѣреніе, въ вашемъ домѣ стало бы, можетъ быть, спокойнѣе. Вѣра, принятая мною, предписываетъ своимъ послѣдователямъ, всѣми силами защищать другъ друга отъ обидъ и я не могу оставаться равнодушнымъ, когда въ двухъ шагахъ отъ меня убиваютъ дѣтей Божіихъ. Я долженъ бы былъ помочь притѣсненнымъ словами, а, гдѣ нужно, и шпагой! милостивый государь, еще разъ прошу, позвольте мнѣ удалиться отсюда, вы этимъ предупредите большія несчастія. Я не въ силахъ уже сносить угрозы и оскорбленія; помните ли вы, что и самъ праведный Говъ потерялъ однажды терпѣніе.

Эти жалобы, эти упреки любимыхъ сыновою раздирали сердце старика. Онъ лишился силъ; рыдая, упалъ въ кресло, закрылъ лицо руками и невнятно бормоталъ: «неблагодарные! благодарные! они хотятъ оставить меня! и я буду одинъ, какъ будто у меня нѣтъ дѣтей! они же обвиняютъ меня, они мнѣ угрожаютъ! съ кѣмъ я останусь, если и они меня покинутъ?...

Легкое прикосновеніе возвратило старика чувства. Анна подошла къ своему отцу и нѣжно жала его въ своихъ объятіяхъ, повторяя съ нѣжностію и любовію:

— А я! милостивый государь, а я!

— Да, сказалъ баронъ разсѣянно; да, ты не оставишь меня, Анна, какъ эти

неблагодарные, которыхъ я такъ любилъ. Но ты не можешь сохранить нашего имени, ты....

И, вырвавшись изъ объятій дочери, онъ сталъ между сыновьями своими, съ злобою и неприязнію издали смотрѣвшими другъ на друга.

— Дѣти, сказалъ онъ имъ съ важностію, вы осыпаете меня упреками и жалуетесь на скуку вашего пльна, какъ будто я заперъ васъ здѣсь по одной прихоти, а не по крайней необходимости. Вы забываете, что на членахъ такой знатной и древней фамиліи, какъ наша, лежитъ обязанность, которая должна быть для нихъ важнѣе всѣхъ желаній — именно сохранить и передать потомству имя, дошедшее до насъ черезъ такой длинный рядъ предковъ. Дѣти мои, вы единственными отраслями нашего дома; если вы умрете — сохрани Боже отъ такого несчастія! — фамилія Шангальяровъ исчезнетъ навсегда. Вотъ почему, дѣти мои, я, вполне цѣня наследство, переданное намъ предками, принявъ такія предосторожности, и сохраняю васъ отъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ теперь Франціею. Вы обвиняете меня, дѣти мои, что я причиной вашей скуки и неприятностей въ этомъ домѣ? ах! не теряю ли я свое здоровье, исполняя трудную, тягостную обязанность, которую взялъ на себя? Ночью, когда вы спите, я бодрствую, да! я столько же думаю о своемъ драгоценномъ сокровищѣ, сколько скупой о своемъ золотѣ. Переходя сюда, я былъ силенъ и крѣпокъ; посмотрите, въ нѣсколько мѣсяцевъ посѣдѣли мои волосы, отъ бессонницы пропала краска съ лица моего, безпрестанныя заботы изрыли лобъ мой морщинами, но я никогда не буду жалѣть объ этомъ, если наконецъ увижу васъ здоровыми и въ безопасности, если я когда нибудь обниму дѣтей вашихъ! Дѣти! въ васъ вся моя радость, моя гордость, всѣ мои надежды; изъ состраданія къ своему

старому отцу, потерпите еще немного скуку тяжкого для васъ пльва; сдѣлайте это для общаго нашего счастья, для славы нашего дома, для послѣдняго утѣшенія меня въ старости!

Старикъ остановился на минуту, какъ бы желая посмотреть, какое дѣйствіе будутъ имѣть слова его. Сыновья молчали; они были тронуты просьбами отца. Ненавидя другъ друга, они все таки любили своего отца.

— А обо мнѣ ни слова! сказала со вздохомъ Анна, отойдя въ другой уголъ комнаты; я здѣсь чужая!

Наконецъ Генрихъ сказалъ:

— Милостивый государь, я очень хорошо понимаю, отъ чего вамъ надобно такъ заботиться о сохраненіи жизни моего брата Гастона, старшаго изъ нашей фамиліи, потому что, прибавилъ онъ съ сарказмомъ, онъ долженъ поддерживать блескъ ея, ему назначено все имѣніе и всѣ почести; но чтобы я, младшій, безъ имѣнія, безъ сана, когда для меня это имя—только лишнее бремя, чтобы я терпѣлъ по той же причинѣ, это несправедливо, милостивый государь, и я имѣю право возразить противъ этого. Повторяю вамъ, не противьтесь моему удаленію. У васъ остается Іаковъ, что вамъ до Исава? сверхъ того, вы преувеличиваете опасность заразы, распространившейся въ городѣ. Вы могли замѣтить сего дня вечеромъ, что толпа была также жива и шумна, какъ и во времена народнаго счастья.

Баронъ; положивъ руку на плечо сыну, со страхомъ сказалъ ему:

— Не доканчивай, Генрихъ; не говори, чтобы я отпустилъ тебя на жертву ужасныхъ опасностей, которыя знаю лучше тебя; имя Шангаларовъ имѣетъ только двѣ опоры и могу ли я пожертвовать еще одной изъ нихъ? О сынъ мой! умоляю тебя, не оставь насъ; ты другой вѣры, мы всѣ привыкли презирать гугенотовъ, ты, какъ будто, на зло намъ сдѣлался

гугенотомъ; но сдѣлалъ ли я тебѣ хоть одинъ упрекъ относительно вѣры? оказывалъ ли я къ тебѣ меньше расположенія, чѣмъ къ твоему брату? о! оставься Генрихъ, ради Бога останься! ты не знаешь всѣхъ ужасовъ болѣзни, о которой говоришь; ты не знаешь, что каждую ночь, мимо самыхъ стѣнъ нашего сада, провзжаютъ длинные ряды повозокъ съ мертвыми! ихъ поскорѣе возятъ на кладбище, чтобы, во время дня, не испугать жителей Парижа такою смертностію! ты не видалъ этихъ несчастныхъ съ опухшими глазами, съ багровыми лицами, скорченными отъ боли членами.

Вдругъ старикъ остановился среди страшнаго описанія. Въ саду раздался выстрѣлъ пшачи и очень знакомый голосъ стараго слуги Гильюма, просившаго помощи. Всѣ вздрогнули.

— Кто нибудь проникъ въ наше жилище! первый вскричалъ старикъ съ неизяснимымъ выраженіемъ ужаса и гнѣва; берите шпаги, дѣти, и — за мною. Генрихъ, вѣрно ты виноватъ въ этомъ, кто нибудь пробрался по лѣстницѣ, что ты повѣсилъ для своего бѣгства.

За мною, дѣти! и, какъ я, забудьте о жалости, теперь идетъ дѣло о сохраненіи жизни всѣхъ насъ.

— Батюшка, братья, не оставляйте меня! вскричала Анна, стараясь остановить ихъ, когда они уже собрались и въ первый разъ соединились для общей обороны; можетъ быть, это пустая тревога. Вы знаете, что старый Гильюмъ уже нѣсколько разъ обманывалъ насъ....

— Сюда! сюда! закричали въ саду нѣсколько человекъ.

Потомъ, въ глубокой тишинѣ, раздался еще выстрѣлъ.

— Что нибудь да не даромъ! съ новой энергіей сказалъ баронъ, всѣ слуги наши уже собрались тамъ для нашей защиты. Дѣти, повторяю вамъ еще разъ, будьте безжалостны!

Всѣ трое съ обнаженными шпагами

побѣжали къ людямъ, бѣгавшимъ въ садъ. Анна, всѣ усилія которой остановитъ ихъ, были тщетны, безъ памяти упала въ кресло; какой-то инстинктъ предупреждалъ ее о большомъ несчастіи. Она прислушивалась къ крикамъ; по крики эти отдавались все болѣе и болѣе, какъ будто тотъ, кого преслѣдовали, бѣжалъ въ противоположную сторону отъ дома. Она хотѣла встать, подойти къ окошечку, открывавшемуся въ садъ; но силы измѣнили ей; ноги дрожали и она осталась, какъ прикованная на мѣстѣ, въ смертельной тоскѣ.

Вдругъ частые шаги раздались въ корридоръ, ведущемъ въ залу, гдѣ она была. Анна думала, что отецъ ея или одинъ изъ братьевъ шелъ утѣшать ее. Она сдѣлала отчаянное усиліе, встала, ступила шагъ впередъ. Въ дверяхъ показался человекъ, со страхомъ осмотрѣвшій комнату; Анна отступила назадъ..... Это не былъ, ни отецъ ея, ни одинъ изъ братьевъ, это былъ — Лудюна.

Капитанъ былъ блѣденъ... запыхался отъ усталости; беспорядокъ въ его костюмѣ и потъ, текшій по лицу его, показывали, съ какими усиліями успѣлъ онъ отбиться. Анна не узнала его; начала кричать; но капитанъ сдѣлалъ умоляющій знакъ и бросился въ ея объятія, говоря тихо, но съ живѣйшей радостію:

— Анна!... Анна!... это я!

При этихъ милыхъ звукахъ, она все поняла. Обняла Лудюна и на нѣсколько секундъ забылась, она была счастлива. Но скоро мысль объ опасности, угрожавшей ему, заставила ее опомниться.

— Бѣгите! бѣгите! говорила она съ безпокойствомъ; они сейчасъ придутъ сюда... они убьютъ васъ... вы пропали!...

— Анна, я подвергалъ себя тысячъ опасностей, только бы увидѣться съ вами и готовъ подвергнуть себя еще большимъ опасностямъ; только бы вмѣстѣ съ вами быть, поговорить съ вами.. Анна, вы должны спрятать меня здѣсь!

— Невозможно! отвѣчала она въ отчаяніи. Лудюна, другъ мой, спаситель мой, вы не знаете ужасной строгости моего отца; здѣсь ничто не можетъ спасти васъ и я погибну вмѣстѣ съ вами, если вы здѣсь останетесь! Бѣгите, бѣгите, ради Бога!

— Я не могу убѣжать отсюда, Анна; лестницу, по которой взлѣзъ я на стѣну, снялъ вашъ отецъ. Солдаты ждутъ меня на улицѣ, потому что я падѣлалъ тамъ безпорядковъ; я еще посмотрю на васъ, поговорю съ вами и потомъ пусть убиваютъ меня эти бѣшеные! Впрочемъ, поспѣшите, Анна, шумъ приближается, черезъ минуту отецъ вашъ и братья будутъ здѣсь...

— О Боже мой, Боже мой, сжался надо мною!...

— Анна, любезная Анна, слышите ли, они идутъ?...

Двушка была убѣждена его просьбами, она быстро указала пальцемъ на боковую дверь.

— Сюда, произнесла она умирающимъ голосомъ.

Лудюна живо пожалъ ей руку и побѣжалъ къ показанному выходу. Черезъ нѣсколько времени баронъ съ сыновьями взомель уже на лестницу, примыкающую къ залѣ.

— Онъ здѣсь въ домѣ! вскричалъ съ ужасомъ старикъ; мы должны найти его, хотя пришлось бы по камню разобратъ строеніе и горе ему, когда найдемъ!

Анна, полумертвая отъ страха, опустилась опять въ кресло.

V.

Баронъ де Шангальяръ, войдя въ залу, быстро осмотрѣлся кругомъ, какъ бы ожидая открыть здѣсь слѣды того, кого искалъ. Сыновья шли за нимъ, а дальше, слѣдовали испуганные служители дома, странно вооруженные всѣмъ, что только попало имъ подъ руки. Некоторые несли факелы, разливавшие печальный свѣтъ свой по залу и еще увеличивавшіе ужасъ этой картины.

— И ты увѣренъ, сказалъ баронъ Гильому, стоявшему въ толпѣ, съ дымящеюся еще пищально въ рукахъ: ты точно видѣлъ, что этотъ несчастный побѣжалъ къ дому и вошелъ въ него, пока мы бѣгали по саду?

— Готовъ присягнуть въ этомъ, господинъ баронъ, отвѣчалъ Гильомъ, едва переводя духъ отъ усталости; пока мы были подъ террасой, я видѣлъ, что онъ, какъ черная тѣнь, скользнулъ къ этой сторонѣ, на крыльцѣ блеснула его шпага и потомъ все исчезло.

— Но, сказалъ баронъ, если онъ только вошелъ въ домъ, онъ непременно долженъ былъ проходить черезъ эту залу.

Потомъ, подождя скорыми шагами къ дочери, почти безъ чувствъ лежавшей въ креслахъ, сказалъ ей кротко:

— Анна! когда ты оставалась здѣсь одна, не видѣла ли ты, или не слыжала ли чего нибудь?

— Ничего, милостивый государь, съ усилениемъ отвѣчала дѣвица Шангальяръ.

— Страшно, возразилъ отецъ, ударивъ себя по лбу. Подумай Анна; можетъ быть, страхъ помѣшалъ тебѣ замѣтить присутствіе посторонняго: ты была почти безъ памяти, когда мы тебя оставили; можетъ быть онъ и побѣжалъ здѣсь?

— Я ничего не видѣла и не слыжала, повторила Анна гораздо внятнѣе и

тверже. Между тѣмъ думала сама про себя: «они убьютъ его!»

— И такъ! сказалъ старикъ, ищите его въ другой части дома, хотя, мнѣ кажется, этому негодяю трудно тамъ спрятаться. Сверхъ того я велѣлъ запереть единственную дверь изъ дому и двое вооруженныхъ слугъ стерегутъ ее. Онъ не можетъ уйти отъ насъ; пойдемъ, дѣти! надобно выжить этого таинственнаго непріятеля, провозвѣдшаго столько безпорядковъ въ мирномъ нашемъ уединеніи и, можетъ быть запеснаго сюда заразу, для избѣжанія которой приношу я такія жертвы.

Онъ далъ знакъ слугамъ, чтобы они шли впередъ съ факелами и хотѣлъ видѣти самъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что ни одинъ изъ сыновей не хотѣлъ слѣдовать за нимъ: Гастонъ, вложивъ въ ножны шпагу, преспокойно съѣлъ, а Генрихъ, важный и задумчивый, какъ всегда, стоялъ неподвижно и, скрестивъ на груди руки, предался размышленіямъ. Увидя это, баронъ остановился и посмотрѣвъ насмѣшливо на молодыхъ людей, сказалъ имъ:

— Дѣти, неужели старикъ долженъ подавать вамъ примѣръ храбрости? неужели вы испугались?

Гастонъ, будучи смѣяте брата, первый отвѣчалъ ему:

— Испугались! батюшка, повторялъ онъ. Страхъ — это была бы еще новая болѣзнь въ фамиліи Шангальяръ. Дѣло въ томъ, продолжалъ онъ, поправляя свои измятые манжеты; что я ужасно усталъ; иногда гонялся на охотѣ за кабанями и оленями; но не пѣшкомъ, а на красивой лошади, да и костюмъ мой бывалъ повсюду теперешняго. Китовый усъ моего камзола, я думаю, пальца на два вошелъ въ тѣло, когда мы бѣгали по камнямъ и огородамъ за какимъ-то непріятелемъ

невредимой, а вы знаете, батюшка, что я боюсь усталости больше, чѣмъ заразы. Неприятель теперь окруженъ, отдохнемъ лучше; имъ еще успѣемъ атаковать его.

Негодование, какъ молнія, блеснуло на лицѣ стараго барона; эта беззаботность старшаго сына къ дѣлу, отъ котораго могла зависть жизнь ихъ, чрезвычайнаго его разсердила. Но онъ удержался и обратился къ Генриху идвясъ въ немъ найти себѣ утѣшеніе.

— А ты, Генрихъ, сказалъ онъ ему, у тебя нѣтъ, ни такого тѣснаго камзола, ни такихъ гладкихъ манжетъ, ни перста, который могъ бы тебя ранить, неужели и ты откажешься помогать своему отцу?

— Господинъ баронъ, отвѣчалъ Генрихъ съ обыкновенною своею важностію; я слѣдовалъ за вами, пока дѣло шло о томъ, чтобы не пустить въ домъ посторонняго человека, я готовъ былъ тогда жертвовать собою; но теперь, когда онъ уже въ домѣ, если мы не ошиблись, то законы вѣры и любви къ ближнему запрещаютъ мнѣ участвовать въ вашемъ намъреніи умертвить его. Теперь ужъ копчено, если зараза занесена къ намъ, смерть его насъ не исцѣлитъ. Я думаю, какая бы ни была причина заставившая его войти сюда, вмѣсто того, чтобы запирать двери, какъ вы приказали, стеречь всѣ выходы, и убить его при первомъ появленіи,—лучше закричать громко по всему дому, что ему не сдѣлаютъ ни какой обиды, если онъ сейчасъ выйдетъ изъ нашего жилища.

Этотъ умный советъ привелъ въ недоумѣніе старика. Въ жару своего преслѣдованія и страха, чтобъ лва, опустошавшая Парижъ, не проникла въ домъ его, онъ думалъ только о мщеніи, о смерти того, кто надѣлалъ ему столько новыхъ неудовольствій и заботъ; а теперь онъ на минуту задумался.

— Можетъ быть, твое мнѣніе справедливо, Генрихъ, возразилъ онъ; и ты

знаешь, что божья необходимость и не бываю жестокъ. Но положимъ, что я позволю этому несчастному выйти отсюда здоровымъ и невредимымъ, какъ ты советуешь; но какъ сдѣлать, чтобы онъ могъ выйти отсюда, безъ всякой помощи съ нашей стороны, чтобы никто не подвергалъ себя опасности заразиться этой жестокой болѣзнію, которая, можетъ быть, есть въ немъ?

— У васъ есть веревочная лѣстница, которую я приготовилъ для себя, сказалъ Генрихъ, понизя голосъ, и ему легко будетъ слѣзть со стѣны сада безъ всякой помощи. Сверхъ того, продолжалъ онъ, подойдя къ отцу и говоря такъ, чтобы онъ одинъ его слышалъ, я знаю, милостивый государь, что въ одномъ отдаленномъ навѣсѣ сада есть потаенная дверь, отъ которой ключъ у васъ, и черезъ которую подземнымъ ходомъ можно выйти въ одинъ изъ пустыхъ домовъ вѣрджиста; вамъ легко будетъ....

— Генрихъ, почему ты знаешь....

— Ильяникъ всегда пронацателевъ, милостивый государь; одинъ звукъ, одно движеніе, взглядъ — значать для него очень много; я знаю, что вы имѣете средства выпустить этого человека отсюда. Сверхъ того, прибавилъ онъ громко и твердымъ голосомъ, если, какъ я полагаю, это забежалъ къ намъ одинъ изъ тѣхъ бѣдныхъ реформатовъ, которыхъ сейчасъ преслѣдовали, съ намъреніемъ умертвить ихъ и онъ, не находя другаго убѣжища, скрылся въ нашемъ жилищѣ, то объявляю вамъ, что я не потерплю, чтобы въ моемъ присутствіи обидѣли чѣмънибудь одного изъ братьевъ моихъ по религіи.

— А я, грозно возразилъ Гастонъ, я не хочу, чтобы съ гугенотомъ, въ домъ отца моего, обошлись лучше, чѣмъ съ добрымъ, ревностнымъ католикомъ; я объявляю, что не дамъ тропнуть волоса на головѣ пришельца, если онъ принялъ крещеніе и носить имя

христианна, какъ верный сынъ церкви!

— Почему вы знаете, возразилъ баронъ, что тотъ, къ кому вы хотите быть такъ милостивы, не есть одинъ изъ воровъ и убійцъ, отъ которыхъ страдаетъ теперь Парижъ и что онъ, узнавъ средства проникнуть въ домъ цыпшъ, не придетъ когда нибудь ночью съ шайкою такихъ же разбойниковъ какъ онъ самъ, разграбить ваше жилище и перерубитъ насъ во время сна.

Анна, ободрявшаяся по мѣрѣ отдаленія опасности отъ таинственнаго лица, имя котораго знала только она одна, встала въ свою очередь и сказала съ жаромъ, но почтительно:

— Отъ чего же, милостивый государь, человекъ, забывавшій къ намъ не можетъ напротивъ быть вашимъ другомъ, имѣющимъ до васъ какое нибудь важное дѣло, касающееся до вашего счастья или до счастья дѣтей вашихъ? для чего считать его только за вора или за фанатика? Развѣ не осталось въ свѣтѣ, въ которомъ мы пре-

жде жале, людей, любившихъ насъ или таиникъ, которыхъ мы любимъ; людей, оказавшихъ намъ услуги или пользовавшихся нашими милостями, друзей, которые, вѣроятно, по какой нибудь важной причинѣ....

— Анна, прервалъ баронъ громовымъ голосомъ, ты знаешь кто этотъ человекъ, ты его спрятала!

— Прости! вскричала девушка, изобличившая сама себя и упала передъ нимъ на колѣни.

— Bravo! это любовникъ! сказалъ Гастонъ, громко захохотавъ.

— Любовникъ! повторилъ Генрихъ, бросившись со шпагой на сестру, какъ будто хотѣлъ убить ее.

— Гдѣ онъ? гдѣ онъ? возразилъ баронъ еще грознѣе.

— Вотъ онъ! произнесъ глухой голосъ въ концѣ вала.

Въ то же время дверь отворилась и капитанъ Лудюнуа, съ неизможеннымъ лицомъ, едва держась на ногахъ отъ усталости, вдругъ явился безоружнымъ, съ открытой головой и съ сложенными на груди крестомъ руками.

VI.

Появленіе Лудюнуа навело трепетъ на присутствовавшихъ; нѣкоторые отступили назадъ, какъ отъ дикаго звѣря, другіе хотѣли броситься на него. Молодые люди снова вынули свои шпаги; но баронъ заставилъ ихъ отойти на другой конецъ комнаты, крича имъ:

— Не трогайте его, не приближайтесь къ нему! прошу васъ, дѣти, удалитесь отъ этого человека! а одинъ поговорю съ нимъ, узнаю кто онъ, чего хочетъ....

— Милостивый государь, вскричала Анна, не ужели вы не узнаете его?

— Да, у господина барона очень плохая память, сказалъ капитанъ съ

горькой улыбкой, а вѣдь еще не прошло четырехъ лѣтъ, какъ тотъ, кого вы теперь ловили, какъ дикаго звѣря, по комъ стрѣляли ваши люди, оказалъ всемъ членамъ фамилии Шангальеровъ такія услуги, которыя, мнѣ кажется, должны бы напечатлѣть въ памяти ихъ черты его лица. Онъ спасъ честь вашей дочери, господинъ баронъ, спасъ вамъ жизнь и вашему сыну, возвратилъ вамъ свободу.

— Сержантъ Лудюнуа! вскричалъ Гастонъ, узнавшій его наконецъ.

— Верный реформатъ! прибавилъ Генрихъ.

— Молчите, дѣти, не трогайте его

сказалъ старикъ, все таки оставила почетное разстояніе между двумя своими и этимъ гостемъ.

— Господинъ Лудюнуа, сказалъ онъ важнымъ, строгимъ голосомъ: извините, что я не узналъ въ человѣкѣ, ночью, украдкой, пробравшемся въ мой домъ, съ опасностію занести сюда ужасную болѣзнь, опустошающую теперь Парижъ, великодушнаго солдата, оказавшаго вамъ, четыре года тому назадъ, такія важныя услуги. Черты лица вашего, ваши учтивыя приемы такъ змінились....

— Правда, я сдѣлалъ глупо, что вошелъ сюда, сказалъ капитанъ, повысивъ голосъ; но не думаю, чтобы, находясь въ Парижѣ только нѣсколько часовъ, я успѣлъ заразиться. Кромѣ того, вовсе неожиданный случай доставилъ мнѣ средство проникнуть въ домъ вашъ, а необходимость заставила меня воспользоваться этимъ случаемъ, хотя, правда, прибавилъ онъ, почти про себя, этотъ случай содѣйствовалъ исполненію моихъ желаній.

— Ну же поторонитесь разсказать вамъ, что васъ завело сюда, возразилъ старикъ; замѣтите, что ваше присутствіе отравляетъ воздухъ, которымъ дышатъ мои дѣти; вспомните, что всякой другой дорого заплатилъ бы мнѣ за свою дерзость....

— Къ чему, уныло возразилъ Лудюнуа, теперь объяснить важную причину, заставившую меня искать главу тамплинъ Шангальяръ? Къ чему говорить, зачѣмъ я такъ спѣшилъ въ Парижъ, вхалъ день и ночь, зачѣмъ я подвергалъ себя опасностямъ въ этомъ домѣ, если вся ваша благодарность къ старинному другу, состоитъ въ одномъ общаніи, не убить его за то, что онъ посылалъ васъ!

Молодые люди показывали нетерпѣніе; но старикъ удержалъ ихъ однимъ взглядомъ.

— Вы говорите очень загадочно, мо-

лодой человѣкъ; еще разъ прошу васъ поскорѣе объяснить мнѣ....

— Хорошо, сказалъ капитанъ съ жаромъ, я объясню вамъ, а вамъ выскажу все мои желанія и надежды, хотя напередъ угадываю отвѣтъ вашъ въ эту странную минуту, въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ. Господинъ баронъ, помните ли вы, что я любилъ вашу дочь?

Оба молодые Шангальяра презрительно захохотали. Анна обратилась къ нимъ съ умоляющимъ видомъ.

— Да! сказалъ баронъ съ смущеніемъ, когда-то.... въ Поату....

— А помните ли вы, милостивый государь, возразилъ Лудюнуа съ возрастающимъ жаромъ: можетъ быть и забыли, потому что вы такъ скоро все забываете, помните ли, что вы сказали мнѣ, когда я просилъ у васъ руки Анны? Тогда я былъ еще простой солдатъ и вы не затруднились въ отысканіи причинъ, отвергнуть предложеніе, оскорблявшее вашу гордость. Теперь, милостивый государь, замѣтите, что обиданія, сорвавшіяся у васъ съ языка безъ намѣренія, когда вы совсемъ не ожидали, чтобы я когда нибудь объ нихъ напомнилъ, придали мнѣ силу и храбрость и я заслужилъ блестящую награду, которой такъ добивался. Теперь, благодаря милостямъ короля, наградившаго меня за продолжительную, ревностную службу, я богатъ, дворянинъ, такой же католикъ, какъ и вы. Вы баронъ, я графъ; вы потомокъ древней фамиліи, я могу сдѣлаться родоначальникомъ новой. Капитанъ графъ Лудюнуа требуетъ исполненія слова, даннаго бѣдному сержанту гугеноту; теперь понимаете ли милостивый государь, отъ чего я желалъ видѣть васъ, даже съ опасностію собственной жизни?

— Ренегатъ! сказалъ Генрихъ съ отвращеніемъ.

— Дворянчикъ! прибавилъ тѣмъ же тономъ Гастонъ.

Баронъ не отвѣчалъ ни слова, въ немъ происходило сильное бореніе чувствъ. Анна взглядывала, то на барона, то на Лудюнуа, съ ужаснѣйшей тоской.

— Онъ говоритъ правду, милостивый государь, прибавила она съ почтениемъ; вы знаете, что онъ никогда не лгалъ.

Баронъ повелительнымъ знакомъ заставлялъ ее молчать.

— Вы справедливо думали, сказалъ онъ Лудюнуа, который, казалось, ослабѣвалъ все болѣе и болѣе, какъ отъ усталости въ продолженіе дня, такъ можетъ быть, и отъ напряженія, съ которымъ онъ говорилъ: да, вы справедливо сомнѣвались въ исполненіи подобнаго требованія, при такихъ страшныхъ и опасныхъ для насъ обстоятельствахъ. Въ спокойное, безопасное время при другихъ чувствахъ, я бы лучше принялъ его отъ храбраго солдата, оказавшаго намъ такіа большія услуги, чѣмъ теперь отъ графа Лудюнуа, королевскаго любимца. Въ нынѣшнее время, я вижу въ васъ только человека, который ночью, противъ воли моей, проникъ въ мое жилище и поддерживаетъ черезъ то опасности мою собственную жизнь, жизнь дѣтей моихъ и, какъ вы сами, сударь, сказали, милость моя можетъ состоять только въ томъ, чтобы позволить вамъ, какъ можно скорѣе, выдти изъ моего дома, на который присутствіе ваше, можетъ быть, повлечетъ величайшія несчастія.

— Ради Бога скажитесь, милостивый государь, вскричала Анна, бросившись на колѣни: не удаляйте его отсюда! Онъ сказалъ мнѣ, что въ несколькихъ шагахъ отсюда его ждутъ разъяренные солдаты, онъ погибнетъ. Сверхъ того онъ чужой въ Парижъ; только несколько часовъ, какъ онъ приѣхалъ сюда, едва ли могъ онъ заразиться....

— Молчи, сударыня, сказалъ старикъ грознымъ голосомъ, еще посмо-

трите, не ты ли главная виновница всѣхъ происшествій сегодняшняго вечера. Кто бы ни былъ этотъ человекъ; жизнь сыновей моихъ для меня дороже его жизни. Да посмотрите, со страхомъ прибавилъ онъ, взглядываясь въ лицо Лудюнуа; мнѣ кажется, что уже...

— Да, сказалъ капитанъ прерывающимъ голосомъ, опираясь рукою обѣ столы, чтобы не упасть; я, самъ не знаю, что со мной дѣлается; во сильныя волненія душевныя, чрезвычайная дѣятельность въ продолженіи двѣ, истощили силы мои....

Баронъ сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы лучше рассмотреть его, при свѣтѣ факела, который онъ выхватилъ у одного изъ слугъ. Потомъ вдругъ со страшнымъ крикомъ отступилъ назадъ и схватилъ за руки сыновей своихъ, чтобы вывести ихъ оттуда.

— Зараза! зараза! вскричалъ онъ съ ужасомъ. Бѣгите, дѣти мои, выходите изъ этого дома. Этотъ гнусный человекъ принесъ сюда заразу; мы все погибли!

— Боже мой! возможно ли это? бормотала Анна.

— Не обманываетесь ли вы, батюшка, спросилъ Гастонъ, раздѣлявшій въ эту минуту общій страхъ: увѣрены ли вы?.....

— Я не могу обмануться въ отвратительныхъ признакахъ болѣзни, которые вижу я на лицѣ этого несчастнаго; посмотрите на это багровое лицо, на впалые, блестящіе глаза его; это зараза, говорю я вамъ! я такъ боюсь этой страшной болѣзни за васъ и за себя, я такъ много наблюдалъ признаки, обнаруживающіе ея присутствіе, что не могъ тотчасъ не замѣтить ее. Убѣжимъ, убѣжимъ, дѣти мои, стѣны уже падаютъсь ядомъ!

— Пусть они прежде всѣхъ выйдутъ! сурово сказалъ Генрихъ, бросивъ къ Лудюнуа, со шпагою въ руки; его присутствие здѣсь всего опаснѣе. Выходите! выходите! прибавилъ онъ, съ

угрозами обращаясь къ Лудюнуа.

— Желалъ бы, сказалъ онъ слабымъ голосомъ; но я не могу. О, Боже мой! можетъ быть, я буду причиною смерти бѣдной моей Анны.

Онъ не могъ устоять на ногахъ и упалъ на полъ отъ жестокой боли, его мучившей.

— Несчастный, вскричалъ баронъ, схвативъ нѣжаль одного изъ сыновей своихъ и бросившись къ Лудюнуа; выходи или я убью тебя!

Анна бросилась между ними:

— Умоляю васъ, скажитесь!

— Несчастная! вскричалъ старикъ съ чрезвычайнымъ выраженіемъ: ты ввела сюда этого человека для гибели нашего семейства; ты дорого заплатишь за свое преступленіе. Выходите, сказалъ онъ, обратясь къ больному. Дѣти! дайте ему дорогу. Боже мой! если онъ умретъ здѣсь, намъ не останется никакой надежды къ спасенію.

Лудюнуа сдѣлалъ отчаянное усиліе приподняться; но безплодно; онъ снова упалъ къ ногамъ присутствовавшихъ, испустивъ жалобный крикъ.

— Я не могу выдти безъ помощи, пробормоталъ онъ.

— Ну! вскричалъ баронъ, обращаясь къ толпѣ слугъ, стоявшихъ у дверей; неужели не найдется изъ васъ найденого, столько преданнаго семейству Шангальроа, чтобы спасти его теперь? Между всеми, такъ долго пользовавшимися нашими милостями, неужели нѣтъ ни одного, кто бы сжался надъ нашимъ несчастіемъ? Друзья мои, торжественно клянусь, что я дамъ половину своего имѣнія тому, кто поможетъ этому человеку выдти отсюда и вѣстъ съ нимъ оставить домъ мой!

Мертвое молчаніе было отвѣтомъ на эти слова. Въ слуги, даже старикъ Гиллоа, не смотря на приверженность свою къ господину, отступилъ со страхомъ назадъ; никто изъ нихъ не откликнулся бы вѣдти въ кровавую битву за семейство Шангальроа; но эти у-

жасная болѣзнь и страданія, сопровождающія ее, казались имъ страшнѣе самой смерти. Никто изъ нихъ не хотѣлъ повиноваться приказаніямъ барона.

— Я! я! вскричали оба вѣдуть, Гастонъ и Генрихъ.

— Вы, сыновья мои, сказалъ баронъ, бросившись къ нимъ съ быстротою молніи; вы, надежда моего племени, вы? для васъ-то я и требую этой жертвы.... Назадъ! назадъ! ради Бога, прошу васъ! Я бы скорѣе самъ рѣшился подвергнуться этой опасности, чѣмъ позволить

— Такъ я спасу васъ всякъ! сказала Анна громкимъ голосомъ, бросившись къ больному.

— Анна, поди прочь! я тебя приказываю.

— Сестра!

— Бѣдная моя Анна!

— Удайтесь вы, вскричала молодая девушка твердымъ, повелительнымъ голосомъ; я одна буду заботиться о жизни того, кто былъ некогда нашимъ спасителемъ; я одна буду всеми силами поддерживать жизнь его, когда всѣ его оставили; я умру съ нимъ, если пожеланнымъ волеитвами не успѣю исцѣлить его отъ страшной болѣзни.

Почему ставъ на колѣни передъ умирающимъ, она сказала:

— Я твои невѣста; мы вѣдь поклялись другъ другу въ вѣчной любви; теперь, когда твоѣ знаніе не мѣшаютъ намъ соединиться, мы можемъ спокойно умереть.

Лудюнуа хотѣлъ отдалить молодую девушку; умоляя ее прерывающимся, слабымъ голосомъ; баронъ и сыновья его старались отвѣчать ее отъ опаснаго соседства; но она вырвалась изъ рукъ ихъ.

— Кто осмѣлится, закричала она отчаянно; осмѣлится у меня утѣшеніе умереть вѣстѣвъ съ женихомъ моимъ? Кто осмѣлится, подобно мнѣ, подвергать себя такой опасности? Смотрите, сказала она, быстро подвѣся къ губамъ

своими руку больного, который противился всемъ остаткомъ силъ своихъ: я изълюю руки, въ которыхъ скрыта зараза; смотрите, его дыханіе ядовито и я вдыхаю его въ себя.... кто теперь осмѣлится подойти ко мнѣ и дотронуться до меня пальцомъ? мы будемъ страдать, мы умремъ вмѣстѣ далеко отсюда, мы будемъ наконецъ свободны. Дайте же намъ дорогу, отецъ и братья; дайте намъ выдти отсюда, потому что мы теперь — смерть, и распространяемъ смерть всюду, гдѣ только дышемъ!

Всѣ присутствовавшіе оледенѣли отъ удивленія и страха; всѣ движенія этой дварушки были такъ быстры, такъ неожиданны; всѣ такъ были убеждены въ невозвратной погибели Анны, что никто не осмѣлился сопротивляться исполненію ея воли. Всѣ хранили мертвое молчаніе, слышны были тяжкіе вздохи; всѣ понимали другъ друга, хотя никто не говорилъ ни слова.

— Неужели, вскричалъ наконецъ баронъ въ порывѣ родительской нежности, я долженъ потерять дочь для спасенія сыновей?

— Вашу дочь! повторила Анна съ горестію: а давно ли, милостивый государь, вы вспомнили, что у васъ есть дочь? Вы никогда не любили меня, какъ отецъ долженъ любить дочь свою; если вы чегонибудь боитесь, такъ вовсе не за меня; вся ваша нежность, всѣ надежды ваши были только на сыновей, наследниковъ вашего имени. Вы не хотѣли отдать руку мою тому, кого я любила и кто оказалъ намъ такія важныя услуги; вы пожертвовали моимъ счастьемъ для самолюбивыхъ требованій вѣшнаго сапа и послѣ всего этого, прибавила она умоляющимъ голосомъ, слышали вы отъ меня хоть одну жалобу, хоть одинъ упрекъ? За всѣ эти страданія, которыя окрывала я въ глубинѣ своего сердца, теперь прощю объ одной милости: заплатить долгъ благодарности, пожертвовавъ мною для того, кто былъ нашимъ освободителемъ, поз-

волить мнѣ раздѣлить его жребій, умереть съ нимъ вмѣстѣ, если тщетны будутъ мои усилія возвратить ему жизнь; не жалуйте обо мнѣ, у васъ останутся еще сыновья! А что намъ до бѣдной Анны, которая пролила здѣсь столько слезъ и которая гордится тѣмъ, что можетъ умереть для вашего спасенія!

Никто не могъ удержаться отъ слезъ; горестъ заговорила въ эту минуту сильнѣе страха. Молодые Шангальеры, тронутые героизмомъ оестры своей, хотѣли воспріятствовать исполненію ея благороднаго намѣренія; но баронъ, вполнѣ понимая угрожающую имъ опасность, вдругъ вынулъ изъ оубинія, овладѣвшаго имъ послѣ справедливыхъ упрековъ его дочери, приналъ на себя снова твердый видъ и вскричалъ съ ужаснымъ отчаяніемъ:

— И такъ, жертва необходима; Анна, противъ моего желанія, противъ воли всѣхъ насъ, хочетъ раздѣлить участь этого несчастнаго, теперь ничто уже не можетъ спасти ее, все кончено! удалитесь же всѣ отсюда, я выведу ихъ изъ нашего жилища. Клянусь, нѣтъ больше средства для спасенія моего семейства и моего имени!

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричали сироты его, мы не допустимъ, чтобы сестра наша.....

— Сейчасъ обезоружить ихъ! отвѣсти въ ихъ комнаты и запретъ тамъ, пока все это кончится! закричалъ баронъ грознымъ, повелительнымъ голосомъ; горе тому, кто не будетъ теперь исполнять моихъ приказаній!

Слуги колебались нѣсколько времени; но голосъ барона былъ такъ ужасенъ, такъ грозенъ, что колебаніе это продолжалось не много. Они обезоружили молодыхъ людей и, не смотря на ихъ сопротивленіе и угрозы, вывели ихъ изъ общей залы. Скоро старикъ остался одинъ передъ двумя несчастными, обреченными на смерть; съ удивительной храбростію, которую придаетъ намъ отчаяніе, онъ схватилъ факелъ,

вынул ключъ, вставилъ у него на шею подъ платьемъ и сказала глухимъ голосомъ: «спядите за мною!»

Между тѣмъ Лудюнуа, съ помощію Анны, успѣлъ встать. Мы сказали уже, что болванъ быстро, страшно измѣнила лицо его; всякій затрепеталъ бы, видя прекрасную молодую дѣвушку; блѣлую, розовую, подлѣ этого живаго трупа, уже назначеннаго для могилы.

Не знаю, опасался ли баронъ Шангальяръ, чтобы не потерять присутствія духа при взглядѣ на этотъ поразительный контрастъ, только онъ приготовился идти, ни разу не взглянувъ на нихъ; вдругъ несчастный сказалъ слабымъ, раздирающимъ душу голосомъ, смотря на него:

— Богъ свидѣтель, что я не могъ сопротивляться жертвѣ этой великодушной дѣвушки! клянусь Создателемъ, что, имѣя тысячу жизней, я все бы отдалъ теперь, чтобы имѣть возможность не допустить ее до этого!

— Спядите за мною! повторилъ баронъ, задрожавъ, какъ листъ и чувствуя, что ему надобно поторопиться.

Началось шествіе, медленное, важное, погребальное, по временамъ прерываемое отдыхами, необходимыми для ослабѣвшаго Лудюнуа. Въ саду двѣ адмен были пусты, ни одного живаго существа нигдѣ не было видно; ночь мрачная и тихая; ни малѣйшаго шума въ предмѣстіи. Баронъ шель впередъ, спокойный по наружности, но съ разтерзаннымъ сердцемъ; если бы волоса его не были уже бѣлы, какъ снѣгъ, они поблѣднѣли бы въ одну эту ночь. Онъ держалъ въ рукѣ факель, разливавшій дрожащій свѣтъ свой при свѣжесмъ вѣсншемъ воздухѣ и освѣщавшій все пренатствія, которыя могли бы продать медленное шествіе несчастныхъ, садовавшихъ за барономъ. Лудюнуа, съ одной стороны опираясь на мужественную Анну, а съ другой на свою шпагу, печально подвигался впередъ, выказывая слабымъ

голосомъ свою благодарность, нѣжность и уваженіе къ молодой героинѣ. Анна была прелестна, очаровательна и по временамъ она повторила съ ангельскою кротостію:

— Другъ мой! мы умремъ вмѣстѣ.

Такъ шли они по саду; шелестъ листьевъ среди ночнаго мрака; песокъ, обсыпавшійся подъ ногами ихъ; фантастическіе призраки, проходившіе, какъ длинныя тѣни, по обѣимъ сторонамъ дороги, этотъ печальный свѣтъ факела — все придавало картинѣ ужасный и вмѣстѣ торжественный видъ.

Наконецъ они дошли до одного изъ уединенныхъ павильоновъ, возвышавшихся въ другой сторонѣ сада. Баронъ отворилъ дверь и вошелъ въ этотъ павильонъ, не говоря ни слова, не оглянувшись даже, спядаютъ ли они за нимъ, потому что одинъ взглядъ, одинъ звукъ его собственнаго голоса лишилъ бы его присутствія духа, которое хотѣлъ онъ сохранить до конца; тамъ, онъ скоро нашелъ другую, потаенную дверь и отворилъ ее тѣмъ ключемъ, котораго ни на минуту не снималъ съ своей шеи. Передъ нимъ открылось черное, сырое подвемелье; онъ первый вошелъ въ него и пошелъ дальше. Наконецъ дошелъ до послѣдней двери, которая вела въ пустой домъ на другой сторонѣ той самой улицы, въ которую вечеромъ забѣжалъ Лудюнуа; тогда только онъ осмѣлился обернуться къ большимъ и сказалъ имъ твердымъ голосомъ, стараясь скрыть сильныя волненія своей души:

— Вы свободны! да будетъ съ вами милость Божія!

Лудюнуа усталъ отъ утомленія на деревянную скамью, забытую въ этой лачужкѣ; старикъ, боясь, что онъ умретъ, пошелъ назадъ, не простившись съ несчастными, какъ вдругъ услышалъ за собою нѣжный голосъ Анны:

— Батюшка, сказала она, ваша дочь, можетъ быть, скоро умретъ, а вы ее и не благословили!

— Благословляю тебя, дочь моя! ска- залъ онъ, издали протягивая къ ней руки; ты святая!

Рыданія прервали слова его.

— А я, милостивый государь, съ усиленъ пробормотала Лудюна: могу- ли я надѣяться, что всѣ неприятности, которыя я причинилъ вамъ неволью....

— Вы? вскричалъ баронъ съ ненави- стью и гнѣвомъ всѣ казни ада не мо- гли бы меня заставить простить васъ!

Онъ собралъ послѣднія силы, бро- сился къ двери и быстро заперъ ее

за собою. Потомъ пробѣжалъ подзе- мелье и павильонъ и, когда онъ уза- рился, что никто не можетъ этимъ хо- домъ проникнуть въ его жилище, му- жество, которое онъ сохранялъ до сихъ поръ, оставило его совершенно. Онъ упалъ на песокъ первой аллеи, сказа- ши въ бреду:

— Боже милосердый! ты знаешь, что иначе я не могъ спасти сыновей своихъ и сохранить въ потомствѣ свое имя!

VII.

Прошло шесть мѣсяцевъ послѣ нача- льныхъ сценъ въ домъ Шангальера и въ Парижъ въ это короткое время произошли важныя перемѣны. Король, по возвращеніи своемъ въ столицу, хоти не на всегда уничтожилъ, но осла- билъ религиозные споры, и зараза, ис- требившая значительную часть Париж- скаго населенія, была совершенно пре- кращена благоразумными распоряжені- ями герцога Сюлли.

Что же касается до лицъ, дѣйстви- ющихъ въ нашемъ разсказѣ, то чита- тель можетъ узнать все, что объ нихъ знали въ то время, если только при- слушается къ разговору двухъ особъ, сидѣвшихъ въ одно прекрасное весен- нее утро, въ корчмѣ извѣстнаго ему Диде. Корчма его была подъ вывѣ- скою: «для лучшей изъ религій;» гово- ря мимоходомъ, эта вывѣска была при- думана очень искусно; двумъ мыслен- нымъ своимъ значеніемъ привлекала и католиковъ и протестантовъ.

Окошко къ сторонѣ предмѣстія было открыто, и сидѣвшіе въ корчмѣ могли наслаждаться свѣжимъ весеннимъ воз- духомъ; утреннее солнце придавало блескомъ золотыхъ лучей своихъ пур- пуровый цвѣтъ вину, пивавшемуся въ чистыхъ оловянныхъ стопахъ. Разгѣ-

варивая, оба друга (надобно было ду- мать, что это друзья, потому что она вѣдѣвъ осушала бутылки); по време- намъ, смотрѣли на улицу, будто ожи- дали тамъ какого нибудь важнаго лица; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ корчмы разговаривали двадцать стрѣлковъ, изъ числа тѣхъ самыхъ, которые оказались такими храбрѣеями во время бунта у заставы св. Антонія; они тоже, каза- лось, кого то ждали.

Иногда, какъ тѣ, такъ и другіе взгля- дывали на странное строеніе, возвыша- шееся на другой сторонѣ предмѣстія и которое ми назвали «Глухимъ домомъ.» Вокругъ него все перемѣнилось; а онъ все такъ сохранялъ прежнюю, мрач- ную свою физогномію; сошедшіе дома, которые за нѣсколко лѣтъцовъ были пусты, теперь наполнены множе- ствомъ семействъ, а онъ все мра- ченъ и молчаливъ, ни одинъ человекъ никогда не показывался на стѣнахъ его. Деревья, наполнявшія садъ и ю- крытыя новыми листьями, одни только доказывали, что прошло довольно вре- мени послѣ описанныхъ нами событій; они еще гуще обросли кругомъ дома, увеличивали тѣнь и мертвое молчаніе вокругъ него. Все, казалось, умерло за этой непроницаемой оградой и никто

не могъ знать, что дѣлается за этими высокими, кривыми стѣнами.

Читатель очень удивится откровенности и дружескому обхожденію двухъ особъ, сидѣвшихъ въ это время въ корчмѣ, когда узнаетъ, что одинъ изъ нихъ былъ самъ старый знакомецъ нашъ Диде; такой же скромный, такой же легкомысленный, какъ и всегда, и что товарищу его, начальникъ стрѣлковъ, болтавшихъ передъ дверями, тотъ самый сержантъ, который въ день прибытія Лудюнуа, хотѣлъ схватить Диде и отвѣсти его къ пшачу. Кавалось, что добрый Диде, хотя по временамъ и чокался съ ними стаканами, все еще не забылъ того случая; потому что онъ сказалъ ему съ обыкновенною кротостію:

— Я не рожденъ для войны, сержантъ Шатолень; но никогда не видѣлъ смерти такъ близко, какъ въ тотъ промлатый вечеръ, о которомъ ты говоришь. Вамъ, кажется, очень хотѣлось, чтобы меня повисели я, безъ помощи капитана.

— Да, да, насмѣшливо сказалъ старый солдатъ, поправляя закрученные къ носу усы свои, какъ было тогда въ модѣ; да, господинъ Диде, въ ту ночь веревка, какъ говорить, паласала надъ твоей головой и сержантъ Шатолень не дасть бы тебѣ пощады. Но какъ же я могъ поступить иначе? я еще не зналъ твоего вѣра, ты былъ бунтовщикъ, и долтъ.

— Я васъ не обвиняю въ томъ, сержантъ; нѣтъ, вѣрусь, я васъ вовсе не виню, сказалъ корчмарь, покачивая головой — и это было мнѣ урокомъ, не вмѣшиваться въ народную драку; когда такъ боюсь войны. Но я потому тогда былъ храбръ, что со мною былъ человекъ, жывивший уже во многихъ сраженіяхъ, Шатолень; а самъ никогда видѣлъ, какъ работали они; гдѣ нужно, своей шагаю и былъ упрямъ, что онъ не дасть сорвать волосы съ головы моей; хотѣ бы три

тысячи стрѣлковъ напали на меня бѣднаго.

— Впрочемъ, возразилъ солдатъ, нѣсколько обиженный такимъ самохвальствомъ, счастливъ былъ твоей освободитель, что онъ былъ славный служака, любимецъ короля и маршала де Фервакъ, а то бы не такъ скоро забыли о бѣдномъ Мареско, моемъ товарищѣ. Да и при всемъ томъ, худо бы ему было, если бы мнѣ удалось поймать его и если бы онъ не призвалъ на помощь дьявола.

— Дьявола! съ удивленіемъ повторилъ корчмарь.

— Да, дьявола, съ увѣренностію отвѣчалъ сержантъ, потому что, увѣраю тебя, безъ помощи нечистаго, этотъ капитанъ Лудюнуа или какъ бы его ни звали, не могъ уйти отъ меня въ ту ночь! Посуди самъ, продолжалъ старый стрѣлокъ, вставая съ мѣста, какъ будто хотѣлъ представить какое нибудь важное доказательство и показывая на таинственный домъ Шангальаровъ, стоявшій прямо передъ окнами корчмы — все видѣли, что этотъ капитанъ твой побѣжалъ, какъ зайць, по маленькой круглой улицѣ, которая идетъ около кривости стараго дурака Шангальара. Я обрадовался этому, надѣясь навѣрно отмстить за бѣднаго Мареско; который кричалъ, какъ сумасшедшій, отъ раны въ груди; рана, надобно признаться, была мастерски сдѣлана. Наши люди, съ своей стороны, также не расположены были отпустить безъ наказанія убійцу товарища ихъ стрѣлка; съ увѣренностію пошелъ я въ улицу и напросно, его тамъ не было; наконецъ мы рвынулись всю ночь стеречь выходы, думая, что если этотъ повеса вошелъ туда, онъ долженъ былъ и выйдти. Такъ стояли мы еще долго послѣ этого общаго шума и никто оттуда не показывался. Настала почь и мы начали ужасно скучать, мы обещали заставить убійцу Мареско дорого заплатить намъ за это ожиданіе, какъ вдругъ, во время

общей тишины и мрака, увидѣли, что къ намъ кто-то идетъ. Мы взяли за оружіе, я кричу: «кто идетъ!» мнѣ не отвѣчаютъ. Я иду впередъ и узнаю своего непріятеля но онъ былъ не одинъ.

— А! сказалъ Дидіе, онъ вѣрно былъ съ дьяволомъ! и легкая ироническая улыбка показалась при этихъ словахъ на его пріятномъ, добромъ лицѣ.

— Онъ былъ съ молоденькой дѣвушкой, выразительно сказалъ сержантъ, разсерженный невѣріемъ своего слушателя: я не могу сказать тебѣ, откуда она вышла и состояла ли она дѣйствительно изъ тѣла и костей, какъ всѣ женщины; знаю только, что, когда мы подошли къ ней, она бросила на насъ взглядъ который не такъ легко забыть, въ немъ было что-то нечеловѣческое. Въ глазахъ ея сверкнула молнія, которой блескъ поразилъ насъ. Люди наши не смѣли поднять руки, ни на нее, ни на ея товарища, хотя они тотчасъ узнали его по платью и по нервамъ его шляпы. А я, ты знаешь Дидіе, я старый волкъ, меня не такъ скоро испугаешь, я просто взялъ его за воротъ, какъ вдругъ эта эта молодая дѣвушка испустила пронзительный, жалобный крикъ, такой, какого я не слышалъ еще никогда въ своей жизни и, можетъ быть, никогда не услышу, и она повелительно сказала мнѣ: «спрочь, несчастный! онъ зараженъ!» Въ это время онъ поднялъ голову; въ багровомъ, обезображенномъ лицѣ его видны были всѣ признаки заразы. При этомъ зрѣлищѣ, ничто не могло удержать людей нашихъ, они со страхомъ разбѣжались, а я, невольно, вовсе не думая о томъ, что дѣлаю, уронилъ свой факель и прижался къ стѣнѣ; волосы мои встали дыбомъ, самъ не знаю отъ чего. Тогда эти двѣ тѣни, молча, прошли мимо меня и исчезли на концѣ улицы; послѣ того я ихъ уже не видалъ.

Стрѣлокъ остановился, и смотрѣлъ

какое дѣйствіе произведетъ этотъ рассказъ на его слушателя.

— Да, сержантъ Шатоленъ, возразилъ Дидіе, я согласенъ, все это было какъ-то странно, и дѣйствительно можно было испугаться даже и такому храбрцу, какъ вы; только дѣвушка, которую вы приняли за злаго духа, прибавилъ онъ, вѣсело улыбаясь, была ангелъ кротости и доброты; она спасла жизнь бѣдному капитану Лудюнуа. Это была Анна Шангальяръ, дочь барона и клянусь вамъ, въ этой милой дѣвушкѣ не было ничего дьявольскаго. Она пожертвовала собою для спасенія капитана, котораго всѣ оставили, потому что онъ заразился въ тотъ самый вечеръ въ толпѣ народа. Говорятъ, они любили другъ друга; но это до насъ не касается, объ этомъ нечего и говорить. Какъ бы то ни было, дѣвушка, пройдя мимо васъ, отвела капитана къ одному старинному его другу и, съ опасностію собственной жизни, заботилась о больномъ; попеченія ея вознаградились: она жива и здорова и капитанъ совсѣмъ уже выздоровѣлъ.

Послѣ этого она удалась въ монастырь и ее ни какъ не могутъ уговорить выдти оттуда. Но лучше всего вотъ что: король, услышавъ обо всемъ этомъ, позвалъ Лудюнуа, котораго онъ уже давно желалъ видѣть и хотѣлъ отъ него самого узнать о подробностяхъ этого прозвѣстія. Не знаю, что капитанъ сказалъ ему о семействѣ Шангальярровъ, знаю только, что, капитанъ часто приходитъ сюда и проводитъ иногда цѣлые часы, смотря на этотъ таинственный домъ. Сначала онъ нѣсколько разъ бросалъ туда черезъ стѣну письма, кричалъ, дѣлалъ знаки, но ни когда обитатели дома, если только тамъ есть кто нибудь, не давали ему ни какаго отвѣта; по этому, вѣроятно, онъ и выпросилъ приказаніе короля: осмотрѣть домъ Шангальярровъ съ

отрадемъ страшно, которые ожидаютъ теперь главнаго распорядителя.

— Только этотъ распорядитель заставляеть долго дожидаться себя, съ досадою сказалъ сержантъ, вспоминая о настоящемъ своемъ положеніи.

Потомъ онъ прибавилъ:

— Ты рассказалъ мнѣ, Дидіе, страшную исторію объ этомъ капитанѣ и дѣвущицѣ, и хотя я еще не понимаю нѣкоторыхъ обстоятельствъ изъ твоего разказа, но буду теперь осторожнѣе; опять бы не принять дѣвицу за діавола. Не можешь ли еще сказать мнѣ, что я буду съ своими стрѣлками дѣлать въ этомъ сатанинскомъ домѣ.

— Вы сей часъ это узнаете, сказалъ корчмарь, вставъ и подождая къ окошку, я слышу конскій топотъ. Безъ сомнѣнія, это ѣдетъ тотъ, кого вы ждете.

Въ самомъ дѣлѣ многочисленная кавалькада показалась въ это время изъ за угла предмѣстія и быстро неслась впередъ. Во главѣ поѣзда былъ приставъ, въ черномъ платьѣ, верхомъ на мулѣ. Держа въ одной рукѣ серебряный прутъ, а въ другой бумаги, ему, казалось, очень трудно было держать въ равновѣсіи свою особу, свои очки, бумаги и въ тоже время управлять своимъ муломъ, нѣсколько упрямымъ, какъ прилично мулу пристава. За нимъ везли носилки, со всѣхъ сторонъ закрытыя; нескромный взглядъ не могъ проникать черезъ шелковыя занавѣсы во внутренность ихъ, а подлѣ этихъ носилокъ ѣхалъ на бодромъ конѣ молодцоватый кавалеристъ, въ которомъ и добрый Дидіе съ трудомъ узналъ своего стараго начальника, капитана Лудюнуа. Правда, капитанъ очень перемѣнился въ эти шесть мѣсяцовъ; простой, даже бѣдный, дорожный нарядъ замѣненъ былъ богатымъ мундиромъ съ латами изъ помпрованной стали; его серебряная каска съ мушкетерскимъ перомъ позволяла видѣть его правильное, величественное лицо; хотя на лицѣ этомъ выражалось безнокон-

ство, но недавняя болѣзнь не оставила на немъ ни какого слѣда.

По временамъ онъ приближался къ закрытымъ носилкамъ, и тихонько говорилъ нѣсколько словъ неизвѣстной особѣ, сидѣвшей внутри. Поѣздъ заключалъ пажи, слуги и нѣсколько военныхъ благородной наружности, которые были, повидному, друзья капитана Лудюнуа.

Такимъ образомъ они пріѣхали на площадь передъ корчмою; Дидіе и Шатоленъ вышли имъ на встрѣчу и стали на порогъ дома. Увидя ихъ, капитанъ соскочилъ съ лошади и остановивъ всю свою свиту, подошелъ къ двумъ друзьямъ, которые, казалось, ожидали его съ нетерпѣніемъ. Онъ пожалъ дружески руку Дидіе и, обратясь съ разсѣяннымъ видомъ къ его товарищу, сказалъ:

— Вы сержантъ Шатоленъ?

— Я! отвѣчалъ солдатъ нѣсколько грубо.

— Готовы ли ваши стрѣлки?

— Да, но кто вы, что такъ спрашиваете меня?

Капитанъ обернулся къ чловѣку въ черномъ платьѣ, которому, казалось, очень трудно было слѣзть съ мула, что возбудило смѣхъ и остроты пажей и солдатъ. Наконецъ ему удалось это сдѣлать, съ помощію услужливаго Дидіе и, по знаку Лудюнуа, онъ подошелъ къ Шатолену.

— Исполняйте вашу должность, отрывисто сказалъ Лудюнуа.

Приставъ поклонился и, развернувъ огромный листъ, началъ читать въ носъ длинное приказаніе Парижскаго градоначальника, чтобы всѣ солдаты повиновались капитану Лудюнуа для исполненія порученія, даннаго ему Королемъ. Шатоленъ, совершенно не понимавшій краснорѣчиваго пристава, но временамъ улыбался и нетерпѣніе ясно видно было на лицѣ его.

— Короче, прервалъ Лудюнуа, такъ же соскучившись дѣло въ томъ, что мнѣ поручено осмотрѣть вотъ этотъ

домъ, указывая на домъ Шангальера, и вы все должны мнѣ повиноваться для исполненія моего порученія. Это королевскій приказъ.

— Довольно! сказалъ сержантъ, принимавшій это гораздо лучше, чѣмъ длинную рѣчь пристава; капитанъ Лудюна, прибавилъ онъ съ некоторой досадою, вѣроятно, помнить какъ accurately исполняю я свою должность!

Капитанъ взглянулъ на него съ большимъ вниманіемъ.

— Если я не обманываюсь, сказалъ онъ, такъ это вы стерегли выходъ въ ту ужасную ночь...

— Да.

— Ну! возразилъ капитанъ, вспомнивъ прежнія военныя привычки и дружески подавая ему руку, я на васъ не сержусь, вѣдь я и самъ былъ виноватъ: забудемъ старое.

Сержантъ пожалъ ему руку и началъ стронуть солдатъ своихъ, съ удовольствіемъ сказавши Дядіе:

— Да! ты правъ, онъ славный малой; почти также добръ, какъ ты.

Въ это время Лудюна подошелъ къ посылкамъ и осторожно подвѣвъ съ одной стороны занавѣсъ, сказалъ особѣ, сидѣвшей внутри:

— Мы пріѣхали, Анна, ободритесь; черезъ нѣсколько минутъ вы обнимете своего отца и братьевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Лудюна, отвѣчали оттуда пріятнымъ, вѣжливымъ голосомъ, не ласкайте меня пустой надеждой! Отца моего и братьевъ уже нѣтъ въ живыхъ, милость короля состоятъ будетъ въ томъ, что я увижу трупы ихъ въ этомъ страшномъ домѣ.

— Къ чему эти мысли, любезная Анна? отецъ вашъ еще живъ, и вы знаете какимъ обѣщаніемъ король позволялъ мнѣ ободрить его. Потерпите, я прикажу выбить дверь; нѣтъ другаго средства войти въ этотъ домъ.

— Лудюна, не видно ли кого на стѣнахъ, на площадкахъ, въ бойницахъ?

и слышала звукъ рога: не вышелъ ли кто на этотъ привѣтъ?

— Никто, Анна, сказала капитанъ съ глубокою горестію; этотъ домъ, кажется оставленъ.

— Они умерли! прошептала, дрожа, дѣвушка. Лудюна, вспомните, что мы оставили смерть шодъ себя?

Капитанъ опустилъ занавѣсы, чтобы скрыть отъ насъ смертельное безпокойство, невольно выказавшееся на лицѣ его, и слезы, которыя текли по ступалымъ щекамъ его.

Скоро стѣнки приведены были своими начальникомъ въ развалившійся домъ мишка, въ который выходила потаенная дверь. Лудюна первый подалъ солдатамъ примѣръ отбить ее, сильно въ нее ударя, и скоро она уступила ихъ усиліямъ. Вошли въ подземелье и, при отъѣтѣ эаколовъ, начали выбивать другую дверь, которая была еще толще первой. Наконецъ выломали и ту: стѣнки вошли уже въ маленькій навазмонъ, выходившій въ уголъ сада. Любопытные солдаты и большая часть свиты хотѣли бѣжать въ садъ, какъ вдругъ Лудюна остановилъ всѣхъ, закричавъ повелительнымъ голосомъ:

— Не смѣй ни одинъ выходить изъ этого навазмона безъ моего приказанія. Только я съ дядицею Шангальеръ перейдемъ за эту ограду; по волѣ короля вы должны мнѣ повиноваться.

Онъ вышелъ и скоро возвратился съ Анной, до сихъ поръ не оставившей своихъ послуховъ. Дядица Шангальеръ была блѣдна, а блескъ черныхъ глазъ ея еще болѣе выказывалъ эту блѣдность; на ней было бѣлое платье послушницы монастыря, въ который она удалась по выздоровленіи Лудюна. Одной рукой она опиралась о плечо капитана и была такъ слаба, такъ не твердо ступала, съ такою горестію говорила съ капитаномъ, что паружность ея еще увеличивала уваженіе присутствовавшихъ къ ея страданіямъ и ея печали. Проходя мимо стѣнокъ, она

приветствовал их легким наклоном головы и тихо шла вперед, подерживаемая капитаном. Скоро оба они исчезли за одним огромным деревом, которое возвышалось в средине сада.

Дядя подошел къ сержанту Шателанъ, который стоялъ, как окаменѣлый, при появленіи этой прекрасной дѣвцы.

— А что? сказалъ онъ ему.

— Она точно ангелъ! отвѣчалъ старшій сержантъ, тогда только замѣтившій, что слеза дерзко текла по щеку его въ присутствіи всѣхъ солдатъ.

Анна и Лудюна медленно проходили чрезъ садъ. Крапива росла въ аллеяхъ, а гряды съ овощами засохли подъ терновникомъ, волчцомъ и молочаемъ. Издали уже они увидѣли, что двери и окна дома были заперты и онъ, казалось, давно уже былъ оставленъ. Зеленой мохъ уже покрывалъ его крыльцо, а ласточки, чириканье которыхъ одно только нарушало тишину этого уединеннаго мѣста, привѣсили глѣзды свои къ стѣнамъ залы; это служило вѣрнымъ доказательствомъ, что съ возвращенія весны залу въ все не отперали.

При этомъ печальномъ зрѣлищѣ съсидѣлась грудь молодой дѣвцы. Она остановилась и заплакала.

— Другъ мой, сказала она, я говорила, что мы придемъ слишкомъ поздно.

— Анна! съ кротостію отвѣчалъ Лудюна, — еще лишь нѣсколько дней, что зараза совершенно оставила Парижъ. Мы не могли, не рискуя снова подвергнуть опасности жизнь отца твоего и твоихъ братьевъ, раньше проникнуть въ ихъ уединеніе. Смотри, Анна, продалжалъ онъ, склонившись и поднимая пергаментъ, слова котораго уже смгладились отъ дождя и росы: посмотри какъ они принимали мои предвидѣнія. Они оstarяли ихъ тамъ, гдѣ находили, боясь заразы...

Шателляръ сомнительно покачала головой.

— Да кому было поднимать твои шесма, Лудюна? гдѣ тѣ, къ кому они были адресованы?

— Анна, возразилъ капитанъ, стараясь возбудить въ ней надежду, которой впрочемъ не было въ немъ самомъ: мы еще не все осмотрѣли; сверхъ того, отецъ и братья твои, полагая, что тебя нѣтъ въ живыхъ, могли оставить этотъ домъ, не предвидѣвая о томъ ни кого? чѣмъ ты докажешь справедливость своихъ пагубныхъ предчувствій?

— Чѣмъ докажу! повторила Анна, остановясь и сильно сжимая руку Лудюна, вотъ доказательства!

Она показала два или три деревянныя креста, грубо обдѣланные, возвышавшіеся въ некоторомъ разстояніи въ тѣни дерева. Капитанъ задрожалъ и хотѣлъ отвѣчь молодую дѣвушку отъ этого страшнаго мѣста, но она сильно сопротивлялась и Лудюна принужденъ былъ слѣдовать за ней къ этимъ могиламъ, которыя, безъ сомнѣнія должны были открыть имъ какую нибудь ужасную тайну.

Анна, дрожа, стала на колѣни у подножія перваго креста и старалась разобратъ надпись, вырѣзанную на немъ пожомъ. Но глаза ея были полны слезъ, горестъ ее задушала, и капитанъ тихо проговорилъ: Гастонъ, умеръ 20 ноября 1606.

— Гастонъ! братъ мой! вскричала Анна, поднимъ глаза къ небу.

Потомъ, показывая на соседнюю могилу, къ которой она, по слабости, не могла уже подойти, спросила: «а тамъ?»

Лудюна наклонился у втораго креста и прочиталъ: Генрихъ, умеръ 17 ноября 1606.

— Умерли оба! вскричала она раздирающимъ душу голосомъ, умерли, Гастонъ, Генрихъ!... А отецъ мой, сказала она, указывая на третью могилу, отецъ долженъ быть тамъ!

Ноги подгибались у нея и она опустила голову къ подножию креста, не имѣя силъ перенести новое несчастье. Лудюнуа поддержалъ ее, и, все еще утѣшая ее, сказалъ:

— Анна! одно утѣшеніе остается для насъ въ несчастіи; именно то, что молодые люди умерли черезъ три мѣсяца послѣ моего прихода въ этотъ домъ, — они умерли не отъ заразы, которую я могъ сообщить имъ. Анна, совѣсть моя спокойна, не я былъ причиною смерти твоихъ братьевъ!

Анна не слушала его; мѣсто обморока скоро заняло ужасное безпокойство. Она вдругъ встала; капитанъ понялъ ея желаніе и, подойдя къ третьей могилѣ, поднявъ кусты, закрывавшіе ея надпись; тамъ прочелъ онъ слабымъ голосомъ: Марія Мерсе, умерла...

— Моя кормилица! жена бѣднаго Гильюма Мерсе! вскричала молодая дѣвушка, не давъ капитану времени окончить; «Боже, благодарю тебя, отецъ мой еще живъ!

— Онъ живъ еще, повторилъ, какъ эхо, слабый голосъ позади ее; но уже умираетъ.

Анна и Лудюнуа быстро оглянулись и примѣтили челоуѣка, сидѣвшаго неподвижно, въ тѣни кустовъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ могилъ. Это былъ старый Гильюмъ; но еще болѣе постарѣвшій отъ недавнихъ несчастій; отъ удивленія онъ выронилъ изъ драхлехъ рукъ своихъ пипаль, которую всегда носилъ съ собою для защиты жилища, сружіе, безъ сомнѣнія, неопасное, потому что фитиль не былъ зажегъ. Онъ посмотрѣлъ съ испуганнымъ видомъ на Лудюнуа и на дѣвицу Шангалъяръ, какъ будто видѣлъ передъ собою что нибудь сверхъ естественное. Анна и капитанъ побѣжали къ нему.

— Развѣ мертвые встаютъ изъ могилъ? сказалъ старикъ глухимъ голосомъ, вы ли это, сударыня?

— Да, это я, Гильюмъ, мой до-

брій Гильюмъ, отвѣчала она, принимая къ губамъ своимъ морщиноватыя руки стараго слуги; я не сдѣлалась жертвою заразы и женихъ мой также здоровъ! Гильюмъ, не ты ли сказалъ мнѣ, что отецъ мой еще живъ?

— Богъ продлилъ жизнь его до этой минуты, чтобы онъ имѣлъ утѣшеніе обнять дочь свою, которую считаетъ умершею! Но несчастья истощали силы его и онъ, въ двухъ шагахъ отсюда, умираетъ въ отчаяніи; онъ никогда не думалъ, чтобы кто нибудь изъ дѣтей его закрылъ ему глаза!

— А это правда? спросилъ Лудюнуа, показывая на могилы сыновей барона.

— Могилы не обманываютъ, возражилъ старикъ съ глухимъ стономъ; онъ поглотилъ и знатныхъ молодыхъ людей, и бѣдную старую служанку.

— О, Боже мой! вскричала Анна, поднимая глаза къ небу; но Гильюмъ, какою смертию умерли братья мои...

— Онъ самъ вамъ это скажетъ, отвѣчалъ слуга, приготовляясь вести ихъ къ барону.

Капитанъ удержалъ его за руку.

— Ты здѣсь одинъ, Гильюмъ, съ своимъ господиномъ?

— Одинъ, сударь. Послѣ множества несчастій, сдѣлавшихъ домъ этотъ домомъ печали, всѣ слуги разбѣжались одинъ за другимъ, боясь ужаснаго рока, тяготѣвшаго надъ ними. Только я съ бѣдной моею Маріей оставались у стараго, несчастнаго нашего господина! Марія умерла и теперь я совершенно одинъ.

Онъ медленно отеръ рукою глаза свои, Анна рыдала, капитанъ, казалось, съ большимъ трудомъ сохранялъ еще присутствіе духа.

— Гильюмъ, возражилъ онъ съ напращеніемъ, еще объ одномъ нужно мнѣ тебя спросить. Отъ чего баронъ оставался здѣсь, когда опасность миновалась, когда его столько разъ предавали, что заразы нѣтъ въ Парижѣ?

— Если вы говорите о бумагах, которая иногда находилъ я въ саду, сказалъ Гильюмъ, то баронъ запретилъ мнѣ поднимать ихъ и не велѣлъ обращать ни малѣйшаго вниманія на шумъ за оградой; онъ сдѣлался суровымъ, ипохондриккомъ. Не надѣйся ничего получить отъ людей, онъ не хотѣлъ сближаться съ ними; не хотѣлъ никого видѣть, счастье другихъ увеличило бы его отчаяніе. Онъ хотѣлъ спокойно умереть въ уединенномъ уголкѣ своемъ, повторяя имена сыновей, дочери. . . .

— Мое имя? спросила Анна съ жаромъ: онъ говорилъ иногда обо мнѣ Гильюмъ? онъ вспоминалъ, что у него есть дочь? онъ жалѣлъ объ ней? желалъ ее видѣть? о! побѣжимъ, побѣжимъ! я хочу его видѣть! хочу сжать его въ своихъ объятіяхъ! отецъ мой!

И она хотѣла бѣжать въ домъ. Но старый слуга остановилъ ее.

— Его нѣтъ тамъ, сказалъ онъ; въ тотъ самый вечеръ, какъ вы ушли, онъ велѣлъ запереть всѣ части дома, по которымъ проходилъ зараженный и никто послѣ тамъ не бывалъ. Онъ теперь въ павильонѣ и вѣрно сердится, что я такъ долго не иду къ нему. Но, прибавилъ онъ, обратясь къ Аннѣ, вамъ нельзя показаться ему, пока я его не предупредю: ваше неожиданное появленіе причинило бы ему внезапную смерть.

Лудюнуа началъ вмѣстѣ со старикомъ убеждать Анну, чтобы она имѣла терпѣніе подождать нѣсколько минутъ, пока баронъ будетъ приготовленъ къ увѣщенію, которое Богъ посылаетъ ему въ послѣднія минуты. Она съ трудомъ согласилась на это и всѣ они медленно пошли къ павильону.

Павильонъ этотъ былъ одно изъ небольшихъ строеній, которыя баронъ назначилъ для прислуги, согласившейся раздѣлять съ нимъ его произвольный планъ. Наружность павильона была проста, даже бѣдна, по

Часть XII. Гл. II.

причинѣ поспѣшности, съ которою онъ былъ построенъ. Анна вздохнула при видѣ этого бѣднаго, послѣдняго жилища ея отца.

Подойди къ двери, старикъ слуга тихо просилъ ее не идти дальше. Она съѣла на крыльцо въ сильномъ волненіи, а Лудюнуа и Гильюмъ вошли въ комнату барона.

Комната была такъ же бѣдно и худо убрана, какъ и наружность павильона. Умирающій лежалъ на большой постелѣ съ балдахинномъ, котораго толстые саржевые занавѣсы увеличивали мрачность его ложа. Черты лица барона очень измѣнились; худыя руки его корчились въ болѣзненныхъ судорогахъ. Когда они вошли, баронъ даже не оглянулся; но сказалъ Гильюму слабымъ прерывистымъ голосомъ:

— Ну, Гильюмъ, ты ходилъ очень долго! отъ чего этотъ шумъ, который слышалъ я въ саду? кажется, пробивали потаенную дверь. Боже мой! не ужели мнѣ не дадутъ даже умереть спокойно?

— Господинъ баронъ

— Но здѣсь кто-то чужой, возразилъ старикъ, обратясь къ Лудюнуа и смотря на него своими блуждающими глазами; чего онъ отъ меня хочетъ? что нужно ему въ этомъ домѣ? кто звалъ его? кто его привелъ сюда.

Лудюнуа сталъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

— Господинъ баронъ, сказалъ онъ: печальная наружность этого дома, въ которомъ, какъ всѣмъ извѣстно, поселились вы съ своимъ семействомъ, возбуждала опасенія людей, принимающихъ участіе въ судьбѣ вашей. Зараза кончилась и я получилъ порученіе отъ Короля узнать о вашемъ положеніи со всѣмъ уваженіемъ къ вашимъ бѣдствіямъ

Баронъ вдругъ прервалъ его.

— Что мнѣ за дѣло до Короля? вскричалъ онъ; что мнѣ до людей и ихъ участія, ихъ уваженія? что мнѣ даже

до заразы, которая была причиною всѣхъ моихъ несчастій?

Пусть она придетъ теперь, она вайдетъ здѣсь старика, котораго горестъ убьетъ еще прежде нее! Что мнѣ бояться теперь этой заразы, когда она уже похитила Анну, мою любезную дочь, бѣдную мою Анну?

Рыданія прервали слова его. Лудюну подошелъ къ нему еще ближе.

— Господинъ баронъ, сказалъ онъ медленно: вы никогда не думали, что эта ужасная болѣзнь возвращаетъ иногда свои жертвы?

Баронъ задрожалъ и старался приподняться.

— Я узнаю этотъ голосъ, вскричалъ онъ; это голосъ демона, котораго присутствіе въ моемъ домѣ было причиною смерти моей дочери!

— Если бы я былъ причиною смерти Анны, вскричалъ капитанъ съ жаромъ, я бы убилъ себя на ея могилѣ!

— Такъ она жива еще? сказалъ баронъ, котораго болѣзненное лицо ожидалось лучшемъ надежды.

— Батюшка! вскричала Анна, вдругъ отворивъ дверь и бросившись въ объятія барона.

Старикъ вскрикнулъ отъ восторга и въ этомъ его восклицаніи соединены были всѣ радости неба и земли; онъ снова упалъ на подушки.

Всѣ присутствовавшіе вздрогнули; они думали, что этотъ сильный нечаянный восторгъ порвалъ послѣднія пружины его жизни. Дѣвица Шангальяръ уже горестно упрекала себя, что не могла еще нѣсколько времени удержаться отъ порыва дѣтской любви. Но эти опасенія продолжались не больше минуты; радость, подобно гальванизму, подѣйствовала на это разслабленное тѣло. Баронъ скоро пришелъ въ чувство и началъ осыпать дочь свою ласками и благословеніями.

— Анна! любезная дочь моя! сказалъ онъ, устремивъ на нее тусклые,

влажные свои глаза: Анна, я опять тебя вижу! Какъ ты прекрасна! Такъ ты не погибла отъ этой страшной болѣзни? а я столько плакалъ о тебѣ! Самъ Богъ, Анна, послалъ тебя, утѣшить отца въ послѣднія минуты его жизни! Теперь ты должна простить меня за мою прежнюю холодность; я думалъ только о обратяхъ твоихъ. Не благодарные! если бы ты знала, какъ они меня наказали . . . Анна, продолжалъ онъ въ бреду, они умерли оба, одинъ послѣ другаго, умерли послѣ страшной дуэли . . .

Дочь его провзительно вскрикнула и еще сильнѣе сжала отца въ своихъ объятіяхъ.

— Да, это ужасно! продолжалъ старикъ, котораго бредъ усиливался по мѣрѣ того, какъ приводилъ себя на память прошедшее; но Богъ хотѣлъ наказать меня! Я слишкомъ гордился своими сыновьями; на нихъ я полагалъ всѣ свои надежды, ихъ только любилъ и забывалъ, что у меня была еще дочь; я заслужилъ это наказаніе. Да, дуэль . . . тамъ въ чащѣ сада . . . мнѣ сказали; по уже . . . слишкомъ поздно. Генрихъ лежалъ мертвый . . . Гастонъ плавалъ въ крови и умеръ спустя три дня . . .

— Батюшка, вскричала Анна, мы будемъ за нихъ молиться.

— Да, ты на землѣ, я . . . тамъ высоко. Анна, часъ мой приближается, я чувствую . . .

Лудюнуа стала на колѣни подлѣ Анны у постели умирающаго.

— Неужели и теперь, милостивый государь, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ, вы откажете въ прощеніи, о которомъ я никогда уже просилъ васъ?

Старикъ милостиво посмотрѣлъ на него.

— Вы честный, храбрый солдатъ, сказалъ онъ: я прощаю вамъ всѣ несчастія, которыхъ невольно вы были причиною. Я самъ былъ жестокъ въ отношеніи къ вамъ, мы теперь во вре-

мы сошлись. Лудюнуа, вы некогда оказали важную услугу всему семейству и мне самому, вы любили мою дочь и она вас также, вы соединены уже другъ съ другомъ узами признательности и несчастья; я желаю, чтобъ вы, послѣ смерти моей, на всегда соединились священными узами брака. Аннѣ нужна подпора, и такъ какъ имя Шангальеровъ должно кончиться на землѣ . . .

— Оно не кончится еще, милости вый государь! вскричалъ Лудюнуа, быстро вставая.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Король знаетъ ваши несчастія и опасенія, возмущавшія спокойствіе ваше въ послѣдніе годы вашей жизни. Принимая въ васъ участіе, онъ далъ двѣицѣ Аннѣ Шангальеръ, стоящей передъ вами, право передать избранному ею супругу имя Шангальеровъ съ титуломъ графа, съ условіемъ . . .

— Съ условіемъ . . . повторилъ умирающій.

— Съ условіемъ, продолжалъ Лудюнуа, вынимая изъ кармана пергаментъ, чтобы вы и сыновья ваши, (онъ еще не

знаетъ о несчастномъ концѣ ихъ) утвердили своей подписью этотъ патентъ и черезъ то сдѣлали меня счастливымъ супругомъ вашей дочери.

— О Боже, благодарю тебя! вскричалъ баронъ, поднявъ глаза къ небу.

Потомъ прибавилъ:

— Перо! Я хочу подписать этотъ актъ, который придастъ явный блескъ моему имени! Я боюсь, что умру, не подписавши.

Анна со слезами подала ему перо, старикъ съ трудомъ подписалъ свое имя, рука его дрожала, у него потемнѣло въ глазахъ; потомъ онъ опять упалъ на подушки, вскричавъ съ послѣднимъ усиліемъ гордости:

— Я умираю спокойно; имя Шангальеровъ продолжится въ потомствѣ!

Анна и Лудюнуа хотѣли еще помочь ему; но онъ уже вздохнулъ въ послѣдній разъ.

Черезъ годъ послѣ этого, Генрихъ IV подписалъ свадебный контрактъ Анны съ храбрымъ капитаномъ Лудюнуа, который принялъ титулъ графа Шангальера.

Пер. Михаилъ Р-хъ.

ОЧЕРКИ ВЪНСКОЙ ЖИЗНИ.

ПЕРЕЪЗДЪ.

Лучше этого случая съездить за границу за самую дешевую цѣну никогда не найдете, любезный читатель: поплачтитесь только терпѣніемъ: ничтожная плата! безъ нея нельзя даже съѣздить на литературный вечеръ или въ домашній концертъ; а сколько удобствъ: не хочется вѣхать, книгу подь столъ и заснуть.

Въ дорогѣ люди скоро знакомятся и дружатся. Вотъ мы ужъ и познакомились: вы удивительный человекъ, все знаете, все видите, принадлежите ко всемъ состояніямъ, ко всемъ родамъ; богатый, знатный, вы понимаете страданія бѣдняка; бѣднякъ, вы подтруниваете надъ суетностію богачей и издвываетесь надъ ихъ притязаніями, и т. д. Каждый беретъ учиться и школить васъ, и каждого вы можете втоптать въ грязь; вы знатный баричъ, писатели приставлены къ вамъ гувернёрами; но вы меня не бойтесь: я не гувернёръ, я такой же франтъ какъ и вы; а что вду не одинъ а съ вами; это оттого, что скуки терпѣть не могу, а вы веселый, милый человекъ. Къ тому же вамъ можно дать вопросъ и не дожидаться отвѣта и отвѣчать не получивъ вопроса. Вы властны поступать такимъ же образомъ.

Что касается до меня, характеръ мой успеете узнать въ Вѣнѣ, а теперь во время переезда я скажу только что побудило меня отправиться путешествовать: и лишь слегка стану намекать о томъ, что будетъ бѣжать отъ насъ по обѣимъ сторонамъ дороги.

— Пошолъ!

— Съ Богомъ, касатки!

Въ то время, какъ предложилъ я вамъ вѣхать, любезный читатель, я не былъ уже на берегахъ Невы, не засматривался на Адмиралтейскій шпицъ, давно уже не встрѣчался съ вами въ Павловскомъ вокзалѣ, и отъ того ужасно грустилъ и скучалъ, сидя у окна одного изъ домовъ на Тверской. Теплые благотворные лучи растопили песчаный снѣгъ улицъ, освободили пригожую Москву-рѣку изъ подъ ледяной коры и облекли бульвары и паркъ свѣжею душистою зеленью. Вѣтки и почки любовопытно выглядывали на Божій свѣтъ, птички пищали и чирликали, небо примирилось съ землею; настала весна. И когда чиновные люди *узрѣли*, что все въ приличномъ порядкѣ, то надѣли свои новые бекешки и отправились и веселились. Я последовалъ примѣру ихъ. Могъ ли я предвидѣть, что

эта прелесть будет иметь столь важную славасть для меня, что шестилетний ребенок сдѣлается соблазнительнѣе мамки? Онъ бросилъ бумагу, въ которой завернуты были конфекты; я, какъ искатель счастья, поднялъ ее: это былъ лоскутокъ вѣдомостей, на немъ былъ списокъ отправляющихся за границу: грустно мнѣ стало, небо столь свѣтлое для другихъ, вдругъ налегло на грудь мою тяжелымъ свинцомъ: я почувствовалъ, что меня, какъ Дона Карлоса, можетъ испугать только перемѣна и—я уложилъ свои вещи Пошолъ!

Вотъ вращаясь въ землю скрылись раззолоченные маковки Москвы; еще одинъ томъ жизни моей окончился, раскрою и прочту слѣдующій.

Я быстро пронесся черезъ все пространство между Москвой и Смоленскомъ: не стану описывать живописнаго прекраснаго Смоленска; не смотря на удобный случай, не буду говорить о Русалкахъ Днѣпровскихъ; а это бы прелесть, чудо какъ хорошо было! Лазоревое небо, голубыя волны повтела славянскихъ племень, сравненіе его съ голубою лентою красующеюся на пестромъ узорчатомъ коврѣ луговъ, туманная древность, лунная ночь, хоровадь русалокъ etc. etc. а! раздолье! Но я и не замечался: о материальность, о расчетъ! Не знаю что подавило мою фантазію и сдѣлало меня снисходительнымъ къ времени читателя; знаю только, что она развевелася не прежде какъ за хорошенъкимъ Минскомъ и за Брестомъ, когда расторопный почтарь въ мундирѣ, весело надувая въ свой рожекъ и похлопывая иногда бичемъ, мчалъ меня по гладкому шоссе къ Варшавѣ. Прелесть новизны обала меня! Въ какомъ то чаду веселія пролетѣлъ я черезъ всѣ чистенькіе Польскіе городки, не заглядывая на опрятныя деревни и станицы, въ которыхъ вѣжливый почтмейстеръ, какъ будто сочувствуя вашему нетерпѣнію, торопитъ лапшевъ запрагать всегда готовыхъ

лошадей, а служанка между тѣмъ подаетъ вамъ кофе, за который платите 15 грошей, и который едва допиваете: нетерпѣніе, ожиданіе, торопить васъ. Сердце забилось сильнее: заблѣлась Прага, а за нею на высотѣ изъ тумана стала отдѣляться Варшава; прежде кресты косціоловъ, потомъ цитадель, замокъ, дворцы, сады. Колеса экипажа застучали по длинному мосту, Висла уже сзади; но теперь тише, тише, на гору не такъ-то легко взобраться, безчисленное множество дрожекъ или колясокъ, фуръ и телегъ загромождали дорогу, множество пѣшеходовъ пробіраются по сторонамъ. Одни спѣшатъ къ *Лазенкамъ* (купальнямъ), другіе изъ нихъ. Свѣженькія Польки, только что вышедшія изъ прохладныхъ ваннъ, какъ новыя Фетиды, посматриваютъ на запыленнаго путешественника. Не бойся, не прячь запыленнаго, обросшаго лица, въ глубину коляски. Варшавянка разберетъ и подъ пылью лицо твое, ей понравится выраженіе глазъ твоихъ блестящихъ радостію, она въ нихъ много прочтетъ твою душу. Варшавянка страхъ умна! Ее нельзя обмануть, но понравится ей можно. Она узнаетъ тебя при встрѣчѣ; твои глаза и усики приснятся ей.

Да что это со мною! Не успѣлъ я еще вылезть изъ коляски, а разъ десять уже готовъ былъ влюбиться; да какъ не влюбиться въ прекрасное, а его здѣсь такъ много!

Не сердитесь мои хорошенъкія землячки, я влюбляюсь только оттого, что здѣшнія красавицы напоминаютъ мнѣ васъ. Солгалъ, милыя Варшавянки, ей ей, солгалъ! Не скажи я этого, и показаться нельзя бы назадъ!

Не правда ли, Варшава чудо хороша! Она не 17 лѣтняя красавица—Петербургъ съ свѣжими, выразительными чертами, съ милою пріятною, улыбкою дѣвственницы, не барыня Москва; нѣтъ, она женщина лѣтъ подъ сорокъ, но сохранив-

шая прелесть и величіе своей юности; милая, добрая хозяйка, утѣшная утѣшительница и зайить гостей своихъ игривымъ разговоромъ, не дастъ имъ соскучиться.

И не показалось ли вамъ, что въкорые удивляющіе чужеземца каштаны Саксонскаго сада, ивкогда свидѣтели шумныхъ забавъ королей и магнатовъ, тихихъ разговоровъ и громкихъ поцѣлуевъ бьюкурныхъ Полячекъ въ лѣтнія ночи, теперь какъ старики гввясъ на солнышкѣ, припоминаютъ давнія были, перешептываются, киваютъ насмѣшливо на расеранченную толпу, между тѣмъ какъ молодые вѣтви шелкаютъ даже по носамъ усатыхъ любезниковъ.

А лазенки! Не окрѣпнувшая, не застывшая ли это музыка,—въ такой гармоніи садъ, дворецъ и амфитеатръ, любующіеся въ гладкомъ озерѣ, отражающемъ тысячи гуляющихъ. Бельведеръ и Круликарна съ небольшою картинною галлереею можно сравнить съ красавицами Греведона; въ нихъ нѣтъ ничего идеальнаго, но глядѣть на нихъ любо, отрадно!

Легкій англійскій дилижансъ мчитъ насъ изъ капитановыхъ аллей, въ которыхъ какъ въ вѣнкахъ красуется Варшава, по дорогѣ въ Краковъ. Радомъ, Кельцы и всѣ мѣстечки, имена которыхъ сохранились въ дневникѣ моемъ, а не въ воспоминаніи, остались за нами; долго не хочется отвлекать глаза отъ живописныхъ развалинъ Ренцива, сторожащихъ всю окрестность съ горы, чрезъ которую искусно проведено извилистое шоссе. Замокъ и развалины красующіяся надъ хатами и домиками мѣстечка, показываясь изъ за гущи лѣсовъ и тучныхъ пахитей, то съ одной то съ другой стороны шоссе, разнообразятъ восхитительную панораму. Глаза свикаютъ однакоже съ живописностью видовъ, дилижансъ взбирается все на гору; и онъ уже на вершинѣ. Ренцивъ и другіе замки, скрылись за горою. Накнуло свѣжество, изъ груди

вырвалось невольное «ахъ!» Глаза впились и не могутъ отодвинути: небосклонъ засинѣлся; море, море! — Нѣтъ; то не море, то засинѣлись горы то Карпаты! Да, точно, точно, вижу вершину, вонъ у подошвы села, изъ рощи выгладываетъ скромный шпиль сельскаго храма, тамъ озеро, долины, снега; нѣтъ ничего еще невидно, только воображеніе тѣшитъ и обманываетъ меня, рисуетъ то, о чемъ я такъ долго мечтала. Все закрыто еще синимъ туманнымъ занавѣсомъ, напряженное зрѣніе не въ состояніи проникнуть его и негодуетъ на безсиліе свое. Но скоро, скоро . . . Все бланится дѣль, а изъ отдаляющейся синевы стали отдѣляться концы или могилы, и замѣлки красныя башни и кровли Кракова. Вотъ и пріѣхали, не смотря на нестерпимую флегму миновника при коморѣ (заставѣ) записывавшаго паспортъ, несмотря на медленность казака востокоставшагося при видѣ Русскаго о милой родинѣ. Изъ Кракова въ Ввну рукой подать,—въ три дня; такъ что же торопиться изъ Кракова. Притомъ здѣсь столько магазиновъ, все такъ дешево, глаза разбѣгаются, грѣшно не купить. Закупка не составитъ много времени; во бѣгая по магазинамъ, завернуть можно въ готическую церковь св. Марка съ двумя неровными колокольнями, изъ которыхъ одна окружена множествомъ малыхъ башенокъ; нельзя не удивляться ей довольно великимъ но малымъ и легкимъ размѣрамъ, забыть естественность предп. тишины и полуснута, пребывающагося сквзъ длинными окна украшенныя древною живописью на стеклѣ, и, пощипывая искусной старинной резьбы на деревѣ. Прекрасна также церковь св. Анны съ куполомъ на подобіе Латранскаго, архитектура ея впрочемъ не чисто итальянская; церковь украшена прекрасными барельефами и арабскими Бертрама Фонтана и картинами Швѣда Данкарта и заключаетъ замѣтныя Копернику,

поставленный въ 1821 году, также и мощи Римско-Католическаго св. Іоанна Копца. Отъ церкви близко къ университету, некогда стоялъ: знаменитому, основанному Каримиромъ В. и благоустроенному Ядвигою, Владиславомъ, Япелло. Библиотека его богата замѣнительными рукописями; а музей однимъ изъ славнѣйшихъ собраній ракованъ принадлежащихъ фамиліи Солтыкъ. Но замокъ и соборъ заслуживаютъ особенное нераздѣльное вниманіе; сколько историческихъ воспоминаній: здѣсь серебряная рака св. Станислава, здѣсь вѣчное мѣсто королей, а тамъ въ придѣлахъ по сторонамъ, гробы королей, епископовъ и на нихъ лежатъ изображенія ихъ, изсѣченныя изъ краснаго мрамора, а между ними новый памятникъ юному Владиславу Потоцкому, чуднаго рваца Горвалдсена; тамъ висятъ трофеи Собіескаго, огромныя ковры валяты у Турокъ подъ Вислою, а въ склепѣ винаго гробы: Іоанна Собіескаго, Іосифа Попятовскаго и Ѳаддея Косцюшки, а въ другомъ склепѣ лежатъ Стефанъ Баторій и Каетанъ Дембинскій. А какъ богатъ и красивъ новый придѣлъ Потоцкой: весь изъ краснаго мрамора! Прелестны, разнообразны виды изъ оконъ, по я поспѣшилъ на Копецъ Косцюшки: у ногъ моихъ лежала вся панорама Кракова, и броненныхъ какъ на канѣхъ окрестныхъ селъ, ограниченная вдали холмами, изъ среды которыхъ видѣлись концы Венда и Кракуса и Карпатовъ. Поудна, все тихо, ничто не шелохнется, ни одинъ звукъ не долетаетъ изъ города, укрывающагося своими черепичными кровлями въ тѣни бульвара и пустыхъ садовъ. Какъ онъ чудно похожъ въ это время на небрежно заснувшую въ роцѣ прекрасную нимфу; изъ опрокинутаго кувшина, о который оперлась она локоткомъ, льется влага, — это Висла!

Запасшись Австрійскою монетою отправился я черезъ шумный Казимаржъ (отдѣльный кварталъ Евреевъ) въ Под-

гурже: такъ называютъ Австрійскую границу находящуюся противъ Кракова на другомъ берегу Вислы, тотчасъ у конца моста соединяющаго оба берега. Подкрѣпивъ себя отлично приготовленнымъ завтракомъ въ Австрійской гостинницѣ, которая, несмотря на раннее время, полна уже была офицерами Венгерскаго или Маджарскаго гусарскаго полка и статскими (ловкій прислужникъ суетился и одинъ исполнялъ все требованія такого числа гостей, для котораго у насъ потребно бы 10 или 15 человекъ) я отправился въ Величку.

Торопясь поспѣть назадъ въ Подгурже я быстро осматривалъ замѣчательнѣйшее, за червонецъ нарочно освѣтили для меня подземное озеро, черезъ которое перевѣзаль я на поромѣ. Невольное удивленіе овладѣваетъ тѣмъ, кто дерзнетъ спуститься въ глубину 148 сажень; при переходахъ черезъ безконечные коридоры, каморы, шахты, мосты; кажется что все видѣнное, церковь изъ соли, статуи, памятники, рудокопы, что все это видѣлось во снѣ, — привидѣлась какая нибудь сказка изъ нашего дѣтства, о гномахъ, подземныхъ духахъ. Какъ легко, весело дѣлается, когда увидишь опять голубое небо, свѣтъ солнца, землю, жизнь! Снявъ съ себя дамскую мнѣ холстяную одежду и записавшись въ книгу, заключающую имена, не менѣ моего, славныхъ почитателей, я отправился назадъ и поспѣлъ во время къ отправленію diligенса въ Брюнь. Не буду говорить о Билицѣ, Телинѣ, Фрейбергѣ, Вейскиркенѣ и другихъ ремесленныхъ городахъ, тихихъ, чистенькихъ, построенныхъ обыкновенно по одному плану съ квадратною площадью окруженною аркадами, составляющими нижній этажъ домовъ. Въ серединѣ ея красивый фонтанъ съ изображеніемъ св. Непомука. Къ вечеру другаго дня поспѣли мы въ Олмюць, главный городъ Моравіи, темниду Латаета,

Городъ красивый, веселый, живой; университетъ, дворецъ епископа, церкви замѣчательны, площади широки, фонтаны красивы, дома свѣтлы, построены со вкусомъ, словомъ: «О!миюць весь — улыбка!» Мы прѣехали подь вечерь, луна и звѣзды засвѣтились и я отправился гулять по многолюднымъ улицамъ. Разодѣтыя дамы и франты въ экипажахъ стали удаляться съ площадей и гульбищъ, стукъ офицерскихъ шпоръ затихъ; передь домами у дверей сидѣли только мирныя семьи ремесленниковъ: мастеръ, жена, дочь, подмастерье, служанка, ученики, весело шутили, разговаривали и пѣли любимыя пѣсни. Стукъ молота или дребезжаніе колеса не прерывалъ тишины; лишь изрѣдка запоздалый студентъ, неохотно разставшійся съ биллардомъ, проходилъ поглядывая на веселый кружокъ у воротъ, и особенно на сидѣвшую съ подмастерьемъ красотку и напѣваль:

*Inter posula quae stipas
Adfer puer quoque pipas etc.*

Затихли скоро и пѣсни, улицы опустѣли и слышался только шепотъ двухъ влюбленныхъ у дверей дома и однообразный плескъ фонтана. Я отправился на свою квартиру, мимо готической церкви, похोдившей на черныя гробы; въ ней были слышны вздохи, это размахи маятника. Я долго не могъ еще заснуть, грустно стало мнѣ, воспоминаніе пробудилось, я въ полугрезахъ.... полувоспоминаніяхъ заснулъ наковецъ и мнѣ приснилось, но до этого никому пѣть дѣла, также

какъ до калымаги, которую встрѣтилъ я отправляясь въ Брюнъ. Мѣстечки на дорогѣ въ Брюнъ показались мнѣ слишкомъ незначительными, чтобы упомянуть о нихъ. Въ одномъ изъ нихъ, кажется Порлицъ (Pohrlitz) я узналъ для чего въ городкахъ остается на улицахъ трава; странствующій подмастерье, выкупавшій въ утренней росѣ на травѣ свои запыленные сапоги далъ мнѣ поводъ предполагать, что это публичные щетки. И такъ я въ Брюнъ (въ цитадели города Шпильбергъ содержатъ государственныхъ преступниковъ); но я объ немъ другой разъ говорить буду, потому что изъ Вьны въ него посылать можно въ 4 съ половиною часа, а теперь сажусь въ вагонъ или лифтѣйку и быстрый паровозъ доставитъ меня скоро въ Вьну. Видя какъ мелькаютъ окрестности, (которыя впрочемъ большую частію состоятъ изъ однообразныхъ полей, потому что дорогу проводятъ всегда прямо, и рѣдко мимо городовъ и деревень) нельзя не пожалеть о вредномъ вліяніи дилижансовъ, а особенно желѣзныхъ дорогъ — на образованіе, романы, любовь etc: потому что прежде нужно бы три или четыре года для того, на что теперь достаточно одного; за то на вашъ вопросъ о нравахъ и обычаяхъ Голландіи вамъ скоро отвѣтятъ: «извините, черезъ Голландію мы проѣзжали ночью, а въ романахъ пропадутъ цѣлыя части: сдѣны промахи, дорожныхъ приключеній, переписка, тоска разлученныхъ. Сколько слезъ сбержется! вредъ, чистый вредъ! а пагубное вліяніе на любовь... но пока я разсуждалъ, мелькнулъ уже мимо насъ Ваграмъ и мы — прѣехали!

ШУМНАЯ ВЪНА.

Большое число улицъ узки и кривы, за то мостовая правильна и гладка; глаза могутъ беззаботно блуждать во-кругъ по хорошенькимъ женщинамъ и богатымъ магазинамъ: не опасайся споткнуться, какъ въ другихъ городахъ, на выдавшійся камень и размѣшить тѣмъ проходящихъ. О бла-гѣ ногъ вездѣ заботились; эта забо-тливость простирается даже на желу-докъ. Только противъ груди сдѣлали заговоръ стихин; ее часто беспокоятъ рѣзкіе порывы холоднаго горнаго вѣ-тра и быстрыя измѣненія погоды; а что до головы, — судьба ея устроена: вездѣ найдешь непромокаемыя шля-пы новѣйшаго фасона.

Но всмотримся ближе въ обществен-ную суetyнность, кипящее движеніе и общую жизненную дѣятельность, — сколько поводовъ къ размышленію. Хо-рошенькія женщины, сказалъ я, и ты сомнительно покачиваешь еще головой между тѣмъ, какъ мимо тебя мелька-ютъ веселыя кокетки Вѣны? Да, любез-ный критикъ, ты долженъ сбросить съ себя шубу, перемѣнить свои чувства съ ландкартою, оклиматизироваться*), такъ сказать, умственно, если хочешь видѣть предметъ съ прямой точки и дать все-му настоящее названіе. Не надобно ѣз-дить въ Италію съ душою извѣдавшаю суету суеть, а въ Лапландію въ баль-номъ нарядѣ, не надобно говорить съ горничною о греческихъ классикахъ, и говядину ѣсть ложкою: вообще надо-бно понимать вещи, какъ люди пока-

зываютъ ихъ, не то — не погнѣвайся, назовутъ дуракомъ. Вотъ первое пра-вило жизни. Я строго держусь его.

И такъ, не требуй здѣсь красоты совершенно сообразной съ законами искусства, если хочешь чувствовать; къ чему вынимать изъ кармана мѣрку, и прикладывать его къ носу — не длиннѣе или короче онъ одною линіею! Хо-чешь критиковать, т. е. потѣшить свою зависть, свою злость, — отрекись отъ наслажденій; хочешь усладить краткіе часы отдыха отъ трудовъ, бери то, что Богъ послалъ: съумѣй изъ руды до-быть золото, изъ суеты человеческой добро — и *благо ти будетъ!* Здѣсь при-рода гениальна. Она создаетъ красавицъ и посмѣивается надъ тѣмъ, кто находитъ форму ноги не совсѣмъ красивою или несовершенно одобряетъ овалъ лица или круглоту очей; задвигнутся милыя ножки, прольется изъ глазокъ внутрен-ній жаръ, задышетъ живая жизнь и всѣ важныя критики въ восторгѣ и краснѣютъ до волосъ.

Мало найдемъ здѣсь томныхъ краса-вицъ; всѣ почти живыя свѣженькія рѣ-звущки; онѣ съ такимъ жаромъ броса-ются въ вихрь жизни, какъ будто не могутъ дожидаться смерти: это розовыя почки, которымъ душно становится подъ земными листьями, имъ хочется обнять мотылька ароматомъ и любовью.

Берегись, берегись! кричатъ извозчики такъ, какъ кричалъ бы тотъ, кого за-давили, а между тѣмъ мчатся съ такою быстрою и вѣрностію по оживлен-нымъ улицамъ, что никто изъ суета-щейся толпы не попадетъ подъ коле-са. За ними слѣдуютъ блестящіе акти-

1) Уточиться? Ред,

пажи, а тысячи народа вьются как змеи вокруг манящих нас кофеен; въ окнах сидят читатели газетъ и пускаютъ изъ длинныхъ трубокъ облака табачнаго дыма. Вотъ идутъ два Венгерскихъ крестьянина въ толстыхъ тулупахъ средь жаркаго лѣта; ~~ейше~~ здоровые люди, съ смуглыми рѣзкими лицами; пусть смѣются надъ ними жители Вьны, а мнѣ они нравятся, эти желѣзные люди. Тамъ идутъ Греческіе и Турецкіе Евреи, въ своихъ пестрыхъ дорогахъ шаляхъ; а какъ милы мнѣ эти жидовочки съ вѣнкомъ изъ блестящихъ золотыхъ монетъ вокругъ нежной головки. Что лучше этихъ лавровъ! Вотъ мимо насъ идетъ маленькій запачканный сапожникъ, этотъ мальчишка кумиръ дѣвственной народной поэзіи, весь онъ облеченъ въ атмосферу проказъ, шутивыхъ острогъ и острыхъ шутокъ, это братъ парижскому Gamín.

Особенную прелесть имѣютъ картины на вывѣскахъ, которыми украшены двери магазиновъ, фабрикъ, кофеенъ; многіе изъ нихъ замѣчательны по своей красотѣ, такъ напримѣръ «Амуръ, Ангелъ и Товій», «пастушка» кисти Кудельвиэра. Здѣсь видишь ты, «Римскаго Императора», а долѣе «добраго мастера»; тамъ «придворную даму» а возлѣ «бѣлую утку».

Но что за суматоха на площади передъ уголовнымъ судомъ? Тамъ собралась тѣма народу. Строзеленные полицейскіе стаи въ кружокъ и выставляютъ на показъ преступницу; подойдемъ поближе и узнаемъ, что побудило ее выступить на сцену публичности. Мальчишки и дѣвочки кричатъ: «маленька, маленька, посмотрика!»—и указываютъ пальцами, и произносятъ имя, для котораго нѣтъ шрифта въ нашихъ типографіяхъ. Это отжившія безпутницы, торгующія неопытными жертвами завлеченными въ ихъ вертепы. Такія выставки во судейскому приговору здѣсь не диковина; въ Вьнѣ смотреть сквозь пальцы на торговку тѣломъ, но спра-

ведливо наказываютъ женщину, которая втѣсняясь въ чистую, неоскверненную семью, разрушаютъ ея счастье. Эти рудовища вкрадываются въ сердца юныхъ непорочныхъ дѣвушекъ и вливаютъ въ нихъ свой ядъ; безъ вѣдома родителей докровительствуютъ ихъ связи съ молодыми негодями, пока несчастная ослѣпленная лестью, любовью или подарками, не дѣлается ихъ добычей: и тогда по неволѣ дозволяютъ увлекать себя на дорогу, ведущую прямо въ гнѣздилища отверженныхъ челоувѣческимъ обществомъ. Такова женщина—вотъ передъ нами. Она съежилась и потупила глаза въ землю, какъ будто стыдъ могъ сохраниться еще въ груди ея, этомъ лексиконѣ подлостей! Не такъ велика разница между мужчиной и женщиной, какъ между женщиной и женщиной. Вотъ подлѣ насъ стоитъ цвѣтущая дѣвушка, на которую излиты чары, быть—можетъ, только пятнадцати веснъ; она съ той женщиной не сводитъ очей, въ чистой лазури которыхъ свѣтится непорочность души. Она не знаетъ еще, что значить ея позорное имя; и добрый ангелъ шепчетъ ей: «не спрашивай».

Прочь отсель и пойдемъ туда, откуда слышится мнѣ звонъ колокольчика! Подъ багдахиномъ, который держатъ четыре церковныхъ служителя, священникъ, несетъ дары, или какъ говорятъ въ Вьнѣ: «идутъ съ нашимъ Господомъ!» Народъ кругомъ кланяется, крестится, становится на колѣни. Дальше, дальше, мы послѣ увидимъ еще больше вѣры. Теперь мы приходимъ на площадь св. Стефана. Вотъ вѣчнѣя поэзія Вьны, башня, высоко поднимающая свою старую, почтенную голову надъ всею Вьной. Столѣтія пронесли надъ храмомъ и начертали на сводахъ его трогательныя пѣсни. Кто разуметь языкъ Господа—прочтеть ихъ; Господь пишетъ звѣздами, цвѣтами и камнями. Въ церкви св. Стефана вѣнчались властители въ немъ покоится прахъ ихъ, а между

тѣмъ въ немъ же возносились мольбы немущаго и льется элей утѣшенія въ его страждущую душу; миліоны историческихъ слезъ окропили помость его, потому что несчастные прибѣгали къ его великому сердцу, когда война трясла свой сжигающій факель, и громы осаждавшихъ спугивали жителей подъ своды его, когда голодъ шелъ черезъ поля ихъ, и ужаснѣйшая изъ стихій поглощала все имущество; когда жадная чума, раскрывала свою черную пасть и отравляла воздухъ, или когда злоба терзала души; — о! св Стефанъ видѣлъ и слышалъ многое, онъ слышалъ великія повѣсти; а теперь — теперь онъ слышитъ игру Штрауса и Ланнера.

Вы хотите знать, гдѣ играютъ сего дня эти знаменитости? У того угла, у котораго рядышкомъ стоятъ факры, найдѣмъ бесчисленное множество афишъ, между которыми вѣроятно и они пригласаютъ веселыхъ Внцевъ. Заглянемъ въ знаменитый книжный магазинъ Герольда и пойдѣмъ. Штраусъ играетъ у Донмайера въ Гацингъ, Ланнеръ въ Парадизгартенъ, а Марелли третій въ ихъ враждебномъ союзѣ, слишкомъ мало замѣченный, но съ чрезвычайными талантами, играетъ за городомъ въ Гейлигенштадтъ.

Гейлигенштадтъ хорошенькое мѣстечко съ водами, у подножія Каленберга; поэты Грильпарцеръ и Бауернфельдтъ въ немъ обыкновенно ужинаютъ, пока ласточки щебечутъ подъ косяками оконъ; и вотъ случай познакомиться съ ними, если вы ищете знаменитостей. Вообще должно замѣтить, что въ Вннѣ рѣдко спрашиваютъ о квартирѣ того, съ кѣмъ хотятъ познакомиться, а обыкновенно о мѣстѣ его отдохновенія и прогулокъ. И такъ прошу вслушиваться, еслибы я упомянулъ о чемъ вѣбудь даже мимоходомъ.

Церковный служитель несетъ хоругвь, за нею съ пѣснями и молитвами следуютъ мужчины, жены, дѣти: это процессія въ Маріацелъ отстоящій отъ Внны на два дня пути.

Пойдемъ за ходомъ по Керптнерской улицѣ до придворной оперы. Узкая улица, за то сколько движенія, жизни. Берегитесь, задавать эти быстрые экипажи, факры; пробирайтесь ближе, какъ можно ближе къ магазинамъ; но не разбейте стекла, я не плачу. Направо и налево знаменитѣйшіе огели Внны: «Дикій», «Эрцъ-Герцогъ Карлъ» и «Лебедь»; во всѣхъ трехъ ужасно дорого, за то ужъ обѣдаютъ превосходно.

Вотъ, на встрѣчу намъ идутъ въ черныхъ мантияхъ блѣдные остатки Лойолы: рѣдко отваживаются они выходить на улицу по одному; всегда попарно крадутся между людьми.

Прочь отъ нихъ, и скорѣй на валъ окружающій городъ Внну: что за прекрасные виды оттуда на предмѣстіе! Между городомъ и предмѣстіями разбитъ восхитительный садъ (glacis) съ тѣнистыми аллеями и обширными цвѣтистыми лугами. Прогулка по валу, — безпрестанно измѣняющаяся панорама. Каждый шагъ открываетъ глазамъ новую перспективу, новую картину, одну поразительнѣе другой! Прямо передъ нами высокіе тополи, мы глядимъ черезъ вершины ихъ и видимъ темные каштаны, душистый орѣшникъ: а пестрыя топы пѣшеходовъ и экипажей? дальше въ концѣ, прекрасныя зданія и церкви предмѣстій; даже совсѣмъ на концѣ оцѣпляютъ ротонду зеленыя горы съ своими замками и деревнями. Такъ и хочется прыгнуть изъ безумной городской сумятицы и шума въ тихую отрадную природу!

II.

ЖИТЕЛИ ВЪНЫ.

Я говорю здѣсь не о высшемъ дворянствѣ. Вѣнское дворянство пользуется преимуществами, которыя предоставлены ему правительствомъ; иной считаетъ дома предковъ — а и пяти счесть не умѣетъ — вѣдетъ черезъ жизнь въ каретѣ, и заботится о политикѣ, искусствахъ и наукахъ меньше нежели о своихъ любезницахъ. Давно уже угасъ здѣсь блестящій вѣнецъ окружавшій дворянство; въ Вѣнѣ каждый господинъ фонъ и баронъ; у кого денегъ много тотъ знатный баринъ, а у кого меньше и тотъ веселится,

Основная черта Вѣнцевъ — простодушіе; по свѣрякѣ долженъ прежде пріучиться къ этому простодушію; оно иногда имѣетъ нѣсколько грубоватую наружность: его надо понимать. Тотчасъ послѣ обниманія или пожатія руки мѣтитъ она въ тебя такую грубостью, отъ которой или смѣшаешься или разсмѣешься, если уже заранѣе сдружился съ этимъ родомъ простодушія.

Вѣнецъ не любитъ затрудняться выраженіями, не любитъ кружить около мысли; сердце и голова его прямы и онъ вообще болѣе человекъ нежели мы, которые «мы» — титулярные советники, сапожники, графы, ежечасно рассчитываемъ и размѣриваемъ, какъ бы не сдѣлать ущерба чести нашего званія, или какъ бы воздать другимъ не болѣе не менѣе, а именно столько, сколько дозволяетъ наше самолюбіе.

Рѣдко удается намъ видѣть человека, обыкновенно встрѣчаемъ только пару ногъ, носящихъ титулъ. Вѣзливое высокомеріе и тонкое тщеславіе съ одной стороны, поверхностное просвѣще-

ніе и радикальная пустота, съ другой, крѣпко глушатъ общественную жизнь. Въ Вѣнѣ напротивъ, нѣтъ этого рѣзкаго отличія пѣнника и шампанскаго. Въ томъ же трактирѣ, дровоносы, извозчики, носильщики пьютъ свою мѣрку вина или пива, видишь знаменитыхъ артистовъ, купцовъ, чиновниковъ и богатыхъ дворянъ съ ихъ нарядными женами, дочерьми, любезницами, которыя не косятся и не стѣсняются, если подлѣ нихъ женщина подозрительной нравственности дѣйствуетъ своими манящими глазами.

Вѣнецъ ищетъ только удовольствій, и мало заботится о томъ, слышать ли весь сосѣди его громкій разговоръ и шумную радость; онъ знаетъ, что не станутъ коситься и не вскинуть губъ. Если ему становится слишкомъ жарко, онъ сбрасываетъ съ себя стуртку; ноги неспокойны, танцуетъ; нравится ему дѣвушка, онъ ухаживаетъ за нею; хочетъ играть, — играетъ; хочетъ пить, — пьетъ; короче: онъ всегда человекъ слабый, грѣшный, но не лукавый, не стѣсняется ни чѣмъ, и не стѣсняетъ собой другихъ.

О наше манерное женирванье!

Здѣсь говорятъ: «мнѣ жизнь нравится еще, не хочу умирать съ голоду!» Такъ не трудись, путешественникъ, пускаться въ разсужденія о господствующемъ еще суевѣрїи, если прочтешь на дверяхъ какой нибудь церкви написанное большими буквами: «Здѣсь можно получить полное отпущеніе грѣховъ!» Предположенія твои будутъ ложны, тотъ же суевѣрный Вѣнецъ находитъ своего бога во всемъ, въ чемъ видятъ наслажденіе и красоту. То и дру-

гое конечно не хорошо: да я говорю, что есть.

Но на Вѣнца надобно посмотреть, когда онъ радушный хозяинъ, когда угощать гостей: тутъ онъ истинно любезенъ. Онъ хочетъ познакомиться съ тобою, и приглашаетъ на обѣдъ или на повздуку за городъ или проситъ поѣхать его въ небольшомъ его имѣніи. Съ отверстыми объятіями встрѣчаетъ тебя незнакомый человекъ, раскрываетъ тебѣ свое сердце и свой домъ, представляетъ тебя своей привѣтливой женѣ, призываетъ цвѣтущихъ дѣтей, и черезъ полчаса ты членъ счастливаго семейства. Все зашнурованное, холодное, церемоніальное изгоняется тотчасъ изъ обращенія, и чѣмъ веселѣе, развязнѣе ты, тѣмъ больше ему по нравишься. Пригласивъ тебя, ни мало не хотѣли принести жертву приличію, или блеснуть серебряными приборами, прекрасною мебелью, богатствомъ и проч. но хотѣли повеселиться съ тобою два часа, чтобы и впредь проводить съ тобою веселые часы, а между тѣмъ ты не увидишь никакого недостатка, даже въ блескѣ и роскоши.

Столъ накрытъ и суетливость твоего хозяина увеличивается. Онъ уже три раза сбѣгалъ на кухню, самъ выбралъ въ погребѣ лучшее вино, — не равно-слуга ошибется и возьметъ вино пѣскольکو похуже; самъ онъ разрезалъ проволоку съ шампанскаго и поставилъ бутылку въ серебряный ледникъ; онъ осмотрѣлъ уже, все ли въ порядкѣ, напомнилъ два раза женѣ, старшей дочери, слугамъ, чтобы заботились о довольствѣ гостя; и вотъ жена подаетъ тебѣ руку, хозяинъ усаживаетъ тебя между двумя хорошенькими женщинами, а самъ садится противъ тебя, чтобы распоряжаться столомъ и радовать твоему удовольствію отъ различныхъ, прекрасно приготовленныхъ блюдъ и превосходныхъ винъ. Советую тебѣ отъ времени до времени тонко похваливать отменнось блюдъ; это малень-

кая слабость твоего хозяина: онъ хочетъ чтобы труды его для тебя неостались безуспѣшны. Если ты доволенъ и обнаружишь немного восхищенія о его кухнѣ. — онъ на два часа блаженнѣйшій человекъ. А ты можешь смѣло хвалить: не покривя душою, не скажешь противъ убѣжденія своего; здѣсь кухню не считаютъ вещью постороннею; поварское искусство здѣсь настоящее священное искусство: у каждаго очага найдешь ты — музу.

Такое служеніе музѣ, конечно, довольно животное, согласенъ; да мы только изъ лѣни и чванства не унижаемъ себя до функций стряпухи, а право же не меньше ихъ полагаемъ животь своей въ сладенькомъ кусочкѣ, съ тою разницею, что мы «художественность» обѣдовъ поставляемъ только въ числѣ и рѣдкости блюдъ, въ великолѣпнн сервиза, и цѣлой арміи нарядныхъ офицантовъ.

Въ Вѣнѣ найдешь настоящихъ артистовъ этого искусства, а не самоучекъ или недоспѣлыхъ любителей. Сознаюсь, я въ Вѣнѣ иногда слишкомъ много ѣлъ, хотя слѣдую правилу никогда не наѣдаться досыта, потому что человекъ дѣлается совершенно не занимательнымъ, какъ скоро желудокъ его не имѣетъ болѣе *желанія*; а нынче занимательность — верхъ добродѣтелей: за чѣмъ же мнѣ прочь отъ людей? Когда зарумянится веселье хозяина, онъ отъ одной шутки переходитъ къ другой; а если ты безъ церемоніи настраиваешься съ нимъ на одинъ лады, онъ становится даже черезъ чуръ веселъ, жметъ тебѣ разъ десять руку, обнимаетъ, цѣлуетъ тебя и такъ проникается совершенною естественностью, что чопорной отставной маіоршѣ сдѣлалось бы дурпо въ его обществѣ.

Изъ за стола переходятъ къ картамъ — одному изъ важнѣйшихъ занятій въ Вѣнѣ.

Глаза хозяина, блиставшіе радостью и свѣтлѣвшіеся какъ брилліанты прини-

маютъ важный, серьезный характеръ. Онъ беретъ карты въ руки, какъ профессоръ беретъ компендіумъ; садится на свою кафедру и приступаетъ къ своей важнѣйшей наукѣ. Теперь то надобно употребить въ дѣло теоретическія знанія и опытъ; онъ какъ бы рискуетъ честию: въ это время право важнѣе выиграть робера, нежели успѣть или неуспѣхъ О'Конела.

Случится тебѣ, любезный соотчичъ, грѣхъ такой, сдѣлаешь въ игрѣ ошибку, то уже прошу не взыскивать съ твоего добраго хозяина, который за полчаса обнималъ и целовалъ тебѣ, — если онъ съ гнѣвомъ укажетъ тебѣ на ошибку. Дѣло въ эту минуту весьма важно, но черезъ минуту онъ опять смѣется и шутить, опять тотъ же радушный хозяинъ.

Такою же ревностью или вспылчивостью обнаруживаетъ Вѣнецъ и въ театрѣ. Любимца въ трагедіи, при выходѣ котораго старъ и малъ съ восторгомъ хлопаютъ, ошибаютъ, если онъ ошибется; любимому тенористу, при звукахъ котораго неволью покачиваютъ

головою, показываютъ недвусмысленные знаки неудовольствія, если случайно съальшивитъ, а идолъ публики, комикъ, попадаетъ въ минутную немилость, если шутки его выходятъ за предѣлы приличія, которые, къ сожалѣнію, черезъ чуръ обширны.

Съ каждымъ днемъ растетъ цыклость, живость и любовь къ наслажденіямъ Вѣнца. Онъ не жалеетъ въ своей душѣ, онъ весь въ предметахъ своихъ наслажденій — идолопоклонство? — знаю! да что жъ мнѣ дѣлать, когда оно такъ есть. Только у молодыхъ людей иногда встрѣчаешь какую то вялость, равнодушіе; но гдѣ наружно забывается зима жизни, тамъ внутренно цветущая весна; и если смерть — сонъ, и если послѣ смерти ничего больше не нужно, — только проснуться и опять за прежнее, то я почти увѣренъ, что мы скорѣй проснемся послѣ смерти нежели Вѣнецъ, потому что мы спимъ въ продолженіе трехъ четвертей жизни, а ему порядкомъ надо соснуть послѣ неутомимой дѣятельности въ наслажденіяхъ.

III.

ЖЕНЩИНЫ.

Слово «любезность» кажется изобрѣтено для женщинъ въ самой Вѣнѣ: нѣтъ эпитета, который обрисовывалъ бы ихъ лучше. Весело впорхиваютъ онѣ въ жизнь, исполнены врожденнаго ума и очаровательной естественности, срываютъ тамъ и сямъ по цвѣточку, кладутъ свои головки на груди мужчинъ, шутятъ, целуются и также весело оставляютъ жизнь, вѣря отъ души, что въ небѣ больше ничего ужъ нѣтъ, только всё хорошіе, умные и образованные

мужчины. Первое слово, которое учатся онѣ складывать: это «мужчина»; послѣдній вздохъ дрожацій на синюющихъ губкахъ: «мужчина!» Онѣ живутъ и движутся, дышатъ и мыслятъ, трепещутъ и чувствуютъ только для мужчинъ, и это превосходно, восхитительно! такъ должно быть! женщина должна жить только для мужа, мужъ для исторіи, и если исторія добропорядочная, если онъ не запятналъ ее червильями, если онъ печаталъ ее «нонпарелемъ»,

короче, если Вьнецъ — человекъ, то Вьнка непременно человекъ: тогда вѣчность готова, исторія и жизнь возвышена.

Здѣсь женщины считаютъ потеряннымъ тотъ день, въ который не удалось имъ пококетничать по крайней мѣрѣ съ однимъ мужчиной, а иная (разумется не всѣ) тотъ, въ который не удалось разъ десять потупить глазки; согласенъ, можно бы пойти занятіе получше, да гдѣ же мнѣ всѣхъ Вьнокъ передѣлать. Здѣсь онѣ охотно разговариваютъ съ мужчинами, а *инья* (не скажу кто и гдѣ) охотнѣе о мужчинахъ; здѣсь онѣ убиты безъ общества мужчинъ, *инья*, напротивъ — убиты въ обществѣ мужчинъ, здѣсь онѣ радуются и не скрываютъ если за ними ухаживаютъ, *инья* также радуются, но стараются скрыть. О, лукавыя!

Вьнка совершенно женщина, даже съ головою включительно, она полна жизни, (что мнѣ за дѣло, какого разряда эта жизнь?); а не жизненныхъ правилъ — да, наслушавъ я тамъ и самъ этихъ жизненныхъ правилъ, въ которыхъ все есть, кромѣ сердца и ума! она скажетъ просто: «я должна сомнѣться, что чувствую къ вамъ склонность.» Поцѣлуй дѣлаетъ Вьнку матерью и ей не нужно для этого священника или страсти. Смищкомъ экономно? да ужъ таковъ обычай.

Сердце Вьнокъ свѣтится въ ихъ глазахъ; первый взглядъ высказываетъ что онѣ чувствуютъ и мыслятъ; онѣ неспособны скрывать своихъ чувствъ. Долговременная фортификація — не ихъ наука. Будь это ненависть, любовь или равнодушіе, что ты внушилъ; тотчасъ узнаешь свою участь. Если на прогулкѣ дама раза два пристально глядѣла на тебя своими огненными глазами, то въ театрѣ на твой вѣжливый поклонъ отвѣтятъ тебѣ тѣмъ же; и если на разставаніи поцѣлуешь ея пухленькую ручку и сопроводишь эту вѣжливость невинною лестью, то почувствуешь сильнѣйшее или слабѣй-

шее пожатіе ручки, по мѣрѣ внутренняго тобою чувства.

Направитъ эти чувства въ рай или въ адъ — отъ тебя зависить. Такъ дѣтски вѣрять тебѣ всю себя, Вьнка никогда взыщетъ съ тебя, до послѣдняго грана, все ея имущество тобою погубленное.

Если тебѣ нужно только привлечь къ себѣ Вьнку, — будь вѣжливъ и любезенъ, и она твоя: этихъ качествъ она часто ищетъ напрасно. По цѣлымъ мѣсяцамъ леть она иногда свой сердечный пламень, то на одного, то на другаго мужчину, но всегда дерзость, равнодушіе или грубость погашаютъ этотъ огонь; женская скромность или удаляется оскорбленною и производятъ хотя неохотно само: «не тронь меня!» или грубеть сама подъ грубыми руками.

Кто имѣя благородное понятіе о женщинахъ, не испугается глядя на молодыхъ Вьнецъ въ обращеніи съ дѣвушками и дамами; кто не испугается услышавъ разговоры, въ которыхъ односмысленнѣйшія двусмысленности производятъ веселіе и смѣхъ: кому не станетъ больно въ душѣ когда слышать отъ женщины слова отравляющія ея розовыя губки и духовную ея красоту?

Люблю Вьнецъ, но это — то побуждаетъ меня строго оуждать ихъ въ этомъ отношеніи; я не педаантъ и не скромникъ; но я того мнѣнія, что въ обращеніи обонхъ половъ должна сохраниться поэзія, иначе погибнуть всѣ благороднѣйшія чувства, женщина унижится до гетеры, а человекъ до животнаго! любите и обнимайте другъ друга въ блаженствѣ и радости; но почему бы не дѣлать этого почище, попрочнѣе — какъ Богъ велѣлъ? — къ чему изъ вещи жизненной — духовной, добывать одни только наслажденія коровокъ и козловъ? Когда отолкнуть ваши губы отъ губъ, обращайтесь нежно, чисто, и скромно, не то умреть ваша склонность; вы сдѣляетесь низки, грубы, опротивите самимъ себѣ!

Женщина мягка и телла, и прини-

масть каждый образъ, каждую форму; и любовь благороднаго человека раскроетъ въ ней священнѣйшія, прекраснѣйшія чувства и развернетъ всю ея божественность; подъ грубыми руками она унижается до существа, справедливо презираемаго всѣмъ обществомъ.

Не мое дѣло разсуждать о причинахъ, но въ Вѣнѣ сдѣлаешь нѣсколько шаговъ, и вѣрно встрѣтитъ или любезницу или femme enretellee; этихъ насвкомыхъ въ вертоградѣ человечества; хотя наружность ихъ тонка и привлекательна, за то внутреннія низость и ничтожество неспособны произвести благороднаго понятія о женщинѣ и тѣмъ самымъ облагородить ея.

А нашъ свѣтъ сталъ бы гораздо прекраснѣй, еслибъ «общій смыслъ» нашъ сдѣлался поумнѣе, посвѣтлѣе, а чрезъ него и женщины вошли въ свои права и чистоту. Древній міръ не усмотрѣлъ ея умственной красоты и дѣлалъ ея рабынею, средніе вѣка съ своимъ мечтательнымъ романтизмомъ хотѣли сдѣлать себя рабомъ женщины, были смѣшны и дѣлали женщинъ такъ же смѣшными; а новѣйшее все-преобразующее время заходитъ очевидно еще дальше съ ихъ «эманципаціею», равенствомъ, разрушаетъ чистоту и святость жены. Оно хотѣтъ лишить женщину прекраснѣйшаго ея украшенія, сдѣлать изъ cadaго цвѣтка плодородное дерево; оно отвергаетъ даже бракъ . . . «любить! только любить! и любить на каждомъ шагѣ.»

Больно, правда, глядѣть на томныхъ блондинокъ и мыслить, что ихъ нельзя поцѣловать. Оттого, что я на всю жизнь связанъ съ моимъ милымъ черноглазымъ ангеломъ; оно больно, почти неестественно! но въ этомъ мірѣ, съ какаго конца ни возьмись за него, нѣтъ мѣста ненаказанному своеволію. Уничтоженіе брака, будетъ высочайшій гнѣвъ и казнь Божія на человечествѣ, какія когда либо были посланы! хуже десяти холеры, пяти чумы, двухъ револю-

цій и одной конституціи, еслибъ онѣ вмѣстѣ согласились пожаловать къ неугомонному человечеству въ гости! А сколько красота и добродѣтелей—краснѣйшихъ изъ всѣхъ красота, — уничтожается вмѣстѣ съ уничтоженіемъ брака? Одно ужъ это: полюбите разъ только искренно и сердечно, почувствуйте себя счастливымъ и блаженнымъ въ обладаніи дѣвушкою, дрожащею каждымъ нервомъ лишь для васъ однихъ: тогда къ чорту всю вашу чертовскую философію! Что прекраснѣе, возвышеннѣе: два человека сливаются въ одно существо всѣми своими желаніями, надеждами, добродѣтелями и счастьемъ? Если вы не таковы — я ужъ этому не виноватъ! ну моя ли вина, что нынче объ руку съ безстыднѣйшею дерзостью идетъ смѣшнѣйшее скромничанье. Тѣ же мужчины вливающіе своими жадными сластолюбивыми глазами ядъ въ чистое сердце женщины и желающіе наслаждаться вездѣ гдѣ пробуждена ихъ животность, тѣ же мужчины смѣются надъ пламенно-любящею обольщенною дѣвушкою и презираютъ молодую мать, несмѣющую назвать супруга отцемъ своего дитяти. Надъ самими собою надъваются они' этимъ скромничаніемъ! Будьте лучше съ благородными чувствами въ обращеніи съ нѣжнымъ поломъ и не разлучайте никогда плоти съ духомъ, внесите въ жизнь сколько можно болѣе поэзіи, въ ней, и безъ того, по вашей милости, право, довольно прозы!

Дѣвушка чистый листъ бумаги, на которомъ умѣстится много прекраснаго, но не пробудившагося еще. Вотъ когда уже любовь поселится въ сердце женщины какъ весна, и возрастать въ немъ цвѣты и почки жизни, когда она въ огнѣ склоняется на грудь мужчины и поцѣлуями переливаетъ въ него свой огонь, когда вся внѣшность становится съ ней и изъ всѣхъ поръ дышать непритворная естественность и истина, лишь тогда женщина истинно прекрасна! Тогда она воскъ, изъ котораго мужчина

можеть сдѣлать или ангела или дьявола. Но не соблазняйте и не оскверняйте ее своими безстыдными рѣчами; не срывайте съ нея, грубыми шутками и пошлыми остроуміями, украшеній одно за другимъ, не развращайте ее, не дѣлайте ее безпутною когда она еще дѣва чистоты. Тамъ сдѣло гнусно, гдѣ поступокъ не рѣдко былъ только чело-вѣческая слабость.

Мнѣ становится отрадно, когда подумаю, что было бы съ Венками, если бы съ ними обращались съ дѣтства осторожнѣе и нежнѣе, если бы онѣ нашли въ мужчинахъ обожателей, а не сквернителѣй, и если бы такъ не пренебрегала ими поэзія: и разумно-народный театръ, гдѣ выставляются какиѣ-то умышленныя уроки, душевнѣе; женщины дивными женской прелестью, мужчины безъ всякаго достоинства: существа провинчиваго подлостью, неизбежно нѣмощнаго вредное вліяніе на нравы и образованіе народа. Тогда ихъ откровенность и искренность приобрѣла бы болѣе прелесть, умствен-ная красота болѣе граціи и форма, естественность ихъ стала бы милѣе, огонь только бы жила, а не выжигалъ остатки добраго чувства и здраваго смысла; души ихъ вдохнули бы свободнѣе, и тогда бы неоскверненнымъ воздухомъ, онѣ были бы земными ангелами!

Женщинамъ Венны не такъ любить сидѣть дома какъ Русскія или Англичанки; онѣ любятъ пожить, онѣ не учены какъ Парижанки, какъ другія Венки

или Петербургскія женщины, но онѣ естественнѣе. Онѣ любятъ мужчинъ, природу и своихъ дѣтей, но наука для нихъ слишкомъ холодна и безчувственна. Съ Аполлономъ; за неимѣніемъ другаго мужчины, еще кое-какъ ладятъ, но Минерва женщина, и не имѣетъ для нихъ никакой заимчивости.

Между тѣмъ, онѣ столько же разъ понравится въ обществѣ, сколько другія женщины осрамятца; и лучше хотѣть, чтобы ихъ сто разъ поцѣловали въ тепленькія губки, нежели сказали одно слово о политикѣ, философіи и т. д. Онѣ не мечтають о великихъ мужахъ древности и не получаютъ ученыхъ конвульсій, какъ другія Нѣмки, когда слышатъ о Гомерѣ, Геродотѣ, Эврипидѣ, Сократѣ и даже Платонѣ: что имѣть въ мужахъ, которые давно уже прератились въ прахъ? Для нихъ Александръ Великій, Цезарь, Аннибалъ, Наполеонъ, также не занимательны какъ китайскій мандаринъ! Всѣ они прославлялись на войнѣ, а войну Венки ненавидятъ болѣе всего, потому что въ ней гибнетъ такая бездѣла мужичья.

Венка—женщина болѣе нежели какаянибудь другая!

Этимъ прекращаю ея характеристику и прибавлю, чтобы мнѣ съ вами, милыя землячки не осорившая, что можно быть Венкой не родясь въ Венѣ. Хорошо быть Венкой, такую же естественною, простою, но только не такою ужъ горючатою, пльнутою, особенно вблизи мужичья-пегодаевъ!

ЛЕВЪ САМОЙЛОВЪ.

ОТЗЫВЪ ХОЛОСТЯКА

НА ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ,

ПОМѢЩЕННЫЕ ВЪ IV ЧАСТИ МАЯКА. *)

И такъ, участь моя рѣшена: я преданъ суду прекраснаго пола, и, какъ видится изъ дѣла, суду столько же лестному; сколько и опасному по тѣмъ послѣдствіямъ, какія могутъ постигнуть неопытнаго человѣка, — меня невиннаго юношу, который полныхъ сорокъ лѣтъ укрывался отъ подобнаго суда, и самое «Оправданіе» свое пустилъ въ ходъ — и думалъ: «звотъ избавлюсь отъ суда!» такъ вѣтъ; чего боялся, на то и наскочилъ!

Собственные несчастія наши почти намъ ни по чемъ, если только можно причину нѣтъ отвести отъ себя: «несправедливая судьба то и то». Ярые люди такъ и такъ. Это изъ зависти, то изъ мести, здѣсь коварство, тутъ клевета. «и чуть только можемъ сдѣлать себя правыми, покрайней мѣрѣ въ собственныхъ глазахъ, и довольны: въ самомъ несчастіи — мы прѣблуженные люди! Но я, увы! я самъ произвольно наткнулся на себя бѣду, желая избѣжать ее. Предавшіе меня суду, вопреки духу времени, поступили самымъ справедливо, не давъ мѣста проволочкѣ, — этому важнѣйшему и неизбежному факту въ практической юриспруденціи; но, я долженъ сказать, они

предали меня осужденію, не уваживъ моей искренности, не доверяя ей; этого мало: многими годами собранную истину, которая казалась мнѣ свѣтлѣе солнца, судящіе подвели подъ такіе вопросные пункты, въ отвѣтъ на которые несправедливо прележетисл, а прописаться, по точному ученію самыхъ рациональныхъ юристовъ, значить испортить все дѣло, какъ бы оно право и свято ни было. Это судопроизводство, просто, диковинное судопроизводство, затѣянное рукою пущенное въ ходъ. «Резолюція» такъ спутала меня и неожиданнымъ судомъ и неожиданной хвалосо, что я рѣшительно сталъ въ тунни. Объ апелляціи и думать нечего: въ ней еще больше събьются, и за все конечно еще чѣмъ нибудь приплатишься, а ужъ гдѣ же на избытокъ новыхъ осужденій, — быть можетъ, увы! на мою бѣднѣй мой вѣкъ, мой юношескій невинный вѣкъ!

Что дѣлать? Покориться обстоятельству, какъ почитаю за лучшее, и покорюсь! Съ нетерпѣніемъ и страхомъ подсудимаго жду теперь: какая первая вѣсть судейскаго рѣшенія коснется моего тревожнаго слуха, чтобы изъ этого рѣшенія почерпнуть новыя соображенія и тогда, или съ благоговѣніемъ произнести мои благодаренія за прамодушный нелицепріятный судъ, или

*) Эти вопросные пункты помѣщены въ концѣ повѣсти: «Оправданіе холостяка. Ред.

помести новым огорченіямъ отъ тѣхъ субстанцій, къ которымъ дѣлае пошла на-прасно стремилась я душею и отъ которыхъ, въ благодарность за мою восторженнаго обоженія, — принимаю осужденіе.

Депутация для отдаленія стачки, *) слова нѣтъ, прелестна; такая честь хоть бы и не мнѣ; но здѣсь-то выражалась словомъ дѣлаю, — и поставленъ «крючекъ», со всею обдуманною тонкостію, вовсе не въ мою пользу: притязательность *мастолицкихъ судей*, составляющихъ комиссію по моему дѣлу, и неизбежная ихъ односторонность, основанная на весьма естественной мстительности ко всемъ холостякамъ, а можетъ быть и по личностямъ, собственно къ моей особѣ, уничтожить меня совершенно. Прелестная «депутация» заключаетъ въ себѣ сочленовъ столь юныхъ, рывыхъ, такъ невинно безпечныхъ, игривыхъ, что можетъ произвести она своимъ кроткимъ, летучимъ образомъ мыслей, своими розовыми идеями? можетъ ли сила мышленія этихъ милыхъ, невинныхъ существъ устоять въ борьбѣ тамъ, гдѣ будетъ ей противудѣйствовать полновѣсность опыта, *замалѣющая* зрѣлость лѣтъ, стойкость со-еизмовъ, упорство и мѣткость въ соображеніяхъ и гнѣвъ, гнѣвъ ужасный, *замкнутый въ себя*, какъ явнымъ иценный въ свое время на *противоположъ* полъ, преданномъ теперь въ лицѣ моемъ суду; когда эти дѣйствительные члены будутъ судить по заготовленному чувству неприязни къ подсудимому, особѣ, вовсе не художественной, которая уже

*) Для обсужденія дѣла о причинахъ, по которымъ я въ 40 лѣтъ остался холостъ, Мажъ опредѣлилъ нарядить слѣдственную комиссію изъ членовъ прекраснаго пола, какъ свыше 30 лѣтняго достоинства, такъ и низшихъ степеней дѣвицъ до 18 лѣтняго возраста включительно; последнее для отвращенія могущей быть стачки между единогласными.

собственнымъ сознаніемъ объявила себя въ числѣ субъектовъ, несостоятельныхъ по кредиту брачному. Того и смотри, что оба разряда судей: — одинъ по неумѣренной аскетической строгости, другіи по одной уступчивости, рывости, даже просто изъ шалости, приговорятъ меня къ отдачѣ въ неотъемлемую собственность какой нибудь красоте, о древнемъ бытіи коей утрачены все историческія свидѣтельства, и обладая которою, ради ея достоинствъ физическихъ и моральныхъ, по неволѣ буду съ ней провѣтриваться въ *одиночку* на моихъ будущихъ парныхъ дрожкахъ.

Но пока участь моя рѣшится по сентенціи суда, я не могу не сказать, что предложенные вопросные пункты сильно потрясли основаніе невинныхъ моихъ затѣй, а вмѣстѣ съ ними и прочную увѣренность въ непоколебимости моей правоты. Помня старинную поговорку «не бойся суда, бойся судьи», я, по неволѣ потрушнваю и полагаю себя обязаннымъ представить, куда слѣдуетъ, мой отзывъ и тѣмъ, по возможности, отдалить возбужденное уже подозрѣніе; спасти себя отъ угрожающей опасности, которая непременно свалится на меня, если только назначенные судьи и подсудни подмѣтятъ слабую сторону моей неблагонадежности. Но прошу имѣть свисхождение, терпѣніе, выслушать все по порядку.

1, Изъ самаго признанія моего явствуетъ, что мечты мои о супружествѣ затѣялись не въ 16 лѣтъ. Есть гениальныя натуры, которыя и раньше начинаютъ; да на этотъ разъ я къ счастью не гений. Для меня особенно такіа раннія упражненія вовсе бы были невозможны: гдѣ было мнѣ мечтать, мнѣ безпріютному, неупроченному въ содержавіи, еще безъ всякаго званія; мнѣ, чья юношескія грезы всегда закутывались въ тусклую одежду лишеній всего того, чѣмъ разцвѣчается развертывающаяся политическая и моральная

жизнь почти каждого из нас? Мне кажется мечта о женитьбе — проклять на любовь, готовую обнаружиться самими делами. Такой проклять могъ быть принадлежностью только тѣхъ, которые гораздо счастливѣе меня, въ особенности тѣхъ, кончь судьба заготовила наследственное благосостояніе, или тѣхъ, кои ускорительными дѣйствіями возрастающей воли своей, споднаютъ бытіе свое съ самыми хитрыми прихотями. Мне нельзя было прихотничать и бунтовать юностью своею, мне нельзя было разходовать сердцемъ, когда оно вжималось еще въ кусочекъ льда отъ холодной атмосферы бедности и неудачъ.

Горько и теперь вспомнить, что былъ я въ 16, въ 18 лѣтъ, — въ эти годы, неискупимые никакими окровавленіями! — Нѣтъ, юность моя не изнѣжена заманчивыми грезами; въ груди моей, вмѣсто вулканическихъ взрывовъ молодости, залегалъ зрѣлый вздохъ тяжелой уврѣнности, что я почти совершенный неучъ и безъ всякихъ средствъ на образование, которое любилъ всею душою, всѣмъ сердцемъ, и которое собственно отъ меня самого зависѣло и матеріально и морально.

Въ этомъ положеніи, съ моимъ чистымъ стремленіемъ къ познаніямъ, могъ ли я предаваться грезамъ любви? Нѣтъ, вмѣсто нѣтъ, во мнѣ отозвалась очень не лакомая мечта, но болѣе возможная къ осуществленію: какъ бы продать годка два времени, на образование другихъ, и выработать что нибудь къ третьему году для собственнаго образования. Нѣтъ, милостивые государи! въ 16 лѣтъ во мнѣ не рождалась еще мечта, очаровавшая меня въ послѣдствіи. Знаю, что отъ признанія, которое готово у меня смиренно сорваться съ языка, юныя мои судьи второго разряда непременно падаютъ розовыя губки и обольстительно нахмурять прекрасныя брови; все такъ признаюсь, я и недумалъ о милыхъ престелныхъ

подругахъ юной жизни въ тѣ составныя годы, когда лобъ изъ вѣхъ полнотакъ обвѣнчивался мечтатель и о вѣнцѣ, и о розовомъ вѣнцѣ шевеленъ. Еще разъ признаюсь, въ 16 лѣтъ лѣтъ чѣму не годился.

Этого признанія достаточно бы и для втораго пункта моего обещанія, но строго заботясь о своемъ оправданіи, скажу далѣе, что мечтатель въ молодости по 12-ти часовъ въ сутки было бы для меня величайшая роскошь; всякая роскошь требуетъ досуга, а досуга-то у меня и не было, шестому не было и додумивъ смѣяться. Вся жизнь моя была тяжелой трудъ, а что я трудился, это видно изъ подробностей моего вреднаго оправданія, хотя я и не описывалъ тамъ ни количества ни качества моего труда. — Никто изъ смертныхъ не работаетъ въ сутки болѣе сутокъ, истина известная, мировая. А что такое матеріальная тѣснота труда? Работа будничной головки не такъ ли же утомляетъ наковенъ, какъ и тяжелый молотъ кузнеца? Тяжкіе труды и кровавые подвиги на Марсовомъ полѣ; но за то ихъ удивительно какъ облегчаютъ лишняя звездочка на аполеталѣ, новый знакъ мужества на груди; но можно ли не признать за подвиги, смертную работу тѣхъ труженниковъ, которые въ невѣдомомъ, мрачномъ уголкѣ, жмутъ бедную, безотрадную грудь къ дубовому столу и почти безъ вздоха ложатся въ могилу, «сраженныя злою чокоткою? Да на причтется мнѣ грустная новость о безотрадномъ трудѣ въ намѣреніи отречься отъ собственнаго призванія въ былыхъ мечтахъ. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! ужъ когда пришлось истощиваться въ службѣ, то неокрикну душой. Скажу за себя, что обаятельная мечта супружества, если и не могла быть всякой день моимъ наслажденіемъ по 12 часовъ въ сутки, все же она являлась мнѣ хоть на короткое время, она являлась, когда выработавъ часть, минуту свободы, я могъ

спрятаться от людей: когда грусть одиночества томилла меня, она развертывалась во всей силѣ послѣ неоплатнаго, желѣзнаго труда; эта сладкая греза свободно обольщала меня, когда душа моя, взвѣсивъ тяжкую силу, которая потрачена на подневольную ежедневную дѣятельность, силлилась излиться въ сладкихъ ощущеніяхъ, которыя были далеки отъ меня въ тѣ прозаическія минуты, когда трепаль мой бедный лобъ, твнилась грудь. Мечта моя была моя милая, добрая гостья, делавшая меня въ краткія минуты отдыха; она была завѣтная собственность моя и я сердечно привѣтствовала всегда эту дорогую, эту идеальную собственность. Эта мечта была моимъ сокровищемъ, о которомъ я только тайкомъ навѣдывался; никому не повѣрялъ я ее; берегъ ее незаметно отъ свѣта. Она была лишь мнѣ одному доверчиво знакома, для меня одного очаровательна. Предавался моимъ мечтамъ въ меру минуты досуга, я ничего не отнималъ у міра, ничего не похищала у людей, и ничего не терялъ изъ того, за что подвергаюсь теперь суду и расправѣ. Не увидя и на это не имѣя я права собственности, въ то время, когда другіе безъ всякой гнаты силъ на груди по обязанностямъ, и только по одному праву всегдашняго бездѣйствія, завоевывали кучи наслажденій? И великій умъ ничѣтъ отдыха, ничѣтъ даже нѣги, и бываютъ минуты, что самая высокая дѣятельность засыпаетъ въ сладкомъ бездѣйствіи, и — мечтасть: неужели мнѣ только одному предосудительно было и немножко даже помечтать?

Мнѣ казалось, что люди всегда теряютъ свое, когда измученные дневною суетою, губятъ вечерніе, заполуночные часы въ новыхъ томленіяхъ, въ самихъ себя. Покровъ ночи долженъ укрыть каждаго труженика отъ горькой суеты и возратить его себѣ самому, его семейству. Сколько прекраснаго воображалъ я въ картинѣ семейнаго счастья,

когда добрая и умная жена, сумевшая достигнуть свое высокое назначеніе, угадываетъ именно ту минуту, когда ей нѣжная, заботливая рука нужна стереть потъ съ лица утомленнаго ея друга! Я чувствовалъ необходимость этого домашняго счастья, когда возвращаясь изъ «дома работы» я не встрѣчалъ въ жилищѣ своемъ ничего привѣтнаго, ничего утѣшительнаго. Въ эти то минуты посвящала меня моя милая, завѣтная мечта и обворожительными видѣніями согрѣвала оживляла меня. Скажите: не имѣя ли я права на это наслажденіе, единственное наслажденіе въ цѣлой горькой жизни моей? если я и тратилъ на это часы моего отдыха, то все же не 12 часовъ въ сутки. Такое мечтаніе было бы явное противорѣчіе съ прежнимъ моимъ призваніемъ, гдѣ я говорилъ, что трудился какъ ревностный исполнитель присяги; а моя присяга требовала строгаго исполненія службы говорить безъ устали 18 часовъ въ сутки, безъ всякихъ уклоненій, не считая того времени, которое улегалось подъ гнетомъ добровольнаго труда, для разжиры на копѣйку сверхъ казеннаго рубля.

На 3 пунктѣ едва ли могу отвѣчать удовлетворительно, за неимѣніемъ права быть открытымъ сверхъ мѣры, безъ чего, — или плохо оправдаюсь, или пропишусь, или гусей раздражаю, а все это худо. Скажу только, что «разностороннія» качества не могли быть моею принадлежностью; я не могъ употребить въ свою пользу ни хожденій, ни поклоненій, ни поздравленій, ни довошеній; чтожъ? — въ этомъ виноваты! и виноваты можетъ быть не отъ стоическаго излишества строгихъ правилъ, а оттого, что подобныя качества, въ моемъ служеніи, были мнѣ предѣловъ реальной необходимости: мнѣ досталось въ удѣлъ такое скромное мѣстечко, гдѣ все, кажущееся въ столицѣ, даже въ губернскомъ городѣ, необходимымъ, было какъ-то со всемъ не въ употребленіи. Здѣсь это

шло или просто *ни по чему*, или замѣнялось *обратною посылкою*, т. е. отбылось натурою.

Обвиненіе, за через чуръ уже ограниченное пріобрѣтеніе заслугъ, и до вѣрчивое назначеніе моей службы съ 16 лѣтъ, ясно показываютъ, что осудившіе меня слѣдовали во всемъ современному состоянію общества и не хотѣли справиться съ тѣмъ временемъ, которое граничило съ моимъ возрожденіемъ, или, не желали замѣтить какъ и самъ я жаловался, что приопоздалъ на службу; а сверхъ того достопочтенные судьи, кажется, умышленно допустили излишнюю увѣренность въ возможности счастливой выслуги во всякомъ мѣстѣ.

По всему вижу, что составлявшіе резолюцію по моему дѣлу люди значительно новѣе меня и, къ счастью ихъ, вовсе незнакомые съ низшими инстанціями, особенно съ провинціальными мѣстами, гдѣ складываются диковинные дѣловые люди, наравнѣ съ ихъ рѣшительными дѣлами, складываются на длинный рядъ годовъ въ томъ «замкнутомъ» чинѣ, котораго ключъ въ 809 годъ. — Силюю этого года много и на предбудущее время заключили «въ самихъ себѣ, по себѣ и для себя», все абстрактивныя притязанія на всякую элевацию, они ограждены законнымъ образомъ отъ несправедливыхъ претензій на возведенію чиновности, которая съ того времени, — *по положительнымъ* состояніемъ *блиго одъ* очень вѣрно обозначала и самое внутреннее ихъ достоинство, какъ известная проба означаетъ известную степень «благородія» благородныхъ металловъ. Такимъ образомъ и моей чиновности, вѣроятно свыше не было предназначено счастливое прохожденіе и возвращеніе. Для ясности прибавлю что мое служеніе было безмятежное, постоянное, долго оберегаемое однимъ и тѣмъ же класснымъ чиномъ чуждое возможныхъ искушеній, общацій и притязаній. Охотно считаю сча-

стливыми тѣхъ, которые *подвергались* неудачу моего служенія и медленности пріобрѣтеній чиновности и благосостоянія: они не имѣютъ надобности представлять: какъ можно существовать, трудясь на весь умъ, — каковъ бы онъ впрочемъ ни былъ, — и не вырывать напримѣръ 50 рубъ въ мѣсяцъ? Бывши ближайшимъ знакомцемъ этого счастья, я въ свою очередь, удивляюсь: какъ можно, удаля даже все условія препятствій, существующихъ въ быту каждаго, — удивляюсь, какъ можно полагать совершенно естественнымъ — до известныхъ лѣтъ наслужиться и въ запасъ нажить? Я увѣренъ, что еслибы обстоятельства политическаго прозванія маленькаго человека были столько же для другихъ интересны, сколько интересны случаи жизни людей большихъ, то исторія существованія многихъ бѣдняковъ высказала бы результаты: что можно служить долго, честно, усердно, дѣльно, и можно не вина никого, шагнуть ни какъ не *далье его лагерод и*, ровно безъ всякаго пріобрѣтенія въ «петлицу и далье во» *внутрь, подъ петлицу*. Для удословренія можно бы живообразно взять нѣсколько фактовъ хоть изъ исторіи моей жизни, но извините: я очень недавно читалъ укоризны тѣмъ, которые живо говорятъ о самихъ себѣ въ выгодную сторону, и молчу; да при томъ же сообщеніемъ этихъ фактовъ ничего и невыиграю, а только удаюсь отъ сущности дѣла и подвергну себя, быть можетъ, новому осужденію, которое и безъ того достаточно далось мнѣ во весь длинный ювешескіи мѣи вѣкъ.

Противъ 4 пункта *) *бессомлѣваю*.

*) Въ этомъ пунктѣ замечено Г. П. — кому, что онъ если не созналъ въ себѣ разностороннихъ талантовъ необходимыхъ для надлежащаго усердія къ службѣ то почему не изыскивалъ другихъ путей, на одинъ изъ которыхъ такъ

Обвинение въ немъ слишкомъ обязательно и близко душѣ того, кто въ прошедшемъ видитъ только рядъ трудныхъ переходовъ, отравлявшихъ всю бодрость дука, и плохо доверяетъ себѣ въ настоящемъ. При подобныхъ, ободрительныхъ напоминающихъ, сердце немольно сгрустнеть и воскресить въ памяти своей весь итогъ утратъ этихъ востановъ, которыхъ плоды всегда обращались въ павелы, — утратъ, оставившихъ въ душѣ одну скорбь о мнущемъ. Многие приобрели прошедшимъ свое настоящее и даже будущее; но не я, хотя, быть можетъ, не многие спесутъ упрекъ за прошедше такъ спокойно и съ такою ироническою молчаливостію, съ какою замолчу я, смиренно принимая свое осужденіе.

Чтожъ касается до ссылки на тѣ скоросильные таланты, которые уже съ 16 лѣтъ пишутъ, пишутъ, пишутъ и наконецъ въ 24 года исписываются, какъ грифель — и обращаются въ окомѣлокъ способный лишь «марать» — полагаю, что и эти господа не безъ пользы: они не рѣдко за свои трогательныя творенія, разваленныя друзьями, за свои «таинныя думы *вслушъ*», сдѣлались, точиломъ чужому острію; и имена ихъ вошли въ литературную извѣстность какъ образцы безвкусія, какъ «экспоненціальныя» опечатки грѣшнаго міра пишущихъ. Приобрѣсти подобную честь, конечно, можно и безъ большихъ умственныхъ «запасовъ», но я сохранялъ еще столько самоуваженія что не позволилъ бы себѣ явиться на поприщѣ, слишкомъ новомъ и незнакомомъ для

удачно вышелъ въ сорокъ лѣтъ, тогда какъ другіе, а теперь чуть ли и не всѣ, начинаютъ такое изысканіе путей ведущихъ къ счастью, съ шестидцати лѣтъ, и ведутъ себя такъ быстро къ совершенству, что въ 25 лѣтъ дѣлаются великими людьми, печатными законодателями міра, и далѣе ни шагу нѣкуда, все дочерпанъ. *Редикт.*

меня. И чтобы я выигралъ на немъ? нѣтъ, чувствую вполне, эта попытка еще далѣе «снесла» бы меня своимъ теченіемъ отъ моей цѣли, чѣмъ даже какіе нибудь альбомные стишки, которые все такъ гораздо болѣе имѣли сближенія съ моею идеей семейнаго счастья, потому что подобные стишки, если и не касались прекрасныхъ сердецъ, то ужъ непременно мелькали въ прекрасныхъ глазахъ; а изъ множества этихъ глазъ довольно было *двухъ*, чтобы осуществить для меня мою сердечную идею; — альбомные стишки хоть ту имѣли выгоду, что сохранны вѣжлились въ золотыхъ листочкахъ, и хлопотали за меня, впрочемъ всегда безуспѣшно; а случалось, и первенствовали даже въ томъ своихъ собратій — стишковъ, набранныхъ въ запасъ съ конфетныхъ обертокъ или затѣйливо созданныхъ, отъ избытка чувствъ, безстыднымъ умомъ отставнаго фравта.

Да позволено мнѣ будетъ сказать вамъ при этомъ, мои достопочтенныя судьи, что я совершенно другаго мнѣнія съ вами на счетъ альбомной поэзіи, которую вы кажется гоните наравнѣ съ «легкимъ чтеніемъ» совершенно впрочемъ напрасно, а еще болѣе, совершенно несправедливо. Нѣтъ; альбомныя творенія, — суть *шесть!* — И если они, одинаково съ легкимъ чтеніемъ, легко читаются, за то ужъ право не легко достаются своимъ творцамъ. Я прежде считалъ, да и теперь той вѣры, что альбомный стихъ — вѣрный проводникъ сердечнаго электричества, и что альбомныя произведенія — ближайшій путь къ самымъ блестящимъ заслугамъ въ глазахъ «прекрасныхъ». Альбомъ — это музей, въ который, безъ цензуры и привязочной критики, собираются самыя пламенные сердечныя творенія, прославляющія владычество красавицы. Прошло время владычества? и тотъ же альбомъ становится архивомъ прекрасныхъ воспоминаній; тамъ тщательно хранятся факты былаго, изъ

которыхъ во всякое время, можно составить вѣрную «записку» о минувшей своей славѣ, утратахъ, прибрѣтѣніяхъ и намекахъ, скрѣпленныхъ своевременными воздыханіями.

Сколько сентиментальныхъ стихотворцевъ, которые проявлялись на литературномъ поприщѣ первыми вдохновеніями, вписанными въ заветные листочки, которые по своей «легкости» и летучести внесли ихъ на недосыгаемую высоту величія и славы! Да, я утверждаю предъ цѣлымъ свѣтомъ, что писать въ альбомъ не бездѣлка: душа, «замкнувшая» огненную страсть, рвется и летитъ на бумагу; тутъ-то и бѣда! Въ альбомѣ, да, въ альбомѣ, — достоинство человека, властителя природы и самаго себя, является во всемъ своемъ лучезарномъ блескѣ. Да, надобно имѣть не человеческую силу надъ собою, при этихъ просто сатанинскихъ искушеніяхъ: вамъ даютъ заветные листочки милой, вы можете говорить въ нихъ все, все, *кроме* безграничной искренности собственного чувства, которымъ переполнена душа ваша! Конечно, еслибы эти альбомы составляли только собственную тайну красавицъ, (а есть ли у нихъ невысказываемыя тайны?) тутъ, — была не была, грянулъ бы всѣмъ, что было за душею; а то, попробуй, напиши, — сметришь и пошло по рукамъ, и пошла потѣха! Да, при этомъ безчеловѣчномъ обычаѣ, — основанномъ на одномъ чувствѣ самолюбія красавицъ, желающихъ указать всѣмъ свое торжество, повѣрить всѣмъ чувства, повѣренныя только однимъ имъ, — при этомъ обычаѣ, сердце конечно должно прятаться за умъ; и какая высочайшая тонкость интеллектуально-сердечнаго самопроявленія должна явиться, чтобы высказать всего себя и быть понятнымъ только ей, только одной ей; — чтобы *одна она* постигла вашъ сердечный пламенный намекъ и ни кто болѣе. А это нитруднѣйшая изъ всѣхъ писательскихъ задачъ, почти «неразрѣши-

мая», какъ квадратура круга: *адво* то именно искусство «умѣть сказать все и не сказать ничего», все *для* насъ, и ничего, чтобы могло кинуться въ равнины, или завистливые глаза другихъ — Можно ли послѣ этого не благоговѣть предъ вами, о великіе альбомные мыслители? Но я показалъ до сихъ поръ только одну сторону; показалъ, чего стоитъ писать въ листочки милой сердцу. А если подвернетъ вамъ эти листки одна изъ тѣхъ *напастей* на родъ человеческій, о которыхъ, при одномъ воспоминаніи, морозомъ прохватитъ васъ насквозь —

И шевелится эниграма
Во глубинѣ твоей души —
А мадригалы ей пиши!

Что тогда? — Нѣтъ, господа, альбомная поэзія великое дѣло; вникните только хорошенько и вы увидите, что оно «скупчивается» въ себя «цѣлостный» міръ искусства, міръ замкнутый исполненными трудностями. Эта поэзія — чисто художественное, обобщенное проявленіе субъекто-объективной идеи, развивающейся изъ себя и возвращающейся къ себѣ для полного выраженія себя во *внѣшности*.» Признаться искренно: въ былое время, — на равнѣ съ прочими. — бывалъ и я, бывалъ и неразъ, усерднымъ альбомнымъ панигиристомъ красоты и, какъ помню, мои жаркія произведенія по этой части не разъ заставляли покрываться легкимъ румянцемъ удовольствія щечки не одной воспѣтой красавицы.

Ужъ онъ старушкѣ,
Но отъ нихъ порою
Много

Да что уже и говорить! Скажу только, и скажу не совѣсти, что въ альбомномъ стихѣ выражалась *не* разъ вся душа моя, весь пылъ сердца. Но поставится ли мнѣ это въ грѣхъ? — Развѣ розовая благоуханная душа прекрасной женщины не стоитъ такихъ чистыхъ

принимать? и внимание красавицы равно не может быть элементом, способствующим видамъ человечества? развѣ, отъ альбомнаго стихива не загарался некогда ливменникъ Гименей? и, если я, въ свое время, изъ альбомно-стихотворнаго прозабевія не возросъ до подражателя Пушкину, то ужъ вѣрно самымъ деломъ, или быть можетъ эсмеральными слѣдствіями моихъ эротическихъ и другихъ произведеній, явилась для меня одна приврачность утѣхи и ужъ рѣшительно ничего действительнаго, вѣроятно всѣмъ этимъ, я исповалъ уничтоженъ для всякаго исканія извѣстности. Слѣд. и возмѣшивать съ меня не за что.

Впрочемъ, сказать правду, сдѣлать что нибудь полезное для людей, воля моя, вещь также не мажорная, какъ и альбомные стихи; и если мнѣ доставлено на видъ, что я ровно ничего для нихъ не сдѣлалъ, — вѣроятно по литературному отдѣлу, — въ такомъ случаѣ винюся безмолвно; но что же дѣлать, когда это было, какъ я уже сказывалъ, вовсе не по моимъ слѣдамъ! Я единственно протѣя для того, чтобы омасить себя словомъ истины и увязнуть въ числѣ дѣлателей на пути просвѣщенія, промазаныхъ одною только кулечкою, продажею и мѣною съ лучшими книжноторговцами, хотя и случалось не разъ, что и отъ моего имени начальная буква торчала въ некоторыхъ блаженной памяти журналахъ, въ массѣ преставившихся, безъ покаянія; а ужъ я не берусь здѣсь разсуждать, съ пользою ли отжили они свой краткій вѣкъ, или съ морщаньемъ погружались въ мутная воды Леты.

Мнѣ остается прожить шопицы, если я вновь впаду въ искушение и перенячу на левую почти несправедливость, сдѣланную мнѣ четвертымъ пунктомъ. Милліоны людей ливутъ беднѣйшимъ, и эгоизмъ въ столикъ же душахъ смрачивается открытыми путями; милліоны томятъ жало во вредъ блажнаго,

многое множество является неправоты и энидмической лѣни, и за все это нѣтъ безошадныхъ взысканій; роитаніе ихъ часто принимается за точное горе и не ставится имъ въ тяжкое отступленіе отъ правоты, между тѣмъ, какъ я, въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, при собственномъ признаніи, подвергаюсь отвѣтственности за бѣдную мою мечту, которую самъ же создалъ, возвысилъ и передалъ извѣстности. Да позвольте спросить: много ли пользы и отъ тѣхъ, которые сами объявили себя творцами полезнаго, и, громкими воззваніями, призываютъ внимать полезному, а потрѣбъ святотатствуютъ именемъ правды? Нѣтъ, милостивые государи, если я не могу вполне оправдаться противу сдѣланнаго мнѣ упрѣка, то исполнѣ чувствую, что я мечтой и грезами грѣшилъ, — что было-то-было, но не отставалъ отъ дѣла, усердно вертѣлъ свою маленькую шестерню въ огромной машинѣ чловѣческой дѣятельности, и роитаніе, замѣченное во мнѣ, есть только слѣдствіе искренняго расказа, — безпорочный отголосокъ прежняго горя. Люди ли ко мнѣ были несправедливы, или я не заслуживалъ ихъ справедливости, ужъ объ этомъ не хлопочу, — цѣль моего признанія говорить за меня и убѣжденіе мое утѣрять, что я не долженъ быть осужденъ; что дѣлю право провести остатокъ жизни безъ тѣхъ грѣшій и укоризнъ, которыя такъ справедливы, впрочемъ, относительно сдѣланнаго юношей, умышленно увернувшись отъ семейнаго быта.

Слѣдуетъ теперь отвѣчать на самый трудный вопросъ: «но какому праву почиталъ я супружество окончательною цѣлю и почему не забочился узнать: для чего человекъ живетъ на свѣтѣ и какия средства ведутъ къ истинной цѣли?» Тутъ, признаюсь, видима бѣда: важность вопросовъ, важнѣе самаго дѣла и выныи, т. е. выше всѣхъ дѣлъ моей жизни; но какъ и я жилъ,

и я желал свои цели, то левкій судья конечно, имѣть право притянуть вопросъ: «а за чѣмъ ты созданъ?» Думать о благословенномъ состояніи семьянина, прокрасться, добромъ ли худомъ ли, въ бытъ женатаго и рассказывать о томъ, конечно дѣло немудрое, — тутъ не надъ чѣмъ головы ломать даже и тому, у кого она еще въ большей опалѣ, чѣмъ у меня; но данъ основательный отвѣтъ, на вопросъ такой важности, — право тутъ нужна голова иной формациі.

Воля ваша, милостивые государи, это, очевидное притязаніе: вѣдь дѣло шло только о моемъ оправданіи, и именно, о томъ: «почему я остался безбраченъ?» а мени подвергли отвѣтственности, превосходящей мои силы и поставили въ вину: почему я думалъ свое, — когда у меня была къ тому охота, — и почему не подумалъ о другомъ, когда у меня совсѣмъ не было къ тому охоты! Мнѣ казалось, что хорошо быть женатымъ, и, утративши все прочее, пожелалось и желалось повѣрить счастье въ семейномъ быту, — ну чтожъ! За это еще простить можно, если я не съ той стороны возшелъ въ претендаторы на это счастье. Еслижъ я вслѣдствіе мыслилъ, что супружество есть окончательная цель жизни и высшее благо? если эта аксіома изуродована къмъ нибудь въ ея выводахъ мимо меня, по уродливости самаго субъекта, то я и тутъ не виноватъ, а если неосновательно распорядился предметомъ своихъ пламенныхъ желаній, то вѣдь этожъ мой собственности, въ страдательномъ положеніи.

Впрочемъ въ другое время я не смѣлъ бы и пикнуть противъ подобныя обвиненій; но теперь когда дѣло идетъ о моей участи, о моей свободѣ, признаюсь, отъ души желаю быть правымъ. Мысль, что судьи изъ прекраснаго пола, назначенныя въ комиссію по моему дѣлу, слѣдять за моею отчетностію, страшнѣе для меня тѣрканьяго

заточенія. Я человекъ издавна перепуганный, вовсе не щеголяю храбростію, и мнѣ всегда казалось однимъ изъ величайшихъ несчастій подпасть верховному судилищу женщины. Ихъ языкъ, разумеется, изъ словосохотнаго разряда, слѣдовательно самаго многочисленнаго, — сказываютъ, всегда былъ убійственъ для того, кто имѣлъ несчастіе подпасть его расправѣ. Сколько претерпѣвала и каралась самая чистая святая непорочность, отравленная любовными сплетнями бойлаго языка, когда онъ въ полномъ разгарѣ, съ нѣкою искреннато добродушія и участія хлесталъ и чернилъ предметы огорчившіе его обладательницу! Не могу скрыть, что и самое мое оправданіе составлено, можетъ быть, изъ одного отличнѣйшаго уваженія къ тѣмъ почтеннымъ, за-50-лѣтнимъ особамъ комиссіи по моему дѣлу, которыя конечно прежде суда и расправы вознесутъ хулу на безпорочную мою, заслуженную юность.

Между тѣмъ, восходя болѣе къ обнаруженію моей правоты, я желалъ бы имѣть право спросить и съ своей стороны: почему известно и вѣдомо, что я не заботился знать: для чего человекъ живетъ? — и одинъ ли я, и точно ли не пошелъ по истинному пути? и всегда ли на нашей сторонѣ возможность дѣйствовать такъ, а не иначе? всегда ли, и каждому ли суждено пріобрѣтать все навѣрняка? все ли люди съ чиневностью и безъ чиневности, съ толковою и безъ толку, взыскались на занимаемыя мѣста и успѣли на нихъ по правильно избранной цѣли? все ли употребили форму искательства по обдуманному и добросовѣстному отношенію къ строгому избранію истиннаго пути, и во многихъ ли средство не было важнѣе цѣли? Но, не имѣя права входить въ подобное изслѣдованіе и чувствуя всю трудность своего положенія, — съ такою же искренностію сознаюсь, что я, во своему, — вхожу

въ глубокія сужденія, и по своему разбиралъ въ моральномъ смыслѣ: какія послѣдствія произойдутъ изъ моего предположенія не оставаться холостякомъ? а еще менѣе заботился о томъ, для всѣхъ ли необходима женитьба? Я чувствовалъ ее относительную необходимость для себя, о чемъ только и хлопоталъ. Рѣшился быть полезнымъ въ должности, въ коей волею или неволею утвердился, и стараясь объ этомъ на дѣлѣ, я главное сдѣлалъ: я видѣлъ себя членомъ общества, и хотя дѣйствія мои въ ихъ отдѣльности, составляютъ незамѣтную крупинку, — все же, по отношенію ко всеобщей полезной дѣятельности, дѣятельность моя, — а въ ней не могу отказать себя безъ измѣншей несправедливости, — была хотя крошечной искрой уголька въ огромной массѣ огня, но все же искрой. Следовательно, при всей строгости сулей, нельзя сказать будто я былъ прилеженъ только на мечты, а не на дѣло. Я пытался кой на-что, и очень положительно домогался лучшаго, но опытомъ узналъ всю ничтожность моихъ исканій; тутъ я пересталъ вѣрить Лейбницу: «что всякая монада, или простое существо, (какимъ я всегда считалъ себя) есть дѣятельная сила, заключающая въ самой себѣ начало своихъ перемѣнъ», и понеholz согласился съ Декартомъ и Малебраншемъ. «что ваши дѣйствія не зависятъ отъ насъ» Я разумно это въ высшемъ общеривѣйшемъ значеніи, потому что считаю невозможнымъ согласиться вообще съ великимъ аналитикомъ, Декартомъ въ безусловномъ отрицаніи произвола нашихъ дѣйствій?

Убѣжденіе въ собственномъ безсиліи заставило меня перестать противоборствовать силѣ не-я, которая была выше меня. Я уговорилъ свое энергическое я и покорился судьбѣ; понесъ что смогъ, и тѣмъ соблюлъ общую цѣль: мой трудъ былъ подъ рукой; одно желаніе быть сдѣланнымъ, какъ частное условие счаст-

ливной жизни, манило меня къ себѣ, и, мнѣ казалось, что этого только я и желать могъ, чтобы въ жизни хоть этимъ насладиться. Но неужели единственное желаніе, которое благородно одушевляетъ человека на трудномъ пути жизни, есть недовольтельное отступленіе отъ высшей цѣли жизни, и неужели стараться достигнуть подобнаго желаннаго, значить имѣть недознанную цѣль, къ коей и приближаться не должно? Я полагаю, когда человекъ работаетъ въ пользу общую, когда совѣсть его не тревожить въ часъ самоотчетливости, а дѣла и свидѣтели дѣйствій его не скажутъ, что онъ рабъ лѣнивый, зарывающій талантъ въ землю, то такой человекъ дѣлается добрымъ путемъ. Я полагаю, что прежде, — въ «Оправданіи» моемъ, — вполне уже изобразилъ я обозначилъ всю точность дѣйствій своей жизни; но теперь вижу, что по неволѣ долженъ любомудрствовать согласно съ новѣйшими умучителями. Думаю, въ слѣдъ за ними, и конечно безошибочно, что *цѣль нашихъ стремленій безъ сомнѣнія есть возможное удѣленіе имъ*; по этому каждый силится достигнуть того, что его привлекаетъ; вы къ этому прибавите: «разбойникъ — убить, воръ — украсть, я — жениться!» чтожь за беда? дѣло не въ этомъ, а въ томъ, видите, что формула круглая, вѣрная, все въ себѣ замыкающая. Если же вы ее не принимаете, то я пожалуй и отступлюсь: у меня есть другія.

Мое исканіе невесты, или усилія въ пользу этого «добра» — было только — частнымъ отступленіемъ, только средствомъ, — котораго искалъ я для блага жизни, а не какъ *гаммаго блага*; и все, прежде высказанное мною объ этомъ исканіи, — высказано не въ зачетъ цѣлаго, существеннаго, на чемъ, безъ нашего участія, видимо лежитъ рука святаго Провидѣнія. Въ душѣ моей и теперь таятся свѣтлое чувство сознанія высшей цѣли, предназначенной человеку

Всемогущимъ, это чувство жадно стремится къ повсюду глубокимъ явленнымъ вѣчному разуму и мудрому порядку, съ величайшею глубиною проваливающагося въ человечество въ во всемъ сотворенномъ. Слышу Канту, Фихте и знаменитому Гегелю, я пожалуй наговорю вамъ три короба о нравственномъ своемъ назначеніи, конечно легко могу сбиваться съ прочнаго пути и ставить обыкновенное средство за дѣло великой важности, и великую цѣль — за ничтожное дѣло. Но одинъ ли я? всѣ такъ дѣлають: и прежде и теперь часто философовъ я за великими мыслителями, на тему: «для чего человекъ живетъ?» набиваю иногда на мысль и стихъ Фонтан-Визива: «смажи зачѣмъ сей созданы светъ?» и — философія наша становится въ тупикъ: знаю, — цѣль нашей жизни не эта колючая тернистая жизнь, но задача земнаго бытія человека доведима ли намъ? одни говорятъ: что человекъ есть машина, движимая извне высшею силою; — другіе говорятъ: «вообще нѣтъ, если я и вполнѣ убѣжденъ, что каждый человекъ, въ дѣйствіяхъ своихъ, есть орудіе, — но убѣжденъ также, что будучи орудіемъ, онъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, и причина своихъ дѣйствій, и если съ одной стороны провидѣніе предоставило человечеству, — какъ орудію — а съ другой и каждому недѣльному, известныя предѣлы, известную цѣль, которыхъ они преступить не могутъ; зато съ другой стороны — какъ причина, человекъ есть существо свободное, предопредѣляющее собственныя свои дѣйствія, свобода коихъ вполнѣ ясна намъ изъ самостоятельнаго чувства сознанія и вѣрности своихъ поступковъ, на собственномъ судѣ съ доброй и худой ихъ стороны, слѣд., признавая высшее управленіе надъ нами вышшаго безусловнаго Разума, — мы очень хорошо знаемъ, что воля наша свободна, что мы можемъ направлять ее къ той или другой частной цѣли, для достиженія которой въ

познать правъ избирать все орудіемъ, если по крайнему убѣжденію совѣсти не видимъ въ этой цѣли и средствъ средствъ противрѣчій нравственности и религіи. И вотъ, какъ орудіе, я — со- рокалѣтній, безволосый юноша, при всѣхъ усиленныхъ стараніяхъ никакъ избѣжать этого блага, и вотъ, какъ причина, — я описываю вамъ мои приключенія и неудачи. Но для чего я на землѣ, какое назначеніе мое здѣсь и отдельно и въ связи прочимъ существамъ, философы молчатъ: и я помогу нова. Знаю лишь то, что для земнаго бытія Богомъ завѣщана намъ любовь къ Нему, любовь къ добродѣтели, а дальшѣ... мы всѣ знаемъ, что на землѣ:

Тамъ общій вѣсѣмъ удѣлъ могла;
Раскрытый гробъ у насъ въ глазахъ;
Советъ голодной червь нашъ прахъ.

Но не смотря на все это, въ часъ свободный, вывернувшись изъ подъ гнета философіи невнятно умчавшаяся за тридевять земель. Очувшись отъ этихъ мечтаний по неволѣ вспомнишь, что недобные полеты уже не подѣлать, и все таки, сдастся, что я не виноватъ. Нѣтъ! я не столько виноватъ, сколько кажусь; нѣтъ! я не слишкомъ далеко зашелъ, чтобъ забыть свое назначеніе, а если и оказалась какая нибудь особеннѣсть въ образѣ моихъ взглядовъ и мыслей, то она не испортила всего дѣла столько, чтобы нельзя было замѣтить моей готовности помнить — «для чего человекъ живетъ». Я остаюсь уверенъ, что въ моемъ отступленіи отъ общей цѣли и во всей сложности моего дѣла конечно не больше грѣха, какъ и въ каждомъ, самомъ нравственномъ писателѣ, который, служа пользамъ человечества, не поставивъ въ грѣхъ и «малую толику» житейской славы и лишней сотняги душъ, и новаго пополненія, ломбардныхъ билетомъ, счастнаго числа запасной суммѣ. Полагаю также, что многіе изъ рыцарей чести и доблестей воинскихъ, — тоже, не въ при- жеръ прочимъ, не откажутся поддаться

и за вещественными отличіями, увильнувъ для этого даже нѣсколько и отъ истиннаго пути; наконецъ, смѣю думать, что вездѣ найдутся патріоты, которые не хуже моего, своевременно забудутъ для чего человекъ живетъ, и плохо объяснятъ неразрывное дѣйствіе своихъ желаній, съ тѣми средствами, кои ведутъ къ истинной цѣли; увѣренъ также и въ томъ, что много найдется очень даже великихъ людей, которые во всеобъемлющихъ планахъ своихъ, имѣютъ женитьбу однимъ изъ самыхъ счетовъ окончаній своихъ замысловъ.

Отрекаясь торжественнымъ образомъ отъ всякаго притязанія на женитьбу, какъ на средство, не могущее для меня теперь вести ни къ чему разумному, я въ тоже время желаю отречься и отъ лестнаго вызова вашего, упрочить свое семейное счастье литературными трудами.

Было время да ушло! и къ числу

прошедшихъ утратъ, доставшихся собственно на мою долю, я отношу теперь въ особенности то, что въ лучшей періодъ моей жизни, когда я готовъ былъ усердно держаться прочнаго пути, сообразнаго съ моими надеждами, — на литературномъ горизонтѣ не существовалъ Маякъ; теперь онъ такъ обязательно, такъ радушно освѣтилъ обезсиленнаго, усталаго уже пловца, заброшеннаго бурными волнами на ветхомъ челнокѣ, въ безвѣстный уголокъ, гдѣ съ грустною душею ждетъ — только своего разрушенія. Этотъ благотворный лучъ не возжетъ уже угасающаго пламенника жизни, — онъ укажетъ только мѣсто, гдѣ отъ усилія волнъ и тѣсноты шхеръ на мѣлкія части раздробился бѣдный челнокъ бѣднаго скитальца!

ГР. П — СКІЙ.

18 Октября 1840.
Харьковъ.

Резолюція: по справкѣ доложить въ обществѣ собраніи:

МАТЕРИАЛЫ.

— 12 —

О СНѢГАХЪ

НА БОЛЬШОМЪ СЕНЬ-БЕРНАРЬ.

Снѣгъ и градъ образуются прежде нежели иней; иней есть роса замерзшая послѣ своего паденія, а снѣгъ и градъ есть произведеніе паровъ замерзшихъ во время самаго паденія. Снѣгъ состоитъ изъ тѣхъ же началъ и тѣхъ же паровъ что и облака. По опытамъ Деви, снѣгъ есть чистая въ кристаллы превращившаяся вода. Снѣжинка (охлажденъ связанный — flocon de neige) есть соединеніе мелкихъ кристалловъ, представляющее при паденіи — особенно въ тихую погоду — правильныя шестилучевыя звездочки. На Сень-Бернарь и на другіе высокіе горы, дѣломъ и вообще когда воздухъ не весьма холоденъ, хлопья снѣга бываютъ большой величины. Въ морозы же и при сильномъ вѣтрѣ, кристаллы снѣжинокъ бываютъ малыя и весьма плотно соединены между собою. Снѣгъ иногда бываетъ такъ измокъ и сухъ, что, крутымъ сильнымъ вѣтромъ проникаетъ всюду: въ щели домовыхъ стѣнъ, въ щели оконъ, ставней и проѣз. На высокихъ горахъ и въ странахъ близкихъ къ полюсу, снѣгъ иногда падаетъ и въ не весьма облачную погоду, и тогда снѣжинки имѣютъ самую правильную и красивую форму. Будучи прозрачны, снѣгъ кажется голубыми и сообщаютъ

прекрасный цвѣтъ своей водѣ, встрѣчаемой въ ямкахъ ледниковъ (*).

Вновь выпавшій снѣгъ всегда бываетъ очень скважистъ; но вліяніе атмосферы скоро измѣняетъ его состояніе. Если во время паденія снѣга, термометръ нѣсколько повышается, то снѣгъ становится постепенно плотнѣе; если же термометръ понижается, или если солнце не касается лучами своими его поверхности, то кристаллы снѣжинокъ сближаются между собою, не составляя, однакожъ, въ то же время сцепленія между самими снѣжинками. Тогда образуется родъ сухой рыхлой пыли, походящей на песокъ, или точнѣе на муку, ибо онъ хруститъ подъ ногами какъ и мука между пальцами. Осенніе снѣга покрываются иногда тонкою корою льда, образовавшеюся отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Разтаявшій днемъ снѣгъ, ночью превращается въ ледъ. Январскій и вообще весенніе снѣга не принимаютъ большой твердости: они таютъ или *глыбятся* (*ronglissent*), какъ говорятъ горцы. Не-

(*) Mushenbroeck, *Elements de physique*. — Scoresby, *Tableau des régions arctiques*. — *Annales de chimie et de physique*, XVIII, 38. — Н. Davy, *Journal de chimie médicale* 1837.

давно выпавшіе снѣга прерываютъ на время всѣ пути сообщенія, и весьма опасно пускаться въ дорогу прежде нежели она будетъ проторена или протоптана. Обыкновенно протаптываютъ дороги, прогоняя по нимъ нѣсколько домашняго скота. Такимъ образомъ тридцать муловъ, гонимыхъ изъ мѣстечка Севъ-Пьерръ, въ 7 часовъ времени, протаптываютъ дорогу до обителя или гостиницы (l'hospice).

Теплота краткаго лѣта нагорныхъ странъ, была бы недостаточна для того, чтобъ растопить зимніе снѣга, если бы дѣй другія причины, препятствующія безконечному увеличенію ледниковъ, не сохраняли сами равновѣсіе относительно къ снѣгамъ; причины эти суть: естественная теплота земли разлагающая снѣгъ снизу, и испареніе, уменьшающее его сверху. Хотя и говорятъ что теплота земли менше на высотахъ горъ, нежели въ мѣстахъ низкихъ и покрытыхъ лугами, замѣчая что вершины горъ ничѣмъ не покрыты если нѣтъ на нихъ ни какой травы, какъ будто бы ничто другое, кромѣ ее, не можетъ также хорошо сопротивляться потерѣ теплоты; а между тѣмъ въ горахъ-то и сохраняется вполнѣ вся естественная теплота земли—подъ снѣгомъ и льдомъ, какъ извѣстно, болѣе всѣхъ впрочемъ тѣмъ непроходимымъ для холоднаго атмосферическаго воздуха. Относительно же испаренія или таенія сверху, дѣйствіе это уже значительно очевидно на льду, и еще болѣе на поверхности снѣга, оно бываетъ даже зимою, въ время оттопленія къ разрѣженію воздуха (*).

Сверхъ того, причины эти дѣйствуютъ не только въ то время когда температура равна нулю или отрицательна; но даже въ продолженіе самой жестокой зимы; и такъ какъ дѣйствіе это безпрерывно продолжается и тогда какъ

снѣгъ уже пересталъ выпадать, то легко поймемъ что снѣга не могутъ увеличиваться каждагодно. — Это доказываетъ и замѣчаніе Графа Тилли, согласное съ замѣчаніемъ капитана Шервилля (Shervill). Октября 9, 1834 года, Тилли видѣлъ на горѣ Гранъ-Муло (Grands-Mullets), въ снѣгу, остаткиствнѣ хижинны Соссюра, построенной въ 1787 году, т. е. 47 лѣтъ назадъ: онъ возвышаются надъ снѣгомъ около двухъ футовъ, между тѣмъ какъ должно бы уже предполагать остатки эти на всегда въ немъ погребенными. Докторъ Мартинсъ (Martins), нашелъ также хижину Соссюра въ ущельѣ горы Сервенъ (Servin), на высотахъ болѣе 10,000 футовъ. — Полагаютъ что ледники не иное что какъ скопившіяся въ большомъ количествѣ снѣга. И это правда: во какъ образовались они, какъ держатся? Сперва, вѣроятно, произошли они отъ снѣговъ падавшихъ непосредственно съ неба, а въ послѣдствіи отъ огромныхъ массъ, скатившихся случайно съ холмогостей горъ къ видѣ лавинъ. И такимъ образомъ, снѣгу въ ледникахъ находится, можетъ быть, вдесятеро болѣе чѣмъ быть должно. И хотя нижніе слои ихъ растоплены теплотою почвы, за то другіе дѣйствительны остаются почти безсильными на ихъ поверхность: солнце не простираетъ на нее лучей своихъ, теплота воздуха и испареніе едва заметны. И наконецъ снѣга эти превращаются въ ледники и подвергаются общимъ законамъ ледниковъ. Они лежатъ въ разнахъ умѣренного холода, и живутъ на поверхности своей снѣга предшешаго года, которые таютъ въ вѣстоющее лѣто; но гласная масса, увеличиваясь и увеличиваясь поперемѣнно — остается всегда одна и таже; добираетъ что и въ новѣйшее время холодъ въ Альпахъ не увеличивается и что вообще ледники постоянно сохраняютъ тотъ же объемъ. И слава Богу! Еслибы громады онъ возрастали безпрерывно, мы бы уже — судя по дѣйствію

(*) De Saussure, ch. 534, 561.

земнаго шара — вся поверхность земли покрылась ледниками!

Высота, на которой перестают таять снѣга, была предметомъ любопытныхъ изысканій; результатъ ихъ, исключая небольшія неправильности, можетъ быть выраженъ такъ: линія постоянныхъ снѣговъ (*le bas de la neige*), образуетъ въ атмосферѣ кривую линію, склоняющуюся постепенно къ землѣ, по мѣрѣ удаленія этой линіи отъ жаркаго пояса, въ среднѣй котораго высота ея равна 14,600 футамъ. Въ предѣлахъ умѣренного пояса, она возвышается — проходя чрезъ пикъ Teneriffe — на 11,400 футъ, и 9 000 футъ на горѣ Этвѣ. Во Франціи она тянется черезъ Пиренеи на высоту 8,400 футъ, а въ Альпахъ въ высоту около 7,650 футъ. Наконецъ продолжая наклоняться, по мѣрѣ удаленія отъ экватора, линія постоянныхъ снѣговъ встрѣчаетъ поверхность моря около полярныхъ круговъ, хотя снѣга эти и бывають тамъ постоянны только зимою; но на Шницбергенѣ, по новѣйшимъ наблюденіямъ доктора Мартинса, снѣгъ остается во все лѣто. Во всякомъ случаѣ, границы постоянныхъ снѣговъ, не зависятъ отъ главной абсолютной высоты мѣстности, но чаще отъ относительной. Соссюръ опредѣляетъ эти границы: для отдѣльныхъ высокихъ горъ въ Альпахъ — на высоту 8,400 футъ, а для прочихъ цѣпей въ высоту 7,800 футъ. Не смотря на то, онъ видѣлъ нѣкоторые растенія, напр.: *Aretia helvetica* и *Ranunculus glacialis*, на высоту 10,500 футъ на горѣ Розѣ (*Mont-Rosa*) *Silene acaulis* на Монъ-Бланъ (*Mont-Blanc*) въ высоту 10,600 футъ. На горѣ Сервіа (*Servia*) въ высоту 10,100 футъ, докторъ Мартинсъ также видѣлъ *Ranunculus glactalis* и *Androsacea pennina* — около хижины Соссура; изъ этого можно заключить что нижайшіе предѣлы снѣга не всегда совпадаютъ съ высочайшими предѣлами растеній (*).

(*) Bouger, *voyage au Perou*, 48. — De

Новѣйшія изысканія по сему предмету даютъ различные выводы: упомянемъ объ нихъ. Въ Швеціи предѣлы вѣчнаго снѣга склоняются постепенно отъ высоты 5,200 до 2,200 футъ. Въ сѣверныхъ Альпахъ они находятся въ высоту 8,200 футъ; въ южныхъ Альпахъ въ высоту 8,600 футъ; въ сѣверной части Пиренеевъ въ высоту 7,800, а въ южной 8,600 футахъ. Большая часть Альпійскихъ горъ покрыта снѣгомъ, и вершины ихъ далеко превышаютъ границы вѣчныхъ снѣговъ, и вотъ настоящая причина множества огромныхъ ледниковъ, которымъ подобныхъ нѣтъ въ Пиренеяхъ. Скандинавскія горы также большею частію покрыты снѣгомъ, который образуетъ значительные ледники. Въ Альпахъ низшіе предѣлы ледниковъ начинаются въ высоту 3,000 футъ, напримѣръ въ Шамуни; въ южной части Скандинавскаго полуострова, они начинаются на высоту 1,000 футъ; наконецъ въ сѣверной Лапландіи, ледники уже смѣшиваються со льдами Сѣвернаго океана (*).

Высочайшія вершины горъ, вообще, имѣють фигуру острокопечную, въ видѣ конуса; или небольшую закругленную плоскость (*plateau*). На первыхъ вовсе нѣтъ снѣга: онъ не можетъ держаться тамъ; на вторыхъ же нѣтъ вовсе льда и образованіе его на нихъ не возможно. Снѣга покрывающіе эти вершины подвержены только вліянію испаренія и вѣтра. Я говорю *только*, потому именно, что на значительныхъ и уединенныхъ высотахъ, небольшое таяніе снизу отъ собственной теплоты земли, и сверху отъ дѣйствія солнца — хоть и производитъ источники текущіе съ вершинъ горъ, но они не смѣшиваються со

Saussure, ch. 937. — De Humbolt, *Dict. des sciences medec.*, voyez *Air*. — Sherwill, *Lettre* 1. —

(*) J. S. Show. *Geogr. phys. comparée*. — *Nouvelles Annales des voyages*, 3-e Ser., t. XIX, 68

снѣгомъ; а это явно показываетъ что образование льда, въ большихъ массахъ, тамъ невозможно. Монъ Роза, Бюэ (Buet), Монъ-Бланъ — лучшія тому доказательства. На вершинѣ Монъ-Блана, снѣгъ растаявшій отъ дѣйствія солнца, часто тотчасъ-же и замерзаетъ, образуя весьма тонкую кору льда, которая въ свою очередь растрескивается отъ холоднаго вѣтра на мѣлкіе ледники, которые такъ легко разлетаются по воздуху, что иногда можно почестъ ихъ за однородную массу снѣга. Это обстоятельство весьма полезно было въ изысканіяхъ, сдѣланныхъ во первыхъ для того чтобъ доказать, что подъ ледниками вовсе нѣтъ льда, а только одинъ снѣгъ, что самые ледники образуются изъ снѣговъ, упавшихъ въ видѣ лавинъ въ такую нагорную высоту, гдѣ они таютъ съ поверхности и смачиваютъ собою всю массу; и во вторыхъ для того чтобъ увѣриться въ толщину чистаго снѣга существующаго на вершинахъ, образовавшихъ собою ледники. Соссюръ найдя одно такое мѣсто, близъ вершины Монъ-Блана, гдѣ находился пикообразный слой снѣга, лежавшій на скалѣ, куда попасть не могли ни какія постороннія лавины, и гдѣ слѣдовательно снѣгъ былъ просто наростъ, т. е. непосредственно падавшій съ неба, — заключилъ изъ своихъ вычисленій, что наибольшая толщина снѣга не превышаетъ толщи 200 футовъ. «Не надобно однакожъ думать, говорить онъ, какъ полагали нѣкоторые, что эта толща непрерывно увеличивается. Тамъ причины увеличенія имѣютъ «предѣлъ», гдѣ причины разрушенія «имъ» равновѣсны, и гдѣ сама природа «назначила себѣ границы, которыхъ не «преступаетъ никогда *).»

Но что происходитъ на высочайшихъ вершинахъ горъ, не можетъ имѣть мѣста на низшихъ высотахъ. Есть мѣста гдѣ снѣгъ, въ продолженіе цѣлаго лѣ-

та, таетъ днемъ и замерзаетъ ночью — разумеется при ясной погодѣ. До высоты 5 или 6000 футовъ, замерзаніе это бываетъ только поверхностное, а въ большихъ высотахъ оно простирается на нѣсколько дюймовъ въ толщину и можетъ поддерживать человека; далѣе наконецъ становится еще толще, такъ что, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, достигаетъ до 10 футовъ въ глубину: но во всѣхъ случаяхъ сохраняетъ ту же температуру, которая, по опредѣленію Соссюра, равна нулю *).

Если, какъ полагали прежде, снѣгъ былъ первою причиною образования ледниковъ, то этимъ выражали неоспоримую истину: тамъ не можетъ быть ледниковъ, гдѣ вмѣсто снѣга идетъ дождь; и ледники не могутъ увеличиваться если снѣгъ никогда не таетъ, даже во время своего паденія; наконецъ ледники исчезли бы совершенно, если бы снѣгъ надолго пересталъ выпадать. Но неосновательнѣе было бы полагать что ледники содѣйствуютъ плодородію полей, посредствомъ рѣкъ, коимъ служатъ они источниками. Отчасти это и справедливо, но не столько какъ полагаютъ. Сколько полей, которыя плодородны и безъ посредства тающихъ ледниковъ! сколько напротивъ другихъ, которыя отъ тѣхъ же ледниковъ сдѣлались на долго бесплодными, или даже и навсегда поврежденными въ основаніи!

Говорили также что снѣгъ, (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ широтахъ, гдѣ онъ превращается въ ледъ), защищаетъ растенія отъ жестокихъ морозовъ; это также отчасти справедливо, ибо мы видѣли что снѣгъ непроницаемъ для вѣшнаго холода, и что температура его будучи всегда теплѣе относительно, позволяетъ нѣкоторымъ животнымъ зарываться въ него, на время сильныхъ морозовъ. Но растеній снѣгъ защищаетъ

*) De Saussure. ch. 914, 9014.

*) De Saussure, ch. 9054.

не может, ибо есть страны, которые лишены снѣжной защиты, а между тѣмъ морозы иныя бывають гораздо сильнѣе и продолжительнѣе. Снѣгъ падаетъ единственно потому, что пары изъ коняхъ онъ образуется, сгущаются въ холодной атмосферѣ; и что онъ тая — оплодотворяетъ земаю имъ покрываю, ибо это свойство принадлежитъ всѣмъ воднистымъ метеорамъ.

Если снѣгъ выпадаетъ въ избыточномъ количествѣ на обработанную землю и долго не таетъ, то препятствуетъ произрабению. Такія земли находятъ ся въ странахъ около большаго Сень-Бернара, гдѣ отстраняють номянутое неудобство весьма простымъ, но остроумнымъ способомъ. На выпаршій снѣгъ насыпають легкій слой чернозема, который, поглощая теплоту атмосферы, увеличиваетъ таяніе снѣга. Такимъ образомъ часто цѣлыя поля, покрытыя на шесть футъ толщиною снѣгомъ, освобождались отъ него двумя или тремя недѣлями ранѣе обыкновеннаго *) Нужда — мать всѣхъ наукъ — гораздо прежде всякаго искусства, преподавала чловѣку полезную опытность. Когда Франклинъ, говоритъ Бетти, хотѣлъ сравнить силу съ каковою различныя цвѣта поглощаютъ теплоту, то полож на снѣгъ лоскутки разноцвѣтнаго сукна, нашель что снѣгъ подъ чернымъ сукномъ, началъ таять прежде, потомъ подъ голубымъ, зеленымъ и проч., но на бѣлое сукно дѣйствіе солнца было почти ничтожно. Тоже самое дознано было на опытѣ за нѣсколько тысячелѣтій **) прежде его — многими крестьянами наблюдателями. Нѣкоторыя мѣста способны къ чрез-

*) De Saussure, ch. 740.

**) Въ подлинникѣ сказано за тысячу лѣтъ: виднага гибригала г. Ред., для ошибка. По этому расчету упоминаемъе адсь крестьяне наблюдатели жиде до сотворенія міра. Ред.

вычайно большому накопленію снѣговъ и въ особенности Сень-Бернаръ, гдѣ снѣга возвышаются часто до высоты 20 футъ, около такъ называемой гостинницы. Одинъ изъ Сень-Бернарскихъ канониковъ писалъ ко мнѣ отъ 18 марта, 1833 года: «Снѣгъ у насъ кнынъ огромный; онъ идетъ уже болѣе мѣсяца непрерывно, и уже треть гостинницы имъ покрыта. Чтобъ пройти къ воротамъ надобно спускаться, между тѣмъ какъ лѣтомъ должно всегда всходить по двѣнадцати ступенямъ». И настоятель монастыря (Prieur Claustral) писалъ тоже самое въ 1858 году отъ 20-го марта. «Снѣга выпало у насъ очень много: вмѣсто двѣнадцати ступеней, по которымъ, какъ вамъ извѣстно, надобно всегда подниматься, теперь на столько же должно сходить къ нашей обители; следовательно снѣгъ болѣе двадцати футъ толщиною.

Въ декабрь, 1830 года, выпавшій большой снѣгъ образовалъ огромныя лавины около Сень-Бернара; высокія вѣхи или шести на горахъ при дорогахъ поставленные, были снесены съ мѣсть своихъ или завалены снѣгомъ до самаго верху.

Къ счастью плоскость Сень-Бернарская, гдѣ стоитъ страннопримный домъ, немного ниже той высоты, на которой снѣгъ никогда вѣтаетъ; но часто его такъ много выпадаетъ тамъ зимою, что въ одно слѣдующее лѣто нельзя отъ него освободиться. Было даже время вогда опасались чтобъ эта громада, перельтовавъ, не обратилась потомъ въ настоящій ледникъ. Но теперь это опасеніе не существуетъ, — во первыхъ потому что мѣстность не представляетъ ни какой возможности образованію ледника; во вторыхъ потому, что надъ Сень-Бернарской долиною нѣтъ тающихъ снѣговъ. Послѣ знаменитыхъ опытовъ г. Венаца надъ огромнымъ

житроцскимъ ледникомъ, (Glacier de Gîétroz), который онъ растопилъ совершенно, поливая его водою высшихъ снѣговъ — ледники могутъ образоваться только тамъ, гдѣ человекъ на то будетъ согласенъ. Если бы даже та куча снѣга, которую я самъ видѣлъ прошлаго года, и не растаяла въ продолженіе двухъ лѣтъ, то для истребленія ея, достаточно бы было провести нѣсколько ручьевъ снѣговой воды сверху.

Хотя снѣгъ и весьма холоденъ на ощупь, однакожь меньше чѣмъ ледъ. Если погрузимъ въ снѣгъ термометръ въ тихую погоду, то ртуть опустится до точки замерзанія; но если во время мороза термометръ зарытъ будетъ въ снѣгъ, то онъ поднимется до нуля и неизмѣнно останется на этой точкѣ *).

Вотъ объясненіе почему несчастные путники, будучи погребены подъ снѣгомъ, никогда не замерзали, (хотя это и могло бы случиться отъ долговременнаго недостатка въ движеніи), и были возвращаемы къ жизни, разумѣется послѣ не весьма долгаго пребыванія подъ снѣгомъ.

Наблюденіе — сей бдительный стражъ на пути жизни, облегчающій ея бѣдствія или служащій къ ея продленію — открыло, въ неравности температуръ снѣга и льда, средство почти несомнѣнное для исцѣленія недавно отмороженныхъ членовъ и употребляемое, часто съ успѣхомъ, Сень-Бернарскими канониками.

Когда находятъ они путешественника, который не можетъ уже владѣть ни руками, ни ногами, то стараются во первыхъ узнать — не просто ли они окоченѣли. Для этого сперва оттираютъ, пожимаютъ и поколачиваютъ ихъ слегка, но часто и постепенно. Если же члены совсѣмъ замерзли, то снова начинаютъ треніе, но уже не просто, а со снѣгомъ и потомъ вносятъ больна-

го въ комнату, гдѣ погружаютъ замерзлые члены его въ воду со снѣгомъ и оставляютъ въ ней до тѣхъ поръ пока не отойдутъ; — въ этомъ обыкновенно и состоитъ все лѣченіе. Въ немъ особенно должно остерегаться употреблять огонь. Невѣжда отморожившій руки или ноги и отогрѣвая ихъ у огня, лишится ихъ безвозвратно. При быстромъ переходѣ отъ сильной стужи къ теплу, кровь не имѣющая движенія въ замерзлыхъ членахъ, начинаетъ оттаивать и, разрывая сосуды, изливается изъ нихъ, и наконецъ останавливается и начинаетъ портиться. Также и отвердѣвшія части тѣла, умягченныя прежде, нежели будутъ проникнуты органическою дѣятельностію кровеносныхъ сосудовъ, какъ бы отдѣляются отъ оной. Поврежденіе оказавшееся въ отмороженныхъ частяхъ, разрушаетъ организацію ихъ, производитъ антоновъ огонь, и чрезъ два или три мучительнѣйшихъ дня, большой долженъ еще подвергнуться не менѣе ужаснымъ мученіямъ при отнятій членовъ *).

Несчастіе приключившееся съ графомъ Гиали, отъ непатуральнаго доставленія теплоты замороженнымъ ногамъ его на Монъ-Бланъ, такой урокъ, котораго не должны пропускать безъ вниманія путешественники. При самомъ отравленіи его отъ Гранъ-Мюлэ (Grands-Mulets), кожаные сапоги его, какъ известно, хорошіе проводники холода, закоченѣли и сдавили ему ноги; отъ этого соприсношенія со льдомъ, они тотчасъ же и замерзли, но, по счастью, онъ могъ еще шевелить пальцами и тѣмъ поддерживалъ въ нихъ кровообращеніе. Въ этомъ состояніи онъ продолжалъ свое восхожденіе на гору; боли, говоритъ онъ, я ни какой не чувствовалъ, напротивъ ощущалъ новую живость въ душѣ и

*) Hallé et Nysten, *dict. des sciences médicales*, au mot *Air*.

*) De Saussure, ch. 1003.

сердцѣ. По возвращеніи съ вершины Монъ-Блана на ночлегъ въ Гранъ-Миюль, онъ завернулъ ноги свои въ баранью шкуру. Но внезапный въ нихъ жаръ, причинилъ ему жестока мученія. Черезъ полчаса ноги его сильно распухли и покрылись большими пузырями. Къ сожалѣнію — онъ опоздалъ натереть ихъ снѣгомъ, и болѣзнь, которой опасности онъ и не предвидѣлъ — взяла свое. Къ концу четвертаго дня открылся антоновъ огонь, и тогда потребовалось на помощь все искусство Женевскихъ медиковъ, чтобы лишить его не болѣе двухъ или трехъ пальцевъ и вылѣчить совершенно.

Одно изъ дѣйствій снѣга, болѣе непосредственное, на ослабѣвшаго отъ усталости человека — есть усыпленіе, происходящее отъ вліянія однообразнаго вида снѣговъ, соединеннаго съ дѣйствіемъ холода на головной мозгъ. Горе путешественнику если онъ, на снѣжномъ пути своемъ, покорится могущему летаргическому сна, къ которому почувствуется склонность! онъ проснется въ вѣчности. При этомъ снѣгъ холоду сжимаетъ оконечности кровеносныхъ сосудовъ и замедляетъ въ нихъ кровообращеніе; тѣло начинаетъ замирать съ поверхности; кровь скопляется и останавливается въ мозгу — менѣе охлаждающемся, нежели другія части; движеніе извнѣ прекратится и тогда послѣдуетъ совершенное разрушеніе организма — безъ боли, тоски и предсмертнаго страданія.

Въ 1829 году, Сень-Бернарскіе кантоники нашли на дорогѣ человека въ стоячемъ положеніи, облокотившагося на свой посохъ и съ поднятою въ верхъ ногою, какъ бы въ намѣреніи шагнуть выше. Въ этомъ положеніи онъ впрямую заснулъ и замерзъ мгновенно. За плечами у него была котомка. Далѣе въ гору находился другой путешественникъ, также мертвый; и по свидѣтельству бумагъ при нихъ най-

денныхъ — послѣдній былъ дядя перваго. «29 Сентября, 1830 года (писалъ «одинъ монахъ») путешественники, по преодолѣніи многихъ трудностей, прибыли въ гостиницу и увѣдомили что «глубокій снѣгъ, усталость и страхъ «погибнуть заживо, заставили ихъ, покинуть на дорогѣ мужчину и женщину — въ полу-миль отъ монастыря. «Мы тотчасъ поспѣшили къ нимъ на «помощь. Поиски наши продолжались «до самой ночи, но всѣ старанія остались тщетными. Несчастные, впрямую сбившись съ дорогѣ, потонули «въ снѣгу. Въ тотъ же день погибъ «еще одинъ путешественникъ, застигнутый темнотою и изнуренный усталостию по глубокоснѣжной дорогѣ. Мы «нашли его черезъ три дня и положили, какъ обыкновенно, въ сарай для «умершихъ (morgue).»

Винюмъ столь частыхъ несчастій въ Альпійскихъ горахъ — есть, безъ сомнѣнія, неотразимый сонъ. Сосюръ *) рассказываетъ одинъ примѣръ случившійся съ его проводникомъ, взятымъ изъ Шамуни. Человекъ этотъ былъ крѣпкаго сложенія и привычный къ стужѣ. Будучи внезапно одержимъ сномъ и не имѣя болѣе силъ ему противиться, онъ просилъ своихъ спутниковъ чтобъ его оставили на время пока они будутъ взбираться на гору: но разумѣется никто на это не согласился, и рѣшились лучше отказаться отъ предпріятія. Всѣ стали спускаться съ горы. Но въ часъ по полудни проводникъ упалъ за мертво на снѣгъ и вскорѣ совершенно замерзъ. «Нѣсколь- «ко разъ, говоритъ капитанъ Шервиль, «въ любопытномъ письмѣ своемъ: о «восхожденіи на Монъ-Бланъ — про- «сился мы проводниковъ нашихъ о позволеніи хотя на нѣсколько минутъ «лечь на снѣгъ и уступить дѣйствию «сна, для того только чтобъ имѣть «кобъ немъ нѣкоторое понятіе. . . . Во

*) De Saussure, ch. 988, 1104.

«время пути нашего мы часто оста-
навливались для отдыха, но едва лишь
«остановимся какъ сонъ одолеваетъ насъ....
«Послѣ труднаго восхожденія на боль-
«шую площадку (Grand Plateau), я сво-
«ею попросилъ позволенія у Курта, мо-
«его проводника и советника — про-
«спать на снѣгу нѣсколько минутъ: онъ
«согласился, хотя съ видимымъ сожа-
«лѣніемъ, и я тотчасъ же заснулъ глу-
«бокимъ сномъ. Спусти нѣсколько ми-
«нутъ онъ разбудилъ меня. Безъ чего
«вѣроятно я бы заснулъ навсегда. 1)»
Прежде и послѣ восхожденія на самую
вершину Монъ-Блана, всегда оста-
навливаются почевать на Гранъ-Мюле; но
и тамъ проводники не позволяютъ
спать во всю ночь, и безпрестанно бу-
дятъ путешественника, дабы увѣриться
не застыли ли у него колѣни, локти,
плечи — однимъ словомъ — тѣ члены,
которые наипервѣе замерзаютъ во вре-
мя сна.

Сенъ - Бернарскіе монахи, кромѣ на-
зидательной оцѣтости, переходившей
изъ вѣка въ вѣкъ, имѣютъ также при-
мѣръ предъ глазами — собакъ, кото-
рыя ни когда не дожатся спать на
снѣгъ, хотя и онъ подобно человѣку
чувствуютъ сильную склонность ко
сну, что мы сами замѣтили надъ соба-
кою г. Аткинса. По этому монахи, ча-
сто принуждены бываютъ употреблять
усилія противъ путешественниковъ,
утомленныхъ усталостію и отягченныхъ
сномъ, которые усиленно нюгда про-
сятъ позволенія уснуть хотя минуту,
прежде нежели станутъ спускаться обра-
тно къ гостинницѣ. Однакожь не смо-
тря ни на какія просьбы, ихъ удержи-
ваютъ отъ этого предательскаго сна.
Но никто, можетъ быть, въ такой сте-
пени не испыталъ дѣйствія влеченія ко
сну, какъ двѣца Данжевилъ на высо-
тѣ Монъ-Блана и — конечно никто не
торжествовалъ надъ нимъ съ такимъ

мужествомъ какъ она. Сонъ этотъ —
весьма удачно и умно названный ею
свиннымъ сномъ (somni à de pource) —
хотя и пріятнымъ путемъ ведетъ
къ смерти, но не благоразумно въ-
ряться ему. И увѣ! кто позабудетъ что
мы потеряли сныовой, братьевъ, пле-
мянниковъ — предвѣдшихъ себя этому
роду смерти, во время пагубнаго бы-
ства изъ Москвы!..

Постоянное присутствіе снѣга на зе-
млѣ, производитъ особенное вліяніе на
составъ атмосфернаго воздуха; дѣйстви-
ющаго въ свою очередь, различнымъ
образомъ на организмъ человека. Охла-
ждая собою воздухъ болѣе обыкно-
веннаго, онъ дѣлаетъ гораздо опаснѣй-
шимъ посвященіе мѣстъ имъ покры-
тыхъ, отражая свѣтъ онъ производитъ
особенное дѣйствіе на кожу (*). Лице
получаетъ темноватый цвѣтъ (загора-
еть), пухнетъ и покрывается красными
пятнами или водяными пузырьками: они
производятъ сильную боль, хотя и лег-
ко излечимы. Снѣгъ раздражаетъ так-
же значительно глазныя нервы и про-
изводитъ воспаленіе (**), тѣмъ силь-
нѣйшее чѣмъ новѣе снѣгъ и яснѣе по-
года. Наконецъ онъ даже ослабляетъ,
и притомъ въ нѣсколько минутъ, —
однихъ на нѣкоторое время, а другихъ
и навсегда. Извѣстно что жители по-
лярныхъ странъ, живя постоянно ме-
жду снѣгами, все имѣютъ зрѣніе болѣе
или менѣе слабое, и многіе изъ нихъ
становятся совершенно слѣпыми ранѣе
двадцати-лѣтняго возраста.

Для предохраненія отъ этого, газо-
вое покрывало должно непремѣнно со-
ставлять часть дорожнаго багажа всякаго
путешествующаго въ странахъ холод-
ныхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно мо-
жетъ оказать весьма важныя услуги (***)

(*) epidermia. пер.

(**) ophthalmia пер.

(***) De Saussure, ch 761, 825, 1065, 2327.—
Ebel, au mot *Lavage*. Sherwill, *Lettre* 1. —
De Tilly, pages 54, 110.

1) Sherwill, *Lettre* 2.

Кромѣ лавинъ, собственно говоря, часто бываютъ на высокихъ равнинахъ жестокиа бури, волнующія и взвивающія снѣгъ къ верху въ видѣ облаковъ, которыми, въ нѣсколько минутъ, засыпаетъ ущелья, впадины, дороги и даже высокіе шести поставленные при дорогахъ для путеуказанія. Путешественникъ, застигнутый въ сферѣ дѣятельности этого ужаснаго метеора, подвергается опасности, отъ которой ни какая человѣческая сила не можетъ его избавить. Стремительно летящія хлопья снѣга, сильно хлещутъ въ лицо и ослѣпляютъ глаза. Напрасно будетъ онъ бороться съ бурей или убѣгать отъ нее: силы скоро ему измѣнять, притомъ легко можно заблудиться или провалиться въ пропасть. Если же путешественникъ по счастью будетъ находиться въ довольно безопасномъ мѣстѣ, то лучше и не оставлять его, пока стихнетъ буря. Въ этомъ случаѣ должно обратиться спиною къ ветру и завѣсить покрываломъ лицо, если успѣвъ заблаговременно достать его изъ своего багажа. Но надобно однакожъ прибавить, что предосторожности иногда весьма хорошо предпринятая, могутъ быть вовсе уничтожены обстоятельствами, о которыхъ мы сей часъ упомянемъ.

Ущелье Бономъ (Bonhomme) есть проходъ, болѣе всѣхъ альпійскихъ лошинъ подверженный быстрымъ измѣненіямъ въ атмосферѣ и весьма опасный по своимъ частымъ и сильнымъ бурямъ. Хорошая погода, во время коей вступаютъ въ него чрезъ ущелье Нотръ-Дамъ де ла Горжъ (Notre Dame de la Gorge), не можетъ быть вѣрною порукою за безопасность въ другомъ концѣ со стороны ущелья Фуръ (Fours). Несчастія, производимыя снѣжными вихрями, случаются тамъ всякую недѣлю и почти каждый день. Самыя названія *gladъ слугъ* (*plan* или *plateau des valets*), *gladъ дамская* (*plan des dames*)

и др. получили начало свое, которое — по мѣстнымъ преданіямъ собранымъ г. Рошеттомъ—относится къ плачевному концу путешественниковъ, постигавшихъ эти гибельныя мѣста. Не ссылаясь на преданія, вѣроятно весьма много уже измѣнившіяся отъ времени, я расскажу въ заключеніе одно происшествіе, весьма трогательное и, къ несчастію слишкомъ достоверное, случившееся не давно.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1830 года, два молодыхъ Англичанина, отъ восемнадцати до двадцати лѣтъ отъ роду — гг. Кэмпбелъ (Campbell) и Бренкли (Branckly), путешествовали по Швейцаріи подъ руководствомъ своего наставника. Прибывъ изъ Женевы въ Шамуни, они взяли здороваго и смышленнаго проводника и отправились, со всюю веселостію и горячностью юности, чрезъ долину Сень-Жерве (Saint-Gervais) къ ущелью Бономъ. Достигнувъ гостинницы не далеко отъ Планъ-де-Дамъ — послѣдняго жилища чловѣка на пути къ ущелью, — они намѣревались тамъ подкрѣпить себя пищею: но, къ несчастію, шайка молодыхъ людей, прошедшая прежде ихъ чрезъ это мѣсто, забрала съ собою все съѣстное какое только могла найти въ подобной корчмѣ. И подумать было нельзя чтобы это обстоятельство по видимому маловажное, могло быть для нихъ пагубнымъ! Побуждаемые голодомъ, они тотчасъ же отправились въ погоню за упредившими ихъ путешественниками, въ надеждѣ получить отъ нихъ хотя часть захваченной ими провизіи, но они ни кого на пути не встрѣтили, и быстрый переходъ ихъ еще болѣе увеличилъ голодъ. Этимъ не ограничилось ихъ бѣдствіе. Когда шли они къ гостинницѣ обѣдать и обманутые надеждою пустились въ погоню, погода дотолѣ ясная и тихая начала быстро измѣняться, чего и самъ опытный проводникъ не предвидѣлъ, и они внезапно очутились посреди ужаснѣйшей бури. Сильный

холодный вѣтръ проникалъ ихъ до костей; быстро носимый снѣгъ ослѣплялъ глаза и не отразимый вихрь увлекалъ ихъ вмѣстѣ съ собою — на стоящая картина престаивенія свѣта! Одинъ молодой Англичанинъ, болѣе другихъ утомленный усталостію и голодомъ, и объятый страхомъ при видѣ такихъ неожиданныхъ ужасовъ, оставился какъ окаменѣлый, не слыша и на видя ничего. Проводникъ беретъ его къ себѣ на руки, закутываетъ въ свою одежду, и, чтобы согрѣть, прижимаетъ къ обнаженной груди своей: увѣщаетъ его не терять мужества, утѣшаетъ надеждою... напрасныя слова, бесполезная заботливость: въ рукахъ его былъ уже бездушный трупъ! Другой, г. Бренкли, товарищъ несчастнаго, — оглушенный жестокостію бури и околѣпѣлый отъ стужи, упалъ на снѣгъ въ безнадежномъ изнеможеніи. По временамъ онъ вполонину приподнимался, обнималъ безмолвно колѣни проводника, какъ будто благодаря его за попеченія о своемъ другѣ. Но замѣтивъ что уже лишился его на всегда, сталъ и самъ терять бодрость духа, хотя и былъ съ своей стороны предметомъ всѣхъ попеченій наставника. Мало по малу, онъ пересталъ наконецъ обращать взоры свои на холодный трупъ друга, склонилъ голову на снѣгъ, и ни когда уже не поднималъ ее. Наставникъ молодыхъ Англичанъ, въ отчаяніи пережить такіа ужасныя сцены,

съ терпѣніемъ и мужествомъ переносилъ каждую порознь. И лишь только буря утихла, (продолженіе ее было кратковременно) онъ положилъ одинъ трупъ на плечи проводника, а другой самъ понесъ въ ближайшій шалашь сыродѣловъ (chale'). Тамъ онъ употребилъ всѣ средства, какія можно было найти, для возвращенія къ жизни обмершихъ (asphyxié), и когда уже всѣ надежды къ тому исчезли, несчастный попечитель ихъ, спѣшить съ ними въ Женеву—заказать два гроба, для жалкихъ останковъ юныхъ воспитанниковъ, вѣрнннхъ его покровительству. Въ этотъ самый день, ихъ ожидала коляска и курьеръ, для продолженія путешествія. Но увы! на-канунъ дня, назначеннаго для погребенія воспитанниковъ и паставникъ ихъ скончался. Крепость тѣла сохранила его въ ущельѣ *Бонномъ*, но тоска сразила въ Женевѣ. Третій гробъ былъ присоединенъ къ двумъ первымъ; огромная толпа беспечныхъ путешественниковъ, бывшихъ тогда въ Женевѣ, приходила смотреть на эти гробы, стоявшіе рядомъ въ одной изъ залъ гостинницы Эю. Не извѣстно, много ли пользы принесъ имъ этотъ ужасный урокъ, и чего стоили эти гробы матерямъ юныхъ несчастливцевъ!

(Изъ *Nouvelles annales des voyages*)

А. ХРАМЦОВЪ.

ВИЛЬНА,

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ДО 1780 ГОДА.

Главная цѣль Витольда была завладѣть прежде замками; почему онъ обошелъ городъ думая ударить со стороны Антоколія, но къ несчастію верхній замокъ защищали Поляки, а нижній Литовцы; съ храбростію отрѣзали они Витольда, всѣ усилія его склонить жителей въ свою пользу были тщетны. Видя такое упорство, онъ отступилъ и по дорогѣ опустошалъ безъ пощады всю Литву. Ягайло былъ занятъ также дѣлами своего новаго государства и потому желалъ прекратить эти безпокойства какъ можно скорѣе. Витольдъ предчувствовалъ, что теперь самый удобный случай приступить къ переговорамъ, не медля отправилъ посланниковъ къ Ягайлу, съ увѣдомленіемъ, что онъ сдѣлалъ нападеніе на Литву единственно потому, что видѣлъ неспособность Скиргайлы управлять В. Княжествомъ. Посланники были приняты очень ласково, и отправились съ надежными обѣщаніями.

Лишь только Витольдъ получилъ удовлетворительный отвѣтъ, тотчасъ началъ помышлять какъ бы обмануть Крестоносцевъ, и тѣмъ вознаградить опустошеніе Литвы, на которую самъ привелъ ихъ.

Онъ скрывалъ отъ Крестоносцевъ, свое перемиріе съ братомъ, и наро-

дно послалъ увѣдомить магистра, будто хочетъ сдѣлать новое нападеніе на Литву, и желаетъ чтобы въ этомъ дѣлѣ участвовали одни Крестоносцы. Потомъ тайно, отправляетъ жену, которая во всѣхъ походахъ ему сопутствовала, будто бы и самъ собирается на Литву. Едва вышелъ изъ Маріенбурга, тотчасъ обратился въ другую сторону, поскакалъ въ Самогитію, потомъ въ Подлясіе, взявъ Юренбургъ, Маріенбургъ и Нивандзъ, гдѣ всюду его принимали какъ друга и союзника, а онъ, напротивъ, нападалъ, грабилъ, истреблялъ, умерщлялъ и жегъ все безъ пощады. *)

Не встрѣчая никакого препятствія въ совершеніи злодѣяній, и не теряя съ своей стороны силъ, онъ съ войскомъ отправился къ Гродну, откуда послалъ гонца увѣдомить обо всемъ короля, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ себѣ В. Княжество и Вильну, которыя Ягайло обѣщался ему отдать.

Между тѣмъ Король также перемѣнилъ свой образъ мыслей — давъ обѣщаніе Витольду, когда онъ былъ въ союзѣ съ Крестоносцами; а теперь вида у него вполнину противу прежняго

*) Летописецъ ничего объ этомъ не говоритъ,

силъ, следовательно менѣе опасаясь его, и не желая подвергать Литву новымъ бѣдствіямъ, онъ раздумалъ, что отдавъ Витольду Литву, вооружилъ бы противу себя Скиргайлу, котораго также оставить В. Княземъ онъ не могъ; иначе побудилъ бы Витольда продолжать губительное опустошеніе; и потому рѣшился выиграть время и отвлекать его полуобъщаніями.

Столь нерѣшительные поступки, взбѣсили Витольда: онъ вознамѣрился коварствомъ если не силою, завладѣть Вильною, и тогда конечно В. Княжество и Ягайло были бы у него въ рукахъ, ибо владѣть Вильною значило владѣть княжествомъ.

Прежнія попытки завладѣть городомъ были неудачны; теперъ онъ пустился на хитрость. Велѣлъ распустилъ слухъ, будто бы Генрихъ князь Мазовецкій намѣренъ жениться на Рыггайлѣ сестрѣ его и что бракосочетаніе будетъ совершаться въ Вильнѣ. На этотъ случай было отправлено туда триста возовъ съ разными необходимыми вещами, въ особенности было прислано много дичи, подъ которою скрывались триста пятьдесятъ человекъ вооруженныхъ солдатъ. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы ударивъ изъ вѣн имѣть въ тоже время помощь изъ города. Вожатый, которому недозволяли възжать въ городъ, началъ усиленно требовать и даже настаивать, чтобы его впустили вмѣстѣ съ возами; такая настойчивость родила подозрѣніе, начали осматривать возы и нашли солдатъ: намѣреніе Витольда обнаружилось. И такъ послѣдняя надежда на завоеваніе Вильны разрушилась, а Витольдъ услышавъ о приближеніи короля и Скиргайлы, отступилъ безъ всякаго успѣха, показавъ только, какъ много онъ былъ опасенъ и какъ мало можно было надѣяться на его общанія.

Теперь ему гибель была неминуемая, оставалось только спастись бѣгствомъ, но куда? трудно догадаться, и еще труднѣе повѣрить, что Витольдъ, не смотря

на свою измѣну, бѣжалъ опять къ Крестоносцамъ не только самъ, но и со всѣмъ своимъ семействомъ вѣтриса имъ, и приступилъ къ новому съ ними союзу. Они не отказались, даже недумали мстить за его измѣну и за опустошеніе ихъ замковъ; напротивъ, приняли его очень дружно и ласково, ибо видѣли что теперешнее положеніе принудитъ его держаться ихъ союза.

Въ то время магистромъ былъ Конрадъ Валенродъ. Онъ-то именно принялъ Витольда со всевозможными ласками, и какъ будто вознаграждая за сожженіе имъ трехъ прежнихъ замковъ, далъ другіе три замка на границѣ съ Литвою, куда Витольдъ со всѣмъ семействомъ переселился. Товарищъ и другъ его какъ въ счастіи такъ и въ злополучіи, Альгимундъ князь Ольшанскій, тоже сюда прибылъ.

Пробывъ нѣсколько времени у Крестоносцевъ, Витольдъ услышалъ о новомъ походѣ Ягайлы на Поллессіе и на Гродно; почему отправился въ намѣреніи пресѣчь ему дорогу, но и тутъ не успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Два Гродненскіе замка были взяты Ягайломъ, который и возвратился въ Польшу побѣдителемъ, оставя Скиргайлу В. Княземъ Литовскимъ.

Хотя Витольдъ совершенно былъ обезсиленъ, не смотря на то готовилъ походъ на Литву, съ прежнимъ намѣреніемъ завладѣть Вильною и В. Княжествомъ Литовскимъ. Къ нему присоединился и Конрадъ Валенродъ имѣя цѣль обогатиться грабежемъ: собралъ всѣ свои силы; и Витольдъ, кромѣ того, набралъ войско въ Германіи и такимъ образомъ отправились на несчастную Литву.

Приближаясь къ самой границѣ, они раздѣлились на три части; каждый изъ нихъ на пути своемъ грабилъ, опустошалъ, убивалъ жителей: всѣ три отряда стремились къ Вильнѣ; мимоходомъ завладѣвъ Троками сожгли ихъ. Скиргайло узнавъ что враги уже близъ Вильны,

выступили противъ него, истребительно разоруживъ войска.

Это случилось въ 1390 году; войска сошлись, началось кровопролитное сраженіе; Литовцамъ и Русскіе отличались храбростію (говорить летописецъ), Нѣмцы же превышали силою. Сраженіе продолжалось съ самаго утра до полудня; оба берега Виліи были покрыты трупами (*). И наконецъ сила взяла верхъ, Скиргайло сражаясь съ удивительною храбростію долженъ былъ уступить Нѣмцамъ, и съ остатками Литовцевъ, Русскихъ и Поляковъ бѣжалъ въ Вильну. Право и справедливость силы на сторонѣ Скиргайлы, но счастье на сторонѣ союзниковъ. Здѣсь пало много Литовскимъ князей, К. Глѣбъ Святославичъ Смоленскій, Симеонъ Явнутовичъ Заславскій, Глѣбъ Константиновичъ Чарторискій и Иванъ Львовичъ. (**)

Союзники въ слѣдъ за Скиргайломъ потянулись къ Вильнѣ, но здѣсь надлежало имъ взять замки, и тогда овладѣть Вильною, они рѣшились осадить ихъ.

Это предпріятіе было довольно затруднительно; замки, въ особенности верх-

(*) Вѣльскій, Стрѣйковскій, летописецъ князей Антоновичъ, все они почти одинаковымъ образомъ описываютъ; различіе только въ числѣ убитыхъ, у однихъ больше, у другихъ меньше. Мѣсто сраженія указываютъ близъ Вильны на поляхъ Шипкине, гдѣ послѣ находился домъ Солтана (Solimni curia). Колловичъ Стрѣйковскій.

(**). Стрѣйковскій прибавляетъ, что въ его время на этихъ поляхъ существовали слѣды этой битвы; ибо въблизи Вережъ было найдено въ землѣ заржавленныя оружія: шпаги, мечи, шпоры, шлемы, (Летописецъ В. В. К. Литовскихъ). Другіе утверждаютъ, что Скиргайло бѣжалъ въ Троки, но это ложно, потому что они были во власти Витольда: само мѣсто сраженія доказываетъ что онъ не могъ никуда болѣе бѣжать, кромѣ Вильны.

ній, были такъ укрѣплены Поляками что почти небыло возможности ихъ взять.

Не полагаясь при этомъ случаѣ на силу, Витольдъ слѣдуя своему обыкновенію, воспользовался измѣною; онъ успѣлъ склонить въ свою пользу нѣкоторыхъ Русскихъ, находившихся въ Кривомъ-градѣ, вдовольныхъ Скиргайломъ, которые обещались зажечь замокъ съ двухъ сторонъ, и тѣмъ открыть путь врагамъ — и это исполнили.

По словамъ летописцевъ, въ этой осадѣ отъ пожара и оружія неприятельскаго погибло почти четырнадцать тысячъ человекъ. Коригайло, братъ короля, хотѣлъ свастись отъ этаго бѣдствія; но не успѣлъ скрыться, попалъ въ руки Нѣмцевъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Витольдъ велѣлъ ему срубить голову (*), воткнувъ ее на огромный шестъ, Нѣмцы носили на своемъ стану, чтобы этимъ устрашить защищающихся въ верхнемъ замкѣ. Не смотря на то, что всѣ литовскіе почти единогласно приписываютъ Витольду умерщвленіе Коригайлы, есть доказательство, которымъ это опровергается, и вина приписывается не ему а Крестовосцамъ: годъ спустя, королева Ядвига писала письмо къ магистру, въ которомъ обвиняла его въ смерти Коригайлы, и онъ присужденъ былъ оправдываться (**).

Начальникомъ защищавшихся въ верхнемъ замкѣ былъ Москоржевскій; боясь измѣны онъ выгналъ всѣхъ подозрительныхъ людей изъ замка, и не смотря на упорство Крестовосцевъ и Витольда, умѣлъ противустать огромной силѣ союзныхъ войскъ. Три мѣсяца они осаждали его, наконецъ были принуждены

(*) Кромерь, Стрѣйковскій, Вѣльскій, Колловичъ.

(**) Въ 1391. г. Коригайло — Казимиръ родной братъ Ягайлы — Это письмо находится въ Index Corp Hist. Diplom. Летописецъ ничего неговоритъ объ этомъ,

отступить, а Москоржевскій остался непобѣдимъ въ своемъ замкѣ.

При осадѣ замка погибъ Норимундъ Пивскій: онъ былъ вызванъ на единоборство Витольдовымъ рыцаремъ, но измѣнническимъ образомъ былъ взятъ въ плѣнъ и Витольдъ лишилъ его жизни. Тотывиль, Витольдовъ братъ и графъ Альгоръ — онъ Гогенштейнъ были ранены. Оставивъ Вильну, Витольдъ отправился въ Самогитію. Ягайло пользуясь его отсутствіемъ успѣлъ подкрѣпить верхній замокъ новыми силами и велѣлъ возобновить сожженный Кривой-градъ.

Наконецъ прибылъ самъ, и привезъ съ собою на волахъ множество оружія, сукна и одежды.

Москоржевскій въ это время приступилъ къ королю, просился въ отставку, говоря, что съ Скиргайломъ человекомъ упрямымъ, капризнымъ, малодушнымъ, и безъ всякихъ способностей, онъ не можетъ остаться.

Всѣ упрекали Скиргайлу. Ягайло видя, что для счастья Литвы необходимо спокойствіе, котораго достигнуть можно было только согласіемъ и дружбой между князьями, отнялъ Вильну у Скиргайлы, далъ ему Кіевъ, а Литву оставилъ пока безъ правителя, располагая отдать Витольду, если онъ смирился.

Скиргайло съ досадою въ душѣ отправился въ новый удѣлъ. Москоржевскій тоже оставилъ Вильну, возвратился въ Польшу, а на мѣсто ихъ обоихъ былъ присланъ Ольсницкій.

Въ 1391 году Витольдъ съ Крестоносцами опять отправился на Вильну, которая во время его отступленія успѣла укрѣпиться и запастись съѣстными припасами, а тѣмъ самымъ противопоставила болѣе трудностей для завладѣнія.

О случившейся перемѣнѣ въ Вильнѣ,

Витольдъ не зналъ; онъ полагалъ, что тамъ все еще находятся Скиргайло и Москоржевскій, а потому и сплывалъ сушею и водою по Нѣмену и Вилин.

Но лишь только Ольсницкій услышалъ что Витольдъ идетъ опять на Вильну, онъ рассчиталъ, что остатки почти сожженного уже города будутъ тодько защитою для враговъ, и потому велѣлъ его поджечь со всѣхъ сторонъ, а жителей со всѣмъ имуществомъ принудилъ въ Кривой-градъ; нужно замѣтить что нижній замокъ былъ обширенъ, если могъ помѣстить въ себѣ всѣхъ жителей города; и прежде мы видѣли что тамъ погибло 14,000 человекъ; все это показываетъ его довольно большое пространство.

Ольсницкій оградилъ Кривой-градъ рогатками, тыномъ, палисадомъ, рвами, и едва кончилъ эти приготовления, какъ Витольдъ съ Крестоносцами прибылъ къ Вильнѣ и расположился огромнымъ обозомъ между Кривымъ-градомъ и костеломъ Францисканцевъ напежскихъ. Онъ уже готовился къ новой осадѣ и приступу, между тѣмъ какъ Ольсницкій не дожидаясь и не желая подвергнуться какому нибудь новому случаю измѣны или голода, со всѣмъ войскомъ сдѣлалъ ночью вылазку и перебилъ всѣхъ крестоносцевъ; къ ихъ несчастью и Скиргайло подкрѣпленный Русскими спѣшилъ на помощь къ Вильнѣ, этимъ неожиданнымъ нападеніемъ они такъ были обезсилены, что принуждены были обратиться въ бѣгство и опустошая несчастную Литву, устремились въ Пруссію. На пути Витольдъ сжегъ Новогрудскъ и Вилкомиръ, пытался тоже сдѣлать съ Ковно, который защищали Поляки. Крестоносцы въ это время основали три замка на берегахъ Нѣмана, и одинъ изъ нихъ, Метембургъ отдалъ Витольду.

ВИТОЛЬДЪ ВЪ ВИЛЬНѢ.

Миръ съ Ягайлою: Епископъ Генрихъ посланникомъ — условія. Его женитба и смерть. Измѣна Витольда опустошаетъ замки Крестоносцевъ. Въездъ въ Вильну. Пріездъ Ягайлы — ихъ встрѣча съ сестрою Ручательство Возведеніе Витольда на В. княжество. Скиргайло и Свидригайло готовятся къ войнѣ — Крестоносцы дѣлаютъ нападеніе. Совѣтъ Ягайлы. Скиргайло овладѣваетъ Стародубомъ. Вигундъ. Свидригайло и Крестоносцы. Осада Вильны. Неуспѣхъ измѣны. Витольдова побѣда. Походъ протъ въ Новгородцевъ и Кіевлянъ. Смерть Скиргайлы. Феодоръ Коріатовичъ. Свидригайло взятъ въ плѣнъ въ Руси. Походъ на Татаръ. Поселеніе ихъ надъ р. Вакою — походъ на

Татаръ. Пожаръ въ Вильнѣ. Смерть Епископа и Ядвиги. Сеймъ въ Вильнѣ. Улья. Походъ на Смоленскъ. Миръ съ Крестоносцами. Мученичество Францисканцевъ. Свидригайло. Голодъ. Походъ на Новгородъ Сверхскъ. Смерть другаго Епископа. Крестоносцы нарушаютъ миръ. Сраженіе при Гримвальденѣ. Въездъ въ Городно. Вильно — Духовенство — Шляхта — Введеніе христіанства въ Саломитти. Рижскіе посланники — торговля съ Пруссіею. Смерть Анны. Витольдова женитба — Татарскіе посланники. Коронація Тахтамышы — судьба его. Посланники Эдигей. Посланники Богемскіе. Князь Валахскій въ Вильнѣ — Митрополитъ Фокій. Гордость Витольда и пр.

1391 — 1430.

Наконецъ какъ Ягайлу такъ и Витольду наскучили эти междоусобія, которыя ни къ чему не вели, только разоряли государство; а Крестоносцы, пользуясь смутами, грабили и опустошали несчастную Литву. Вильна едва просвѣщенная свѣтомъ христіанства, радовалась, и между тѣмъ, клонилась къ упадку.

И такъ Ягайло и Витольдъ желали мира и согласія, первый почти рѣшался отдать Вильну Витольду. Даже послалъ къ нему тайнымъ образомъ посланника, Генрика Епископа Полоцкаго, князя Мазовецкаго, сына Земовита того самаго, который прежде до своего постриженія въ діаконы, хотѣлъ жениться на его сестрѣ Рынгайлѣ.

Епископъ прибылъ, но Крестоносцы не догадались съ какою цѣлью, они полагали что онъ тоже былъ приглашенъ къ свадьбѣ Софіи дочери Витольда, которая вступала въ бракъ съ княземъ Московскимъ Василіемъ. Генрихъ тотчасъ открылъ Витольду цѣль своего посольства и говорилъ, что Ягайло уступаетъ ему В. Княжество; но съ условіемъ, чтобы онъ расторгнулъ союзъ съ Крестоносцами, и не отлучался отъ Польши, наконецъ чтобы заботился объ улучшеніи состоянія Литвы, которая совершенно опустошена и ограблена безпрестанными войнами.

Кончивъ условія съ Витольдомъ, Генрихъ не смотря на свой санъ, и надѣясь получить разрѣшеніе отъ папы, женился на Рынгайлѣ сестрѣ Витольда

но чрезъ нѣсколько дней былъ отправленъ.

Явно что Витольдъ вступалъ въ союзъ съ Крестоносцами единственно по необходимости: обстоятельства того требовали, и во всякомъ другомъ случаѣ готовъ былъ вредить имъ какъ они Литвѣ. Подъ предлогомъ, что хочетъ провожать дочь свою отдавную въ супружество В. К. Московскому, онъ отправляется въ свой замокъ Метембургъ надъ Нзманомъ, и собравъ небольшой отрядъ, двается нападенія на Крестоносцевъ, сожигаетъ ихъ селенія, замки, захватываетъ въ плѣнъ Крестоносцевъ и купцевъ, истребляетъ все, что только имъ принадлежало, и самъ уходитъ поспѣшно въ Литву.

Но Крестоносцы узнавъ объ измѣнѣ, преслѣдуютъ его, онъ противостаетъ имъ, разбиваетъ ихъ, и теперь то послѣ победы предается новой мести, однимъ словомъ, предаетъ пламени и мечу все что только ему попадалось на дорогѣ. Послѣ чего извѣщаетъ Олсницкаго о своемъ приближеніи, и тотъ имѣя повелѣніе отъ Ягайлы, какъ ему слѣдуетъ поступить въ подобномъ случаѣ, безъ отлагательствъ сдаетъ Вильну, принимаетъ Витольда, который съ торжествомъ входитъ въ городъ.

Народъ встрѣтилъ его съ радостнымъ кликомъ, предчувствуя, что съ восшествіемъ его на В. Княжескій престолъ, въ Вильнѣ прекратятся всѣ бѣдствія и несчастія до сихъ поръ ее опустошавшія и водворится тишина, спокойствіе, порядокъ и устройство, въ царствованіи которыхъ могутъ только процвѣтать города и государства.

Ягайло лишь только узналъ о прибытіи Витольда въ Вильну, отправился къ нему съ женою. Витольдъ тоже съ женою поехалъ къ нему на встрѣчу въ Островъ *) откуда всѣ вмѣстѣ пріѣхали въ Вильну.

*) Сперва въ Островъ Витольдъ далъ

Въ Вильнѣ былъ заключенъ письменный договоръ между Ягайломъ, Витольдомъ и Скиргайломъ. Витольдъ обещался не отдѣлаться отъ Польши и больше не воевать съ Скиргайломъ, которому даны старыя Троки, Кремениецъ и Кіевъ, почему онъ обязался не имѣть больше притязанія на В. Княжество, всѣ трое подписали этотъ договоръ и дали присягу.

Это былъ торжественный день для Витольда, для Литвы и для Вильны, когда послѣ столѣтнихъ усильныхъ стараній и войнъ, Витольдъ возшелъ наконецъ на В. К. престолъ. Обрядъ былъ совершенъ въ костелѣ св. Станислава въ 1394 г.

Андрей Василло короновалъ его; ему подали мечъ въ знакъ могущества и трость въ знакъ кротости и т. д.

Анна, жена Витольда, подруга его бурной жизни, невольн., войнъ, бѣгствъ и печальнаго пребыванія въ замкахъ Крестоносцевъ, была коронована вмѣстѣ съ нимъ.

Наконецъ наступило для Вильны время возобновленія; она начала снова устроиваться, исправлять разрушенныя и возводить новыя зданія, сзывать

обещаніе, не вооружаться больше противъ Ягайлы— жена его Анна дала подобное обещаніе королевѣ Ядвигѣ— *Polnische Königs-Stamm* 4 p. 41. *Vitoldus dux Litvaniae inducta sibi a Rege culpa rebellionis, ac restituta sibi patrimonio p. r. Vladislavne Regem confirmat se voluntati ipsius, Hedvigi Reginae et coronae Regni Poloniae, se cum omnibus suis subjecit. Dat in Ostrovo. Die S. Dominici A. 1391. Anna Ducina Litvaniae, pro Alexandro Vitoldo maritosa, Reginae Hedvigi cavet, cum omnia impleturam, quaecunque Vladislao Regi et Regno promisit. Dat in Ostrovo ut supra. См. у Лубенскаго — *Stat. Lubensis Episc. Plescen. Opera Posthuma Historica. Historica Politica, antiquitates etc. Antwerp. Ap. I. Neumann. 1642 fol. въ дисертации. De jure Regni Pol. ad Russ. Moschov. ditiaez. p. 184.**

народъ бѣжавшій во время бѣдственныхъ смуть и воздвигать раззоренныя костелы, которыхъ святыни также не пощадили Крестоносцы, однимъ словомъ все стремилось къ возрожденію, и тѣмъ предавало отдыхъ и спокойствіе; буря утихла. Витольдъ обогатилъ замковой костель многими привилегіями, укрѣпилъ городъ, далъ полное право пребыванія иностранцамъ, и какъ бы никого не опасаясь остался съ небольшимъ числомъ войска, полагая надежную защиту въ своемъ имени, которое наводило ужасъ на всѣхъ соседственныхъ народовъ.

Но среди общаго спокойствія готовилась новая война. Скиргайло съ горестію смотрѣлъ на потерю В. Княжества, между тѣмъ Свидригайло обещался ему въ случаѣ надобности помогать, и такимъ образомъ они вздумали идти по слѣдамъ Витолда имени его дарованій.

Скиргайло отправился въ Русь собирать войска, а Свидригайло къ Крестоносцамъ, полагая на вѣрное, что они готовы будутъ по первому призыву явиться для опустошенія Литвы, тѣмъ болѣе теперь, чтобы отомстить Витольду за двукратную его измѣну, которая у нихъ была въ свѣжей памяти. Магистръ Ульрихъ Юнгингенъ, желая исправить несчастное правленіе Валенрода, тотчасъ далъ помощь Свидригайлу. Они отправились, напали на владѣнія Витольда, овладѣли Страмельмъ и Сурожемъ, взяли Гродно, три тысячи пѣхннхъ, и отправились въ Пруссію. Между тѣмъ Скиргайло нарушивъ данную присягу собираетъ войско во владѣніяхъ Киевскихъ, вооружается противъ Витольда, который въ совершенномъ спокойствіи находился въ Вильнѣ, съ небольшимъ числомъ войска.

Ягайло былъ занятъ въ Польшѣ, но видя, что между князьями возникаетъ опять раздоръ и несогласіе, чрезъ что Литва подвергнется новымъ несчасті-

ямъ, отправляется (въ 1393 году) въ Вильну, сзываетъ Сеймъ и предлагаетъ Витольду для общаго блага и спокойствія уступить часть владѣній — на что онъ и согласился.

Скиргайло получилъ Стародубъ, обязался быть въ зависимости отъ Великаго Князя и чтобы болѣе привязать къ себѣ родныхъ, онъ требовалъ отъ короля, чтобы брата Вигунда взятаго подъ Полоцкомъ въ плѣнъ, освободить съ правомъ владѣнія прежними землями. Устроивъ такимъ образомъ дѣла онъ ожидалъ Свидригайлу, который соединясь съ Крестоносцами шелъ на Вильну.

Скиргайло съ Крестоносцами собравъ въ Германіи, Силезіи, Франціи и даже Англии большія силы, въ 1394 г. далъ пиръ который стоилъ 50,000 гривенъ, и послѣ того съ Магистромъ направилъ путь на Вильну.

Трудно было Витольду съ малымъ числомъ войска, противустать столь огромной массѣ, но его храбрость, присутствіе духа и рѣшительный характеръ, могли замѣнить недостатокъ силъ. Крестоносцы осадили Вильну, а Витольдъ не желая ослаблять свои войска вылазками, рѣшился терпѣть осаду и тѣмъ заставилъ враговъ стоять подъ стѣнами почти два мѣсяца, ничего не сдѣлавъ. Это нападеніе Свидригайлы на Вильну, было ничтожное какъ плохое подражаніе нападенію Витольда, ибо онъ также прибѣгалъ къ измѣнѣ, отправивъ посланниковъ подкупать жителей. Свидригайло будучи Греческой вѣры, обратился къ Русскимъ; они обещались зажечь оба замка въ одно время, но измѣна не удалась. Одинъ чернецъ, не извѣстно изъ боязни ли наказанія, или тронутый совѣстью, а быть можетъ изъ желанія награды, рѣшился открыть измѣну, и представилъ списокъ соучастниковъ. Виновники были схвачены и казнены, а вмѣстѣ съ ними Свидригайло лишился всякой надежды завладѣть Вильною. Онъ и Крестоносцы

послѣ двухъ - мѣсячной осады, при-
нуждены были отступить; но едва они
удалялись, какъ Витольдъ отправился
преслѣдовать ихъ, загналъ въ болота,
гдѣ ихъ погибло до 30,000 (въ Прус-
скихъ лѣтописяхъ) и Витольдъ возвра-
тился побѣдоносцемъ!

Послѣ этой попытки, Вильна могла
ожидать хотя на нѣкоторое время спо-
койствія. Витольдъ между тѣмъ далъ
привилегію Латинскому духовенству и
капитулъ, подтвердилъ городскимъ жи-
телямъ права Ягайла, а жидамъ далъ
новыя.

Въ слѣдующемъ году, мстя Кресто-
носцамъ за ихъ набѣги, началъ опу-
стошать ихъ селенія, и въ то время
когда они возвращались съ Подлвсія
обремененные добычами, онъ именпо
тогда въ отмщеніе опустошалъ ихъ
земли около Инсбурга. Витольду еще
нужно было усмирить князей братьевъ
короля, которые не подчинили себя
его власти, не платили дани и не по-
корствовались Великому Князю, почему
онъ отправился прежде противъ Дими-
трія Корибута, въ Новгородъ Съ-
верскъ, на Владиміра Кіевскаго и Фе-
одора Коріатовича князя Подольскаго.

Прежде всего началъ съ Новгорода-
Сверска, завладѣлъ имъ, а князя Ко-
рибута съ женою, дѣтьми и имущест-
вомъ, и всѣмъ движимымъ имѣніемъ
отослалъ въ Вильну; а на землю заво-
еванную наложилъ дань. Корибуть
былъ заключенъ въ верхнемъ замкѣ и
только просьбы Ягайлы и князя Ря-
занскаго, которые ручались за него,
что впредъ онъ будетъ послушенъ,
успѣли склонить Витольда отпустить
его, и дать въ Подолія во владѣніе
нѣсколько замковъ. Послѣ того онъ от-
правился на Владиміра Кіевскаго, но
тутъ, на полѣ битвы послѣ взятія
Овруча и Житомира посланникъ Ягай-
лы заключилъ между Витолдомъ и
княземъ Кіевскимъ. миръ. Скиргайло
опять получилъ Кіевъ, но вскорѣ по-

слѣ того былъ отравленъ монахами. *)

Оставался еще Феодоръ Коріато-
вичъ князь Подольскій, котораго еще
слѣдовало покорить своей власти, по-
ходъ былъ снаряженъ, и лишь только
войска вступили въ его владѣнія, какъ
Каменецъ самъ добровольно поддался
Витольду и Феодоръ былъ взятъ въ
плѣнъ и подвергся заключенію въ верх-
немъ замкѣ **).

Одинъ только Свидригайло возму-
щался, онъ какъ бы недовольствуясь
тѣмъ, что только одни Крестоносцы
обогащаются этою войною, обратился къ
Русскимъ прося помощи противъ Ви-
тольда. Витебскомъ управлялъ тогда
Феодоръ Весна, преждебывшій ловчій
короля; нужно знать что онъ совер-
шенно былъ не на своемъ мѣстѣ, по-
тому и не мудрено, что Свидригайло,
предводительствуя нѣсколькими тыся-
чами Ливонцевъ, ворвался въ городъ и
завладѣлъ имъ безъ всякаго сопроти-
вленія. Но къ этому времени подо-
спѣлъ Витольдъ, и послѣ четырехъ не-
дельной осады Витебска, отнялъ замки;
Свидригайлу взялъ въ плѣнъ и ото-
слалъ его къ королю. Но между тѣмъ
онъ освободился, потому, что въ 1396
году произошелъ бунтъ въ Виленскомъ
замкѣ, въ которомъ онъ содержался ***).

Витольдъ неутомимый въ трудахъ—
предпринялъ походъ противъ Татаръ.
Ханъ Тохтамышъ, будучи изгнанъ изъ
своихъ владѣній Тамерланомъ, обра-
тился съ просьбою, чтобы Витольдъ
принялъ его сторону, то есть чтобы
отнял у похитителя его владѣнія и
отдалъ обратно ему. Витольдъ обѣща-
лся. И тотчасъ выступилъ, покоривъ на
пути Смоленскъ, присоединилъ его къ
своимъ землямъ, наконецъ раздѣливъ

*) Лѣтописецъ ВВ. КК. Литовскихъ.
Даниловичъ описываетъ смерть его, и
имя убійцы сообщаетъ.

***) 1325 Стрійковскій.

***) Index Corp. Hist. Diplomatici.

свои силы на две части, составилъ противъ Тамерлана союзъ съ своимъ зятемъ Василиемъ княземъ Московскимъ, перешелъ Волгу, и папалъ неожиданнымъ образомъ на Нагайскихъ Татаръ, разбилъ ихъ на голову и захватилъ многихъ въ плѣнъ съ женами и дѣтьми. Часть этихъ плѣнныхъ послалъ Ягайлъ въ Польшу, тамъ они приняли христіанскую вѣру и были употреблены какъ псаловники для работъ, отчего въ скорое время всѣ перемерли; часть же побѣдитель привелъ съ собою въ Вильну въ 1397 и поселилъ ихъ надъ рѣкою Вакою близъ города, а нѣкоторыхъ даже и въ самой Вильнѣ. Эти однакожь остались при своей вѣрѣ не смотря на неудовольствія Католиковъ. Нѣсколько времени спустя они основали даже себѣ мечеть въ Виленскомъ предмѣстїи, называемомъ Лукишки. Нѣкоторые Татарскіе князья получали отъ Витольда участки земель съ обязательствомъ однакожь, въ случаѣ войны, выставить войско на своемъ иждивенїи. И такъ одни находились въ военной службѣ, другіе же являли огороды и продавали овощи. Нѣкоторые занимались въ услугу *) для различныхъ работъ. Такимъ образомъ они еще въ XVI существовали въ довольно большемъ числѣ, но когда начали ихъ преслѣдовать и изгонять, они принуждены были принимать христіанскую вѣру или оставлять городъ; число ихъ чрезъ это очень уменьшилось.

Въ 1399 году Витольдъ съ князьями Русскихъ земель, сдѣлавъ новое нападеніе на Татаръ, по оно не было такъ удачно какъ первое: здѣсь погибли Вигундъ братъ Ягайлы, Дмитрій и Феодоръ Вольскіе, Иванъ князь Кіевскій, Глебъ Смоленскій, Иванъ Бѣльскій и многіе другіе. Татары преслѣдовали ихъ, опустошали Сѣверскъ и Волынь,

*) Tabelliones, Кояловичъ.

достигли даже къ Кіеву, который осадили.

Въ этомъ же году Вильна съ замковымъ костеломъ и Крывымъ-Градомъ совершенно сгорѣла.

И въ томъ же году умеръ первый Епископъ Виленскій Андрей Василло. Сдѣланное имъ завѣщаніе служить доказательствомъ его патриархальной нищеты *). Едва нѣсколько одежды и серебра осталось для наслѣдниковъ, все остальное отдалъ на костелы, въ Лиду призвалъ Францисканцевъ. Королева Ядвига также въ этомъ году умерла, а Ягайлъ тотчасъ вступилъ въ другой бракъ (1400), и Витольдъ съ женою по этому случаю ѣздилъ въ Краковъ.

Въ слѣдующемъ году въ Вильнѣ былъ созванъ Сеймъ, куда тоже Ягайлъ прибылъ изъ Польши, здѣсь было рѣшено соединеніе Польша съ Литвою положительно, чтобы Литва со всѣми княжествами и землями принадлежала Польшѣ, и чтобы послѣ смерти Витольда не отдѣлялась отъ нее; также что Сигизмундъ Кейстutowичъ, давъ присягу на вѣрность и послушаніе, получать во владѣніе Новгородъ; что жена Витольда будетъ владѣть пожизненно данными ей землями; что Литовцы безъ участія Поляковъ, не могутъ избирать В. князя, а Поляки безъ участія Литовцевъ не могутъ приступить къ выбору Короля; что во всѣхъ войнахъ будутъ взаимно помогать другъ другу и накопелъ (что сомнительно **) если бы по смерти Ягайлы неоставалось наслѣдника, то Витольдъ послѣ него долженъ принять бразды правленія Польша.

Послѣ этого Сейма, Витольдъ отправился противъ князя Юрія Смоленскаго, и лишивъ его владѣнія привудилъ бѣжать въ Венгрію.

*) Смот. въ архивахъ Вил. капитуль.

**) Кояловичъ 66 Langnich 28. Lescius f. 128. Priluscis Staf. f. 690.

Къ этому времени относятся третье побѣненіе Францисканцевъ; но весьма сомнительно: тогда не было почти никакого нашествія на городъ, а монахи были умерщвлены не туземцами, но, по монастырскимъ преданіямъ, какимъ-то Кіевскимъ Воеводою. Лѣтописецъ Фран-вредна *) предполагаетъ, что это могло быть дѣйствіемъ Юрія князя смоленскаго; но какимъ образомъ онъ попалъ въ Вильну, бѣжавъ въ Венгрію, послѣ потери Смоленска? — Однакожь это мужество описано со всеми подробностями, и число убитыхъ полагается десять человекъ; настоятелю отрубили голову, прочіихъ же побросали въ колодецы и въ огонь. Но такъ какъ эта повѣсть не имѣетъ матеріаловъ могущихъ объяснить настоящимъ образомъ все дѣло, то и самое преданіе остается загадкою.

Новыя безпокойства возникли въ Вильнѣ: поводомъ къ тому былъ Свидригайло. Не довольствуясь тѣмъ, что получилъ нѣсколько замковъ и тысячу четыреста гривенъ съ соляныхъ копей, онъ подстрекалъ Крестоносцевъ съ которыми Ягайло желалъ быть въ согласіи, для чего былъ созванъ новый съѣздъ въ Репенже на которомъ находился Король, Витольдъ и Магистръ Юнгичемъ. Съ большимъ затрудненіемъ успѣлъ заключить миръ, и болѣе по старанію Витольда, который тогда замыслилъ походъ на Москву. — Свидригайло выгнанный изъ Подолія, оставленный Крестоносцами, принужденъ былъ возвратиться къ своимъ, и снова получилъ Брянскъ и Стародубъ.

Въ этомъ же году 1405 во всей Литвѣ и Вильнѣ свирѣпствовалъ голодъ. Ягайло отправилъ изъ Польши двадцать судовъ наполненныхъ хлѣбомъ, но Крестоносцы всегда голодные, захватили ихъ. Между тѣмъ Витольдъ отправился противъ зятя своего Великаго Князя Василія, съ которымъ однакожь встрѣ-

тивались надъ рѣкою Угрюю заключить миръ.

Но миръ этотъ недолго продолжался. Свидригайло надвигая получить какія либо выгоды съ помощію Великаго Князя Василія, подчинилъ его власти Новгородъ Сѣверскъ, а самъ бѣжалъ въ Москву. Въ слѣдъ за тѣмъ, былъ объявленъ новый походъ, но кончился заключеніемъ мира, въ которомъ Свидригайло былъ отстраненъ.

Въ 1407 году возвратился Витольдъ въ Вильну, а занимъ утомленное походами войско его. Витольдъ отпустилъ Литовцевъ, а Поляковъ и Прусаконъ вознаградилъ.

Въ этомъ же году умеръ другой Виленскій Епископъ Яковъ, бывший прежде Францисканскимъ монахомъ, родомъ Литвинъ.

Между тѣмъ Крестоносцы нарушили заключенный миръ и готовились къ новой войнѣ, начавъ тѣмъ, что ограбили Литовскихъ купцовъ, на основаніи того, что прежде сего въ 1408 году изгнали ихъ Литовцы изъ Самогитіи, и часть ихъ была взята тогда въ плѣнъ и приведена въ Вильну, теперь же знаменитое сраженіе подъ Гринвальденомъ въ 1410 году 22 Іюля рѣшило судьбу этой войны; здѣсь въ первый разъ показались знамена Литовскія, первыя были Виленскія; на нихъ изображалась погоня, а на другихъ столбы разныхъ цвѣтовъ. Все кончилось миромъ заключеннымъ въ Торуню, по слѣдъ котораго Самогитія перешла въ руки Литовцевъ, съ условіемъ однакожь послѣ смерти Ягайлы и Витольда возвратити обратно.

Не смотря на то что общія полѣзы соединяли ихъ тѣсно другъ съ другомъ; но Ягайло опасался всегда, и не безъ причины, что Литва намѣрена отторгнуться, къ чему ее подстрекали многіе, а потому Ягайло желалъ упредить союзъ обоихъ государствъ, рѣшился открыть съѣздъ въ Гродно надъ Бугомъ (въ 1413 году) куда были созваны не только князья, но даже паны и бояре Литовскіе.

*) Кс. Грибовскій. XV. 99—103.

Съездъ этотъ кончился важными постановленіями, которыя дали Литвѣ Польшкія права и администрацію. Въ первый разъ на немъ была образована Литовская шляхта, даны ей Польшкіе гербы; и такъ Польша не только поглотила провинціи Великаго Княжества, но съ этого времени силою своего вліянія, дала свои нравы, учрежденія, ивела свои обычаи, не оставивъ Литвѣ ничего собственнаго, самостоятельнаго. Сообразно съ ея потребностями, напротивъ того, потребностями ея полагали права данныя ей королевствомъ; это имѣло большое вліяніе, такъ что въ послѣдствіи времени характеръ настоящей Литвы совершенно исчезъ; и теряя мало по малу народность свою, теперь опасалась во всемъ слабымъ снимкомъ Польши. Одинъ только Русскій языкъ въ присутственныхъ мѣстахъ, актахъ и даже въ домашнемъ кругу нѣсколько отягчалъ ее отъ королевства, но и это въ началѣ XVIII вѣка почти совершенно заглохло.

Въ Вильнѣ мы находимъ тысячу примѣровъ этому рабскому подражанію: ея привилегія, администрація, доходъ, магистратъ, права, все это принято изъ Кракова, который въ свою очередь принималъ все изъ нѣмецкихъ городовъ, а Вильня долгое время не смѣла имѣть ничего новаго, даже не могла и требовать. Въ Краковѣ и во всѣхъ Польшкихъ городахъ руководствовались Магдебургскимъ Правомъ, оно же употреблялось въ Вильнѣ, служило ея статутомъ, и ея устройствомъ; даже самое названіе кафедральнаго костела дано такое же какъ и въ Краковѣ.

На съездѣ въ Гродно, все должно-сти, чины и званія были учреждены въ Литвѣ на подобіе Польшкихъ: съ этихъ поръ являются воеводы въ Вильнѣ. Гаштольд котораго литвинцы называютъ Виленскимъ воеводою, былъ только Ольгердовымъ извѣстникомъ; но ни власть его ни даже

названіе во вѣдѣніи ни малѣйшаго слѣдства съ послѣ учрежденнымъ званіемъ воеводъ, которые являются лишь послѣ съезда въ Гродно, и съ тѣхъ поръ ведутъ ихъ исчисленіе. — Первымъ былъ Киргайло *) вмѣстѣ Воеводою Виленскимъ и Старостою Самогитскимъ, послѣ же него былъ Монвидъ.

Привилегія или грамота даная послѣ Гродненскаго съезда, еще разъ подтвердила Унію или союзъ этихъ двухъ земель, разрыва котораго Поляки опасались; духовенство въ особенности получило много правъ: тутъ же объявлено, что однимъ католикамъ должны даваться всѣ должности; это первый случай въ Вильнѣ, нарушившій вѣротерпимость, что всѣ костелы Литовской земли кафедральныя, коллегіальныя, приходскіе, монастырскіе, какъ основанныя въ Вильнѣ такъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, должны пользоваться данною имъ свободою и привилегіями. Шляхтѣ Литовской даны такія же права, какими пользовалась Польшкая. Сенатъ и шляхта имѣли право избирать себѣ короля, однакожь объ державѣ должны были сноситься между собою и требовать взаимнаго согласія. Земскіе суды были тоже учреждены на образецъ польскихъ; общіе Сеймы имѣли обыкновенно мѣсто въ Люблинѣ или въ Порчовѣ. Шляхта обязалась не продавать земель своихъ, а также не вывѣзять изъ государства ни подъ какимъ видомъ безъ согласія на то правительствва. Шляхта Литовская съ согласія Поляковъ заимствовала всѣ гербы у нихъ, ибо Литовцы кромѣ своей Погони и столбовъ, которыхъ начало производили

*) Этотъ Киргайло не находится ни въ одномъ письменномъ документѣ. — Въ экземплярѣ короны Несежаго, который принадлежалъ Епископу Нарушевичу, онъ поставленъ до Монвида, съ замѣчаніемъ, что о существованіи его Нарушевичъ почерпнулъ извѣстіе изъ Литовскихъ метричь.

отъ Италіянскихъ Цоломновъ, своихъ гербовъ вовсе не имѣли; эти послѣдніе принадлежали только господствующей фамилии. Все это Ягайло, Витольдъ и всѣ князья и бояре на съѣздъ подтвердили за себя, и за своихъ наследниковъ.

Въ то же время Самогитію вышедшую изъ рукъ Крестоносцевъ языческою, старались навести на путь Христіанства, начали разрушать ихъ идоловъ, послали туда проповѣдниковъ и употребили всѣ усилія обратить эту страну немученную непрерывными грабежами Крестоносцевъ, которые несмотря на цѣль свою распространять Христіанскую вѣру, оставили страну эту коснуть въ язычествѣ.

Въ слѣдствіе похода Витольда на Псковъ и Новгородъ, въ этомъ же году прибыли въ Вильну посланники Оницеевичъ, Аванасій Феодоровичъ сынъ посадника и Феодоръ Триабло *). Они заключили миръ съ Витольдомъ на прежнихъ условіяхъ.

Торговля въ Лифляндіи и въ Пруссіи въ 1414 и 1415 годахъ была обезпечена особеннымъ договоромъ, который получили и Русскіе купцы въ Литвѣ вмѣстѣ съ трактатомъ. Послѣ отдыха отъ тягостной войны, тотчасъ приступили къ двѣтельной торговлѣ, Литовцы своихъ купцовъ отправляли въ Пруссію, а къ себѣ принимали Русскихъ.

Въ 1416 году Витольдъ лишился жены неразлучной спутницы его бурной жизни; она скончалась въ Трокахъ, гдѣ Витольдъ болѣе чѣмъ гдѣ либо имѣлъ свое пребываніе. Тѣло ея привезено въ Вильну и похоронено въ замковомъ костелѣ — въ томъ гробѣ, который Витольдъ приготовилъ для себя.

Но печаль его немного продолжалась: въ томъ же году онъ вторично женился, не смотря даже на близкое къ нему родство невесты, по причинѣ котораго

*) Юрій Оницеевичъ, Аванасій Феодоровичъ, сынъ посадникъ и Феодоръ Триабло, (Новгородская лѣтопись, смотри у Карамзина).

епископъ Петръ Гербу 3, не хотѣлъ его вѣнчать, не получивъ на то особеннаго разрѣшенія отъ Папы; ибо Юліянина вторая жена Витольда была дочь Ивана Альгимунта Князя Ольшанскаго, и вмѣстѣ племянница первой его жены Анны. Но Иванъ Крапидло Епископъ Кіевскій, желая попасть въ милость Князя, обвинялъ ихъ.

Время пребыванія Витольда въ Вильнѣ было важною эпохою: этотъ герой своего времени, своими побѣдами заставлялъ забыть прежнія свои измѣны и жестокости; слава его была известна многимъ сосѣднимъ народамъ, и они искали его покровительства и союза.

Въ томъ же году 1419 призвалъ въ Вильну Бетсабуль съ просьбою, низвергнуть его врага Керембердена, который вмѣстѣ былъ врагомъ и Литвы. Витольдъ изъявилъ свое согласіе быть его покровителемъ, желая изгнать и смирить Керембердена, короновалъ Тахтамышпа, Бетсабуль Солтана въ Вильнѣ. Однакожъ Бетсабуль съ короною не получилъ съ нею счастья, хотя Витольдъ подкрѣпилъ его своимъ войскомъ и Татарами обитавшими надъ рѣкою Вакою, но въ битвѣ проившедшей между нимъ и Керембердевомъ былъ совершенно разбитъ, взятъ въ плѣнъ и лишенъ жизни.

Но и побѣдитель не долго господствовалъ, какъ это обыкновенно водится у дикихъ народовъ; онъ былъ убитъ роднымъ братомъ своимъ Геремерденкомъ, который прибывъ потомъ къ Витольду, предложилъ свою дружбу и повиновеніе. Онъ тоже былъ коронованъ Царкомъ, послѣ чего возвратился въ Орду.

Въ это же самое время (1419) Эдигей царь Улусовъ Черноморскихъ прислалъ въ Вильну посланниковъ, для заключенія съ нею мира и вмѣстѣ прислалъ богатые подарки, трехъ верблюдовъ покрытыхъ краснымъ сукномъ и двадцать семь лошадей отличнѣйшей породы.

Въ 1420 году прибыли Богемскіе посланники, прежде къ Ягайлѣ, предлагая ему свою корону, но онъ отказался отъ нее, тогда они обратились къ Витольду; онъ тоже послѣдовалъ примѣру брата своего, говорятъ потому, что Богемія была населена разновѣрцами. Должно думать что отговорка эта введена за немѣннѣе лучшей, ибо такая причина отказа не заслуживаетъ вѣроятія, напротивъ того онъ терпѣлъ всѣ вѣры. Русскихъ и Татаръ поселившихся въ Литвѣ онъ защищалъ; Евреевъ тоже не гналъ.

Еслибъ онъ предвидѣлъ какую либо пользу въ принятіи Богемской короны, вѣрно не отказался бы ссылаясь на разновѣріе. Но главная причина что онъ не хотѣлъ мѣнять Великое Княжество на ненадежную корону, за которую надлежало еще спорить съ Императоромъ, а спора можно было потерять обѣ земли и третью, столь дорого нажитую славу свою. Будучи обремененъ безпрестанными смутами, не желалъ новою войною навлечь бѣдствія на Литву. Долгое время Витольдъ находился въ нерѣшимости, принять ли корону Богемскую или нѣтъ, долго держалъ посолье въ Вильнѣ, думалъ, совѣтовался, но наконецъ принужденъ былъ отказаться. Не желая между тѣмъ отправлять посланниковъ ни съ чѣмъ, онъ предложилъ имъ выбрать королемъ Сигизмунда сына Корибута; но и это Литвѣ не обошлось даромъ, ибо возшествіе сего послѣдняго на Богемскій престолъ, было причиною что Крестоносцы, нарушивъ миръ по убѣжденію Императора, напали на Польшу и Литву, и принуждены были съ ними повторить трактатъ заключенный въ 1422 году *).

*) Надъ Оссою близъ Мельни, между Гадзинемъ и Рогоумной. Хроника Богемская изданная въ Прагѣ 1540 г. въ 4-ю долю, печатано стариннымъ Готескимъ письмомъ; на 396 ст. вотъ что говоритъ

Въ этомъ году въ Вильнѣ находился наследственный князь Волохскій; немало было приготовленій къ походу противъ Пруссаковъ и Ливонцевъ. Витольдъ имѣлъ тогда въ Вильнѣ восемь тысячъ Татаръ, что показывается какъ велико было число ихъ въ Литвѣ.

Въ слѣдующемъ году 1421 объѣзжалъ земли ему подчиненныя, но такъ какъ и въ Литвѣ было довольно число жителей Греческаго исповѣданія, то онъ прѣхалъ и туда въ самый праздникъ св. Крещенія.

Все остальное время до своей кончины, Витольдъ былъ занятъ споромъ съ Крестоносцами; причиною тому былъ Корибутъ взятый въ плѣнъ въ 1424 г. Между тѣмъ Ягайлѣ женился на Софій, а посланники Богемскіе похитили тайнымъ образомъ Корибута.

Въ 1425 у Ягайлы родился сынъ Владиславъ отъ второй супруги Софій, съ тѣхъ поръ Витольдъ потерялъ всю надежду владѣть когда либо Польскою короною: эта безнадежность пробудила въ немъ честолюбіе. Литва стала казаться ему слишкомъ тѣсною, названіе князя слишкомъ обыкновеннымъ, онъ началъ помышлять о Королевскомъ достоинствѣ.

Вильна между тѣмъ находясь подъ его правленіемъ и покровительствомъ, производила довольно успѣшно свою торговлю съ Пруссаками, распространялась болѣе и болѣе. Въ 1427 г. былъ освященъ Архипресвитеріанскій костель св. Ивана, кажется онъ былъ основанъ жителями города.

Объ этомъ посольствѣ (подъ 1420) Послѣе Пражскія къ Витольдову посланія згимани. Во четвертъ предъ славности святыхъ Ссымои и Іуды Апостоловъ, прислали новини до Праги, же гихъ Ореторове, которижъ су были тайне посланци къ Витольдову Книзети Литевскому, всщцкии же гсау одъ Јана Книзете Опавскаго згимани, а Послани Зигмундову Кроци Игерскому.

Употребляя все усилия, действуя тайно и явно — наконец онъ созвалъ съездъ въ Луцкъ, гдѣ угощала въ продолженіи пятидесяти дней Императора, королей и князей, собственно для того чтобы привлечь на свою сторону и почитать Литовскую корону.

Но Владиславъ Ягайло, въ особенности Поляки противились тому, они предвидѣли, что въ такомъ случаѣ Польша; лишится Литвы, тщетно хитрый Сигизмундъ обещался помогать намъ реніямъ Витольда, — Поляки употребили все средства воспрепятствовать планамъ его.

Витольдъ желалъ хотя на минуту прикрыть седую голову свою, королевскою короною, и съ нею готовъ былъ умереть, честолюбіе совершенно овладѣло имъ.

Ягайло видѣ въ немъ такую вѣстойчивость, и можетъ быть наскучивъ правды Польшею, что требовало неуспынныхъ трудовъ, рѣшился предложить Польскую корону Витольду, который неимѣлъ позомства, но какъ ни былъ онъ гордъ, однакоже не принялъ этого предложенія, можетъ быть и потому что хотѣлъ княжество Литовское, не премвнно сдѣлать королевствомъ.

Онъ тайнымъ образомъ старался привести дѣло въ исполненіе, назначилъ день коронаціи 16 октября 1430 г. и съ этимъ намъ реніемъ, призвалъ въ Вильну Владислава Ягайлу, подѣ предложеньемъ, будтобы того требуютъ важныя дѣла Государства.

Вильна торжествовала, съѣхалось множество князей и бояръ, которые ожидали дня коронаціи Витольда. Короны же для него обещался прислать въ Вильну Императоръ Сигизмундъ, предложено было вѣзти изъ доктору и кавалеру Сигизмунду Ротъ, изъ Вѣны, онъ намъ реніе былъ ѣхать на Польшу и прибыть въ Вильну въ день рождества Божіей Матери. Съ нетерпѣніемъ ожидали коронъ и посланниковъ Сигизмунда, который между тѣмъ полу-

чилъ отъ Папы Мартина V письмо, въ которомъ воспрещалъ ему вмѣшиваться въ эти дѣла, но уже было поздно, посланники находились въ Вильнѣ. Кроме ожидаемыхъ Императорскихъ посланниковъ, были еще приглашены для коронаціи магистръ Прусскій Русдоръ, Магистръ Ливонскій Сьдореда съ командорами, Василій Васильевичъ князь Московскій внукъ Витольда и другіе Русскіе князья, Ханы Перекопскихъ и Заволжскихъ Татаръ, митрополитъ Фотій, Борисъ князь Тверскій, Илья Воевода Валахскій, король Богемскій и множество другихъ князей, воеводъ, пановъ и бояръ изъ Литвы, Руси, Польши и другихъ земель.

Чтобы скорѣе вызвать къ себѣ Ягайду, Витольдъ далъ повѣщеніе начальнику посольства Николаю Магдрумкѣ, чтобы онъ отнюдь не намекалъ ему о коронаціи; и такимъ образомъ Ягайло прибылъ въ Вильну. Поляки опасались, чтобы наконецъ Витольдъ своего неотвѣзчивостію не принудилъ Ягайлу согласиться на его требованія, послали съ нимъ нѣсколькихъ сенаторовъ для совѣщаній, въ числѣ ихъ находился Збигнѣвъ Олѣсницкій Епископъ Краковскій, который еще въ Луцкѣ былъ противъ требованій Витольда.

Узнавъ о томъ что епископъ ѣдетъ съ Ягайломъ, и догадая почти четверное, что онъ будетъ ему препятствовать въ исполненіи намъ реній, послалъ на границу Литвы на встрѣчу къ Ягайду гонца съ подарками къ епископу, просилъ, умолялъ и даже угрожалъ низверженіемъ съ епископскаго достоинства если онъ посмѣетъ противиться его намъ реніямъ, но Олѣсницкій отринувъ подарки, просьбы, обещанія и угрозы, остался только при своемъ мнѣніи, и далъ клятву разрушить планы Витольда.

Ягайло былъ принятъ въ Вильнѣ съ величайшимъ торжествомъ — въ первый день Витольдъ не дѣлалъ ни малѣйшаго намека на счастіе коронаціи.

наконецъ обратился къ Ягайлѣ съ этими словами.

— Я желаю королевской короны не для власти, отвѣчалъ Витольдъ Ягайлѣ, но весь почти свѣтъ знаетъ, что я старался ее получить, и что съѣздъ этотъ созванъ единственно для исполненія этаго, въ случаѣ несогласія, я долженъ отказаться со стыдомъ; сжался, позволю мнѣ утѣшить послѣдніе дни моей жизни — вѣдь я хилъ, боленъ и конечно скоро умру.

Но Ягайло былъ неумолимъ; къ тому же и сенаторы Польскіе подстрекали его; притомъ онъ опасался чтобы корона не ободрила его, все это заставляло его отказывать Витольду.

— Дай мнѣ ее на три дни, повторялъ Витольдъ, ну на одинъ день, по крайней мѣрѣ на одну часть, клянусь тебѣ что я ее опять возвращу. Столь уворное требованіе, еще болѣе ужасало его и напоминало прежнія обѣщанія Витольда, такъ часто нарушаемыя — такимъ образомъ просьбы и утѣшанія оставались безуспѣшны. Ягайло ссылаясь на сенаторовъ, безъ которыхъ онъ не могъ дѣйствовать. Витольдъ обратился опять къ Збигнiewу.

Ты достоинъ короны, отвѣчалъ ему епископъ, но никто, не можетъ быть королемъ Литовскимъ, чтобы не быть вѣдѣтъ врагомъ Польши; эдакъ царю да дади обѣщаніе соединиться подъ одну корону — подумай хорошо и увидишь что эта мысль Императора есть сама раздора брошенное между Польшею и Литвою, какъ онъ самъ говорилъ. Если ее привести въ исполненіе, ненависть и война не замедлятъ явиться, а изъ нихъ извлекутъ пользу одни сосѣди. Предвидя все это я не могу дѣйствовать противъ вѣрнаго убѣжденія и должи моего отечества, а потому и на коронацію согласиться никогда не могу.

Еще прошло нѣсколько дней въ надеждѣ, наставаніи и просьбахъ, но чувствуя что въ этомъ трудно успѣть, и видя съ горестью и печалью все предположенные планы свои разрушенными, онъ отправился въ Троки, гдѣ заболѣлъ. Эта неудача совершенно разстроила осьмидесятилѣтняго удрученнаго заботами старца Витольда предчувствуя свою кончину просилъ прощенья у Ягайло, если виновенъ въ чемъ либо предъ нимъ, жену и великое княжество отдалъ подъ его опеку, самъ же скончался 27 октября 1430 г. въ Трокахъ. И такъ созданнымъ гостямъ вмѣсто коронаціи, предстало теперь быть на похоронахъ, но они тотчасъ почти все разбѣжались, остался одинъ митрополитъ Фокій, который еще послѣ того былъ одиннадцать дней. Тѣло Витольда наречеващо было въ Вильну въ костелъ св. Станислава и похоронено возмъ супруги его Анны.

Гробъ его въ продолженіи четырехъ столѣтій совершенно разрушился, образъ представляющій его на лошади по Гречески, служившій вмѣсто надгробнаго камня, былъ еще виднѣ въ XVI вѣкѣ, даже и другой позднѣйшій сдѣланный королевою Боною, которая свою мѣлочную славу хотѣла соединить съ великимъ именемъ, также разрушился, исчезла надпись, замки превратились въ груду камней, пролитая кровь высохла, отдаленное потомство погасло, но память того времени осталась! Память и могилы на Литовской землѣ, память богатырской жизни Витольда, котораго мечъ поддерживалъ гордость, а гордость возмущала долго сосѣдственных и его собственныя земли. И такъ осталась не только память его жизни, но можетъ быть даже наука и примѣръ градушнымъ вѣкамъ, что могущество кратковременно, а гордость гибельна.

СВИДРИГАЙЛО, СИГИЗМУНДЪ И КАЗИМИРЪ ЯГЕЛЕНЧИКЪ.

Избрание князя. Свидригайло и Ягайло. Подоль. Бѣство Свидригайлы. Пожаръ въ Вильнѣ. Сигизмундъ. Булла. Шпіоны Крестоносцевъ: Привилеги. Магдебургское право. Мыто. Свидригайло въ Россіи. Идетъ на Литву — поражение его — пленникъ. Свидригайло собираетъ войско — нападетъ. Сожигаетъ Вильну. Смерть Владислава Ягайлы. Инквизиторъ. Свидригайло проситъ прощенья у короля. Польскіе посланники. Суровость Сигизмунда. Списки заговорщиковъ. Смерть — стрѣла слуга. Замокъ. Плехорны Сигизмунда. Казимиръ. Избрание Казимира — Мыто. Магдебургское право. Поля. Торговля. Ярмарка. Митрополитъ. Сеймъ въ Вильнѣ. Приво-

воръ заговорщиковъ. Смоленскъ. Флорентинская унія. Послы. Нападеніе Русскихъ. Походъ противъ Турокъ. Лезерей. Казимиръ не принимаетъ короны. Сеймъ. Разные посланники. Мыто Виленскихъ купцовъ. Подоль. Епископъ Мангей. Гаагтольдъ. Послы Гизтольдъ и Юргевъ. Писскіе Коммиссары. Сеймъ. Послы изъ Кары отъ Мендигерей. Король въ Вильнѣ. Магистръ Баркардини. Король въ Литвѣ въ Вильнѣ — Выборъ — Послы. Другая Унія. Сынъ Казимира Казимиръ. Князь Русскіе. Причина разрыва. Смерть св. Казимира. Смерть короля. Вильно. Ремесло. Предмѣстіе и. т. д.

1430 — 1492.

Послѣ смерти Витольда явилось много претендентовъ на Велико княжескій Литовскій престолъ, вмѣстѣ съ тѣмъ явились партіи — одни желали избрать Великаго Князя Александра Владиміровича Кіевскаго, другіе князя Слупскаго, прочіе же поддерживали сторову Сигизмунда Корибута прежде бывшаго королѣмъ Богемскаго. Русскіе напротивъ того требовали Свидригайлу, который имъ болве всѣхъ благопріятствовалъ; но противъ него были его прежнія войны, неудачи, которыхъ онъ по своему дурному характеру и не дальнимъ способностямъ не въ состояніи былъ вознаградить, какъ это сдѣлалъ Витольдъ — вспыльчивый и почти всегда полный онъ хотѣлъ управлять, не имѣя къ тому ни способностей, ни даже силъ. Какъ брату, Ягайло отдалъ ему первенство и Литовцы услышавъ о такомъ рѣшеніи

съ понижшими главами оставили Троки, ибо предвидѣли печальную будущность.

Вскорѣ Ягайло почувствовалъ свою непростительную ошибку, лишь только Свидригайло былъ объявленъ Великимъ Княземъ какъ уже началъ упрекать короля въ томъ, что онъ съ нимъ худобращался прежде, напоминая ему девяти мѣсячный плѣнъ и отомался съ угрозою, говоря что онъ теперь въ его рукахъ — Ягайло желая лучше усмирить его кротостію нежели оружіемъ уступилъ ему нѣсколько замковъ, и самъ въ костелъ св. Станислава возвелъ его въ достоинство великаго князя.

Король еще находился въ Вильнѣ, какъ вдругъ пришли вѣсти, что Григорій Кердей сдѣлалъ бунтъ въ Подольи, прогналъ Литовцевъ изъ замковъ, и отдалъ ихъ во власть Поляковъ.

Свидригайло узнавъ объ этомъ, пришелъ въ бѣшенство, Ягайлѣ и всѣмъ Полякамъ при немъ находившимся началъ угрожать кандалами, въ случаѣ если ему не возвратятъ похищенныхъ замковъ.

Во все время пребыванія Ягайлы въ Вильнѣ, Поляки не отходили отъ него, опасаясь, чтобы пьяный Свидригайло не убилъ его въ гнѣвъ. Ягайло обѣщался возвратитъ ему замки, прѣхавъ въ Польшу; но завладѣвшіе ими неуступали имъ Михаилу Бобъ приславному отъ Свидригайлы, даже взяли его въ плѣнъ, узнавъ о поступкахъ Свидригайлы съ королемъ въ Вильнѣ. Всѣ вообще начали роптать на него, а Папа узнавъ тоже объ этомъ, угрожалъ ему отлученіемъ отъ церкви, и на Сеймѣ въ 1431 г. было опредѣлено вторгнуться въ Литву, и настрашавъ тѣмъ Свидригайлу принудитъ просить прощенія у Ягайлы, что онъ исполнилъ.

Не смотря на обѣщаніе, Свидригайло отправился въ Подоль и завладѣвъ имъ, но въ слѣдъ за нимъ ворвалось королевское войско, сожгло Владиміръ, осадило Луцкъ и послѣ долгаго сопротивленія рѣшились наконецъ примириться; для заключенія мира съѣхались въ Порчово, куда прибыли и Литовцы; но Свидригайло изъ гордости не явился. Это именно погубило его, ибо Ягайло разсердился, и много разъ прощая ему, теперь по совѣту многихъ рѣшился лишить его престола, а великимъ княземъ назначилъ Витольдова брата Сигизмунда Кейстуговича, который собравъ войско пошелъ на Свѣрскъ, завладѣвъ Ошмяною и заставилъ испуганнаго Свидригайлу бѣжать въ Смоленскъ: онъ не успѣлъ даже взять жены своей. Послѣ того Сигизмундъ покорилъ Вильну, Гродно, Троки и другіе Литовскіе города и въ 1432 г. былъ всенародно признанъ великимъ княземъ, за что онъ обѣщался быть покорнымъ и не возставать противъ Ягайлы.

Въ этомъ же году пожаръ, какъ го-

ворять, произведенный самими жителями, истребилъ большую часть города *).

Сигизмундъ прежде полученія Великаго Княжества принужденъ былъ дать слѣдующія обѣщанія: не нарушать союза обоихъ государствъ, не имѣть притязаній на Королевское достоинство, безъ согласія на то Короля, Польши и Поляковъ, не назначать самому наследника послѣ себя, на что имѣлъ право одинъ Король, сына же его Михаила князя Троцкаго и Стародубекаго оставить при томъ, что получилъ прежде, и еслибъ онъ умеръ безъ наследниковъ, тогда Троки и Стародубъ опять возвратитъ королю — Волынь тоже послѣ смерти Сигизмунда возвратитъ Ягайлѣ иждъ его наследникамъ.

Подписавъ всѣ эти условія и приложивъ печать, вручилъ посланникамъ королевскимъ, и приступилъ къ обыкновеннымъ обрядамъ. Олѣвничій какъ главный изъ нихъ, въ лицѣ большаго собранія въ Виленскомъ замковомъ костелѣ прочелъ Папскую Буллу, которая освобождала Литовцевъ отъ присяги данной ими Свидригайлѣ. Сигизмундъ былъ возведенъ на Велико Княжескій престолъ по обыкновенію, и Олесницкій вручилъ ему мечъ въ знакъ могущества, который Ягайло нарочно прислалъ на этотъ случай.

Людвигъ Комтуръ Торунскій, который въ то время былъ посланъ Крестоносцами, съ тремя другими товарищами развѣдать тайнымъ образомъ, что дѣлается въ Вильнѣ, съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на все это, и старался всячески произвести несогласія, и вооружить Литовцевъ противъ Поляковъ, но всѣ усилія его были тщетны. Одинъ только Юрій Бутримъ

*) Index. Hist. Dipl. Письмо Комтура въ Леаль къ в. магистру Павлу Русдорфъ. Рига 19 августа 1438 г.

богатый самогитянинъ, человекъ опытный, утверждалъ и приводилъ доказательства, что Литва не должна жить въ союзъ съ Польшею, но должна быть независимою, самостоятельною; однакожь не смотря на то что его мнѣніе и голосъ предъ прочими имѣли большой перевѣсъ въ совѣтъ, но въ этотъ разъ его принудили молчать, а шпионы Крестоносцевъ одинъ за другимъ убрались изъ города.

Сигизмундъ будучи Великимъ Княземъ началъ болѣе всего заботиться объ участи Вильны, снабдилъ ее многими привилегіями, также какъ его предшественники, однакожь онъ чаще пребывалъ въ Трокахъ, что видно изъ его писемъ — можетъ быть Крытый градъ не былъ еще такъ обширенъ чтобы въ немъ можно было выгодно помѣститься, но почти съ этихъ поръ до начала XVI вѣка князья большею частью жили уже въ Вильнѣ, а въ послѣдствіи времени она сдѣлалась единственнымъ мѣстомъ ихъ пребыванія.

По обыкновению *) первымъ долгомъ Сигизмунда было подтвердить право Магдебургское, прибавивъ, что ему должны подчиняться одинаковымъ образомъ какъ Греки такъ равно и Католики, и объявилъ, что ни одинъ изъ мѣщанъ не можетъ быть судимъ никакимъ другимъ Литовскимъ чиновникомъ, воеводою, судьей и т. д. Всякой долженъ имѣть свои права, своихъ начальниковъ, къ которымъ долженъ обращаться въ случаѣ еслибъ даже обвиненный былъ призванъ въ чужой судъ, который бы уличалъ его въ убійствѣ, насиліи, воровствѣ, поджигательствѣ; то онъ не долженъ никому отвѣчать на дѣлаемые ему запросы, исключая одному только своего Войты (advocato), который по правамъ Магдебургскимъ имѣлъ полное право судить и наказывать

безъ всякихъ отлагательствъ, онъ могъ липать жизни, сажать на колъ и употреблять всѣхъ родовъ наказаній; призванный къ князю или королю не отвѣчаетъ, а за него подлежитъ отвѣту Войтъ. Въ этой же привилегіи, городу дозволено имѣть важню, гдѣ всѣ вообще товары надлежало взвѣшивать, на всякомъ другомъ мѣствѣ это строго воспрещалось, получаемыя съ нее деньги составляли доходъ города; другой ворсвальни кромѣ городской, также никому нельзя было заводить — были заведены питейные дома, гдѣ продавалось пиво, медъ и вино, съ нихъ взымалась небольшая дань, которою пользовался князь. Другая привилегія *) освобождала жителей въ цѣломъ государствѣ отъ платежа мыта, куда бы ни отправлялись они съ товарами. Всѣ эти постановленія ничто иное какъ подражаніе прежнимъ Краковскимъ постановленіямъ, и если даже взять исторію этихъ городовъ и города Львова, то не найдемъ почти никакой разницы въ ихъ привилегіяхъ, судебныхъ мѣстахъ и внутреннихъ учрежденіяхъ, кромѣ нѣкоторыхъ измѣненій въ исполненіи, которыхъ требовала мѣстность.

Изъ этихъ привилегій ясно видимъ, что городъ находился еще въ младенческомъ состояніи, и всѣ доходы его состояли изъ пошлинъ взимаемыхъ съ важни, съ ворсвальни и питейныхъ домовъ, и все это въ маломъ числѣ: — складчинъ ремесленныхъ и купеческихъ еще не существовало, цехи и общества купеческія образовались позже. Достоинно вниманія однакожь то, что мѣщане обѣихъ вѣръ, пользовались общими правами, чего прежде въ правленіи Владислава Ягайлы не было.

Въ это время когда Вильна занималась внутреннимъ устройствомъ Свидригайло собираетъ войско въ Россіи

*) По Латыни и по Русски. Dub. f. 2. 3. Dat. feria secunda ante festum S. Michaelis.

*) 1432 г. 23 септѣбр. дня.

и объявляетъ войну Сигизмунду и приверженцами едва спасся бѣгствомъ въ Лѣсь. Свидригайло между тѣмъ напасть на Вильну и сжегъ ее, таже участь постигла Троки, Крево, Лиду, Меречь, Гродно и всѣ ихъ окрестности — послѣ этихъ опустошеній онъ направилъ путь на Витебскъ.

Между тѣмъ Свидригайло съ 50,000 людей отправился на Вильну, расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Ошмянъ. Онъ получилъ подкрѣпленія отъ князей Русскихъ изъ Полоцка, Смоленска, Мстислава, Сѣверска, Кіева, а также изъ Москвы, Рязани и Твери подъ начальствомъ Ярослава брата Бориса князя Тверскаго. Нѣмцы также прислали войска изъ Ливоніи и кромѣ того присоединилось къ нему значительное число Литовцевъ.

Эту исполнскую силу Сигизмундъ совершенно разбилъ съ небольшимъ числомъ Литовцевъ и Самогитянъ. Свидригайло потерялъ почти десять тысячъ челоуѣкъ, а самъ едва успѣлъ уйти въ Кіевъ. Четыре тысячи было взято въ плѣнъ, въ числѣ ихъ находилось много предводителей войска какъ то: Юрій Лингвеновичъ, князь Мстиславскій, Давгирдъ Дедиговичъ, князь Ѳеодоръ Одынецъ; — Воевода Виленскій Иванъ Моцвида и маршалъ Литовскій Ромбовада были лишены жизни какъ измѣнники.

Все это производилось воелъ Ошмянъ. Откуда Сигизмундъ отправился въ Ливонію, счастье и тамъ равнымъ образомъ, благопріятствовало ему, съ добычею и. добычею возвратился онъ въ Вильну.

Между тѣмъ Свидригайло (1435) собравъ снова войско и тремя отрядами вторгнулся въ Литву, угрожая Сигизмунду, который небылъ уже въ силахъ ему противостать. Польша не могла дать ему помощи, ибо сама была занята войною съ Пруссаками. Сигизмундъ оставленный всѣми ввѣрилъ начальство надъ войскомъ Петру Монтыгердовичу, который къ несчастью проигралъ сраженіе, самъ же съ женою, дѣтьми и

приверженцами едва спасся бѣгствомъ въ Лѣсь. Свидригайло между тѣмъ напасть на Вильну и сжегъ ее, таже участь постигла Троки, Крево, Лиду, Меречь, Гродно и всѣ ихъ окрестности — послѣ этихъ опустошеній онъ направилъ путь на Витебскъ.

Въ 1434 г. скончался Владиславъ Ягайло и наследникъ сынъ его Владиславъ былъ провозглашенъ королемъ Польскимъ.

Свидригайло отправился опять въ Бреславль, оттуда въ Вилкомиръ, который однакожъ отразилъ его нападеніе — Михаилъ сынъ Сигизмунда подоспѣлъ съ войскомъ на помощь жителямъ; при рѣкѣ Святой произошло сраженіе, гдѣ Свидригайло былъ совершенно разбитъ. Въ этомъ сраженіи былъ убитъ Сигизмундъ Корибутъ бывший король Богемскій, его взяли въ плѣнъ и утопили въ Виаіи.

Едва Польша начала наслаждаться миромъ подъ скипетромъ Владислава, какъ возникли религиозные споры; въ Богеміи господствовавшее разновѣріе, въ Литвѣ же боязнь чтобы не распространялась Восточная церковь — заставила Поляковъ принять мѣры, и Николай Ленгиць Доминиканецъ, былъ назначенъ инквизиторомъ надъ Литвою и Польшею.

Свидригайло продолжалъ войну дѣтьмъ хоръ, пока всѣ его приверженцы начали мало по малу отлагаться отъ него.

Не имѣя къ продолженію войны никакой надежды, онъ принужденъ былъ отправиться въ Краковъ и просить извиненія у короля и сенаторовъ, обѣщаясь Луцкъ съ частью Подолии возвратитъ Польшѣ.

Викентій Шаматуль тотчасъ завладѣлъ Луцкомъ. Сенатъ принялъ на себя обязанность оправдать его предъ королемъ, а къ Сигизмунду было отправлено торжественное посольство.

Оно состояло изъ епископа Краковскаго и Гизѣнецкаго и Калишскаго и

Сандомирскаго. Они представляли старость лѣтъ Свидригайлы, увѣряли что онъ не имѣеть притязаній на Великое Княжество Литовское, но желаетъ получить частицу своего прежняго уѣзда и умереть въ немъ, какъ князь Литовскій или какъ гражданинъ, спокойно презирая всѣ суеты мира — Но ожесточенный Сигизмундъ ни сколько этимъ не тронулся.

— Свидригайло дожилъ до старости, отвѣчалъ онъ и не нажилъ ума, нанитанъ мятежническимъ духомъ, съ которыми вѣрно и умереть, следовательно пока живъ будетъ, опасенъ для Литвы и можетъ подвергнуть ее новымъ войнамъ.

Я вѣренъ королю, прибавилъ Сигизмундъ но лишь только Свидригайло явился въ предѣлахъ Литвы, тотчасъ нарушу присягу.

Посланники уже болѣе не требовали ничего въ пользу Свидригайлы, желали только увѣриться въ томъ, что Сигизмундъ будетъ свято соблюдать Унію между Польшею и Литвою, въ чемъ онъ имъ далъ слово, но они не ограничились этимъ — требовали еще отъ Воеводы Виленскаго чтобы и тотъ съ своей стороны послѣ смерти Сигизмунда ни кому не уступалъ Виленскихъ замковъ кромѣ короля или его наследника. Эта черта намъ показываетъ какое вліяніе Вильна имѣла на судьбу Литвы; владѣть ею, значило владѣть Литвою. Изгнанный такимъ образомъ изъ Литвы Свидригайло отправился въ Валахію.

Теперь (1439) Сигизмундъ могъ свободно перевести духъ — Свидригайлы небыло; следовательно ему нечего было опасаться, только Польша страшилась разрыва съ Литвою и теперь когда все утихло, началъ въ поляхъ обнаруживаться его алчный характеръ — онъ старался единственно скоплять богатства, имѣнія и увеличивать тѣмъ свою казну. Онъ не обращалъ вниманія на то какимъ образомъ

все это приобреталось — притомъ же онъ былъ подозрителенъ и недоувѣрчивъ, въ особенности къ богачамъ, онъ ихъ опасался, и потому всячески старался обвинять ихъ, чтобы имѣть причину завладѣть имѣніемъ; такимъ образомъ Юрій Лингвеновичъ былъ заключенъ въ Трокахъ, а имѣніе — конфисковано. Александръ князь Слуцкій взятый въ плѣнъ въ Копыси, со всѣмъ семействомъ содержался въ Керновѣ, а жена и сыновья жили въ Уданахъ, и многихъ другихъ онъ наказалъ по одному только подозрѣнію; — никому не прощалъ. Часто случалось въ Трокахъ и въ Кривомъ градѣ, что онъ увидитъ изъ окошка двухъ или нѣсколькихъ людей разговаривающихъ между собою тайно; тотчасъ велитъ ихъ схватить и допрашивать, опасаясь, не было ли у нихъ заговора противъ него, и если въ допросахъ замѣтитъ разногласіе, тотчасъ велитъ бросать ихъ въ рѣку или въ озеро *). Конфискованное имѣніе онъ дѣлилъ между своими приверженцами. Чтобы прекратить столь ужасныя бѣдствія и освободиться отъ тяжкаго ига, жители составили противъ него заговоръ.

Иванъ Чарторискій сынъ Любарта Гедыминовича снесся съ Воеводами Виленскимъ и Троцкимъ Давгердомъ и Лелюссомъ, и всѣ они рѣшились призвать Свидригайлу, а для всякой безопасности и общаго спокойствія Сигизмунда умертвить, сына же его Михаила прогнать изъ Трокъ и Вильны.

Все это повидимому легко было исполнить, одно затрудняло, какъ приступить къ подозрительному Сигизмунду, который, какъ бы, по предчувствію сдѣлался еще осторожнѣе прежняго; въ такомъ случаѣ, разумеется, нужно было привлечь на свою сторону кого нибудь изъ его придворныхъ.

1) Колловичъ.

Скобейко конвоишій Сигизмунда весьма охотно принялъ сдѣланное ему предложение. Время исполненія заговора было назначено въ Вербное воскресенье. Ночью на трехъ стахъ возахъ съѣзжа было введено въ городъ шесть сотъ человекъ — главные предводители также вкрались въ городъ разными путями.

На другой день утромъ когда князь Михаилъ съ придворными отправился въ костель, а въ замкъ было пусто — Чарторискій по обыкновению пришелъ очень рано къ воротамъ, но они были заперты; не зная какимъ образомъ войти туда и не желая вламываться силою, чтобы не сдѣлать тревогу, онъ вдругъ вспомнилъ что любимой медвѣдицъ Сигизмунда всегда отворяли дверь коль скоро она начнетъ въ нее царапать, потому и рѣшился подражать ей, и точно ворота отперли, всѣ соучастники бросились, заняли выходы чтобы никого не пропустить. Чарторискій въбѣжавъ въ княжескія комнаты и найдя Сигизмунда схватилъ его и ударилъ объ полъ. Скобейко первый нанесъ ему ударъ, а прочіе довершили убійство.

Одинъ только какой-то Славко бросился защищать Сигизмунда, но Чарторискій велѣлъ его выбросить въ окно.

Въ этотъ же самый день т. е. въ Вербное Воскресеніе Нарбутъ овладѣвъ верхнимъ Виленскимъ замкомъ, а Лелгось осадилъ Троки, чтобы князь Михаилъ не ускользнулъ изъ нижняго замка окруженнаго озеромъ — Давгирдъ посвѣщилъ въ Вильну. Всѣ радовались кончинѣ Сигизмунда, но въств съ тѣмъ страшились и Свидригайлы, который уже свѣщилъ изъ Валахїи въ Вильну, заключая новые союзы на пути своемъ.

Между тѣмъ Гаштольдъ и Кенгайло занялись похоронными приготовлениями для Сигизмунда, тѣло его перенесено было въ Вильну и положено близъ Витольда и его жены.

Дорого однакожь стоила Литвѣ смерть

Сигизмунда: тотчасъ образовались партїи готовыя разтерзать ее на части; одни держали сторону Михаила Сигизмундовича, другіе Свидригайлы, третьи Александра князя Слуцкаго или одного изъ его сыновей, иные хотѣли короля Владислава провозгласить Великимъ Княземъ, наконецъ остальные вмѣстѣ съ Юріемъ княземъ Ольшанскимъ, желали Казимира королевскаго брата — самая меньшая партія приверженцевъ была со стороны Михаила; опасались мести его за смерть отца.

Казимиръ братъ короля услышавъ о Виленскіихъ безпокойствахъ свѣщилъ туда съ двумя тысячами копницы.

Паны Литовскіе дожидались его при Бугѣ и встрѣтили въ Брестѣ, другіе же ожидали его при Нѣменѣ. Князь Михаилъ отправился къ нему съ 500 всадниковъ, они встрѣтили его въ Рудницкомъ лѣсу, гдѣ Михаилъ ставъ на колѣни предъ Казимиромъ признавалъ его Великимъ Княземъ, не объявляя на то никакихъ правъ съ своей стороны; просилъ только чтобы ему дозволено было взять все оставшееся послѣ отца, и ожидать отъ Казимира правосуднаго наказанія виновныхъ въ смерти Великаго Князя. Онъ былъ принятъ очень ласково и отпущенъ съ обѣщаніями; самъ же Казимиръ отправился далѣе окруженный множествомъ Литовскихъ князей, пановъ и въѣхалъ какъ бы съ торжествомъ въ Вильну.

Тамъ встрѣтили его со всѣми почестями: епископъ Виленскій Матїасъ въѣхалъ къ нему за городъ съ Иваномъ Гостыко Кастеляномъ и старостою Виленскимъ и жителями города. Всѣ эти приготовленія и знаки приверженности стремились къ тому, чтобы среди удовольствій непримѣтно склонить его, безъ согласія брата и Поляковъ, на дозволеніе, избрать себя Великимъ Княземъ. Литовцы понимали, что еслибы былъ избранъ Михаилъ Сигизмундовичъ, первымъ бы дѣломъ его было отмстить за смерть отца, и потому они желали

послѣдить избраніемъ Казимира, необ-
ращая вниманія на вооруженную Само-
гитію, которая была на сторонѣ Ми-
хала.

На другой день утромъ, ничего не-
говоря сенаторамъ прѣзавшимъ вмѣстѣ
съ нимъ, они возвели Казимира на Ве-
лико-Княжеское достоинство въ ко-
стелъ св. Станислава. Михаилъ же ни-
сколько не дѣйствовалъ противъ него.
Но лишь только узнали объ этомъ се-
наторы, какъ напали на пановъ Литов-
скихъ и на Казимира съ претензією,
что выборъ и весь обрядъ былъ совер-
шенъ безъ ихъ вѣдома и участія,
и тѣмъ нарушено постановленіе Уніи;
Литовцы оправдывались тѣмъ, что ихъ
принудила къ тому необходимость,
показывая на вооруженныхъ Самоги-
тянъ и приверженцевъ стороны Ми-
хала; послѣ нѣкотораго времени
посланники Польскіе были отправлены
въ Краковъ обратно. Казимиръ же въ
знакъ благодарности къ Литвѣ началъ

учиться языку ихъ, и старался сдѣлать
все что могъ въ пользу ихъ Госу-
дарства.

Вильна была первымъ предметомъ
его попеченій, онъ далъ привилегіи
жителямъ обонхъ исповѣданій въ 1440,
подтвердивъ напередъ прежнія права.

Въ 1441 году подтверждая тоже пра-
во Магдебургское, важную, воровальную
и питейные дома, онъ кромѣ того,
первый далъ городу поля на Лукиш-
кахъ, и съ тѣхъ поръ тамъ началось
строить предмѣстіе и жители его
пользовались тѣми же правами и при-
вилегіями какими и городъ. Это поле
простиралось съ одной стороны отъ
города до рѣки Вилин, съ другой же
отъ Чартовой горы до самаго предмѣ-
стія Лукишки; по привилегіи да-
ной Казимиромъ дозволялось всѣмъ куп-
цамъ Виленскимъ производить торгъ
кожею, шкурами и другими товарами
во всѣхъ Литовскихъ городахъ.

О ПОЭЗИИ ВЕНГЕРСКОЙ.

Между Венграми есть, безспорно,
высокіе поэтическіе таланты; но вооб-
ще въ этомъ народѣ наблюдатель за-
мѣчаетъ недостатокъ поэтическаго ду-
ха, замѣчаетъ тѣмъ съ большимъ со-
жалѣніемъ, что едва ли есть другой
народъ, котораго политическія обстоя-
тельства болѣе бы способствовали ра-
скрытію поэзіи. Исторія Венгріи тѣс-
но соединена съ дѣяніями Аттилы и
Гунновъ: ихъ воинскіе подвиги Венгры

и до сихъ поръ привыкли считать сво-
имъ народнымъ достояніемъ. Въ ны-
нѣшнее ихъ отечество Аттила возвра-
тился побѣдителемъ, и съ той поры на-
родъ цѣлую тысячу лѣтъ боролся со
врагами, испыталъ надъ собою всю
превратность судьбы, отъ блеска про-
свѣщенія и славы сходилъ на самыя
низшія ступени политическаго значенія,
при Могачѣ грозило ему совершенное
уничтоженіе *); но онъ умѣлъ возстать

*) Извлечено изъ Dzien. Wilen.

*) Распри Іоан. Заполья, предводитель-
ствовавшего мелкою шляхтою, и Стеф.
Баторія, державшаго сторону Магнатовъ,

съ предѣло сядою. Славны имена Гу-
нда, Зринь, Дабо, Сонди принадле-
жать единоземцамъ Венгровъ; одна-
коже не много можно насчитать про-
изведеній ихъ поэзія.

Природа надѣлила Венгра духомъ
свободы, благородствомъ, возвышенно-
стію мыслей, мужествомъ, способностію
скоро принимать впечатлѣнія и оста-
навливаться вовемя; онъ расположенъ
къ любви, быстро обнимаетъ предме-
ты, не имѣетъ недостатка ни въ ост-
роуміи ни въ фантазіи, во глубинѣ ду-
ши скрываетъ ему только сродную,
обнаруживающуюся при звукахъ музы-
ки, меланхолю; его языкъ энергиче-
скій, звучный, гибкій, въ словахъ и вы-
раженіяхъ напоминаетъ обитателей пре-
красныхъ странъ востока: но чтожь и
въ позднѣйшія времена потребны были
сильныя дѣйствія извнѣ, чтобы Венгры
могли положить краеугольный камень
восточной народной поэзіи. Эта неиз-
бѣжная нужда во влияніяхъ посторон-
нихъ, этотъ недостатокъ древней на-
родной поэзіи не доказываютъ ли, что
Мадары *) не одарены поэтическимъ
духомъ?

Равнымъ образомъ, Венграмъ не до-
стаетъ единодушія: какъ въ отношеніи
политическомъ, такъ и въ ученомъ не
было предмета, который одушевлялъ
бы всѣхъ ихъ. Исторія свидѣтельствуетъ

облегчили Оттоманамъ завоеваніе Вен-
грии, и Салиманъ отнялъ у малолѣтняго
Людвика II-го Собачъ, Вьлградъ и всю
Сербію. Возмужавши, Людвикъ хотѣлъ
возвратить свои потери; но при Могачъ,
въ 1586 г., все войско его и онъ самъ
были изрублены Турками.

*) Венгровъ въ средніе вѣка называли
Уграми, или Унгарами, Турками и Мад-
жарами или Мадярами. По преданіямъ
Венгерскимъ, Мадары (Magyar) были
одинъ изъ семи народовъ, составлявшихъ
одну державу около Урала. Они-то завое-
вали Далмачію, и сохранили прежній
языкъ.

что Венгры не много наслажда-
лись покоемъ, и мирное время упо-
требляли только на приготовленіе къ
новымъ войнамъ; посему каждый шагъ
ихъ къ нравственному усовершенство-
ванію былъ, можно сказать, добычею
полученною въ битвахъ. Къ несчастію,
она служила только поводомъ къ спо-
рамъ, и какъ сторона побѣжденная въ
войнахъ междоусобныхъ всего чаще
искала помощи внѣшней, то и побуж-
денія къ развитію нравственной жизни
были замѣстованы Венграми отъ чу-
жеземцовъ. Не спорю, что народъ, ко-
торого просвѣщеніе ниже другихъ, мо-
жетъ безъ укоризны пользоваться об-
разованностію народовъ просвѣщеннѣй-
шихъ; но при этомъ необходимо на-
блюдать строгую осмотрительность:
чужое тогда только можетъ принести
пользу, когда оно сродно народу при-
нимающему, приспособлено къ его ду-
ху и потребностямъ, получить націо-
нальный видъ, и такъ сказать, вопло-
тится въ народъ. Ничего этого мы не
видимъ у Венгровъ: все чужеземное у
нихъ не скоро терло свой обликъ, и
потому не удивительно, что ихъ литте-
ратура понесла безчисленныя потери.

Далѣе, приступая къ болѣе спокой-
ному обзорнію судьбы поэзіи Вен-
герской, мы не можемъ освободиться
отъ чувства скорбнаго. Пѣсни, балла-
ды, романсы у другихъ народовъ обы-
кновенно предупреждаютъ исторію, или
лучше служатъ живымъ ея отголо-
скомъ; а у Мадяровъ въ этомъ отно-
шеніи царствуетъ могильная тишина, и
ни одинъ голосъ не прерываетъ ее.
Впрочемъ должно думать, что древніе
Мадары имѣли много прекрасныхъ пѣ-
сень, но онѣ погибли навѣки; даже
около половины XV-го или лучше въ
XVI-мъ вѣкѣ едва можно открыть слѣ-
ды поэзіи народной, если только позво-
лено назвать поэзіею слабыя произве-
денія письменности, уцѣлѣвшія отъ вре-
мени. Мы разумемъ здѣсь религиозную
пѣснь въ честь св. Владислава (короля).

Это без сомнѣнія древнѣйшій и вмѣстѣ единственный памятникъ древней Венгерской поэзи, который всегда будетъ драгоцененъ сердцу каждаго Венгра. Чувство набожности просвѣчиваетъ и въ другихъ пѣсняхъ Венгерскихъ, не исключая и *Csatt* — известной исторической пѣсни на случай завоеванія Венгрии. Пѣснь о подвигахъ св. Стефана *), изданная въ 1484 г. въ Норимбергѣ, должна быть упомянута потому только, что она — первый печатный памятникъ, и до сихъ поръ ее можно слышать во храмахъ.

Не много можно сказать о достоинствахъ рѣмованныхъ хроникъ, явившихся во множествѣ въ 30 годахъ XVI вѣка. Авторъ, какъ говоритъ умный Венгерскій критикъ Кольчей, объ одномъ изъ слагателей хроникъ, не имѣлъ другой цѣли, какъ облечь въ рѣмы газетныхъ новости. Въ нихъ нѣтъ поэтическихъ красотъ, и видно неумѣнье управляться съ техническими терминами. Это рассказъ о происшествiяхъ отечественныхъ и событияхъ у сосѣднихъ народовъ написанный слогомъ болѣе или менѣе растянутымъ. Но и эти слабыя усилiя обнаруживаютъ характеристическое, уже пробуждающееся чувство народности: въ нихъ авторы обращаются къ своимъ соотчичамъ, призывая ихъ къ согласiю и единодушiю, столь нужнымъ въ то время, когда надъ отечествомъ тяготѣли политическiя бѣдствiя.

Рѣмованныхъ хроникъ писалъ болѣе всѣхъ Севастьянъ Тинода, (жившiй въ половинѣ XVI-го вѣка) авторъ вѣснаго защитника Офена (Буды), Валентина Торокъ. Когда патронъ его былъ плѣненъ, сочинителю довелось вырабатывать кусокъ хлѣба съ боль-

шимъ трудомъ, и въ концѣ каждаго произведенiя онъ помѣщалъ жалобы, что долженъ трудиться отъ голоду, и, пища, дуть себя въ кулакъ, чтобы согрѣть окостенѣвшiе пальцы. Полное собранiе его сочиненiй издано въ 1554 г. въ Клаузенбургѣ. Предметъ составляють происшествiя болѣею частью современныхъ; но какъ Тинода излагалъ ихъ со всею точностiю, то его творенiя важнѣе для исторiи, нежели въ отношенiи поэтическомъ.

Съ этой поры горизонтъ поэзи Венгерской начинаетъ проясняться, и, какъ заря — предвѣстница лучшихъ временъ, въ послѣдней половинѣ XVI-го вѣка являютъ графъ Валентинъ Баласса и Иоаннъ Рима. Оба удачно писали пѣсни, дышавшiя любовiю къ отчизнѣ. и въ короткое время оба сдѣлались любимцами своихъ соотчичей. Графъ Баласса болѣе имѣеть чувства, и роскошнѣе въ вымыслахъ фантазiи; а Рима и съ совершеннымъ упованiемъ обращаетъ мысли къ Богу, въ своей поэзи степеннѣе и оборотливѣе. Языкъ обоихъ хотя и носитъ еще печать младенчества; но возвышается надъ всѣмъ, что писано до нихъ по Венгрии.

Съ ихъ времени становится примѣтно благотворное влiанiе просвѣщенiя. Языкъ много выигралъ отъ религиозныхъ споровъ Реформаторовъ съ послѣдователями прежней вѣры; но только со времени графа Никласа Зриньи, родившагося въ 1616 г., т. е. въ годъ смерти Шекспира и Сервантеса, заблiсталъ первый лучъ истинной поэзи. Никласъ Зриньи, внукъ героя Сигетскаго *) и самъ герой, былъ осыпанъ всеми дарами природы. Дѣятельный, богатый

*) Св. Стефанъ ревностно распространилъ въ Венгрии христіанскую вѣру, введенную отцемъ его Гейзою, и преобразовалъ не только духовный, но и политическiй составъ Государства, принявъ въ основанiе тогдашнiя Германскiя учрежденiя.

*) Солиманъ въ 1566 г. напалъ на Венгрію, съ намѣренiемъ совершенно покорить ее своей власти; но мужественная защита Сигета Николаемъ Зриньи остановила успѣхи Оттомановъ, а смерть султана, постигшая его при самомъ взятiи города, спасла Венгрію отъ Турецкаго ига.

фантазію, всіми силами души привязанный къ отечеству, онъ мгновенно воспламенялся любовію ко всему высокому и прекрасному. Впрочемъ замѣтно, что Зриньи съ юныхъ лѣтъ получала склонность къ поэзіи Тасса; она переняла, такъ сказать, въ его существо: почти на каждой страницѣ *Зриняды* невольно воспоминаешь автора Освобожденнаго Иерусалима. Цѣлое, планъ, обороты рѣчи, эпизоды, характеры — все облачаетъ подражателя Тасса, хотя ни сколько не уменьшаетъ достоинства прекрасной поэмы, воспѣвающей героювъ Сигета. При всемъ подражаніи, Зриньи отличался оригинальностью: надъ произведеніями иностранныхъ онъ мужалъ въ силахъ, подчеркивалъ изъ нихъ водушевленіе, чтобы въ области предметовъ отечественныхъ проложить себѣ новый, славный путь. Сколько успѣлъ въ этомъ — показываетъ *Зриняда* (напечатанная первый разъ въ Вьенѣ въ 1561 г.), составляющая, безспорно, лучший памятникъ современнаго духа и языка Венгровъ. Меньшія его пѣсмы, въ томъ числѣ и эротическія, равно обнаруживаютъ искусное перо и еще большую смѣлость въ вымыслахъ. Впрочемъ мѣстами замѣтеть избытокъ фантазіи, и оттого строки, подъ вліяніемъ его написанныя, не всегда удовлетворяютъ требованіямъ образованнаго вкуса. Еслибъ авторъ больше употреблялъ трудовъ и времени на отдѣлку своихъ твореній; то поэзія Венгерская; — нѣтъ сомнѣнія, — не искутила бы затмѣнія. Произведенія Зриньи во все вѣка для всѣхъ поэтовъ Венгерскихъ служила бы путеводною звѣздою къ желанной цѣли, и не были бы такъ скоро забыты при появленіи сочиненій Дьондьоша (*Gyongyosy*). Дьондьошъ образовался по классикамъ Римскимъ, но не имѣлъ способности перенять ихъ духъ, и, строго судя, ничѣмъ не отличается, кромѣ необыкновенной легкости стиха. Онъ постоянно употреблялъ куплеты назван-

Часть VII Гл. III.

ные Зриньскими, потому что Зриньи первый изъ славнѣйшихъ поэтовъ Венгерскихъ ввелъ ихъ во всеобщее употребленіе? Это двенадцатисложныя четверостишія, оканчивающіяся одною рифмою, безъ всякаго другаго размѣра и цезуры. Какъ все достоинство стиховъ этого рода составляетъ рифма; то можно догадаться, отчего Дьондьошу легко было вытѣснить изъ народнаго вниманія Зриньи, и занять его мѣсто. Дьондьошъ избиралъ предметы болѣею частію эпическіе, но мало имѣлъ поэтическаго чувства, еще меньше вкуса, и писалъ растянута: не смотря на то, долго былъ любимымъ народнымъ поэтомъ. 5.)

Къ этому времени принадлежитъ и эпическій поэтъ баронъ Владиславъ Лисчи. Его «Покореніе Могача» безвкусно, 6) подобно произведеніямъ Дьондьоша, еще болѣе отзывается педантизмомъ, и дурно рифмовано.

Поэтъ природы Петръ Беницкій въ 1730 году издалъ хорошія пѣсни; но его далеко превзошелъ Графъ Стефанъ Когари. Рано испытаннымъ несчастіемъ сообщили его поэзіи возвышенность, невольно исторгающую у читателя уваженіе. Оба они подражали Дьондьошу, и оба любили ученость чужеземную. Отъ этого народность приходила болѣе и болѣе въ упадокъ, а въ началѣ прошедшаго вѣка, съ паденіемъ дома Князей Семиградскихъ*), гдѣ языкъ Венгерскій былъ еще въ употребленіи, совершенно исчезла. При томъ, когда въ расприхъ Католиковъ съ иновѣрцами одержали верхъ первые, то въ Венгрію, особенно въ высшій классъ, про-

5. Стихотвореній Дьондьоша издано четыре тома.

6. Это сочиненіе, несмотря на поэтическіе недостатки, считается очень важнымъ въ отношеніи историческомъ, потому что въ немъ много подробностей о кампаніи Могачской. *Лет.*

*) Трансильванійскихъ. *Ред.*

ники чужеземные нравы и языки иностранных, поэзія народная была забыта, и ни кто изъ писателей не возвышался надъ тобою посредственностію, кромѣ одного, всѣми любимаго автора пьесъ, Владислава Амедея Франциска Фалуди, умершаго въ 1779 году. Онъ былъ прекраснымъ, утѣшительнымъ явленіемъ, и мы съ удовольствіемъ посвятимъ ему нѣсколько строкъ. Ни кто прежде его не понималъ въ такой высокой степени жизни Мадаровъ, ихъ языка и потребностей, ни кто не успѣвалъ перенести такъ удачно созданія иностранной литературы на почву отечественную, ни кто не могъ лучше передать идей, на которыхъ должно быть основано образованіе Мадаровъ. Нужно удивляться, какъ онъ въ своемъ *Tünderkört* (очарованный садъ) успѣлъ передать истинно по Венгерски романсъ Gôngögy. Его прозведенія поэтическія отличаются разнообразіемъ содержанія, увлекательною прелестью, чрезвычайною веселостію, языкомъ самымъ изящнымъ; а сочиненія прозаическія, болѣею частію переводы, заслуживаютъ уваженіе по искусному выбору предметовъ, по живописности и чистотѣ языка. Единственнымъ желаніемъ Фалуди было — возбудить дѣятельность въ своихъ соотечественникахъ, и передъ смертію онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что его усилія увѣнчались успѣхомъ; языкъ Венгерскій пробудился отъ долголѣтней летаргіи.

Между тѣмъ, въ 1772 году, при дворѣ Вѣнскомъ образовалась новая школа поэзіи, и хотя путь, ею избранный, не обѣщала большихъ успѣховъ, но языку она принесла значительную пользу. Основателемъ школы былъ Григорій Бессеней. Этотъ юноша съ большими дарованіями, прибывши въ Вѣну, посвятилъ себя изученію литературы по французскимъ авторамъ, бывшимъ тогда въ модѣ. Множество сочиненій Бессенея доказываетъ огромный трудъ, но ему не достаетъ оригинальности. Бессе-

ней первый сталъ употреблять въ большинствѣ познатьъ вмѣсто эринійскихъ куплетовъ, александрійскіе стихи. Нѣтъ сомнѣній, что это ошибка, но онъ изъ золь избралъ меньшее; и сдѣлалъ шагъ къ ниспроверженію скучнаго однообразія и введенію въ стихъ гармоніи. Его примѣръ возбудилъ дѣятельность. Мы упоминаемъ только объ Александрѣ Барони, Авраамѣ Барчаѣ, Графѣ Адѣмѣ Текелин, Баронѣ Орни; неупомянемъ Пецели, и умолчимъ о другихъ, не потому чтобы они меньше оказали заслугъ, но потому что, не смотря на различіе дарованій, всѣ они разделяютъ заблужденіе своей школы т. е. въ нихъ не видно оригинальности. Одинъ только монахъ Павлинскаго ордена Павелъ Аньосъ имѣлъ внутреннее призваніе къ поэзіи, и подъ вліяніемъ грустныхъ воспоминаній о давно-миновавшихся прекрасныхъ временахъ свободы, писалъ пѣсни сладкозвучныя, полныя чувства, возвышавшіяся надъ истию, что имѣютъ Венгры въ родѣ эллинскомъ.

Въ это же время явилась школа Латинская, принявшая за образецъ поэтовъ Римскихъ, и принесшая поэзіи Венгерской пользы гораздо больше.

Послѣдователи этой школы, желая подражать классикамъ, должны были изучать свои образцы, а для перевода ихъ поставлены были въ необходимость узнать всѣ тонкости языка отечественнаго, его глубину и отъяска. Слѣдствіемъ было усовершенствованіе мыслительности и языка Венгерскаго. Такимъ образомъ установилась просодія, образовалась гармонія и точность въ выраженіяхъ, а счастливое переложеніе понятій древнихъ на языкъ отечественный значительно обогатило его.

Кориселами Латинской школы были Бароти Сабó, Райнасъ и Рванъ. Эта школа въ строгомъ смыслѣ, возникла въ Венгріи давно, а называется новою потому, что обратилась къ средствамъ болѣе согласнымъ съ здравымъ смысломъ, и слѣдовательно дѣйствительнымъ.

Бароти Сабó, посвятивший себя преимущественно изучению классиков, настолько фантастической сколько точный и трудолюбивый, основательно знавший свой язык, подарил Венгерскую литературу известным переводом *Virgilievой Энеиды*.

Райнисъ меньше имѣлъ поэтическихъ дарованій, но глубоко зналъ Греческій языкъ. Къ сожалѣнію, по недорности характера, онъ меньше имѣлъ влияния на соотечественниковъ, нежели сколько заслуживалъ.

Ревия не такъ глубоко понималъ красоты классиковъ; но переводилъ лучше. Доказательствомъ служатъ эротическія пѣсни — переводъ авторовъ болѣею частью французскихъ и итальянскихъ. Самый замѣчательный его трудъ — Венгерская грамматика, которой 3-я часть, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается въ рукописи. 7.)

Красою Латинскою школы былъ Венедиктъ Вирагъ, остроумный переводчикъ Горация. Спокойный, умный, совершенно изучившій избранный предметъ, онъ обогатилъ Венгерскую литературу множествомъ сочиненій, точныхъ, и такъ удачно началъ прагматическую исторію своего отечества, что остается только ждуть окончанія ея съ равнымъ успѣхомъ.

На ряду съ Вирагомъ стоитъ Францискъ Казивичъ. Ниже, при описаніи лучшихъ временъ литературы Венгерской, увидимъ, что онъ былъ такъ сказать, духомъ-путеводителемъ во всехъ прекрасныхъ усиліяхъ къ усовершенствованію.

Андрей Дугоничъ проложилъ себѣ новую путь, совершенно независимый отъ школы Латинской и Французской. Про-

7.) Двѣ части изданы подъ названіемъ *Elaboratio Grammatica Hungarica*. 1803. и 1806 года въ 2-хъ томахъ in 8°, въ Пестѣ. Она состоитъ изъ изложенія и самого узаконенія въ языкѣ Венгерск.; грамматикъ.

священнымъ, неутомимымъ труженникъ, онъ имѣлъ одну цѣль, одно желаніе посвятить всѣ силы свои любезному отечеству; хотѣлъ дѣйствовать преимущественно на средній классъ, и успѣлъ въ томъ изданіемъ множества романсовъ, воспѣвающихъ древнія времена Мадировъ. Его ручная книжка о наукахъ Математическихъ показываетъ, какъ владелъ онъ языкомъ въ разныхъ отрасляхъ наукъ. Вообще на сочиненія Дугонича можно смотрѣть какъ на собраніе удачныхъ нововведеній, имѣвшихъ цѣлю обогатить языкъ. Впрочемъ школа Дугонича не долго существовала. Онъ и его последователи, казались, положили себѣ неизбѣжнымъ правиломъ объясняться по народному; но вышло, что, будто бы для поддержанія народности, стали употреблять языкъ площадный, часто писали безъ вкуса потому только, что въ некоторые предметы или фразы носили на себѣ характеръ отечественный. Направленіе столь одностороннее въ новѣйшія времена очевидно должно было скоро кончиться. *)

Кромѣ трехъ сказанныхъ школъ, явилась и четвертая, такъ называемая *новая школа*. Начало ея относится къ первымъ годамъ царствованія Императора Иосифа II-го. Его узаконенія о введеніи Немецкаго языка въ судопроизводство Венгровъ были причиною успѣховъ новой школы. Кто только говорилъ по венгерски, всѣ ополчились на защиту этого языка; кто умѣлъ держать перо, всѣ принялись писать, худо-ли хорошо-ли, лишь бы по венгерски. Газета появлялась за газетою, съ величайшею поспѣшностію издавались переводы съ Французскаго, разсужденія объ отечественномъ языкѣ, учебныя книги, опыты переводовъ. Оссиана и проч. Рвеніе еще болѣе усилилось когда въ 1790 году, въ слѣдствіе востановленія сейма, во всѣхъ училищахъ введенъ былъ

*) Не то же ли и у насъ? Ред.

языкъ Венгерскій, и его звуками огласились кафедры университетскія и академическія. Правда, прокътъ учрежденія товарищества народно-ученаго не состоялся до сихъ поръ; за то образовались мѣлкія товарищества, съ цѣлю поддержать языкъ, и въ томъ же году учреждено товарищество для поддержанія народной сцены. Спустя два года т. е. въ 1792 году основано, съ тою же цѣлю, товарищество названное Семиградскимъ, принято со всеобщими похвалами, и такіе оказало успѣхи, что чрезъ пять лѣтъ насчитывали окомъ 250 драматическихъ пьесъ, переводныхъ и оригинальныхъ. Основатели новой школы воспользовались всеобщимъ воодушевленіемъ, увеличивали число періодическихъ изданій, распространявшихъ ихъ идеи, и употребляли другія средства для той же цѣли. Въ 1781 году, ученый графъ Геденъ Радай первый старался ввести въ Венгерскую поэзію мѣру слоговъ и рѣму, по образцу Нѣмецкой, и столько успѣлъ, что отъ его имени получила названіе поэзія Радаичская. Введеніемъ мѣры и рѣмы во все роды поэзій думали ускорить техническое ея усовершенствованіе, стихъ сдѣлать пріятнѣе, и соединить школы т. е. Латинской дать болѣе гармоніи прибавивъ къ ней рѣму, а Французскую сдѣлать точнѣе введя въ нее размѣръ. Въ этомъ предположеніи Казивичи, вмѣстѣ съ Яномъ Бачини и Бароти Сабо, въ 1778 году, начали издавать Венгерскій музеумъ, первую литературную газету на языкъ Венгерскомъ. Въ ней нерѣдко помѣщались истинно умныя критики и обзорнія сочиненій иностранныхъ. Удачныя опыты этихъ усилій доказали возможность усовершенствованія, новая школа приобрѣла всеобщее уваженіе, множество послѣдователей, и достигла такой высокой степени совершенства, что ни одна школа не могла сравниться съ нею. Къ несчастію, лучшіе члены ея забывши служеніе музамъ, вмѣшались въ

политику, и были причиною, что XVIII-й вѣкъ кончился для поэзій Венгерской безумно и печально.

За то новый вѣкъ насталъ среди надеждъ. Въ 1801 году, Александръ Кашеалуди (род. 1772 года) началъ сильно дѣйствовать на цѣлый народъ. Появленіе въ свѣтъ его сочиненія «Любовь Гимеры» произвело такое движеніе въ умахъ, какого дотоле не производила ни одна книга. Независимый ни отъ кого, не подражая ни одному образцу, онъ умѣлъ открыть что каждая школа имѣетъ лучшаго, и все это соединилъ въ одно прекрасное цѣлое. Оно было принято съ безусловными, неподдѣльными похвалами. Кто только зналъ по Венгерски, тотъ конечно читалъ его; а кто читалъ, тотъ не могъ забыть о немъ. Въ 1807 году напечатана 2-я часть, и была принята съ равнымъ жаромъ. Содержаніе обихъ частей составляетъ исторія любви поэта; въ первой описываются неудачи, во второй воспѣваются минуты счастья. Нужно удивляться, какъ предмету, о которомъ по крайней мѣрѣ сто тысячъ разъ писали поэты всѣхъ народовъ, неисчерпаемая фантазія Кашеалуди умѣла придать такую прелесть новостя, что развѣ одинъ Петрарка можетъ равняться съ нимъ. Въ томъ же году онъ издалъ томъ повѣстей, подъ заглавіемъ *Regék*, почерпнутыхъ изъ древнихъ преданій. Въ нихъ-то поэты разнилъ чудную прелесть, охарактеризованію которой ничто не можетъ противиться. Ни одно воспоминаніе объ иностранныхъ твореніяхъ не мѣшаетъ наслажденію читателя, и, если въ пѣсняхъ Кашеалуди нѣкоторыя мѣста приводили на мысль что-то знакомое, то въ повѣстяхъ его все прямо-народное, Венгерское. Можно быть увѣреннымъ, что это прекрасное твореніе не потеряетъ своего достоинства, пока будетъ биться Венгерское сердце, пока будетъ существовать на землѣ языкъ Венгерскій. Послѣ, Кашеалуди пробо-

валъ перо въ родѣ драматическомъ; но успѣхъ не соответствовалъ ожиданіямъ. Напримеръ въ Гувіадѣ характеръ благородный и хорошо выдержанъ, языкъ чистый; но въ цѣломъ, какъ и въ другихъ его драматическихъ произведеніяхъ, мало интереса, слишкомъ много лирическихъ эпизодовъ, планъ, больше чѣмъ нужно, эпическій. Тоже можно сказать объ эпическо-лирическомъ сочиненіи, напечатанномъ въ 1825 году, подъ заглавіемъ «Любовныя приключенія Юліи.» Множество истинно-поэтическихъ достоинствъ не мѣшаетъ ему быть растянутымъ и не сообщаетъ той прелести, какой отличаются новыя творенія Кипшалуди.

Теперь скажемъ о другихъ замѣчательнѣйшихъ поэтахъ той же школы.

Францискъ Вершеди (родился 1757, умеръ 1822 года) не родился гениемъ, но обладалъ необыкновеннымъ даромъ перенимать иностранное, и изучать избранный предметъ. Нѣкоторыя пѣсни его превзошли ожиданія, а въ искусствѣ сочетанія рیمовъ онъ всегда превосходенъ. Сатиры Вершеди писалъ также удачно; но всего больше прославились трудами филологическими: его Венгерская грамматика, изданная подъ заглавіемъ: *Analyticae institutiones linguae Hungaricae. Budae. 1816 — 1818* въ четырехъ томахъ, in 8° 8) хотя не имѣетъ такого критическаго взгляда, какъ грамматика Реван, но въ ней видно благотворное вліяніе неутомимыхъ усилій на исправленіе, обогащеніе и распространеніе языка.

Однимъ изъ обильнѣйшихъ поэтовъ этой школы былъ Чоканан Витезь. Ему нельзя отказать въ счастливыхъ способностяхъ; но онъ слишкомъ долго жилъ въ низшемъ классѣ людей, и поздно выбрался на прямой путь. Отъ того сочиненія его отзываются посредственностію, а иногда не имѣютъ ни

8) Это уже вторая его грамматика: первая написана по-Немецки, и издана въ 1805 году въ Пестѣ.

малѣйшаго достоинства. Страсть блистать красотой стиховъ часто ставитъ его въ разладъ съ мыслию, а желаніе испытать силы во всѣхъ родахъ поэзіи растратило его даръ безъ пользы. Кажется, онъ рожденъ для поэзіи народной; это доказываетъ шуточно-героическая поэма *Dorottya*. Въ ней много остроумія, древніе характеры схвачены мастерскою кистию; но часто попадаются выраженія плоскія и даже оскорбляющія нравственность.

Гавриилъ Дайка (родился 1768, умеръ 1796 года) жилъ въ XVIII-мъ, но долженъ быть отнесенъ къ XIX-мъ вѣку, потому что собраніе его сочиненій явилось въ 1813 году. Первоначально онъ принадлежалъ къ школѣ Французской; но, подъ вліяніемъ вкуса Казинчи, принялъ механизмъ стиха Радавческаго; и такъ его усовершенствовалъ, что, по всей справедливости, долженъ быть помѣщенъ въ числѣ лучшихъ Венгерскихъ лириковъ. Его поэзія имѣетъ основу всегда элегическую, а пѣсни увлекательны; жаль только, что нѣ всегда хорошо обработаны.

Когда упомянутые и другіе визшаго достоинства поэты оказывали успѣхи, каждый въ избранномъ для себя родѣ, Францискъ Казинчи, принимавшій дѣятельное участіе въ каждой школѣ, но не принадлежавшій собственно ни къ одной, старался исподволь выполнить планъ давно задуманный — произвести всеобщую реформу въ языкѣ отечественномъ. Сосѣдство Венгровъ съ Татарами, ихъ положеніе среди народовъ Славянскихъ, каждодневное столкновеніе съ Нѣмцами, и введеніе языка Латинскаго, необходимо имѣли вліяніе на ихъ языкъ, хотя въ основныхъ правилахъ онъ остался неприкосновеннымъ. Казинчи предположилъ устранить все чужеземное, что только могло грозить языку отечественному, и принять одни отдѣльныя слова иностранныя, и то только въ крайней нуждѣ, а цѣлыя фразы непременно вытѣснить изъ

употребленія; придавши языку прелести, обогативши его введеніемъ новыхъ необходимыхъ словъ, постоянно усовершенить, образовать для всѣхъ наукъ и для выраженія всѣхъ предметовъ, короче: облагородить, возвысить и сдѣлать соответственнымъ современному Европейскому просвѣщенію. Предшественники, не зная плана нашего реформатора, содѣйствовали его труду, особенно Баротти Сабо и Дугоничъ, обогатившіе языкъ выраженіями, совершенно согласными съ его гениемъ. Между Реваемъ и Вершеди открылась упорная война о разныхъ сомнительныхъ грамматическихъ пунктахъ. Къ нимъ тотчасъ пристали викола Дебречинская и товарищество Семиградское. Обѣ стороны съ такою горячію защищали свои мнѣнія, что это ускорило смерть ученѣйшаго изъ спорщиковъ — Реваа (1807 года), а Вершеди на всю жизнь сохранилъ воспоминанія неудовольствій, испытанныхъ въ спорахъ. Эта революція чрезвычайно тѣшила Казинчи, потому что она всего лучше содѣйствовала успѣху его плана. Вѣрный своимъ намѣреніямъ, и желая обратить на себя вниманіе, Казинчи издалъ въ 1808 и 1810 году переводы съ Французскаго, а въ 1814 году написалъ ядовитую сатиру, въ которой осмѣялъ недостатки Венгерской литературы и литераторовъ; въ томъ же году напечаталъ собраніе эпиграмъ, подъ заглавіемъ *Терніе и цвѣты* — продолженіе сатиры, только еще злѣе. Нѣсколько времени все оставалось въ покоѣ, какъ въ 1813 году, Казинчи выступилъ на сцену съ своими неологическими и ксенологическими правилами. Тутъ началась открытая война. Поводомъ былъ самый черный пасквиль на Казинчи и его послѣдователей. Всѣ Венгры раздѣлились на двѣ партіи; остроумѣйшій изъ критиковъ — Кольчей сталъ подъ знамя Казинчи. Впрочемъ сей послѣдній не принималъ горячо къ сердцу оскорбленій; всегда

бывъ въ виду свою цѣль, спокойно печаталъ переводы съ разныхъ языковъ; и въ 10 томахъ вновь изданныхъ, помѣстивъ предметы самыя разнородныя, чтобы доказать, какъ разбогатѣлъ языкъ Венгерскій. Но намѣренія Казинчи не были понаты; напротивъ, на все, что онъ предпринималъ къ возвышенію своего народа, смотрѣли какъ на дѣйствія враждебныя народности. Тысячи голосовъ загремѣли ему обвиненіе, въ школахъ распалли умы, на сеймахъ народныхъ вездѣ бранили Казинчи, и такимъ образомъ частное дѣло поэзіи сдѣлало дѣломъ цѣлаго народа. Когда односторонній фанатизмъ успѣлъ огласить нововодителей (такъ называли Казинчи и его послѣдователей) антипатріотами и даже измѣнниками; то Казинчи замолчалъ и сошелъ съ поприща. Буря еще нѣсколько времени бушевала, потомъ мало по малу утихла и, — что всего удивительнѣе, — спустя немного больше десяти лѣтъ, всѣ идеи и проекты Казинчи всѣми были приняты, кромѣ того, что въ самомъ дѣлѣ было лишнее. Начальники школъ, молча, приняли реформу и, кажется, для нея соединились между собою.

Для поэзіи Венгерской заблестало новое свѣтло въ Альманахъ *Avvoga*, изданномъ въ 1822 году Карломъ Кишфалуди. Въ томъ же духѣ начали выходить періодическія изданія: *Műveltség* — въ 1825, *Elet és literatura* (жизнь и литература) — въ 1826. *Tudományos Gyűjtemény* (свѣдѣнія по части наукъ) въ 1816 году. Предшественникомъ и какъ бы путеводителемъ ихъ было періодическое изданіе *Музей Семиградскій*. Съ 1814 по 1818 годъ его вышло 10 томовъ.

Изъ поэтовъ новѣйшихъ мы обратимъ вниманіе только на тѣхъ, которымъ принадлежитъ пальма первенства, или, по крайней мѣрѣ, которые дали своимъ талантамъ направленіе первичное. Объ остальныхъ умоляемъ, потому что они еще только стремятся, съ похвалъ

ннѣя рѣшеніемъ, къ совершенству. *)

Прежде всего скажемъ о Францискѣ Казинчи (родился въ 1759 году). Его литературные труды доставили ему первое мѣсто между прежними и современными Венгерскими писателями. Онъ сдѣлалъ въ древнихъ и новѣйшихъ языкахъ, имѣеть большія дарованія, вкусъ образованный, и отличается дѣятельностью удивительною. Что только съ 1788 года было предпринимаемо для усовершенствованія языка и литературы, онъ во всемъ принималъ дѣятельное участіе. Начиная съ Венгерскаго мюзеума до новѣйшихъ периодическихъ изданій, въ каждомъ можно указать на произведенія пера Казинчи, какъ на лучшія статьи. И стихи и проза его имѣютъ высокія достоинства.

За Казинчи слѣдуетъ Іоаннъ Книшъ (родился 1770 года). Правда, онъ не имѣеть блистательныхъ дарованій, зато не имѣеть и претензіи на нихъ. Къ чести Книша, должно сказать, что, трудясь въ скромной тишинѣ, онъ всю свою дѣятельность посвящаетъ распространенію между соотечественниками полезныхъ знаній. Его слогу во цѣлѣтистый, иногда даже растянутый, но всегда чистый и правильный. Вѣрнѣе Книша на преслѣдствіе народныхъ водвореніемъ удачный выборъ предметовъ и высокое нравственное чувство.

Даніель Берженьи (родился 1776 год) стоитъ въ ряду лучшихъ поэтовъ (нѣкоторыми правнѣе даже первымъ), и отличается прекрасною способностью къ поэміи лирической. 9) Въ одѣхъ своихъ онъ разнѣлъ такую прелесть, начерталъ столь разнородные образы, дослѣлъ языкъ до такой степени совершенства, что онъ не уступаетъ лучшему одѣхъ Горациа. Не въ похвалу ихъ можно сказать развѣ то, что очень

*) Писано въ 1830 году.

9) Стихотвореній Берженьи напечатаны три тома въ Пестѣ, въ 1813 году. Лучшимъ считается посланіе къ Эрнестинѣ.

часто напоминаютъ о Горациа и Нѣмедкомъ поэтѣ Маттисонѣ. Долгъ справедливости требуетъ также замѣтить, что Берженьи написали много стиховъ недостойныхъ его пера, испещренныхъ низкими выраженіями.

Гавриль Добрентей (родился 1786 года) — трудолюбивый, оригинальный поэтъ, 10) и вмѣстѣ искусный, неутомимый переводчикъ Шекспирова Макбета, Мольерова Скраги и Вины Мюльнера.

Андрей Фай (родился 1790 года) отличается остроуміемъ, быстротою идей, умѣемъ схватить смѣшную сторону предмета, и въ этомъ отношеніи можетъ похвалиться первымъ и единственнымъ юмористическимъ писателемъ у Венгровъ.

Францискъ Кольчей (родился 1790 года), о которомъ упомянуто выше, рѣшительно принадлежитъ къ элегистамъ. Онъ съ успѣхомъ старался ввести въ Венгерскую поэзію баллады, но больше заслуживаетъ похвалы, какъ критикъ: его рецензіи сдѣлали бычесть каждой литературѣ. Статьи помѣщенная въ *Elet es litera'ura* (въ 1826 году), о *развитіи поэзіи вообще, и въ частности Венгерской* безспорно лучше всего, что писано объ этомъ предметѣ.

Табель Семере (родился 1783 года), первый Венгерскій сочинитель советовъ, — прославился переводомъ Кернеровой трагедіи *Зрихи*.

Михайль Витковичъ (родился 1778 года) пишетъ по Венгерски и на природномъ языкѣ Сербскомъ остроумно, плавно, и лучше всѣхъ владѣеть языкомъ народныхъ 11).

Андрей Хорватъ (родился 1778 года), Григорій Цуцоръ и Михайль Воросмарти (оба родились 1800 года) съ

10) Собраніе сочиненій, написанныхъ имъ въ ранней молодости, напечатано на счетъ Венгерскаго общества въ Ольденбургѣ, въ 1804 году.

11) Его сочиненія въ прозѣ и стихахъ изданы въ 1817 году въ Пестѣ, подъ заглавіемъ: *Mesuc es Versei*,

большимъ успѣхомъ занимаются эпопеею. Главное сочиненіе перваго — большая народно-героическая поэма *Арпадь*, досель неконченная, — известна только по отрывкамъ, и потому мы не можемъ опредѣлить, сколько Хорвата превзошелъ Цудора и Воросмарти Цудоръ показалъ опытъ своихъ дарованій; мы говоримъ показалъ опытъ, потому что высокое о немъ мнѣніе основывается еще на надеждахъ и на соображеніи, что лучшія его произведенія тѣ, которыя написаны послѣ Воросмарти въ поэмахъ героическихъ превзошелъ не только Цудора и Хорвата, но и всѣхъ Венгерскихъ писателей, и тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленія, чѣмъ неоспоримѣе кажется истина, что вѣка соврѣменные не могутъ быть вѣками эпопей. Здѣсь долгомъ считаемъ припомнить, что древнія Венгерскія пѣсни и поэтическія, преданія давно погибли; посему Воросмарти, создавшій самъ все, что помѣстилъ въ своихъ сочиненіяхъ, является въ прекрасномъ свѣтѣ. Его оригинальность и изобрѣтательность говорятъ въ его пользу болѣе, нежели подробное исчисленіе личныя достоинства. Лучшая его поэма — *Zalan*, воспѣвающая покореніе Венгріи Арпадомъ 12).

Въ заключеніе упомянемъ о Карлѣ Кицфалуди (родился 1790 года). Это первый у Венгровъ драматургъ, достойный своего брата, о которомъ сказано выше. Кроме способностей, онъ имѣетъ то преимущество надъ многими авторами, что многое узналъ на опытѣ, и, вдали отъ милого отечества, двѣнадцать лѣтъ испытывалъ непостоянство судьбы. Въ драмахъ его — неисчерпаемая фантазія, правильность чувства и гармоническое теченіе рѣчи; предметъ исполненъ жизни, развязка

12) Арпадь былъ сынъ Альма, приведшаго Угровъ въ Паннонію. Ему досталась половина покоренной земли, остальную раздѣлили между собою другіе предводители съ своими дружинами.

сильно интересуется, языкъ легкій и плавный; къ этому нужно прибавить необыкновенную способность схватывать черты характеровъ дѣйствующихъ лицъ, и умѣнье высказать, что мыслить и чувствуетъ 13). Впрочемъ все сказанное относится къ сочиненіямъ написаннымъ въ послѣднее время; творенія прежнія имѣютъ свои достоинства, но много и недостатковъ.

Изложивъ такимъ образомъ судьбу изящной литературы Венгерской, видимъ много печальныхъ, но еще болѣе утѣшительныхъ явленій. О печальныхъ довольно сказано въ началѣ статьи; за то пріятно окончить ее изображеніемъ счастливыхъ веремѣнь. Если мы увидимъ упадокъ Мадаровъ, увидимъ, какъ долго они не могли пробудиться отъ летаргіи, и въ наукахъ отстали отъ прочихъ Европейцевъ; то съ другой стороны замѣчаемъ, съ какими усилиями, пробудившись отъ сна, старались восполнить свои недостатки; если первоначально и колебались въ избраніи истиннаго пути къ совершенству, то послѣ умѣли воспользоваться сочиненіями иностранцами, и дали своему образованію направленіе народное. Съ радостію признаемъ, что Венгры, разъ выбравшись на прямой путь, въ продолженіе 50 лѣтъ успѣли такъ возвысить свою литературу, умѣли создать ее на такихъ прочныхъ основаніяхъ, что уже нельзя за нее бояться.

Остается желать, чтобы благая надежда на будущее не уснула дѣятельности Мадаровъ, поощрила къ новымъ успѣхамъ, опровергла клевету, будто порывъ Мадяра можно сравнить съ огнемъ разведеннымъ соломой, который скоро разгарается, но скоро и тухнетъ, наконецъ чтобы сохраняла ихъ отъ недостатка въ согласіи и единодушіи.

И. БОР — СКІЙ.

13) Изъ его драммъ необыкновенный успѣхъ имѣла *A Tatarok*.

БИБЛИОТЕКА

ПЗВРАЩЕННЫХЪ ОЧИЩЕНІЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ М. Лермонтова.
Слб. 1840.

(ПИСЬМО КЪ АВТОРУ).

Имѣеть ли образъ мыслей нашихъ вліяніе на наши дѣйствія, стремленія, горести, радости—на всю нашу жизнь? Безъ сомнѣнія, нашъ образъ мыслей производитъ владычное вліяніе на все наше. Но если образъ мыслей нашихъ ошибоченъ, ложенъ, тогда и всѣ наши стремленія, всѣ дѣла, вся наша жизнь, непременно ошибочны, ложны и мы—страдаемъ. Образъ мыслей—это наша философія: у cadaго своя. Истинная философія—одна: ей должны подчиняться всѣ частныя философіи, Ивана, Кузьмы, Данилы, Терентія, если Иванъ, Кузьма, Давило не хотятъ опіакивать горькихъ слезъ своей ложной философіи, т. е. ложнаго, своевольнаго образа мыслей.

Страданія, несчастія, бѣды, неудачи нашей жизни—это горы, овраги, камни, которые Промыслъ Божій ставить на ложныхъ путяхъ нашихъ; ими онъ *отводитъ*, мѣшаетъ намъ продолжать ходъ по ложной дорогѣ, и мало по малу наводитъ на дорогу прямую или близкую къ прямой. А мы что дѣлаемъ?—Въ пылу геро-

изма бросаемся на гору; тамъ изрѣжемся, исколемся, измучимся, хватаемся за всякую хворостинку, первая изъ нихъ намъ измѣняетъ и мы—стремглавъ летимъ въ пропасть. Или одушевляемые *молодечествомъ*, встрѣта непроходимый оврагъ, самоувѣренно съ разбѣга хотимъ перепрыгнуть его; смотришь—бѣдняга лежитъ на днѣ съ разбитой головой. Или встрѣта поперекъ дорогѣ камень мѣшающій провзду всего кортежа нашихъ замысловъ, сознаемъ въ себѣ силы Атланта,—«давай, схватимъ камень въ охапку сбросимъ за девять земель!»—и въ изнеможеніи отъ безплодныхъ усилій падаемъ, изрыгая проклятія на камень.

Что ни говорите, а такой героизмъ—смѣшное, такое молодечество безразсудно! а если вспомнимъ, чья отеческая рука ставитъ преграды на путяхъ погибели, именно желалъ снасти отъ нихъ, если вспомнимъ, противъ кого мы геройствуемъ, молодечествуемъ: то наше геройство, молодечество будутъ уже преступны! Но не въ такомъ ли героизмъ и молодечествѣ проходитъ вся наша жизнь? Оглянемся кругомъ себя. И почему все это? потому что намъ такъ *кажется*, мы такъ *думаемъ*; всему злу вина—образъ мыслей, философія! Сколько ни горячись мы, какъ

ни бейся, сколько ни увертывайся, а надо согласиться, что первая обязанность каждого — быть *умным* т. е. *уметь* судить о вещах здраво, изучать истинный порядок вещей; — и быть еще *разумным* т. е. жить во свете разума вечного. Тогда образ мыслей наших (философия) будет *вѣрный*, поступки наши — *вѣрны*, жизнь — *вѣрная*, *свѣтлая*, и мы — счастливы. «*Вѣкъ жизни, вѣкъ учия!*» Дьяло чрезвычайно просто. Отчего же не так дѣлается?—Это очень любопытно.

Есть на свѣтъ животное, изъ рода домашнихъ скотовъ, его зовутъ: *А*. Удивительная, ужасная тварь этотъ господинъ *А*. Какъ жаль: ни Беръ, ни Брандъ, ни Куторга, не потрудятся порядкомъ разанатомировать, рассмотреть его въ микроскопъ! представьте себѣ инфузорій, презрѣнный прахъ, чуть чуть замѣтный зоркому глазу, вооруженному «солнечнымъ» микроскопомъ, — этотъ инфузорій всей землей воронаетъ, и такіа штука куралѣситъ, такіа страшная, деннонощная опустошенія производитъ повсюду, что удивительно, какъ цѣлая рать досужихъ охотниковъ, до сихъ поръ не опомчится на этого лютаго звѣря, и не затравитъ его какъ зайца.

Но пока гг. физиологи ополчатся на него своими пинцетами и ланцетами, и ретивѣйшіе изъ охотниковъ вселенной — ополчатся на него вилами и сѣкирами, я охотно предложу, для желающихъ, краткое описаніе этого ужаснаго, опустошительнаго инфузорія, сдѣланное однимъ очень немудрымъ неучемъ, который во всю свою жизнь только и дѣлалъ, что наблюдалъ его. Фамили не помню.

«Это животное, — говоритъ онъ, — нельзя назвать духомъ, потому что въ немъ вовсе нѣтъ разума, а пропасть ума. Нельзя назвать его и веществомъ, несмотря что у него есть тѣло; *А* ироникаетъ все тѣло, властвуетъ въ немъ, непобѣдимо въ немъ, окопалось имъ

какъ неприступными окопами; его нельзя добыть не разрушивъ тѣла, нельзя лыжить его оттуда иначе какъ смертью, но можно усмирить его блокадой, можно крѣпко стѣснить его тѣсною осадой — на штурмъ не советую ходить, не сдастся; нѣтъ, довольно, осадить, неуспѣшно стеречь все выходы, крѣпко стоять противъ всехъ вылазокъ; а его вылазки ужасны, зѣвскіа злобны, ежемидутны . . . на *А* обратныйъ трусъ: чуть видить, что вы тутъ, что вы не спите, что мечъ вашъ обнаженъ — сейчасъ же и назадъ! голодомъ, только голодомъ морить его; до смерти боится! чѣмъ онъ голоднѣе, тѣмъ полезнѣе, мало по малу онъ присмириваетъ; подчасъ прикинется даже мертвымъ — лукавый! . . . не вѣрьте, не прекращайте вашего строгаго надзора за нимъ! Но доведя его до состоянія «ручнаго» животнаго, до послушности, домашняго скота, можно извлечь изъ него большія житейскія прользы. Этотъ *А* ужасно силенъ, ужасно гибокъ, свѣтлицъ — въ все руки! Съ нимъ чудеса можно дѣлать; только надо держать въ скомыни рукавицахъ. Ко всему этому еще онъ страшный ласникъ; такой сиреной запоетъ вамъ, такимъ добренькимъ прикинется, такъ васъ разжалобитъ . . . только слушайте! беда! Закончатъ уши *разбившимъ* мушкетеромъ (молоткомъ) проварите густой смолой, или доброю замазкой зашьте!

«Вы узнаете его по слѣдующимъ признакамъ:

«Начать съ того, что онъ ужасный воръ. Крадетъ все на свѣтъ, все чужое, если можетъ, присвоиваетъ себѣ. Это его отличительное качество, родоначальникъ всехъ безчисленныхъ его погубельныхъ пороковъ. Онъ крадетъ чужую жену, чужое доброе имя, славу, открытіе, статью — все, все на свѣтъ, что только чужое, ему ужасно хочется *присвоить* себѣ, во что бы ни стало; все пропадай, только бы ему было хорошо! Но этого мало. *А*

выходить на сцену жизни: добивается на смерть курений, поклонений, самага рабскаго служенія: все подавай ему на жертву! Гдѣ только вы слышите клики свободы, свободы, вольности, — знайте, это оно — *Я*! Одно слово *Закона* приводит его въ бшенство. Онъ самъ хочетъ предписывать всему законы, сегодня такъ, завтра иначе, смотря потому что для него лучше.

«Сознвая себя чѣмъ-то великимъ, оно ищетъ блеска, славы, грома торжества. Геройство, молодечество, удалство, выскочка, отличие — вотъ его поприще, пища, услада: «смотрите каковъ *Я*! — знайте меня!» кричитъ оно, подбоченясь, и высокомерно озираясь вокругъ себя. Стать головой выше всѣхъ, гдѣ бы ни было, какъ бы ни было — ему все равно, только бы стать. Оно нитается всѣмъ, вездѣ находить себѣ пишу. Въ кулачковой бою и въ литературѣ, въ презрѣннй богатствѣ и въ скопленнй богатствъ: всѣхъ видовъ и родовъ, въ лохмотьяхъ нищаго и въ разряженной шеголихѣ, въ игрѣ въ фанки и въ волантикѣ, съ Диогеномъ въ бочкѣ и съ Алкивиадомъ въ кругу прѣмстницъ — *Я* первый, *Я* всѣхъ выше, все мое, и все — мнѣ!»

«Въ тоже время, разумѣется, этотъ *Я* — сама зависть! до того, что такой же ломоть чорнаго хлѣба въ чужой рукѣ ему кажется и бѣлье, и слаще и толще. Онъ *гордъ*, надуть собой какъ пустой пузырь воздухомъ; *золь* какъ васцадскъ; но зная оцень хоропо, что люди презируютъ *зисую* зависть, гордость и злость, *Я* вслѣдкомъ ихъ прѣчетъ: и вы всегда услышите: «согласень, *Я* многого не знаю, во мнѣ есть много недостатковъ, но за то *Я* не *зависчивъ*, не *золь*, не *гордъ*!» Гдѣ это говорятъ, тамъ то и ищите всего такаго, хотя бы даже въ самихъ себѣ: нужды нѣтъ.

«Этотъ *Я* самолюбивъ какъ чортъ,

отъ котораго и напутствуется демонскимъ самолюбиемъ. Онъ все любитъ лишь для себя: жену, друга, службу, удовольствіе, литературу! Нѣтъ вещей, существъ, которыхъ бы *Я* пощадилъ и не приносилъ въ жертву своему самолюбию.

«Этотъ *Я* — прѣлвнвное животное! Всякой трудъ — его въ ужасъ приводить! но поманите отличіемъ, геройствомъ, молодечествомъ — онъ готовъ себѣ двадцать разъ шею сломить, вынести сорокъ чахотокъ, задохнуться въ трехъ дюймовомъ корсетѣ, только бы другіе сказали: «ахъ!» Но сколько онъ лѣнивъ на безкорыстный трудъ, сколько же неутомимъ на ловлѣ удовольствій, ненасытенъ къ наслажденіямъ; тутъ онъ не разбираетъ средствъ: только бы забавляло, только бы шумѣло въ ухахъ, играло въ глазахъ, да безпрестанно перемѣнялось: «новаго! новенькаго! животрепещаго свѣжестью!» рѣзня, ссора, драка, сплетня, клевета, интрига — все ему по вкусу, самыя грязныя, ужасныя, *редирительныя* сдѣланы, — были бы только «новенькія»: о, онъ во всемъ найдетъ поэзію, все проглотитъ съ жадностью, все обгложетъ до костей.

«А какой лжець этотъ *Я*! что стунить, то солжетъ, случавитъ, притворится, обманетъ, сольститъ, оболститъ. Да какъ же иначе и быть ему: сказать правду, значило бы показать себя каковъ онъ есть т. е. ужаснуть собой. За то и «правда» колетъ его какъ стальной спицей, встъ какъ дымъ, терзаетъ какъ тупая нила; правду онъ до смерти ненавидитъ: попробуйте коснуться хоть лебазнымъ перышкомъ правды до его самолюбія: увидите — какой неистовый водыметъ ревъ! Довольно одного этого: мы уже предвидимъ въ немъ скопище всѣхъ возможныхъ страстей, неистовствъ, бшенваній. Напримвръ...»

Преображаю выписки: ихъ много еще *осталось*, — въ другое время докончу:

теперь съ насъ будетъ и этого. Какое страшное чудовище! въ какомъ неприступномъ мракѣ оно гнѣздится! Какое дикое, злое, гнусное, величавое, блистательное, любезное, льбивое и неутомимое, злое и ласковое, гордое и льстивое, — о, ненавистное!

— Да кто же оно, кто этотъ ненавистный *Я*?

— Это: я, ты, онъ, она, оно, мы, вы, они, онъ!

— Боже мой! какъ это можно!

— Да точно такъ! — присмотритесь, ослажите хорошенько, по возможности безъ самолюбія. «Кивните не на Петра а на себя!» — и вы увидите.

Съ этимъ-го чудовищемъ мы родимся, проводимъ цѣлую жизнь, и развѣ смерть убьетъ его... но много и такихъ несчастныхъ, которые, добровольно бывъ за одно съ нимъ при жизни, совершенно преобразуются въ него по смерти: и уже ни какое могущество не спасетъ ихъ отъ вѣчнаго страданія.

Много есть въ человѣкѣ прекраснаго, божественнаго: все это Божій даръ — не наше, хотя *Я* и то присвоиваетъ себѣ, и какъ тарантулъ отравляетъ своимъ ядомъ все къ чему ни прикоснется. Все прекрасное въ человѣкѣ, все чѣмъ украшается жизнь, исторія, все это свисходитъ свыше тройственной силою добра, истины и любви. Борьба свирѣпаго *Я* съ ними наполняетъ всѣ минуты жизни, всѣ страницы исторіи человечества. Въ каждое столѣтіе, эта борьба склоняется то на ту, то на другую сторону; такъ будетъ продолжаться до совершенной победы добра надъ зломъ. Наше столѣтіе исключительно склонилось на сторону *Я*: посмотрите на необъятные разливы его въ себѣ и кругомъ васъ во всемъ. Это преобладаніе *Я* особенно выразилось въ литературѣ XIX вѣка и убило поэзію повсемѣстно. Поэзіи нѣтъ! а какъ и мы считаемъ за честь и долгъ подражать

своимъ наставникамъ, то и — у насъ. Но у насъ это — наносное, привитое, вовсе несродное кореннымъ элементамъ нашей народности, такъ дивно сохраненной промысломъ въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія.

Передъ нами «стихотворенія М. Ю. Лермонтова.» Это замѣчательный стихотворецъ, очень и очень не последний, можетъ быть первый изъ нынѣшнихъ «стихотворцевъ.» Стихъ славный, стальной: онъ и гнется и упругъ и звучитъ, и блеститъ отраженіемъ мысли. Но отличительное достоинство этого стиха, — которымъ онъ едва ли не превосходитъ всѣ русскіе стихи: — въ немъ столько словъ, сколько нужно ихъ для полнаго и яснаго выраженія мысли. Стихотворецъ нажета и не думаетъ о рѣимѣ, не разжижаетъ для полнаго счета стопъ своего стиха вставными ненужными словами. Если совершенный стихъ долженъ въ чтеніи сохранять всю естественность и свободу прозы — а это дѣйствительно такъ — то стихъ Лермонтова очень близокъ къ совершенству.

Другое достоинство этого стиха — чистота, скупость на риторическіе орнаменты, даже иногда бѣдность ихъ. Онъ совершенно противоположенъ стиху Бенедиктова увѣренному метафорическими серьгами, браслетами, терновками, гдѣ брильянтовыми, а гдѣ, и большею частью, стразовыми, оттого что въ нихъ, иногда, за цѣптіемъ мысли, могушей играть и отражаться въ троическихъ граняхъ стиха, — «вода», простая стеклянная вода! Стихъ Бенедиктова — дѣвочка: сформируется, довоспитается, образуется — будетъ хорошенькая. Стихъ Лермонтова — мальчикъ, рослый, плечистый, себѣ на умъ. Рѣдко онъ рѣвится, еще рѣжъ онъ играетъ теми миленькими пустячками, въ которыхъ многіе находятъ поэзію поэзіи.

— А когда такъ, то чего жъ еще требовать, Россія можетъ гордиться отличнымъ поэтомъ? . . .

— «Впредь утро похваляю, какъ вечеръ ужъ наступить!» Одного захвалили наповаль, побережемъ хоть тѣхъ, которые цѣлы еще. Послушайте умный поэтъ! пока стихи ваши были въ вашей портфель, они были неприкосновенны для критики. Вы ихъ пустили въ свѣтъ, — не угодно ли вамъ стать поотдаля, и вмѣстѣ съ нами посмотреть на нихъ глазомъ посторонняго. Это, право, стоить труда.

Стихъ мы видѣли; сохраните его на всегда такимъ: и — на первой же выставкѣ покажемъ его всей Европѣ. Теперь, посмотрите что въ этомъ стихѣ содержится: его *мысль, содержаніе*, — его душу.

Въ книжкѣ 168 страницъ и 27 статей. Не бросаюсь въ крайности, придерживаюсь середины, прочтемте XVI статью:

Журналистъ, читатель и писатель.

(Комната писателя; опущенныя шторы. Онъ сидитъ въ большомъ креслѣхъ передъ каминомъ. Читатель, съ сигарой, стоитъ спиной къ камину. Журналистъ входитъ.)

Журналистъ.

Я очень радъ, что вы больны: въ заботахъ жизни, въ шумѣ свѣта Терлеть скоро умъ поэта Свои божественные сны *).

*) Видите, всему злу причина эти журналисты. Вмѣсто того чтобы отъ поэтовъ требовать изображенія прекрасной дѣятельности — истины, неразлучной съ добромъ и красотой, они требуютъ отъ нихъ сонныхъ грезъ, *мысли*, да еще и называютъ эти призраки — божественными. Должно быть у нихъ другой лексиконъ вещей и словъ. Не послушайся поэтъ? — журналисты не напечаталъ стиховъ, не дадутъ колоссальной репутаціи; а не напечаталъ — нечего будетъ собирать и издавать въ свѣтъ.

Среди различныхъ впечатлѣній,
На мѣлочъ душу раздѣляя,
Онъ гибнетъ жертвой общихъ мнѣній.
Когда ему въ пылу забавъ
Обдумать **) зрѣлое твореніе? . . .
За то, какая благодать,
Коль небо вздумаетъ послать
Ему изгнаніе; заточеніе,
Иль даже долгую болѣзнь:
Тотчасъ въ его уединеніи
Раздастся сладостная пѣснь!
Порой влюбляется онъ страстно
Въ свою нарядную печаль. . .
Ну, что вы пишете? Нельзя ль
Узнать?

Писатель.

Да ни чего . . .

Журналистъ.

Напрасно!

Писатель.

О чемъ писать? Востокъ и югъ
Давно описаны, воспѣты;
Толпу ругали всѣ поэты,
Хвалили всѣ семейный кругъ,
Всѣ въ небеса неслись душою,
Взывали съ тайною мольбою
Къ N. N., невѣдомой красть, —
И страшно надоѣли всѣ.

Вы сухую правду сказали, умный поэтъ, вамъ «не о чемъ писать» а все журналисты виноваты! Бѣгайте ихъ! Не будь ежемѣсячной повинности, оброка, поставки стиховъ къ сроку, вы бы можете быть добровольно написали цѣлую поэму; а изъ подъ неволи: «пиши! дай стиховъ!» да еще стиховъ по *ихней* теоріи, чтобы были *могучіе, раздирательныя*, безъ всякой цѣли, а пуще всего — непременно въ честь и славу *Я*, которое терпѣть не можетъ «нравственныхъ сентенцій,» «нравоученій,» или, что одно и тоже по новѣйшему толкованію, «Китайскаго духа».

**) Такъ и поэты обдумываютъ? а есть журналисты, которые утверждаютъ, будто поэты пишутъ такъ — основательно! Цѣлая поэма пригрезится имъ въ поэтическомъ снѣ — вотъ они и напишутъ.

Да ко всему этому, чтобъ были еще и новенькія, съ новою оригинальною мыслию. *Ни что не ново подъ луною!* Данна все тѣже отъ созданія міра, — гдѣ же набраться новенькаго! поневоля бросясь въ свое *Я*, оно теперь гигантски шагаетъ, молодѣетъ, новѣетъ, свобода у него полная; соизмы, призраки, все что идетъ наперекоръ всему признанному за истинное здравымъ смысломъ всего человечества, однимъ словомъ, — полный просторъ: пиши что душѣ угодно, только бы не совпадало съ тѣмъ, о чемъ прежде писали — и будетъ оригинально. Эти гг. эстетики журнальные рѣшительно сбили съ толку поэтовъ своими гасовыми теоріями. Маякъ говорилъ уже объ этомъ (Ч. IV, Гл. IV. ст. IV). Они-то довели и васъ, умный поэтъ, до печатнаго сознанія, что вы не знаете «о чемъ писать», что вамъ не достаѣтъ *содержанія*. Посмотримъ.

ЧИТАТЕЛЬ.

И я скажу — нужна отвaga
Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ
(Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ):
Вопервыхъ, сырая бумага,
Она быть-можетъ и чиста;
Да какъ-то страшно безъ перчатокъ...
Читаешь — сотни опечатокъ!
Стихи — такая пуетота;
Слова безъ смысла, чувства нѣту,
Патануть каждый оборотъ;
Притомъ — сказать ли по секрету?
И въ римахъ часто недочотъ.
Возьмешь ли прозу? — переводъ.
А если вамъ и попадутся
Разказы на родимый ладъ,
То вѣрно надъ Москвой смѣются,
Или чиновниковъ бранятъ.
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышать?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ....
Когда же на Руси *бесплодной*
Разставшись съ ложной мидшурой,
Мысль обратятъ дымъ простой
И *трасти* голосъ благородной (?)?...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я точно тоже говорю,
Какъ вы, открыто негодуя,
На музу Русскую смотрю и.
Прочтите критику мою.

ЧИТАТЕЛЬ.

Читалъ я. Мелкіе нападки
На приѣтъ, виньетки, опечатки,
Намеки *тонкіе* на то,
Чего не вѣдаетъ ни кто
Хотябъ забавно было свѣту!...
Въ чернилахъ вашихъ, господа,
И желчи ѣдкой даже нѣту —
А просто, грязная вода!

Молодецъ! отвѣчалъ. Послѣ этого
что журналисту осталось дѣлать съ такимъ
неучемъ читателемъ.... Но авторъ,
вѣроятно изъ дружбы или кумовства,
покрывилъ душой, уклонился отъ по-
дражанія природъ журналиста. Вотъ
онъ что отвѣчалъ. Это ни на что не по-
хоже.

ЖУРНАЛИСТЪ.

И съ этимъ надо согласиться.
Но вѣрите мнѣ, душевно радъ
Я былъ бы вовсе не *браниться* —
Да какъ же быть?... меня *бранятъ!*
Войдите въ наше положенье!

Скажите, какой журналистъ сознается,
что его критика — брань, и брань въ
отмщеніе за брань. Не каждый ли еже-
минутно увѣряетъ, что его критика
беспристрастный, зрѣло обдуманцый
судъ, по законамъ логики, эстетики,
изящнаго и природы. (*Онъ продолж-
аетъ*).

Войдите въ наше положенье!
Читаѣтъ насъ и низшій кругъ:
Ласка рзвность върженья
Не ослкой оскорбляетъ слухъ;
Приличье, вкусъ — все такъ условно.
И дѣлать остъ видѣ платить равно!!!

Признаюсь, если эта *эмассоя* сви-
сана съ натурою, въ поэтическомъ смѣ
высказана вслухъ — то вы, авторъ,
ужасный пріятель! — Понимаете ли,
какъ вы этими немногими словами
профанируете закусныя сокровенности
журнальной механики.

ЧИТАТЕЛЬ.

За то какое наслажденье,
 Как отдыхаетъ умъ и грудь,
 Коль попадетъ вамъ нибудь
 Живое, свѣтлое творенье!
 Вотъ, напримѣръ, пріятель мой:
 Владѣетъ онъ изряднымъ слогомъ,
 И чувствъ и мыслей полнотой
 Онъ одаренъ всевышнимъ Богомъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Все это такъ, да вотъ беда:
 Не пишутъ эти господа.

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать?... Бываетъ время,
 Когда заботъ спадаетъ бремя,
 Дни вдохновеннаго труда,
 Когда и умъ и сердце полны,
 И рѣчмы дружныя, какъ волны,
 Журча, одна во славу другой
 Несутся вольной чередой.
 Восходятъ чудное свѣтло
 Въ душѣ проснувшейся едва:
 На мысли дышащая силой,
 Какъ жемчугъ нисходятъ слова...
 Тогда съ отвагою свободной
 Поэтъ на будущность глядитъ,
 И миръ мечтою благородной
 Проще намъ очищенъ и обмытъ.
 Но эти страннѣя творенья
 Читаютъ дома онъ одинъ,
 И ими послѣ, безъ заурядья,
 Онъ затопляетъ свой каминъ.
 Ужель реблическія чувства,
 Воздушный, безомчетный бредъ
 Достойны строгаго искусства?
 Ихъ осмѣетъ, забудетъ сойти...

Какъ свѣтло, какъ все это прекрас-
 но! И какъ рѣдко такое самосознаніе,
 въ подтахъ, такой даръ само-критиче-
 ской оцѣнки. Остается желать, чтобъ
 поэтъ былъ неумолимо послушенъ сво-
 ему критическому чувству и при пер-
 вой его невыгодной ценсурѣ — въ
 огонь. Но дайте, сибтрите, какъ *А* вы-
 ходитъ изъ стиховъ.

Бывають тлостными вочи

Безвѣстный, безумный крикъ
 Изъ груди рвется и въ воздухъ
 Лашаетъ громко безъ сознанья,
 Давно забытымъ иррациалъ:
 Давно забытымъ чертамъ
 Въ силѣи краснѣи: красоты
 Визуотъ палатъ естественю:

Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ —
 И вѣришь снова имъ невольню,
 И какъ-то весело и больно
 Тревожить дзывъ старыя ранъ...
 Тогда пишу. Диктуеть совѣсть,
 Перомъ сердитымъ водить умъ:
 То соблазнительная повесть
 Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ:
 Гартыки хладныя разврата
 Преданья глупыхъ юныхъ дней,
 Диано безъ пользы и возврата
 Погибшихъ въ омутъ страстей,
 Среди битовъ незримыхъ, но упорныхъ,
 Среди обманщицъ и невѣждъ,
 Среди сопитнѣи дожио черныхъ
 И ложно радужныхъ надеждъ.
 Судья безвѣстный и случайный,
 Не дорожа чужою тайной,
 Прилчьемъ скрашеннай порокъ
 Я смѣло предаю позору:
 Неумолимъ я и жестокъ....
 Но, право, этихъ строкъ
 Не приготовленному взору
 Я не рѣшуся показать...
 Скажите жъ мнѣ, о чемъ писать?

И такъ, поэтъ, вамъ не о чемъ пи-
 сать? — Вы это говорите не шутя, на-
 стойчиво, повторяете не разъ. И такъ
 вы дѣлали ваши поиски въ мрачной
 странѣ *А*, и за предѣлами этого мрака
 ни чего болѣе не видите? Ежели это
 такъ, то я согласенъ, что вамъ не о
 чемъ писать: вы точно ничего не види-
 те, потому именно что сидите упорно
 въ потемкахъ *А*; это ужасное *А* и не
 вамъ чета людей слѣпило. Но кто же
 вамъ далъ право думать, что если вы
 не видите, то ужъ ничего и нѣтъ. За
 странюю мрака есть страна свѣта, —
 за чѣмъ вы туда неидете? Тамъ, во
 свѣтѣ и при свѣтѣ вы увидите чудные
 тайны мірозданія, устроенаго по чер-
 тежу добра, истины и красоты. Про-
 никнутые свѣтомъ и любовью вы не
 поспитете перомъ за быстротой потока
 поэзи чистой, небесной, который ка-
 скадомъ ринется изъ глубины сердца.
 Тамъ царство поэзи, тамъ ее ищатъ.
 Въ мрачной странѣ *А* нѣтъ поэзи,
 тамъ можетъ быть лишь художествен-
 ность блестящая, но мертвая, безжиз-
 ненная. Моральные дѣти, воспитанные

въ школѣ *А*, обрадуются ей, станутъ вамъ рукоплескать, умолятъ: — «пешите!» — отвернитесь, заткните уши, послѣдуйте собственному критическому чувству и спасите себя отъ тяжкаго отчета передъ Богомъ и потомствомъ за злоупотребленіе великаго дара, дара быть посредникомъ между небомъ и землей; и если вы не можете, (потому что не хотите) быть такимъ посредникомъ, то ужъ не дѣлайте изъ себя посредника между *А* и землей, которые и безъ васъ составляютъ одно, и васъ съ собой погубятъ.

Картины хладныхъ разврата, Преданія глухихъ юныхъ дней, Давно безъ пользы и возврата Погибшихъ въ омутъ страстей Не предавайте вы позору,

Не только «неприготовленному взору» — ни кому на свѣтѣ. И вотъ почему:

Для неприготовленнаго — это пагуба. Для приготовленнаго — противно. Видите въ чемъ дѣло: есть пороки, страсти сердца, и есть пороки, страсти ума. Все сердечное, хотя бы и порочное, такъ окрашивается сердечностью, что сколько вы его ни позорьте, только покажите, сейчасъ оно проберется въ чужое сердце. Какъ бы вы ни хотѣли ихъ позорить, но прежде всего вы должны описать ихъ какъ они есть, какъ они кажутся; а они всегда намъ являются въ обольстительномъ видѣ и тѣмъ обольщаютъ.

Напротивъ пороки, страсти ума должно позорить, выставлять какъ они есть, потому что они подлежатъ расправѣ ума, который убѣдясь въ ихъ лживости, пагубѣ, несообразности, легко можетъ ихъ отвергнуть, покрайней мѣрѣ не заразитса. Пороки ума — смѣшны: гордость, тщеславіе, упрямство, молодечество и пропасть ихъ. Пороки сердца — жалки, увлекаютъ зрителя къ состраданію: это самое малое! вообще же они прямо берутся за сердце, которое въ насъ такъ предано, такъ за одно съ *А*.

Понимаю, жалкую увѣренность романтистовъ — жрецовъ *А*. Живо рисуется сердечный бытъ *А*, они увѣрены въ уснѣхъ: чье *А* не откликнется на голосъ *А*? но такимъ отвѣчаю вашими жн стихами:

Скажите жъ мнѣ, о чемъ писать?

И для чего? — Къ тому ли....

Чтобъ тайный адъ страницы злойной

Смутилъ ребенка сонъ покойный

И сердце слабое увлекъ

Въ свой необузданный потокъ?

О нѣтъ! преступною мечтою,

Не ослѣпляя мысль мою,

Такой тяжелою цѣною

Я вашей славы не куплю!

Честный, благородный человекъ, — дайте вашу руку! Русскіе писатели и критики! Затвердите эти ушныя, превосходные стихи, и вы перестанете касаться на Маякъ и швырять въ него камешками изъ за угла!

Но будемте откровенны, честный поэтъ, вы сдѣлали много: вы превзошли стихомъ всѣхъ нашихъ стихотворцевъ, и самаго Пушкина. Большую связку лавровъ они купили: цѣною, которую вы назвали «преступною!» Вы дали честное слово, не служить съ этой стороны сластолюбцу *А*, и въ этомъ собраніи вашихъ стихотвореній почти сдержали его. Но и за всѣмъ три четверти вашихъ стихотвореній, написаны по диктовкѣ и принесены въ жертву тому же *А*, только съ другой стороны. Статья чрезвычайно важная, потому что современная: многіе идутъ по той же самой дорогѣ. Не доскучайте пересматрѣть со мною хладнокровно; содержаніе лучшихъ вашихъ стихотворныхъ статей.

Дума.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее — мнѣ пусто, мнѣ темно,
Межъ тѣмъ, додъ бременскихъ повозки (?)
и сомнѣвалъ.

Въ бездѣйствіи состарится оно.

Богаты мы, едва въ колыбели,

Ошибками отцовъ и позидиизъ ихъ умомъ,

И жизнь ужъ насъ томить, какъ ровный

путь безъ цѣли,

Какъ пирь на праздникъ чужомъ.
 Къ добру и злу поспыдно равнодушны
 Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ
 борьбы.

Что это такое? Это живая картина живущихъ въ *А*. Вы, гонители всякихъ «сентенцій» особливо «правственныхъ септенцій» — посмотрите, здѣсь что стихъ то сентенція, но септенція на голосъ *А*. Это исповѣдь нашего юнаго, *могузаго, дваственнаго* поколѣнія.

Его грядущее — и пусто и темно...

Именно потому что оно издѣлалось въ мрачной странѣ *А*, и не хочетъ знать другой страны не-*А*, гдѣ свѣтъ и жизнь.

Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья въ бездѣйствіи состарится оно.

О, это бремя познаній только кажется ему въскимъ, а съ самой вещи оно по своей пустотѣ — призракъ «не въсомый». Двѣ три любвишки, двѣ три дружбы запиты на шампанскомъ, двѣ три несбывшіяся надежды производства, веселаго бала, предпринятаго волокитства — вотъ элементы юношеской опытности и разочарованія, которыя, эти господа, такъ смѣло называютъ *бремяемъ познаній*, и сомнѣній, отъ которыхъ такъ смѣло дѣлаютъ посылку на все человѣчество, на всю жизнь.

Богаты мы, едва изъ колыбели,
 Ошибками отцовъ и поздимъ ихъ умомъ.

То-то и есть, когда бы мы слушали *ошибки отцевъ* и *позднюю* ихъ *опытность*, мы были бы богаты, а то, мы все этакое считаемъ лишь за «правственныхъ септенцій» — зѣваемъ, когда говорятъ про нихъ, и съ безгласной азбуки начинаемъ передѣлывать весь дурчества *А* за-ново; смерть застасть васъ за складами, тогда какъ изучая опыты отцевъ, мы бы все это могли кончить

Часть XII. Гл. IV

въ пѣсколько раннихъ уроковъ, прямо бы узнали *А*, и не плутал по его путіямъ, блаженно устремились бы по путать свѣта и жизни.

Такъ тощій плодъ, до времени *созрѣлый*(?)
 Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
 Висятъ между цвѣтовъ, пришлою остротѣмъ,

И часть ихъ красоты — его паденья часть!
 Мы засушили умъ *шукою безплодной*,
 Тал завистливо отъ ближнихъ и друзей
 Надежды: лучшія (?) и голосъ благородный (?)

Неваріемъ осмѣянныхъ страстей (*)
 Едва касались мы до наши наслажденья,
 Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
 Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
 Мы лучшій сокъ на вѣки извлекли.

Все это голосъ *А*.
 Мечты поэзіи, созданія искусства
 Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не
 шевелятъ, (**)
 Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ
 чувства —

Зарытый скупостью и бесполезный кладъ.
 И ненавидимъ мы (***) и любимъ мы случайно,
 Ни чѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
 И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ
 тайный (****)

Когда огонь кипитъ въ крови.
 Все это портретъ того *А*, о которомъ здѣсь рѣчь идетъ.

И предковъ скучны намъ роскошныя забавы
 Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
 И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,

(*) Это одно изъ рѣдкихъ мѣстъ гдѣ рѣчь заставила автора выразить темно свою мысль, которую у него можно понять и такъ и иначе.

(**) И очень натурально! Мечты поэзіи — призраки. *А* можетъ лишь мечтать о поэзіи, а не вкушать и жить ею. Поэзія шевелитъ сердце, а не умъ.

(***) т. е. разочарованные.

(****) Явный?

Глядя насмѣшливо назадъ.
 Толпой угрюмою и скоро *позабывтой*,
 Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и
 слѣда,
 Не бросивши въкамъ ни мысли плодотворной,
 Ни гениемъ начатаго труда.
 И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и
 гражданина,
 Потомукъ оскорбить презрительнымъ стихомъ,
 Насмѣшкой горькою обманутаго сына
 Надъ промотавшимся отцомъ.

Видите, любезный поэтъ, вы начали прозрѣвать пустоту и ничтожность *Я* и его дѣль въ человѣкѣ, и его мороченья надъ человѣкомъ. Вы указали двѣ-три раны, а ихъ миллионы и въ тысячу кратъ болѣе смертельныхъ, но гдѣ же бальзамъ и для двухъ трехъ ранъ? — или вы не врачъ, а только прохожій, который тросточкою тычетъ въ гниющіе члены человечества? или вы боитесь, въря своимъ недозрѣлымъ учителямъ, которымъ и вы давеча прочли такой поучительный урокъ, вы боитесь, что давать бальзамъ и читать правоученія — одно и тоже; посмотрите, въ какой прекрасной одеждѣ пустили вы *мрачныя*, отрицательно-истинныя, *сен-тенци*, мысли свои; одѣньте хоть такъ *святлыя*, положительно-истинныя мысли, и онѣ произведутъ общій восторгъ, потому что въ сущности ихъ есть уже сила, свѣтъ, и жизнь и красота, которыхъ невольно движутъ, озаряютъ, живятъ и радуютъ сердце сами по себѣ, независимо отъ художественной одежды, которая тоже самое производитъ въ *Я*, и черезъ *Я* — опять въ сердце.

Чтобъ окончательно убѣдить васъ, честный и умный поэтъ, что вы только начали прозрѣвать въ безуміе, пустоту *Я*, и еще не прозрѣли окончательно, еще не отложились отъ служенія ему, что вы еще не поэтъ, а только художникъ, подающій огромныя надежды, могущія и не сбыться, — посмотрите вкратцѣ

другія ваши статьи. Только, Бога ради! понимайте меня такъ, какъ я говорю, не придавайте — какъ дѣлаютъ другіе, — своимъ словамъ того значенія, котораго въ нихъ нѣтъ и быть не можетъ. И если вы не поставили себѣ въ трудъ прочесть прежнія критическія статьи Маяка, съ которыми и эта статья имѣетъ тѣсную и неразрывную связь, то, надѣюсь, вы вполне, если не согласитесь со мной, то отдадите справедливость чистотѣ моихъ побужденій: т. е. что я хотѣлъ только передать вамъ мое убѣжденіе, а не чернить и оскорблять васъ.

1-е Января.

Какъ часто, пестрою толпою окружень,
 Когда передо мной, какъ будто бы сквозя
 сонъ,

При шумѣ музыки и пляски
 При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣ-
 чей,

Мелькають образы бездушные людей
 Приличьемъ стланутыя маски,
 Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ
 Съ небрежной смѣлостью красавицъ го-
 родскихъ

Давно-безтрепетныя руки, —
 Наружно погрузясь въ ихъ блескъ и су-
 ету,

Ласкаю я въ душѣ старинную мечту
 Погибшихъ лѣтъ *святые* звуки.

Опять рядъ «сентенцій»: — рѣзкое обличеніе *Я* съ другой точки зрѣнія: Посмотримъ же что это за *старинная* мечта? что за *святые* звуки погибшихъ вашихъ лѣтъ, которыми вы, поэтъ, «ласкаете въ душѣ»?

И если какъ нибудъ па мнѣ удастся
 мнѣ
 Забыться, — памятью къ *недавней* старинной
 Лечу я вольной, вольной птицей:
 И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
 Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
 И садъ съ разрушенной теплицей:
 Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій
 прудъ,
 А за прудомъ село дымится — и встаютъ

Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь ку-
сты
Глядятъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.
И страшная тоска тѣснить ужъ грудь
мою *):

*Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей (дѣтской?) созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сѣянье.*

Такъ царства дивнаго всесильный госпо-
динъ —
Я долгіе часы просиживалъ (ребенкомъ?)
одинъ,

И память ихъ жива понинѣ
Подъ бурей тѣлостныхъ сомнѣній и стра-
стей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средъ
морей

Цвѣтеть на влажной ихъ пустынѣ.
Когдажъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту
мою,

На праздникъ незваную гостью,
О какъ мнѣ хотѣлъ смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желанный
стихъ

Облитый горечью и злостью!

Жаль! напрасно! съ больными не такъ
поступаютъ. Они, и вы, и всѣ — под-
данные того же *Я*. Сперва спасите се-
бя отъ власти его, тогда увидите что
и съ ними надо дѣлать. Забудьте,
поэтъ, какія неподобныя описанія у
васъ—но все это лишь пластика, худо-
жественность **), принесенная въ жерт-
ву *Я*, выгнушаго, какъ въ три
окна,—въ три послѣдніе стиха. Идемъ
далье.

И скучно и грустно.
И скучно, и грустно, и нѣкому руку по-
дать

Въ минуту душевной невзгоды...

*) Помните, вы сей часъ сказали: *и он-
му я себя ребенкомъ; мы ждемъ отъ васъ
разсказа о дѣлахъ и чувствахъ вашего
дѣтства.*

**) См. Малакъ часть IX глава IV стр.
35 и далье.

Желанья!... что пользы напрасно и вачно
желать!...

А годы проходятъ — всѣ лучшіе годы!
Любить?...но кого же?... на время — не
стоитъ труда,

А вѣчно любить не возможно.

Въ себя ли заглядывешь? — тамъ прошлаго
нѣтъ и слѣда:

И радость, и муки, и все тамъ ничто-
жно...

Что страсти?—вѣдь рано или поздно ихъ
сладкій недугъ

Исчезнетъ при словѣ разсудка.

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ
вниманьемъ вокругъ —

Тыкая пустая и глупая шутка!

Нѣтъ, мой поэтъ, я не согласенъ съ
вами: жизнь совсѣмъ не шутка, и ужъ
вовсе не такая, какъ вы говорите.
Нѣтъ всѣхъ тайнъ мірозданія, тайна жи-
зни человѣческой — высочайшая тайна
Божіей премудрости: и эта тайна по-
лураскрыта человѣку откровеніемъ: и
воображеніе гаснетъ и умъ исчезаетъ
въ безпредѣльной глубинѣ и красотѣ
этой великой тайны.

Но если вы говорите о жизни *Я* и
въ *Я* — дѣло другое! я согласенъ съ
вами. Жизнь въ пустомъ *Я* — уди-
вительное противорѣчіе съ нашимъ
кичливымъ разумомъ, который хвалит-
ся, будто все знаетъ и во всемъ избира-
етъ лучшее, а между тѣмъ пресмы-
кается въ погибельномъ рабствѣ
этому *Я*. Жизнь въ *Я*, конечно, и *пу-
стая*, и *глупая*, но не *шутка*, а раз-
вѣтъ плачевная шутка, оканчивающаяся
погубелью *Я* и всего его царства, и
всѣхъ его подданныхъ.

Въ себя ли заглядывешь!...

И радость и муки, и все тамъ ничто-
жно.

Не все тамъ ничтожно. Есть тамъ
чудный образъ Божій, или лучше, слѣ-
ды разбитаго образа. Но и самыя эти
слѣды въ духѣ — удивительны! Ежели
вы, поэтъ, видите что тамъ все ничто-

жно, значить, опять, вы сталкивались только съ *А*; а объ немъ мало сказать — *ничтожно*.

Не хотѣлъ бы я видѣть въ вашихъ прекрасныхъ стихахъ вотъ такихъ выраженій:

«Любить на время — не стоитъ труда».

Мало! *любить на время*, просто — порокъ. Въ поэзии такимъ вещамъ и мѣста нѣтъ: развѣ какъ тѣнь, можетъ художникъ употребить ихъ въ своей картинѣ. Но въ такомъ видѣ какъ тутъ — нельзя.

«А вѣчно любить невозможно».

Не все то невозможно, что кажется такимъ. Для *А*, конечно, это невозможно. Переменчивость, измена — въ числѣ непремѣнныхъ атрибутовъ *А*.

Прекрасная вещь у васъ, поэтъ, «Бородино». Но Бородино такая колоссальная поэма, что простому усачу даже не понять колоссальныхъ ея элементовъ. Объ этой вещи надо писать огненнымъ перомъ О. Н. Глинки. Вы сдѣлали большую ошибку, что не взяли труда на себя, а поручили усачу. Это произведение было бы въ тысячу кратъ выше и «пѣсни про царя Ивана Васильевича» и «Мцыри» — двухъ серьезныхъ поэмъ, гдѣ вы вполне показали себя, в которыхъ мы съ вами повнимательнѣе пересмотримъ; только напередъ позвольте замѣтить вамъ: статьи, въ которыхъ вы особенно слабы, это: «Русалка», «Еврейская мелодія»; вовсе не хотѣлъ бы я видѣть ни въ чемъ собраніи стихотвореній, такихъ вещей какъ «Разстались мы...», «Ребенку», «Благодарность», особенно же «Дары Терека». Скажите, какая поэзія можетъ быть въ тѣхъ картинкахъ, гдѣ вы представляете что Терекъ несетъ съ собой и даритъ Касцію, что же? — два трупа утопленни-

ковъ: кабардинца и казачки, разбухшіе, посинѣлые, обрюзглые, безобразные трупы: и будто Каспій съ жадностью хватаетъ трупъ казачки:

И старикъ во блескъ власти
Всталъ, могучій, какъ гроза,
И одѣлся *оливой страсти*
Темно-синимъ глазомъ.
Онъ выпиралъ, веселья полный —
И съ объятія своихъ
Принялъ съ ропотомъ любви.

Воля ваша, эта картина столько же эстетически вѣрна и красива, какъ и сія:

Борей нашъ дуетъ,
Борей нашъ плещетъ
И сильно водъ бока прохожаго онъ суетъ.

«Олицетворенія» природы надо дѣлать съ выборомъ и осторожно. Всю природу нельзя олицетворять страстями человеческими. На это есть *сконы* и звери: и посмотрите, какъ славно Крыловъ этимъ воспользовался. Его олицетворенія ни гдѣ не будутъ по эстетическому вкусу и чувству.

МОЛИТВА

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ
И дышетъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко легко..

Какъ живой родникъ въ пустынѣ,
такъ эти двѣнадцать строкъ въ *вашей* книгѣ. Душа сладко отдыхаетъ за ними отъ бурь, отъ ужасовъ, тревогъ запо-

донившихъ остальныхъ статьи. Нѣтъ, вѣроятно, еще есть двѣ: другая «Моли-тѣя» и «Вѣтка Палестины». Авторъ, не оспоримо могъ бы первенствовать въ этомъ родѣ, но духъ времени требуетъ, какъ выразился Гёте, *поэзии лазареи-ной*, и авторъ видимо позволяетъ ей увлечь себя: какъ бы хорошо ему пригодились его же собственный советъ.

НЕ ВѢРЬ СЕБѢ.

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель моло-дой,

Какъ *лзы бойся одожененья...*
 Оно — тяжелый бредъ души твоей больной,
 Иль *плменной мысли раздраженья*.
 Въ немъ признака небеса напрасно не ищи:
 — То *кровь кипитъ*, то *силъ избытокъ!*
 Скорѣ *жизнь свою въ зѣботахъ истоци*,
 Разлей *отравленный напитокъ!*

Закрадется ль печаль въ тайники души твоей.

Зайдетъ ли *страсть съ грозой и вьюгой*,
 Не выходи тогда на шумный пырь лю-дей

Съ своею *блженной* подругой;
 Не унижай себя. Стыдися торговать
 То *гавномъ*, то *тоской послушной*
 И *своей душевныхъ ранъ* надменно *выста-влять*

На диво *черни* простодушной.

Какае дѣло намъ, *страдалъ ты или нѣтъ?*
 На что намъ *знать* твои волненья,
 Надежды *глупыхъ* первоначальныхъ лѣтъ,
 Разсудка *злая* сожалѣнья?
 Вѣнчаны: *передъ* тобой играючи *идеть*
 Ты *дорогого* привычкой;
 На лицахъ *праздничныхъ* чуть видны
 слѣды *заботъ*.

Слезы не встрѣтишь *неприличной*.
 А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть
 одинъ

Тяжелой пыткой не *измятыи*,
 До преждевременныхъ *добравшихся* мор-щинъ

Безъ *преступленья* иль *утраты...*
 Повѣрь: для нихъ *смѣшное* твой *платъ* и
 твой *укоръ*,

Съ своимъ *напывомъ* заученнымъ,
 Какъ *разурмяненный* трагическiй актеръ,
 Махающiй мечомъ *картоннымъ!*

Оборотите поэтъ, такой советъ пре-красный къ самому себѣ! Вамъ онъ по-тому болѣе необходимъ, что даръ истинной поэзии, право же, не такъ лег-комысленно дается, какъ легкомысленно иногда онъ употребляется для добычи горсточку удивленiя толпы и рукопле-сканiя журналистовъ. Смотрите, здѣсь вы гоните въ людяхъ *Я* своимъ пре-зрѣниемъ, котораго онъ точно заслужи-ваетъ. Но вѣрьте, это не лучший способъ лѣчить *гной душевныхъ ранъ* челове-чества. Надобно бояться, чтобы и самому не попасть въ *разрушительные траги-ческие акты съ легкимъ картоннымъ*. Почувствовать *отравленный напитокъ* — лучше *разлейте* его. *Киплятокъ крови* не есть вдохновенiе; *раздраже-нiе мысли пылливой* какою нибудь страстью, не есть вдохновенiе; *тяжелый бредъ души больной* не считай-те за вдохновенiе, потому что *Я*, при-нимаюте видъ *искусителя*, но у одного — *дыханiе холода*, бури, смерти, раз-рушенья, у другаго — *дыханiе тепла*, мира, жизни и назиданiя. Только по этому дыханiю можно различать *Я* отъ *не Я*. Прекрасный советъ подаете вы *вѣснмъ* современнымъ поэтамъ.

Случится ли тебѣ въ *завѣтный, чудный мигъ*

Открытъ въ душѣ давно *безомовной*
 Еще *невѣдомый* и *дѣвственный* родникъ
Простыхъ и *сладкихъ* звуковъ *полный*, —
 Не *вслушивайся* въ нихъ; не *предавайся*
 имъ,

Набрось на нихъ *покровъ* забвенья:
Стихомъ размыреннымъ и *словомъ ледянымъ*
 Не *передашь* ты ихъ *значенья*.

Да, что на *сердцѣ*, то и на *словахъ*:
 а сердце наше тамъ, гдѣ наше *сокро-вище* — предметъ *любви*. Коль скоро
Я наше *сокровище*, то *стихъ размы-ренный* и *слово ледяное* способны

выражать лишь мрачныя дѣла *А.* Про-
бывается иногда въ душѣ одержимой *А.*

*.. Невдомый и двостепенный родникъ
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный.*

Но вы, поэтъ, велите:

*Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:*

Боже васъ сохрани! этотъ чудный ро-
дникъ—дыханіе Духа жизни: и вы еще
ведите задушать его покровомъ заб-
венья.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее — нѣ пусто, нѣ темно..

Неволью повторить съ авторомъ.

Въ «пѣсни про царя Ивана Василь-
евича» Русская жизнь, русскій моло-
децкій говоръ. Вотъ содержаніе:

У царя пиръ, застольный ковшъ раз-
гуливаетъ, всѣ веселятъ, одинъ только
любимый опричникъ Кирибѣевичъ, мра-
ченъ и молчаливъ. Царь спрашиваетъ,
что это значить? не желаетъ ли онъ
какой милости царской? — «ничего мнѣ
не надо!» отвѣчаетъ опричникъ. Онъ
тоскуетъ отъ любви къ Алень Дмит-
ріевнѣ.

— Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія,
Скучно, грустно мнѣ, православный
царь,

Одному по свѣту маляся.

Царь говоритъ ему: возьми что надо
изъ казны царской и пошам своей
Алень Дмитріевнѣ:

Какъ полюбишься — праздною свадебку,
Не полюбишься — не прогивайся.

Опричникъ отвѣчаетъ ему:

Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,

Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
*Изъ церкви Божіей перевицкая,
Перевицкая съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому.*

Авторъ умолчалъ о томъ, что прису-
дилъ царь, но изъ послѣдующаго видно
его рѣшеніе.

Купецъ Калашниковъ, добрый и смир-
ный семьянинъ, сидитъ въ своей бѣга-
той лавкѣ; день оканчивается, онъ за-
пираетъ лавку, идетъ домой. «Гдѣ же-
на, Алена Дмитріевна?»

— Она ушла къ вечернѣ, отвѣчаетъ
няня, — вотъ ужъ давно вечерни ото-
шли.

Калашниковъ беспокоится, не знаетъ
какъ объяснить.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью
хлопнула,

Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ — сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена;
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетеныя,
Свѣгомъ инеемъ пересыпаны.

— Что это значить? гдѣ ты разу-
ливалася? — спрашиваетъ мужъ.

Жена рассказываетъ ему, что оприч-
никъ Кирибѣевичъ, догнавъ ее, когда
она шла отъ вечерни, и посередѣ
улицы сталъ съ нею безчинничать,
она оборонялась, оттого и прибѣжала
растрепанная и оборванная.

Мужъ рѣшился отомстить опрични-
ку. На завтра онъ идетъ на кулачный
бой на Москвѣ рѣкѣ. Пріивалъ царь
съ дружиною, боярами и опричниками.
Кирибѣевичъ вышелъ первый на ри-
сталище, и вызываетъ на бой. Являст-
ся Калашниковъ, они сдвинулись. Кала-
шниковъ ударилъ Кирибѣича въ ви-
сокъ, тотъ повалился за мертво.

— За что ты убилъ моего любима-
го опричника? — спрашиваетъ царь.

— Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебѣ,

Скажу только Богу единому.
 Прикажи меня казнить . . .
 отвѣчалъ Калашниковъ царю.
 Отвѣчаетъ ему царь
 Ступай, дѣтинушка,
 На высокое мѣсто лобное
 Сложи свою буйную головушку.
 Я топоръ велю наточить наострить,
 Палача велю надѣть - нарядить,
 Въ большой колоколъ прикажу звонить,
 Чтобы знали всѣ люди Московскіе,
 Что и ты не оставленъ моею милостью....

Какъ на площади народъ собирается
 Заунывный гудить-воетъ колоколъ,
 Рааглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
 По высокому мѣсту лобному,
 Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
 Съ большимъ топоромъ наостреннымъ
 Руки голыя потираючи,
 Палачъ весело похаживаетъ,
 Удалаго бойца дожидается.

И казнили Степана Калашникова
 Смертью лютою позорною;
 И головушка безталанная
 Въ крови на плаху покатила!

Такія страпицы, сказалъ Сегюръ, не
 достойны даже исторіи, не только поэзіи.
 Но вы не виноваты: духъ времени тре-
 буетъ своихъ картинъ. Гении, которыхъ
 вы изучали, которымъ, по порядку ве-
 щей, вы подражаете, сами предпочти-
 тельно воспѣвали подобныя сцены крова-
 ваго бурнаго молодечества. Говора отъ
 души.

— о чемъ писать?

вы живо чувствовали, что подобныя
 сюжеты недостойны поэзіи, но въ то же
 время чувствовали, что такая поэзія
 будетъ доступна для современнаго по-
 колѣнія

Чье грядущее — или пусто, или темно;
 для тѣхъ людей, которые

къ добру и злу поспынно равнодушны;
 ру

хотя все таки предпочитаютъ живо-
 писаніе картинъ зла. Вы чувствовали
 это все, и по долгу подражателя и по
 праву каждаго автора — желать чтобъ
 онъ «читался и нравился» современни-
 камъ, — вы уступили непобѣдимой
 силѣ.

По этой же самой уступкѣ вы напи-
 сали: *Дума, Русалка*, гдѣ есть уто-
 пленникъ, *Не впръ себя, Еврейская*
мелодія, гдѣ есть: «дикая пѣснь . . . я
 слезъ хочу, . . . разорвется грудь отъ
 муки . . . кубокъ смерти яда полный;»
Три пальмы, гдѣ караванъ срубилъ и
 сжегъ единственныя три благотвори-
 тельныя пальмы въ песчаной пустыни за-
 крывавшія колодець съ водой; *Дары*
Терека, гдѣ есть два утопленника, *1-е*
Января, Казачья колыбельная пѣснь,
 гдѣ мать напѣваетъ будущему казаку
 про его будущій разгулъ и удалство.
Журналистъ, читатель и писатель
 гдѣ все есть. *Воздушный корабль*, гдѣ
 есть молодець изъ молодецовъ — На-
 полеонъ. — *И скучно и грустно*, гдѣ все
 есть. *Ребенку, Отъ чего. Благодар-*
ность. Изъ *Гёте*. Послѣ всѣхъ этихъ
 пѣсней во славу я, какъ отрадно про-
 чести слѣдующее одинокое, какъ паль-
 ма въ пустынь.

Когда волнуется желтѣющая нива
 И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣ-
 терка,
 И прѣчется въ саду малиновая слива:
 Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
 Румянымъ вечеромъ, или утра въ часѣ
 златой
 Изъ подъ куста мнѣ ландышъ серебри-
 стый
 Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по
 оврагу
 И, погружая мысль въ какой-то смут-
 ный сонъ;

Депечеть мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчитя оны: —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на чель, —
И счастье и могу постигнуть на земль,
И въ небесахъ я вижу Бога.

Скажите же, кто вамъ мѣшаетъ, усердную молитвою, вѣчною враждою и отверженіемъ Я, призвать навсегда въ душу свою духъ мира, счастье? кто мѣшаетъ всегда видѣть въ небесахъ Бога — и мирить своихъ собратій съ Богомъ, съ жизнью, съ людьми? — Скажите, кто вамъ мѣшаетъ слѣдовать истинному призванію поэта: быть оракуломъ и благодѣтелемъ современниковъ и благословцею потомства? Вы сами видите, что можете — почему же не хотите? Вы скажете, нельзя же писать картинъ все однимъ свѣтомъ? — И я вамъ скажу, и невозможно: куда мы дѣнемся съ своимъ тѣнистымъ Я, оно вѣчно съ нами. Нѣтъ, пишете не картину для тѣней, а тѣни для картинъ, сколько ей нужно. Перестаньте ребячь удивлять ребячествомъ, которое вы же лучше всѣхъ оцѣниваете! предоставьте эту честь дюжиннымъ пѣвцамъ, которымъ не достаетъ силъ разрывать паутиныя оковы подражанія.

Займитесь теперь самымъ капитальнымъ вашимъ произведеніемъ, поэмою «Мицри» *).

Вступленіе, — очеркъ разрушеннаго Грузинскаго монастыря, — хорошъ; происшествіе случившееся некогда въ этомъ монастырѣ, составило поэмѣ.

Однажды Русскій генераль
Назъ горь къ Тифлису подъѣзжалъ;
Ребенка пѣннаго онъ везъ.
Тотъ занемогъ, не перенесъ
Трудовъ далекаго пути:
Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
Какъ серна горь пугливъ и дикъ
И слабъ и гибокъ, какъ тростникъ.

* *Мицри* — на Грузинскомъ языкѣ значитъ «неслужацій монахъ» — что въ родѣ «послушника» —

Но въ немъ мучительный недугъ
Развилъ тогда могучій духъ
Его отцовъ.

Надоевъ этотъ *могучій духъ*! Воспѣванія о немъ поэтовъ, и мудрованія о немъ философовъ — удивительно жалки и приторны. Что такое *могучій духъ*? — Это дикія движенія дикой природы челоука, не выпешаго еще изъ состоянія животнаго, въ которомъ Я свирѣпствуетъ необузданно.

Могучій духъ въ медвѣдѣ, барсѣ, василискѣ, Вавкѣ Каинѣ, Картушѣ, Робесньерѣ, Пугачовѣ, въ дикомъ горѣцѣ; въ Александрѣ Македонскомъ, въ Цесарѣ, Наполеонѣ — одинъ и тотъ же родъ: дикая, необузданная воля, естественная въ звѣрѣ, преступная въ челоуцкѣ, тѣмъ болѣе преступная, чѣмъ онъ просвѣщеннѣе, — въ челоуцкѣ, которому на каждомъ шагѣ положенъ зарокъ и урокъ покорности, смиренія! и если онъ добровольно не смиряется, такъ его смирятъ, и выбьютъ таки изъ него этотъ «могучій духъ» Я.

Въ чемъ состоитъ истинная сила, истинная *моу честь* воли? Въ томъ, чтобъ она была полный господинъ въ своемъ царствѣ, чтобъ она самодержавно управляла, по закону правды, своимъ Я — своими слабостями, привычками, пороками, страстями, управляла въ полной зависимости отъ воли Божіей, вполне намъ извѣстной. Вотъ истинная *моу честь духа*! то ли вы разумѣете нодъ этимъ словомъ? Нѣтъ, вы разумѣете совсѣмъ противное: вы разумѣете не подобіе могущества челоуцческаго могуществу Божію, а разумѣете подобіе могущества челоуцческаго могуществу звѣря. Между могуществами Божіимъ и звѣрскимъ разность неизмѣримал, и заблужденіе вашихъ учителей и ваше — неизмѣримо. Необузданность духа и могущество смиреннаго духа — вещи неизмѣримо разныя.

Знаю, насъ влещикаютъ картины и рассказы про молодчество, удалые подвиги, но восхищаются этимъ Я,

гордость и безсиліе котораго находятъ свою пищу и утѣшеніе въ призракахъ могущества животной натуры, преобладающей надъ духомъ. Простительно было язычникамъ каждаго удалца, сорви-голову прославлять какъ полубога; они не могли понимать истиннаго величія, истиннаго назначенія человека, истинной его могучести, такъ, какъ понимаемъ мы. Но не пора ли же намъ смотрѣть на вещи повыше, по чище, повѣриве? А кому начинать, какъ не поэтамъ и мыслителямъ?

Вы мнѣ упрекнете, что уничижая ваше могущество духа, и предлагая въ замѣнъ его смиреніе духа, я убиваю тысячу великихъ дѣлъ, красу исторіи? Нѣтъ, господа, съ исторіей надо еще порядкомъ порасчитаться, и повыключить лишніе «героевъ» изъ ея списковъ. Эта рѣчь впереди. А теперь вмѣсто отвѣта представлю вамъ истинныхъ героев, явившихъ чудеса могущества въ смиреніи духа. Ной, Авраамъ, Иосифъ, Моисей, Навинъ, Давидъ, Мамави. Посмотрите на могучій духъ безчисленныхъ мучениковъ христіанства. Христіане первыхъ вѣковъ составляли истинную силу легионовъ Римскихъ. Покажу вамъ Владиміровъ, Александровъ Невскихъ, покажу вамъ могучаго смиреннаго Петра, смиреннаго Александра, побѣдителя «могучаго» Наполеона.

Воля очищенія, смиренная—всесильна въ Богѣ: сѣ сама природа покорна! Убѣдитесь, господа, что истинная могучесть не состоитъ въ необузданности *Я*, гарцующаго на конѣ черезъ рывины и пропасти, гдѣ того и гляди — на славу сломишь шею; не въ погромкѣ всего міра: а состоитъ — **ВЪ ИСПОЛНЕНІИ СВОИХЪ ОБЯЗАННОСТЕЙ.** Такой человекъ, гдѣ долгъ потребуетъ, не пощадитъ и жизни и всего, потому что онъ уже обладаетъ жизнью вѣчною, и временная жизнь ему дорога лишь, какъ тоже исполненіе долга; и внѣ этого долга — ни по

чемъ. Вотъ какъ Господь повелѣлъ намъ разумѣть могучесть духа. Извините, ужъ я скорѣе послушаюсь Бога чѣмъ васъ!

И такъ, умный авторъ, позвольте мнѣ видѣть въ вашемъ пѣнномъ мальчикѣ горца, не могучаго духа, а дикаго звѣренка съ необузданною волей. За чѣмъ, послѣ вопроса — *о чемъ писать?* — выбрали вы этого звѣренка въ герои своей искусной поэмы? Сказать ли вамъ? — За тѣмъ, что этотъ характеръ представлялъ вамъ случай блестящаго мастерства писать ужасныя, дикія, развѣтлыныя картины свирѣпаго *молодечества* во всѣхъ родахъ: и надо отдать вамъ справедливость, за какую картину (дикую) вы ни брались, вы ихъ славно написали. Но все это лишь орнаменты, которые, и вмѣстѣ-то взятые, составляютъ лишь коллекцію орнаментовъ, а не цѣлое зданіе, даже не домикъ, не шалашъ; въ которомъ можно бы пожить душой. И весь-то герой вашъ не больше какъ орнаментъ въ дикомъ вкусѣ. Въ приличномъ зданіи онъ былъ бы и хорошъ, у мѣста. Но самъ по себѣ, отбитый, онъ орнаментъ — и только! Поглядятъ, полюбуются, да и спросятъ: для чего же онъ? Будь вы, просто, скульпторъ, дѣло другое: вамъ заказанъ орнаментъ, вы его слѣпили — дающему искусству удивляются, любятъ его. Но поэтъ не только скульпторъ, онъ, и прежде всего, зодчій, музыкантъ и живописецъ *) — все вмѣстѣ. О, тогда требованія съ васъ становятся обширнѣе, и вы — безответнѣе. Вы написали, въ полной увѣренности что это пойдетъ за новое, оригинальное? — не такъ ли? Слышу васъ увѣрять, что со стороны формы и мѣстности это не новое: — Кавказскій пѣшникъ, Мулла Нуръ и Цыгаи написаны прежде васъ. Со стороны содержанія эта статья избита какъ нельзя больше: — современная

*) См. ч. IX. Гла. II. стр. 35 и далѣе.

литература всей Европы, по бедности, только и пробивается, что на такихъ герояхъ. Разберите сами хладнокровно и внимательно.

И такъ. Генералъ везъ въ ТиФлисъ плѣннаго больного мальчика горца, въ которомъ

Мучительный недугъ

Развилъ тогда *могучій духъ*
Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
Томился, даже *слабый стонъ*
Изъ дѣтскихъ губъ *не вылеталъ*,
Онъ знакомъ пищу отвергалъ
И тихо, *зордо* умиралъ.
Изъ жалости одинъ монахъ
Больнаго призрѣлъ, и въ стѣнахъ
Хранительныхъ остался онъ
Искусствомъ дружескимъ спасемъ.
Но, *чуждъ* ребяческихъ утѣхъ,
Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
Смотрѣлъ вздыхая на востокъ,
Томимъ неясною тоской
По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ *привыкъ*,
Сталъ понимать чужой языкъ.
Былъ *окрещенъ* святымъ отцемъ, *)
И, съ шумнымъ святомъ *незнакомъ*,
Уже *хотѣлъ* во цвѣтъ лѣтъ
Нартъ монашескій обѣтъ,
Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
Осенней ночью. Темный лѣсъ
Тянулъ по горамъ кругомъ.
Три дня всѣ поиски по немъ
Напрасны были; но потомъ
Его въ степи безъ чувствъ нашли
И вновь въ обитель принесли.

Вотъ содержаніе всей поэмы. Больной горецъ приведенный въ чувство, но слабый и чуть дышущій — собралъ остатокъ силъ, и не переводя духу, проговорилъ 33 страницы стиховъ, да какихъ стиховъ! хотъ бы и не горцу выражаться въ такихъ отборныхъ, нарядныхъ, огненныхъ, риторическихъ, Виргилиевскихъ стихахъ. Право, и самъ бы

*) Разумѣется съ его доброй воли, и послѣ предварительнаго поученія въ вѣрѣ,

Лермонтовъ, Пушкинъ, Байронъ, случись съ ними подобное, не высказали бы лучше этого. Ну точно какъ будто самъ Лермонтовъ напередъ написалъ тѣ стихи на бумагѣ, а горецъ, безъ церемоніи прочелъ, по писанному, простился съ монахомъ и тутъ же умеръ. Не подумайте, что онъ умеръ онъ болѣзнями: о, горская натура живуча! Нѣтъ онъ умеръ именно отъ надсады — отъ стиховъ: 33 страницы! — гдѣ была ваша жалость, умный авторъ, къ такому слабому больному, для котораго и десятокъ стиховъ было-бы впору.

Первая картина. Горецъ дѣлаетъ грубости монаху, за чѣмъ тотъ его спасъ отъ смерти: но это онъ дѣлаетъ для того, чтобъ показать свое презрѣніе къ жизни, которое нынче въ модѣ. А моды, посредствомъ журналовъ, и въ горахъ разносятся.

Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну *)
Такихъ дѣтъ жизни за одну,
Но только *полную тревогъ*
Я промѣнялъ бы, еслибъ могъ.

Одна дума таилась въ немъ лѣтъ десять

Она, какъ червь во мнѣ жила
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои знала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ *чуждый міръ тревогъ и битовъ*,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди *вольны* какъ орлы.

И дико какъ волки и медвѣди! Конечно, и волка сколько ни корми, все онъ въ лѣсъ смотреть. Но не все то привлекательно и хорошо въ человѣкѣ, что естественно въ звѣрѣ.

*) Судя по дальнѣйшимъ его подвигамъ надо ему полагать по меньшей мѣрѣ лѣтъ 18—16. Шести лѣтъ онъ взявъ въ плѣнъ, сталобить прожилъ въ плѣну лѣтъ 10—12. Въ молодости, въ такое долгое время, въ монастырѣ, можно порядочно одобрѣчиться.

Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ *), страданье спитъ
Въ холодной, въчвой тишинѣ;
Но съ жизнью жаль расстаться мнѣ.

Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постыль: ты слабъ, ты съдъ
И отъ желаній ты отвыкъ.
Что за нужда? ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мѣрѣ что забыть,
Ты жилъ,—я также могъ бы жить!

Ну, однимъ словомъ, надвѣялъ ему, за
всѣ попеченія, тысячу грубостей, словно
Печоринъ Макс. Макс-чу, и потомъ раз-
сказалъ, что съ нимъ случилось въ три
дня побѣга.

Картина вторая. Горецъ описы-
ваетъ красоты горной природы имъ ви-
дѣнной, которыхъ монахъ, жившій въ
монастырѣ, конечно до него не видалъ,
и потому слушалъ съ любопытствомъ,
и ни разу не перебилъ, хоть такимъ
замѣчаніемъ: — «да это, братецъ, намъ
ужъ ни почемъ! вотъ, въ Петербургъ,
такъ пожалуй, это еще въ диковину.»
Нѣтъ монахъ выслушалъ 3¼ страницы
такого описанія—прекраснаго, объ этомъ
ужъ я говорилъ—и не поморщился: ну,
славные стихи!

Картина третья: гроза.

Ты хочешь знать что дѣлалъ я
На волѣ?—Жилъ!
(Онъ убѣжалъ во время грозы)
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ въ замѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..

Воля ваша, авторъ, тутъ ошибка про-
тивъ правды. Мальчикъ съ 6 до 18
лѣтъ жилъ въ монастырѣ; какъ бы онъ
дикъ ни былъ—все таки человекъ руч-
нѣе всѣхъ животныхъ: онъ выучился
лазку, слышалъ слово истины, молился,
худо ли, хорошо ли, да молился: вся-
чески онъ сталъ гораздо и гораздо мяг-
че дикарей своихъ родичей, и движенія

*) Т. е. современные учителя челове-
чества говорятъ,

дикой природы непременно умѣрялись
значительною степенью разсудка и об-
разованности. Положимъ что дѣтство и
родина мелькали передъ нимъ, но ужъ
не такъ свѣжо и живо; иное дѣло если-
бъ его взяли въ плѣнъ, 18 лѣтъ—такъ.
Но вы его изображаете точно такимъ
же дикимъ, т. е. «могучимъ,» какъ бы
онъ сейчасъ былъ уведенъ изъ роднаго
аула. Вы и слѣдовъ не показали въ немъ
восьми или десятилѣтняго пребыванія
въ монастырѣ въ кругу людей крот-
кихъ, смиренныхъ. Добрый примѣръ
также прилипчивъ какъ и злой. Однимъ
словомъ вы сдѣлали ошибку во всю по-
вѣсть

Картина четвертая: «любъзь, опа-
сности и молодечество въ пути, и пу-
тевыя сцены.» Съ удовольствіемъ вы-
писываю одну изъ сценъ, которую хотъ
бы и не горцу рассказать:

Кругомъ мѣня цвѣлъ Божій садъ.
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полныя на нихъ,
Серѣтъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птиць леталъ пугливый рой,
И снова я къ землѣ припалъ
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ
Они шептались до кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли,
И естъ природы голоса,
Сливались тутъ; не раздавался
Въ торжественный хваленъ часъ
Лишь человекъ гордый гласъ.
Все, что я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы,—нихъ ужъ нѣтъ слѣда;
Но я бъ желалъ ихъ рассказать,
Чтобъ жить, хотъ мысленно опять.
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полѣтъ
Прилежный взоръ слѣдитъ бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокоъ
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонудъ, пока полдневный зной

Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.

Курсивный словъ нѣтъ въ лексиконѣ дикарей, если же онъ владѣлъ уже всеми этими тонкостями слова, то онъ не могъ быть такимъ дикаремъ. Что нибудь одно.

Картина пятая: удаюе карабкаеи по крутизнамъ и обрываамъ горъ.

Картина шестая: эротическая, встрѣча съ Грузинкой молодой.

Картина седьмая: утомленіе, отдыхъ, сонъ, тоска послѣ пробужденія. Картина лунной ночи.

Картина осьмая. Заблудился въ мрачномъ лѣсу. Напрасно взлззалъ на вершины деревъ: конца лѣса — невидно; отчаяніе и бѣшенство.

Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горячею росой . . .
Но вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ . . . Я былъ чужой
Для нихъ на вѣкъ, какъ звѣрь степной.
И еслибъ хоть минутный крикъ
Мнѣ намѣнялъ — кланусь старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

Воля ваша — противная картина. Да въ началѣ сказано что онъ въ *изступленіи рыдалъ*: рыданія всегда сопровождаются крикомъ; а здѣсь за минутный крикъ хотеть вырвать себѣ языкъ.

Картина девятая: борьба съ барсомъ и побѣда надъ нимъ. Славно написана. Это вершъ молодечества.

Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы, сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови . . . да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ . . .
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удайцовъ.
Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почувалъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный какъ стонъ,

Раздался вдругъ . . . И началъ онъ
Сердитой лапой рыгъ песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ
И первый бышениый скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ . . .
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкий лобъ его разсѣкъ . . .
Онъ застоналъ какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь, —
Хотя лила изъ ранъ кровь
Густой, широкою волной, —
Бой закипѣлъ, смертельный бой!
Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье . . . Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетаясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ и во мглѣ.
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ
Какъ барсъ пустынный золь и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ;
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей.
Забылъ я, — и въ груди моей
Раздался тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ . . .
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣе дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ . . .
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно — и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ.
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу:
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!

Геніальные ужасы! и все для чего? отвѣтъ въ послѣднихъ трехъ строкахъ. Вы избрали «натурщиковъ» съ такими крупными, рѣзкими чертами; характеры ихъ такіе жилистые, мускулистые, что только пересчитай всѣ подробности умненько и дѣло съ концомъ! вѣрте мнѣ, это самый легкій родъ скульптуры!

Далѣе, картины неудачныхъ усилій выдти изъ лѣсу, постепеннаго изнеможенія

твѣ и возрастаніе «могучаго» духа, наконецъ онъ увидѣлъ жиле — то былъ монастырь, изъ котораго онъ убѣжалъ. Досада, отчаяніе, истома, все въ картинахъ. Предпоследняя картина — предсмертныя грезы чудныя гдѣ-то на днѣ рѣки, и золотая рыбка нашептываетъ ему пѣсню. Наконецъ онъ умеръ.

Пересказавъ все это съ такимъ напряженіемъ воображенія и всего жизненнаго спаряда, онъ указалъ мѣсто, гдѣ похоронить его, и—умеръ.

И такъ это галерея скульптурныхъ орнаментовъ молодечества, самаго колоссальнаго во всѣхъ родахъ. Все это прекрасно гдѣ либо въ цѣломъ, гдѣ это нужно, гдѣ есть цѣль, причина, мысль. А тутъ какая мысль,—развѣ та, что грузинскіе старинныя монастыри не дѣлали людей лучшими?—Такъ вы и этого не показали. Вы хотѣли показать мастерство свое писать картины молодечества во всѣхъ родахъ *М*, и мы отдаемъ вамъ справедливость — удивляемся! Но одно удивленіе — награда честолюбца, а не поэта: жертва ума, а не сердца; поэзія — по сердечной части.

Согласенъ, что стихъ, то мастерство. О каждомъ стихѣ можно написать по страницѣ комментарий, рассмотреть въ микроскопъ всѣ его грани, жилки, отраженія, игру; но дѣло вотъ въ чемъ. Стихи—не ваша вина: вы родились съ ними; для васъ писать хорошіе стихи такая же заслуга, какъ для человека ходить на двухъ ногахъ, для птицы летать на двухъ крылахъ — это Божій даръ. Ему и благодаренье и слава, а вамъ тутъ—не за что. Ваше — выборъ матеріала и употребленіе стиха. Вотъ почему критикъ останавливается не на стихѣ, а на выборѣ матеріала, на употребленіи стиха. Припомните всѣ ваши матеріалы — достойны ли они такого прекраснаго стиха? сдѣлайте вы прекрасный выборъ сюжета, неограничиваясь

одною сферой *М*, сдѣлайте вы прекрасное употребленіе стиха—какія бы чудныя, *мировыя* вещи могли бы вы создать! Родъ вамъ избранный — самый легкій: предоставьте его легкимъ стихотворамъ, которые только и выѣзжаютъ, что на крупныхъ, колоссальныхъ страстяхъ, ужастяхъ и дикостяхъ. Ихъ тупое зрѣніе не способно уловлять мѣлкия черты добра, истины и красоты, разсыпанныя внутри и въ васъ, только не въ *М*. Родъ вами избранный не новый, повторите — онъ и не поэтический. Нынѣшніе книжники и постоучители вездѣ находятъ поэзію, на бойнѣ быковъ, въ битвѣ собакъ «фурманчиками, въ дракѣ пыльных мужиковъ, въ разрушеніи, упичтоженіи, истребленіи, истязаніи — это ложь, убѣдитесь! Здѣсь отрицаніе поэзіи: Ежели тотъ богачъ, у кого 500.000 долгу и ни гроша въ карманѣ, то пожалуй, я соглашусь что и въ рѣзвѣ есть поэзія. Ежели есть вкусы, которымъ это нравится, то вѣдь есть и звѣринныя и дикіе вкусы. Есть же вкусы, которымъ нравится свиуха и листовая тютюнь за губой; но у добрыхъ людей такіе вкусы называются испорченными! И кто уже на цѣло испортилъ свой вкусъ, съ тѣмъ и говорить нечего: онъ не пойметъ, не убѣдится, потому что въ этихъ вещахъ убѣждаются не умомъ, а вкусомъ. Но пока вкусъ еще не допорченъ до конца—здравый умъ можетъ способствовать къ его очищенію и исправленію. Поставьте человека между звѣремъ и ангеломъ, какъ оно и есть: чей вкусъ ему должно имѣть? согласитесь, отъ скотскаго вкуса ему надо, мало по малу, переходить ко вкусу ангела. Это путь его образоваппости. А если такъ, то родъ вами избранный — ошибка. И это же самое говорилъ вамъ по случаю «Герои нашего времени». О. З. написали въ зачатку вашу длинную статью, распространились въ исчисленіи внѣшнихъ красотъ разсказа, выраженія, — я тоже самѣ сказалъ въ двухъ словахъ: «внѣшнее построеніе хорошо,

словъ хорошъ *) содержание — романтическое по превосходству, т. е. ложное въ основаніи, потому что все принесено въ жертву *А*, олицетворенному Печориннымъ, копіей Онегина. Но дѣло въ томъ, что послѣ самыхъ пышныхъ защищеній вашего героя, О. З. въ концѣ своей статьи повторили, другими только словами, всѣ мои заключенія. Они согласились, что вы славно представили міръ *А*, тоже доказывали, съ присовокупленіемъ, что это только одна сторона человеческой действительности, въ которой, кромѣ темнаго міра *А* есть еще и свѣтлый міръ Божій; въ него-то вы и не заглянули! въ этомъ-то вся и ошибка! оглянитесь: этотъ свѣтлый Божій міръ въ васъ и около васъ — какъ же можно мпновать его? Ту же ошибку повторили вы и въ стихотвореніяхъ своихъ.

Булгаринъ вступился своимъ манеромъ за «Героя» и превознесъ васъ паче всѣхъ вѣковъ и временъ. Вы первые, конечно, улыбнулись. Если сообразить то, что говорили Булгаринъ о «Мъщанинѣ», что говорили Булгарину за «Мъщанипа», то уже можно было заранее отгадать, что онъ скажетъ о «Герое», послѣ сказаннаго о немъ въ Маякѣ. Не смотря на все это, само по себѣ не постороннее, я отъ души вѣрю, что Булгаринъ пришелъ въ восторгъ отъ «Героя», что онъ точно не спалъ за нимъ цѣлую ночь, что онъ прочелъ его дважды залпомъ. Все это очень естественно: вы такъ красиво изобразили *А*, это *А* такъ всѣмъ намъ любезно, это *А* такъ мило водить всѣхъ насъ за носъ, что чуть не остерегись — при встрѣчѣ съ портретомъ, — нашъ оригиналъ увлечетъ насъ въ самые колоссальныя восторги, въ самыя напыщенныя восклицанія. Впрочемъ, Булгаринъ, не вошелъ ни въ опроверженіе моихъ доводовъ, ни въ разборъ и доказательство красота «Героя». Онъ поступилъ гораздо «эконо-

миве» — просто, на цѣломъ печатномъ листѣ розлилъ свои восторги и восклицанія, довольствуясь, взаимну доказательствъ, своимъ авторитетомъ долговѣтнаго романиста, раскащика, критика, которому нечего и думать о возраженіяхъ.

Ко всему этому, Булгаринъ другой разъ повторилъ *), что онъ не разделяетъ мнѣній одного изъ редакторовъ Маяка, Бурачка, на счетъ излишней словесности, философіи и критики, «Объ излишней словесности мы съ Бурачкомъ имѣли совершенно противоположныя мнѣнія» какъ то можно было видѣть изъ разборовъ романа «Герой нашего времени» помѣщенныхъ въ Сѣверной Пчелѣ и Маякѣ.

Булгаринъ и не догадывается, что этими немногими словами онъ ставитъ всю 20 лѣтнюю литературную службу на одну карту, — и карта его убита. Не мнѣнія предложилъ Бурачекъ, а логическіе доводы; не доводы предложилъ Булгаринъ а мнѣнія, основанныя на сочувствіи къ тому, что «въ его вкусѣ». Противъ доводовъ Бурачка Булгаринъ ни слова не сказалъ, и не скажетъ, помяните мое слово! онъ очень хорошо знаетъ, что Бурачекъ правъ; но сознаться въ этомъ не можетъ; иначе, надо ему сознаться, что его 20 лѣтняя теорія и практика романовъ — не вѣрна. Вотъ онъ и спрятался подъ защиту вашего «Героя» въ полной увѣренности, что какъ «Герой» понравился многимъ, и можетъ быть лицамъ имѣющимъ вѣсъ въ общественномъ мнѣніи, то и думаетъ себѣ: «если теорія словесности, философія и критика Бурачка приводитъ къ тому, что «Герой» дуренъ, а Герой нравится, значитъ мнѣнія Бурачка — вздоръ! а «наши» мнѣнія — истинны. Какого еще доказательства!»

Нѣтъ, не такъ, отецъ-командеръ: иное дѣло читатель, иное дѣло критикъ.

*) 4. IV. Гл. IV стр. 210. столб. 2.

*) Сѣв. П. 1840. N 371.

читатель думает лишь о себѣ, радъ если вещь доставляетъ ему удовольствіе, завтра онъ ее броситъ, забудетъ; критикъ думаетъ обо всѣхъ, а нуще о законахъ искусства, и говоритъ: «вы нравитесь, доставляете удовольствіе — прекрасно, да за чѣмъ идете *кризой* дорогой. Къ этой же цѣли вы могли бы довести *прямымъ* путемъ.» И въ слѣдъ за этимъ доказываетъ: что «Герой» — *огромный софизмъ, составленный изъ тысячи софизмовъ*. Истина безпокоитъ, софизмы льстятъ и нравятся. Истинный художникъ вѣчный рабъ Истины, а не лжи. Вкусъ общества состоитъ подъ вліяніемъ тысячи вещей и прямыхъ и кривыхъ; онъ переходчивъ! На него нельзя опираться. *Истина же Господня* пребываетъ *вд вѣки!* На нее-то и должно опираться. Вотъ только и всего.

Въ заключеніе, честный авторъ, согласитесь, корень всему вдохновеніе; а вы же сами произнесли незабвенный приговоръ такого рода вдохновенію.

Оно—тяжелый бредъ души твоей больной,

Иль пльннѣе мысли раздраженіе.
Въ немъ признака Небесъ напрасно не ищи:

— То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!

Разлей отравленный напитокъ!

Булгаринъ будто и не слышитъ что есть на свѣтѣ вдохновеніе погибельнаго *А*, кромѣ вдохновенія божественнаго.

Скажите жъ мнѣ, о чемъ писать?

Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?

Чтобъ *тайный* лдъ стравицы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный,
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?

О вѣтъ! *преступною* мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой *тлжелою* цнлого
Я вашей славы не куплю!

Посмотрите же какую огромную

славу купили вы! Самъ Булгаринъ радуется за васъ.

Маякъ вамъ говоритъ одно, О. З. и С. П. другое: впереди васъ, съ одной стороны безсмертіе и благословеніе, съ другой, минутное увлеченіе и заблужденіе: выбирайте, пока время есть!

С. В.

Практическое Руководство для устройства усовершенствованныхъ ВЕРЕВЧАТЫХЪ ПРИВОДОВЪ (Système funiculaire), для передачи движенія на всякомъ разстояніи съ наименьшею потерей дѣйствующей силы, составленное Д. ДИГО, Инженеръ - Механикомъ Строительнаго Департамента Морскаго Министерства, Членомъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ Обществъ, С. Петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества и Московскаго Сельскаго хозяйства, и Кавалеромъ.

Механики, машинисты, фабриканты, и всѣ кому надо имѣть дѣло съ машинами, механическими снарядами и работами, тысячу разъ поблагодарятъ почтеннаго автора этой книги о *Веревчатыхъ приводахъ*. Описаніе приводовъ чрезвычайно ясно и подробно, *шесть* листовъ чертежей оканчиваютъ поясненія; всякой, хоть мало знакомый съ машинами, безъ труда пойметъ устройство «Веревочныхъ приводовъ» для всѣхъ возможныхъ случаевъ, и выполнить ихъ на дѣлѣ безошибочно. Въ сельскомъ хозяйствѣ могутъ встрѣтиться тысячи случаевъ, гдѣ Русской мужичокъ, съ своимъ топоромъ и долотомъ, изъ двухъ трехъ колесъ, съ помощью «Веревочнаго привода» составитъ машину, которая принесетъ тѣму добра. «Веревочные приводы» вообще важная статья для всей практической Механики; а для сельскаго домоводства въ нихъ заключается вся Механика, простая, дешевая, каждому подъ силу, неисчерпаемая въ примѣненіяхъ. Съ

удовольствиемъ выписываю нѣсколько строкъ изъ книги: читатель познакомится и съ мастерствомъ автора излагать свой предметъ, и составитъ себѣ понятие о томъ, что такое «Веревочные приводы».

«Летъ сорокъ тому назадъ, говоритъ авторъ, Пуадebarдъ сдѣлалъ въ системѣ веревочныхъ приводовъ (*Système funiculaire*), много усовершенствованій, и усовершенствованія такіа, которыя по всей справедливости можно назвать изобрѣтеніями. Усовершенствованія эти не были описаны, и до сихъ поръ оставались еще мало извѣстными. Этотъ важный предметъ, въ числѣ многихъ подобныхъ, переданъ мнѣ былъ г. Пуадebarдомъ, съ которымъ я занимался болѣе 20-ти лѣтъ. Нынѣ, желая распространить употребленіе усовершенствованныхъ «Веревочныхъ приводовъ», я составилъ для общаго сужденія и пользы подробнѣйшее ихъ описаніе, съ объясненіемъ всѣхъ практическихъ примѣмовъ.»

По всему видно, что Г. Дюго отсталъ отъ XIX столѣтія ровнешенько на 40 лѣтъ! Кто изъ рожденныхъ великимъ вкусомъ, и воспитанныхъ въ его «притяжательныхъ» правилахъ, кто поступить такъ какъ г. Дюго? извиняте, почтенный авторъ. Вы были ученикомъ и послѣ товарищемъ знаменитаго нашего инженера Пуадebarда и прекрасно! Пуадebarдъ за ново пересоздалъ «Веревочный приводъ» и сообщилъ вамъ, и вы были полный владѣтель его трудовъ — и чудесно! и этого никто не зналъ, никто не могъ уличить васъ въ притяженіи къ себѣ чужаго: какъ неподобно! Кто же васъ просилъ это говорить! сказали бы просто *А!* Посмотрите, нынче этакіа вещи какъ чудесно обдѣлываютъ! въ глазахъ «слимонять» чужую идею, статью, повѣсть, манеру, мнѣніе, что угодно, — и Коммерческимъ судомъ не докажешь, что она чужая. Но съ вами нечего дѣлать! на сорокъ лѣтъ отстали, тутъ ужъ не догнать вѣкъ! Все равно,

впрочемъ, мы дослушаемъ, что вы общаете о веревочномъ приводѣ.

«Для передачи движенія обыкновенно употребляли и употребляютъ теперь, фелдштанги или тяги, ремни, цѣпи, зубчатые колеса, составные валы, составное колесо и безконечныя веревки: каждое изъ этихъ средствъ имѣетъ свои выгоды и невыгоды при употребленіи, бывасть болѣе или менѣе полезно въ различныхъ случаяхъ.»

«Для передачи движенія на далекое разстояніе отъ движителя, употребляютъ такъ называемые фелдштанги или тяги. Фелдштанги суть крѣпкіе шесты, придѣланные къ качалкамъ или коромысламъ, обращающимся на шипахъ. Примѣромъ ихъ употребленія можетъ служить извѣстная Марлійская водоподъемная машина во Франціи; — также какъ и большая часть рудокопей и соляныхъ заводовъ.

«Приводы этого рода, сообщаютъ только прямолинейное, или качательное движеніе, почему при употребленіи ихъ должно обращать вниманіе на слѣдующія обстоятельства.»

«1-е, Когда круговое движеніе, какое бывасть обыкновенно въ пріемникахъ приводимыхъ въ дѣйствіе водою, вѣтромъ или животными, перемѣняется посредствомъ колѣнчатаго вала въ прямолинейное движеніе; тогда при этой перемѣнѣ теряется $\frac{1}{3}$ силы движителя. — И 2-е, если машина, что случается очень часто, которой движеніе передается посредствомъ фелдштанговъ, требуетъ опять круговаго движенія, то въ такомъ случаѣ эта новая перемѣна уничтожаетъ еще $\frac{1}{3}$ остающейся для передачи силы. — Не говоря уже о томъ что треніе болтовъ и шиповъ поддерживающихъ фелдштанги, потребляетъ еще значительную часть дѣйствующей силы, и тѣмъ большую часть, чѣмъ движеніе передается далѣе. — Изъ этихъ положеній уже само собою выводится что при употребленіи фелдштанговъ для передачи движенія болѣе

ная часть силы двигателя истрачивается бесполезно.

«Для передачи движения на меньшихъ расстояніяхъ, употребляютъ ремни.

«Не оуждая употребленія для такой цели ремней, я считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія: а) ремни стоятъ очень дорого; б.) охватывая собою только почти половину окружности барабана, они должны быть сильно натянуты чтобъ не скользили, почему и ширина ихъ увеличивается соразмерно увеличиванію потребной силы. Отъ такого сильнаго натяженія ихъ, происходитъ въ осяхъ большое треніе, которое бываетъ уже не просто соразмерно тяжести частей машины, но соразмерно всей силѣ натянутости ремня.

«Съ недавняго времени однако же въ Англіи ремни съ помощью замѣняются эластическими *веревками съ каучукомъ*, и хотя ихъ не столь туго натягиваютъ какъ ремни, но они подобно имъ все еще стягиваютъ вмѣстѣ оси, и тѣмъ производятъ сильное треніе.

«Употребляютъ также и *цѣпы* вмѣсто ремней, они захватываютъ въ шпигеты или зубцы, вставленные въ окружность барабана или шкива; при медленномъ дѣйствіи они лучше ремней, но при быстромъ движеніи звенья цѣпы неправильно захватываютъ зубцы и дѣлаютъ сильное сотрясеніе. Они также какъ и ремни стягиваютъ вмѣстѣ оси, и въ соединеніи сего съ собственною значительною тяжестью производятъ излишнее треніе на подшипникахъ.

«Составные *валы съ муфтами*, хотя бы и могли удобно быть употреблены для передачи движенія на далекихъ расстояніяхъ, но невыгодны тѣмъ, что у нихъ отъ тяжести привода треніе на подшипникахъ чрезвычайно велико, и что обратная установка ихъ въ совершенно прямомъ направленіи очень трудна.»

«Передача движенія *зубчатыми колесами* дѣлается во всехъ направленіяхъ, но этотъ способъ неудобенъ для передачи движенія на далекія расстоянія.

Часть XII. Гл. IV.

«*Составное колесо* (universal joint) хотя и передаетъ движеніе во всехъ направленіяхъ, но по неправильности передаваемого движенія неудобно, и мало употребительно.»

«*Веревчатый приводъ*, здѣсь предлагаемый, очень простъ, какъ по устройствію, такъ и по содержанію во всегдашней исправности. — Г. Пуадбардъ и я, во многихъ случаяхъ, съ большою пользою его употребляли, какъ ниже будетъ изъяснено.»

«Этотъ замѣнительный механикъ первый употребилъ веревки для передачи движенія машинамъ, требующимъ значительной силы и большой скорости, посредствомъ обвязанія веревокъ по нѣскольکو разъ на шкивахъ. — Для сохраненія всегдашней и равномерной натянутости веревки при различныхъ перемѣнахъ атмосферы, онъ употреблялъ *натяжные шкивы* установленные позади дѣйствующихъ. Этѣ натяжные шкивы, находятся въ рамахъ, скользящихъ въ пазахъ, рамы же оттягиваются посредствомъ свободно висѣщаго груза.»

«По исчисленіямъ Г. Пуадбарда, въ веревчатомъ приводѣ, потеря дѣйствующей силы, остается почти одинаковою, при различныхъ расстояніяхъ, хотя бы разстояніе это было въ нѣсколько сотъ сажень, и составляетъ около $\frac{1}{8}$ части передаваемой силы — Такимъ образомъ она нѣсколько меньше той потери, (какая бываетъ при передачѣ движенія двумя только зубчатыми колесами) которая, какъ извѣстно, уничтожаетъ $\frac{1}{8}$ долю передаваемой силы. Въ этомъ отношеніи этотъ веревчатый приводъ имѣетъ большую выгоду предъ ельдштамгами, въ которыхъ потеря силы возрастаетъ значительно разстоянію.»

«Но главнѣйшее преимущество способа передавать движеніе о которомъ мы говоримъ, состоитъ въ томъ, что посредствомъ его можно быть всякихъ неудобствъ увеличить скорость движенія, что совершенно невозможно при употребленіи ельдштамговъ.»

«Опытами дознано, что при ускоренномъ движеніи, веревки дѣйствуютъ лучше, и требуютъ меньше оттяжнаго груза.»

«Веревки и прежде давно употреблялись на передачу движенія, но описываемая нами веревчатая система имѣетъ важныя выгоды предъ обыкновенными безконечными веревками. — Выгоды эти заключаются въ слѣдующемъ: 1-е. Безпрерывное растягиваніе и сжиманіе веревочекъ, происходящія отъ дѣйствія атмосферныхъ измѣненій, и различной степени сопротивленія машинъ, не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на дѣйствіе веревочекъ расположенныхъ по этой системѣ, ни въ разсужденіи количества передаваемой силы и движенія, сохраняющихся всегда въ одинаковой степени. — Обыкновенныя же безконечныя веревки при сухой погодѣ, до того вытягиваются, что не будучи пересрощены не могутъ приводить въ движеніе машину; — при сырой погодѣ напротивъ, эти веревки или ломаются, будучи слишкомъ натянута, или производятъ сильное треніе на шпалахъ. — 2-е. Обыкновенныя безконечныя веревки могутъ передавать только малую силу; нашею же веревчатою системою, можно представить силу до 15-ти лошадей, при веревкѣ имѣющей одинъ дюймъ толщины въ поперечникѣ. — 3-е. Обыкновенныя безконечныя веревки тогда только могутъ передавать движеніе отъ одного шкива къ другому, когда оба шкива находятся на одной плоскости; въ противномъ же случаѣ, нужно употребить промежуточные шкивы для перемѣны направленія веревки. — Отъ этихъ излишнихъ перегибовъ веревочекъ, движеніе ихъ и дѣйствіе затрудняется и требуетъ болѣе силы. — Напротивъ въ нашей веревчатой системѣ, шкивы могутъ быть въ различныхъ плоскостяхъ и въ различныхъ направленіяхъ, лишь бы одна прямая линія была касательною къ горламъ обоихъ шкивовъ. —

Въ этой системѣ, веревки дѣйствуютъ всегда удобно, прочно и вѣрно, съ одинаковою силою и не требуя прибавленія ни одной излишней части въ машинахъ.

«Этимъ способомъ передача движенія отъ одной части машины къ другой, веревкою, которой длина сообразна разстоянію частей машины, можетъ быть безъ неудобства продолжена до ста и болѣе сажень, и при такомъ далекомъ разстояніи представляеть не болѣе затрудненія, какъ и обыкновенныя способы передачи движенія на маломъ разстояніи, въ одномъ и томъ же помѣщеніи.»

«Если дѣйствующіе шкивы бывають на валахъ своихъ не совершенно вѣрно установлены, или когда ихъ современнымъ перекосятъ, то и въ такомъ случаѣ не дѣлается препятствія совершенному дѣйствію нашего веревчатого привода; въ то время какъ при передачѣ движенія зубчатыми колесами, подобныя неисправности дѣлають колеса совершенно негодными къ употребленію.

«Не менѣе важна и простота этого устройства: всякій мельничныи мастеръ въ состояніи сдѣлать хорошій шкивъ; но кулачное, звѣздное или лобовое, вѣрное колесо или шестерню, не всякій мельникъ и даже не всякій хорошій столяръ въ состояніи сдѣлать. Для устройства ихъ нужно имѣть навыкъ и смѣлливость.»

Изъ этого всякой легко можетъ видѣть до какой степени неотъемлена услуга г. Дито въ Русскомъ домоводствѣ. Кто возьметъ на себя трудъ изучать наставленія автора, чрезвычайно ясно и подробно изложенныя въ его книгѣ, тотъ истинно удивится, какими простыми средствами онъ въ состояніи будетъ производить «непростыя дѣла.» Одно только съ своей стороны считаю нужнымъ замѣтить, что хотя посредствомъ приводовъ г. Дито, можно движителя имѣть на Бертовомъ заводѣ въ Петербургѣ, а приводить имъ въ движеніе все фабрику въ Москвѣ, но одно

только условіе авторъ не помѣстилъ въ своей книгѣ, именно: *Необходимо нужно, чтобы веревка составляющая приводъ была сухая*, т. е. когда понадобится провести приводъ на открытомъ воздухѣ, то его необходимо защитить отъ дождя; иначе, памокшая веревка своимъ напряженіемъ будетъ производить сильное треніе, которымъ бесполезно потребится значительное количество полезнаго дѣйствія машины или двигателя.

С. Б.

Руководство къ теорическому и практическому садоводству, составленное П. Шварцолемъ, дѣйствительнымъ членомъ общества любителей садоводства и членомъ-корреспондентомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ. С. Петербургъ. 1840. Стр. 379. Рисунковъ пять листовъ.

Въ наше время и теорически и практически поняли великую правду, что забава забавой, а дѣло дѣломъ и польза пользой, что тогда только и *весело*, когда потрудишься, да честнымъ трудомъ порадочко припасешь *пользы* въ кармакъ, и себѣ и другимъ. Ежели вообще пріятно имѣть великодушный обширный цвѣтущий садъ, то еще пріятнее имѣть садъ, при всѣхъ тѣхъ же условіяхъ еще и полезный. Вотъ такіа-то разсужденія произвели то, что наука садоводству отмежевала себѣ наконецъ обширныя владѣнія, обнимающія всю растительность земли, не входящую въ область полеводства, и усвоила себѣ всѣ общіе законы *леводства*, съ тою разностью отъ него, что лѣсоводство пасетъ и холитъ свои растительныя стада на *убой*, на смерть, а садоводство бережетъ своихъ питомцевъ на жизнь, и только *сбрасываетъ* съ нихъ ежегодную дань *плодами, цвѣтами, овощами*, а въ минуты досуга любитъ, услаждается ихъ присутствіемъ, роскошною и богатѣйшею жизнію, прохладою, пре-

лестью и тѣнью. Полеводству и лѣсоводству давай обширное пространство земли, иначе имъ нечего и рукъ марать; а садоводству—ключекъ земли, палисадникъ передъ окномъ, и оно чудесъ надѣлаетъ.

Авторъ, въ изданной теперь книгѣ предлагаетъ ту часть садоводства, которая относится собственно къ лѣсоводству. Въ *введеніи* изложены энтомогическія свѣдѣнія о произрастаніи вообще.—*Органографія растений*. Устройство частей растения. Физиологія растений. Условія произрастанія. Въ 1-й Главѣ разсматриваетъ различные роды и свойства *почвъ*, ихъ удобреніе, поливку и прочая. Во 2-й Главѣ, *Размноженіе* растений кореньями, отпрысками, почками, стеблями, отводками, черенками, съемами. Въ 3-й Главѣ, *Прививаніе*, окулированіе, прививаніе кольцомъ, черенкомъ, прививаніе чѣтрослей, аблактированіе, вліянія прививки. Въ 4-ой Главѣ, *Выборъ мѣста* и приготовленіе мѣста для сада. Обработка почвъ—разчистка—воздѣлываніе—рыхленіе—удобреніе—пареніе. Въ 5-ой Главѣ *Садовая пособія*: паровыя гряды,—парники—лѣтнія и зимнія теплицы—оранжереи—рамы—консерваторіи—пристановочныя сараи—погребя. Въ 6-ой Главѣ *Воспитаніе растений*: питомники. Въ 7-ой Главѣ, *Содержаніе растений*: время и способы пересаживанія—стержневой корень—рѣзка вѣтвей—пересадка старыхъ деревьев—глубина сажанія—полупересадка—поливка—рѣзка—соципываніе глазковъ—нарѣзка—сгибаніе вѣтвей—шпалерованіе—стрижка. Въ 8-ой Главѣ, *Сохраненіе растений*: въ теплицахъ, въ оранжереяхъ и парникахъ, въ простѣнкахъ и погребяхъ, на воздухѣ,—средства отъ зимняго холоду, отъ весеннихъ морозовъ—пристаковка деревьевъ и растеній. Въ 9-ой Главѣ, *Перерожденіе растений*. Въ 10-й Главѣ, *Оклиматиръ еяніе растений*. Въ 11-ой Главѣ, *Искусственное произведеніе*: разновидностей или помѣсныхъ

ныхъ видовъ (метисовъ). Въ 12-ой Главѣ, въ *Ускореніе плодошенія* деревъ, особенно грушевыхъ и яблонныхъ. Въ 13-ой Главѣ, *Болезни растений*: неправильность произрастанія. *Внутреннія болезни*: разжиженность и острота сока—ракъ (антоновъ огонь), бѣль или проказа—ржавчина—колтувъ—медоная роса—краснота—прѣлость или плѣсень корпей. *Наружныя болезни*: истечение камеди—ракъ наружный—убой, обжогъ и проч.—поврежденія отъ морозовъ—чужездныя растенія: поросты, мхи и прочая. Въ 14-ой Главѣ: животныя и насѣкомыя вредныя для садовъ и способы истреблять ихъ: кроты, мыши, и зайцы—птицы (воробьи, иволга) листовая вошь—щитоноска—кофейная вошь—жасминная вошь—паучекъ—волноносная букашка—древесный жучокъ—лиственной тигръ—капустная блоха—моль—червь—земляные черви (глисты)—слезни (улитки)—медвѣдка—муравьи—осы—мухи. Въ Главѣ 15-ой: *Пересылка черенковъ и растений и уходъ за полученными изъ дальнихъ мѣстъ*. Въ Главѣ 16-ой: *Врачебныя средства*: Форзитова мазь—Татенева вода—садовый варъ—составъ г. Эделькранца—известковая вода. Въ Главѣ 17-ой: *изъясненіе рисунковъ* и описаніе употребительнѣйшихъ орудій въ садоводствѣ.

Изъ этого содержанія книги видно, что для садоводовъ нечего болѣе желать. Всѣ возможныя наставленія и советы здѣсь исчерпаны. Авторъ обѣщаетъ, въ своемъ *предисловіи*: если книга эта удостоится вниманія—а она со всѣхъ сторонъ его заслуживаетъ—то вслѣдъ за нею издастъ онъ еще *три* книги, которыя будутъ служить *продолженіемъ* этой, и всѣ вмѣстѣ составлять *полный курсъ садоводства*; въ то же время каждая изъ нихъ составитъ особое и совершенно отдѣльное сочиненіе: первое, будетъ содержать въ себѣ *плодоводство*, второе—*огородоводство*, третье—*цѣтководство*.

Предсказываемъ автору полный ус-

пѣвъ какъ этой, изданной уже, кнѣги, такъ и обѣщанныхъ, ежели и тѣ будутъ составлены съ такимъ же знаніемъ дѣла и такъ добросовѣстно. Критикъ съ этой книгой дѣлать больше нечего: тутъ нѣтъ гипотезъ, *) разглагольствій, спорныхъ вопросовъ; здѣсь вещи практическія, дознавныя потовымъ опытомъ, факты, собранныя авторомъ, опытнымъ садоводомъ, изъ всѣхъ извѣстныхъ ему источниковъ и приспособленные къ Русской мѣстности и климату. Лучшій критикъ здѣсь—повѣрка на опытѣ. Какъ бы шагнуло быстро къ совершенству наше Русское садоводство, если бы каждый изъ тѣхъ, кому случится руководствоваться наставленіями автора, не постучалъ сообщать сдѣланныя имъ замѣчанія въ общее извѣстіе, черезъ посредство «посредника» или «эконома»—изданій, исключительно посвященныхъ такому благому дѣлу.

Слѣдующія мѣста изъ этой книги, познакомятъ читателей съ языкомъ и слогомъ автора, и съ богатствомъ снѣдвій, какихъ, судя по этому, можно ожидать отъ него. Я впрочемъ беру отрывки изъ самой трудной и вмѣстѣ любопытной и поучительной статьи—*физиологія растений*.

«На возбужденіе жизни въ зародышѣ преимущественно имѣютъ вліяніе три главныхъ дѣятеля: вода, теплота и воздухъ.

«Вода. Еще во времена глубокой древности почитали воду основою всѣхъ существъ органическихъ; одаренныхъ жизнедѣятельностію, и тогда мнѣніе это было, такъ сказать, *народнымъ*, а пылкое воображеніе Грековъ облекло сей законъ природы въ догматы ихъ религіи, и Венера, раждающая изъ нѣдра волнъ, была его эмблемою!.. Да и дѣйствительно: 1) наблюденія есте-

*) За исключеніемъ статьи «физиологія растений»; эта часть ботаники такъ еще мало обработана, что безъ гипотезъ, удовлетворительныхъ до дальнѣйшаго опыта, не возможно обойтись.

ствоспытателей не показывают ли намъ, что всѣ животныя и растенія зарождаются изъ жидкостей? что безъ жидкости нѣтъ даже плодотворенія, и что вода есть всеобщій проводникъ для основныхъ началъ тѣлъ органическихъ, безъ котораго и самыя жизненныя отправленія совершаться не могутъ? однимъ словомъ: *жидкость есть первообразъ организаціи*. 2) Если мы обратимъ только вниманіе на камни постоянно орошаемые водою, то замѣтимъ, что они мало по малу покрываются зеленоватою слизью или иломъ, подобнымъ тому, который отстаивается изъ воды, содержащей въ сосудѣ, и рассмотрѣвъ эту слизь съ помощью микроскопа, увидимъ, что она содержитъ множество округленныхъ тѣлъ, изъ коихъ одніе неподвижны, а другія одарены движениемъ: первыя принадлежатъ къ царству растительному, вторыя къ царству животному. Со временемъ слизистое вещество увеличивается, живыя тѣла въ немъ умножаются до чѣтырехъ степеней, но существованіе ихъ не продолжительно; одно поколѣніе сменяется другимъ, постепенно восходящимъ отъ образования простѣйшаго къ организаціи болѣе сложной, а между тѣмъ остатки отъ послѣдовательнаго разложенія, какъ существъ животныхъ, такъ и растительныхъ, усиливаютъ количество ила, такъ что изъ него образуется наконецъ почва, на которой обнаруживаются тѣла органическія, видимыя глазомъ уже невооруженнымъ, которыя въ свою очередь приготавливаютъ почву для новыхъ; и такъ даже даже до произрастанія злаковъ и деревьевъ.

«Но не въ этомъ отношеніи вода есть дѣятель, необходимый для роженія: она есть средство, дѣйствующее на сѣмя сколько *механически*, размягчая и проникая наружныя покровы его, столько и *химически*, производя въ ядрѣ (какъ увидимъ ниже) различныя измѣненія оставшимъ частямъ своимъ, т. е. ки-

слородомъ и водородомъ, отъ которыхъ возбуждается и поддерживается процессъ растительный. А какъ матеріалы питанія могутъ быть поглощаемы растеніемъ тогда только, когда они растворены водою, то и очевидно, почему отсутствіе влажности есть причина, уничтожающая растительность, и почему безводныя, знойныя степи, неосвѣжаемыя влагою, представляютъ взорамъ песчаныя пустыни.

«*Теплота*. Не трудно замѣтить, что въ странахъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, каковы вершины первоклассныхъ горъ и полоса за 74° широты лежащая, нѣтъ жизни растительной; что и въ нашемъ умеренномъ климатѣ видимыя явленія произрастанія при наступленіи зимы прекращаются и природа погружается въ глубокой сонъ, отъ котораго пробуждается только весною, съ приближеніемъ солнечнымъ, а потому и *заключить*, что для растеній вообще теплота необходима. Многочисленные опыты доказываютъ, что безъ нея не можетъ быть и прозябенія. Только при содѣйствіи тепла возбуждается жизнедѣятельный химизмъ зерна; — безъ тепла оно лежитъ въ оцѣпенѣніи.

«*Воздухъ*. Для роженія не менѣе теплоты и влажности необходимъ атмосферный воздухъ, какъ хранилище кислорода, безъ котораго ничто живущее на землѣ обойтись не можетъ и который въ атмосферѣ содержится въ количествѣ соразмѣрномъ съ потребностію существъ подлунныхъ, такъ что избытокъ его хотя и ускоряетъ первоначальный ходъ прозябенія сѣмянъ, но отъ излишества дѣятельности оно скоро разрушается. Опыты произведенныя Гумбольтомъ и другими естествоиспытателями надъ хлоромъ, сѣрною и селитряною кислотами, и надъ другими веществами, содержащими въ изобиліи кислородъ и достаточно разведенными водою, не оставляютъ въ сѣмъ случаѣ ни малѣйшаго сомнѣнія, почему сѣмяводныя и могутъ съ великою пользою

прибѣгать къ этимъ возбуждающимъ средствамъ, ограничивая ихъ вліяніе послѣ того, какъ первоначальное развитіе обнаружится. Такъ точно и напротивъ: опыты Сенебье, Губера и другихъ, убѣждаютъ явственно, что въ газахъ, не содержащихъ кислорода, рощеніе не совершается, потому что безъ него не можетъ быть образованія угольной кислоты, служащей главнымъ матеріаломъ растительнаго питанія сѣмянныхъ долей или *оловенокъ* и происходящей отъ соединенія кислорода съ углеродомъ; а потому и очевидна причина, по которой зерна, устранивныя отъ вліянія атмосферы, напримѣръ слишкомъ глубоко зарытыя въ землю, особенно плотную, остаются не прозябшими; до сихъ поръ однакожъ не извѣстно, ограничивается ли вліяніе кислорода однимъ образованіемъ зерна въ ядрѣ или онъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить непосредственно возбуждающимъ началомъ для усыпленной жизни въ зародышѣ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что атмосферный воздухъ есть одинъ изъ главныхъ дѣятелей произрастанія.

«При всемъ этомъ замѣтить должно, что въ частяхъ сихъ трехъ дѣятелей потребна извѣстная соразмѣрность, несоблюденіе которой имѣетъ гибельныя для прозябенія слѣдствія. Такимъ образомъ: 1) избытокъ воды: или вымачиваетъ черезъ мѣру сѣмена, или приводитъ ихъ въ гніеніе при значительной степени тепла; 2) избытокъ тепла или иссушаетъ ихъ или ускоряетъ разложеніе, если влажности будетъ достаточно; 3) избытокъ воздуха, при недостаткѣ влаги, или выветриваетъ ихъ или недопускаетъ выдти изъ средняго между жизни и смерти состоянія, сохраняя въ оцѣпѣннн зародышъ, чрезъ прегражденіе возможности развитія химизму въ половинкахъ зерна, его заключающихъ.

Процессъ рощенія. Когда же вода, при содѣйствіи тепла и воздуха, проникнетъ въ зерно сквозь наружныя обо-

лочкі его, размягчитъ и вздуетъ его покровы, тогда углеродъ половинокъ сѣмяни начинаетъ соединяться съ кислородомъ; внутри его образуется угольная кислота: совершается броженіе, мучнистое начало сѣмянныхъ долей превращается въ сахарное, слизистое вещество, растворимое въ водѣ и доставляющее первое питаніе возраждающемуся растенію. Въ непродолжительномъ времени покровы зерна лопаются и изъ середины его показывается *ростокъ* въ видѣ маленькаго соска, и углубляясь въ землю превращается въ корешокъ; а между тѣмъ оживающее перышко зародыша раздвигаетъ мало по малу половинки сбросившія оболочку и служившія ему хранилищемъ запасовъ питанія, и влечетъ ихъ изъ земли въ страну свѣта и воздуха, продолжая нѣсколько времени питаться матеріаломъ тѣхъ же долей ядра, которыя твердыя отъ вліянія свѣта, покрываются цвѣтностью и подъ именемъ *сѣмянныхъ листковъ*, всасываютъ уже изъ воздуха необходимую пищу дотолѣ, пока корешекъ придетъ въ состояніе извлекать ее изъ земли; въ это время сѣмянные листы засыхаютъ и опадаютъ. Чтобъ увѣриться въ такомъ назначеніи долей ядра, стоитъ только уничтожить ихъ при началѣ прозябенія и юное растеніе погибнетъ. Когда перышко разовьется въ стебель, покрытый листьями, тогда составъ растенія изъ клетчататаго переходитъ въ сосудистый, и тогда оно живетъ само собою, при помощи отпавшей, образовавшихся для произрастанія органовъ.

«А если мы видимъ, что сѣмяныя половинки не только однодольныхъ растеній, но и нѣкоторыхъ двудольныхъ, напримѣръ каштана, орѣха, желудка и т. п., на поверхность земли не выходятъ и въ сѣмянные листки не превращаются, а какъ будто уклоняются отъ описаннаго хода процесса прозябенія, то причину этого объяснить не трудно: мясистое ядро ихъ содержитъ само въ

себѣ столь достаточный запасъ питательнаго матеріала, что не вмѣетъ, такъ сказать, надобности искать его въ атмосферѣ, до тѣхъ самыхъ поръ, пока растение придетъ въ состояние пользоваться самостоятельною жизнью.

«Свѣтъ. Изъ предыдущаго не трудно вывести заключеніе о вліяніи свѣта на растенія и убѣдиться въ томъ: 1) что отсутствіе его должно благоприятствовать роженію и 2) что для развивающагося растенія онъ есть необходимое условіе; потому что вліяніе его состоящее преимущественно въ разкисленіи и кристаллизациі угольной кислоты, въ первомъ случаѣ останавливаетъ роженіе, прекращая необходимое для него ея образованіе а во второмъ онъ служитъ причиною тверднѣнія и цвѣтности растеній. Вялость, безцвѣтность и стремленіе растений къ свѣту, свидѣтельствуютъ ясно о дѣйствіи животворныхъ лучей солнца.

«*Направленіе частей растеній.* Незыбнимость направленія противоположныхъ частей, т. е. стремленіе корня внизъ, къ центру земли, а стебля вверхъ, въ атмосферу, долго занимала естествоиспытателей, искавшихъ основной причины этого явленія: при всѣхъ разнообразныхъ, самыхъ утонченныхъ опытахъ оказалось, что эти двѣ части, вопреки всѣмъ усиліямъ, всегда принимаютъ естественное направленіе свое. Иные полагали, что корни влекутся внизъ влажностію земли; но Дютроме, наполнивъ ящикъ землею, дѣлалъ на двѣ его дырочки и сажалъ въ нихъ бобы такимъ образомъ, чтобы ростки ихъ были обращены вверхъ въ землю, а воздухъ дѣйствовать снизу; но увидѣвъ что корешки нѣтъ обратясь, сами собою входили въ отверстія стремясь къ землѣ чрезъ воздухъ, а стебельки напротивъ тянулись вверхъ, пробиваясь сквозь землю лишка. Другіе искали разрывать это явленіе механическимъ дѣйствіемъ тяжести предпологая, что соки, наполняющіе сосуды корня, тяжелѣе тѣхъ,

которыми наполнены стебли; но побочные корешки фиги, обнаруживающіеся изъ желѣзокъ стебля, часто на высотѣ значительной, безъ сомнѣнія содержатъ сокъ столь же выработанный, какъ и часть ствола ниже ихъ находящаяся, однако не менѣе того они стремятся внизъ; наконецъ если и приписываютъ причину явленія *плотности*, то не объясняютъ, почему же оно влечетъ именно корень и какъ бы видимо отталкиваетъ перышко, если бы части должны были подвержены его вліянію? — Пуато въ своихъ *урокахъ садоводства* старается объяснить неизмѣнимость направленія существенныхъ частей растенія законами *полярности* или противодействующаго *двойства* силъ природы; но ни онъ, ни Вирей (Virey), развивая мысли Окена и Меккеля (Mekel), не говорятъ о томъ отчетливо, а потому на сей предметъ удовлетворяетъ болѣе прочихъ теорія г. Павлова о свѣтѣ и тяжести *), какъ силахъ разширительной и сжимательной, составляющихъ первообразъ полярнаго, галактическаго процесса нашей планеты. Вотъ какъ говоритъ онъ въ своей *земледѣльческой химіи*: «*Растеніе до прозябанія зерна можно представлять одною покойною точкою, во время прозябанія разделяющеюся на двѣ, изъ которыхъ одна по радіусу земнаго шара движется къ центру онаго, а другая въ томъ направленіи къ окружности. Почему корень со стеблемъ, находясь въ видимой противоположности, представляютъ два разноименные полюса, а узелъ (collet) ихъ связующій, служитъ тою точкою, гдѣ полярное различіе теряется, следовательно составляетъ точку безразличія полярнаго процесса; а потому растеніе какъ произведеніе (зависящее отъ полярнаго процесса самой планеты) есть полярное цѣлое.»*

*) Основаніи фланки, профессора Павлова. Часть 1 и 2.

«Питаніе. Но какъ развившіеся растеніе пріобрѣтаетъ жизнь, такъ сказать, независимую, следовательно оно должно имѣть способность *питаться* посредствомъ собственной дѣятельности, т. е. поглощать извѣстныя вещества и превращать ихъ сообразно своей сущности. По всѣмъ наблюденіямъ ученыхъ этому способностію одарена *клетчатка*, оказывающая жизнедѣятельность въ такой мѣрѣ, что многіе почитаютъ ее даже гнѣздящимъ жизни растительной; а какъ клетчатка занимаетъ значительную долю состава растительнаго и имѣть органа который бы не содержалъ ее болѣе или менѣе, следовательно всѣ органы болѣе или менѣе могутъ всасывать матеріалы питанія; но какъ преимущественно изъ нее образованы листья и оконечности (соски, губочки — *spongiole*) корней, то и очевидно, что эти два противоположные органа одарены наиболѣе силою сосанія, первые извлекаютъ матеріалы изъ воздуха, а вторые изъ нѣдръ земли.

«Всасывающая способность листьевъ доказывается очевидно тѣмъ: 1) что листъ, приложенный къ водѣ нижнею своею стороною, имѣющимъ большее количество отверстій (*stomates*), очень долго можетъ сохранять свѣжесть свою, 2) что растенія, имѣющія толстые листья, требуютъ очень мало полвки, потому что, по обычку клетчатки въ составѣ своемъ, они извлекаютъ довольно влажность изъ атмосферы. 3) Что листья завядшіе дѣломъ отъ засухи растенія, будучи смочены водою или осыжены ночною рососою, оправляются и осыжаются скоро. Но какъ главнѣйшимъ хранящимъ матеріаловъ питанія служитъ безъ всякаго сомнѣнія почва, следовательно *корень* есть главный органъ, способствующій возрастанію растенія; а какъ корни растутъ только оконечностію, то и сосаніе корнями производится только въ тѣхъ мѣстахъ ихъ, гдѣ клетчатка наиболѣе свѣжа и дѣятельна, т. е. въ ихъ оконечностяхъ,

называемыхъ *губочками* или *сосками*. Стоитъ только опустить одни концы корней лука, рѣпы и т. п. въ воду — произрастаніе будетъ совершаться съ примѣтнымъ уменьшеніемъ воды въ сосудѣ.

Возрастаніе. Изъ числа явленій, составляющихъ вообще *произрастаніе* растеній, безспорно важнѣйшее есть *возрастаніе* ихъ, т. е. способы, посредствомъ которыхъ образовательный или питательный сокъ производитъ ихъ увеличеніе въ длину, въ толщину и образованіе различнаго рода органовъ. Изъ всѣхъ новѣйшихъ мнѣній о семъ предметѣ науки, наибольшаго вниманія заслуживаютъ мнѣнія и опыты Дю Пети-Гуара и Мецгера; но прежде нежели покажу я вкратцѣ, въ чемъ преимущественно состоятъ они, надобно замѣтить, что въ двудольныхъ растеніяхъ, каковы наши деревья, увеличеніе въ толщину происходитъ отъ ежегоднаго образованія новаго слоя *мязги*, переходящей съ лѣтами въ древесину, и новаго внутренняго слоя *луба* такъ, что дерево увеличивается въ объемѣ своемъ наружнымъ кольцомъ *лѣсной* и внутреннимъ *коры*, а какъ съ каждымъ же годомъ возрастаетъ и протяженіе въ длину, то слои *лѣсныя* представляютъ собою сверхъ земли концентрическіе конусы, одинъ въ другой вставленные и имѣющіе общее основаніе на линіи узла. Такимъ образомъ стволъ пятилѣтній имѣетъ въ *лѣсной* и *корѣ* по пяти слоевъ; если же срезать его на основаніи перваго *вѣтвенія* (*ramificatio*), т. е. на возрастѣ четырехъ лѣтъ, то слоевъ этихъ будетъ не четыре, и такъ далѣе. Точно такимъ же образомъ происходитъ *толщеніе* и *корня*.

«Что же касается до *возрастанія* въ длину, то 1) въ отношеніи *корней* оно очевидно совершается ихъ оконечностію на подобіе выдвиганія *коленъ* вѣтвительной трубки, потому что корни не имѣютъ *глазковъ*, а только

желзки, изъ которыхъ развивается боковая почка; 2) въ отношеніи стеблей, оно происходитъ развитіемъ почки или глазковъ въ новые побѣги.

«Желаю объяснить основныя причины сихъ возрастаній въ длину и толщину. Дю Петит-Туаръ полагаетъ, что *глазокъ* или *почка*, въ основаніи листа сидящая, при развитіи своемъ прообразуетъ подобно свѣчи, т. е. образуетъ полное растение на растеніи, такъ что по мѣрѣ провзрастанія изъ глазка вѣтвь, основаніе его обнаруживаетъ волокна, подъ лубомъ по мѣстѣ простирающіяся и часто до самаго узла достигаютія. Волокна эти, по мнѣнію его, образуютъ новые слои древесины, и чѣмъ болѣе будетъ на стеблѣ провзрастающихъ глазковъ, тѣмъ толстѣе проваходитъ успѣхъ, и на оборотъ; и потому тѣ деревья, которыхъ почки уничтожены или провзрастаютъ одніи верхнія, толстѣютъ незначительно, и какъ говорить *тланутся*, — что и видимъ: 1) на деревьяхъ, растущихъ въ гущи, которыхъ боковыя глазки, лишеныя свѣта, остаются *спящими*, 2) на деревьяхъ хвойныхъ, возрастающихъ преимущественно глазками концевыми. Эта по видимому весьма естественная теорія имѣла бы неменѣе опроверженій, если бы Дю Петит-Туаръ не утверждалъ: 1) что развитіе побѣговъ условливается образованіемъ волоконокъ, а по опытамъ Поллони оказывается, что по сразаніи ктокъ шелковницы, хотя и образуются на стеблѣ новые побѣги, долженствовавшіе бы усилить волокнистый слой, однако слои лѣвщины ея вмѣсто толстѣнія тонѣютъ; 2) что волокна эти, представляя какъ бы корни развѣтвляющіяся въ пространство побѣга, суть органы ему соответствующіе и однородныя; извѣстно также, что въ этихъ волокнахъ находится *дыгальца* (*tracheae*), рѣдко встрѣчаемая въ корняхъ, а притомъ они и не состоятъ подобно корнямъ изъ частей внутреннѣйшихъ и коровныхъ; 3) что волокна простираются

къ тому такъ, что если разрушить ихъ непрерывность, то они образуютъ наплывъ, изъ котораго при извѣстныхъ условіяхъ обнаруживаются опять въ видѣ кореньевъ, наприм. при сажаніи черенковъ. Но Поллони, дѣлая кольцеобразный наръзъ до самой древесины, слѣдственно преграждая низшее волокно, нашелъ, что и ниже наръза не перестаетъ образоваться волокнистый слой; слѣдственно эти внизу обнаружившіяся волокна, не суть слѣдствіе развитія, начинающагося въ основаніи глазка и спускающагося къ земной поверхности, а собственная кристаллизациа образовательнаго сока. Посему и кажется правдоподобнѣе, соглашаясь съ тѣмъ основаніемъ Дю Петит-Туаровой теоріи, что процессъ начинается съ глазка, допустить что по мѣрѣ того какъ онъ развивается въ побѣгъ, выходятъ не волокна, но отъ дѣятельности процесса его зеленыхъ частей и листа дѣреработывается пасока въ образовательный сокъ и опускается жидкости, кристаллизуясь въ волокна, почему 1) можетъ и ниже кольцеобразнаго наръза существовать ихъ дѣленіе, потому что жизнедѣятельность зеленыхъ частей коры и такъ вырабатываетъ камбій изъ пасоки. 2) Корни изъ надземныхъ выходящіе, равно какъ и самыя наплывы, суть провзращенія образовательнаго сока. 3) При помѣщеніи на дичкѣ или пнѣ прививка различнаго, примѣчается на мѣстѣ сросстанія ихъ разрушеніе непрерывныхъ слоевъ лѣвщины, такъ что выше соединенія они однородны съ прививкомъ, а ниже соединенія однородны съ дичкомъ или пнемъ, потому что скопляющійся въ сихъ пространствахъ камбій уже кристаллизуется сообразно мѣстному устройству.

«Что касается до Метгера (*Metzger*), то онъ слѣдуя почти совершенно мнѣнію Дю Петит-Туара, разделяетъ возрастаніе деревъ на два періода, изъ которыхъ одинъ всесній, называетъ

ростомъ побѣговъ (pousse des bourgeons) а другой — осенній, *ростомъ общимъ* (pousse de l'agregat). Въ слѣдствіе перваго процесса, глазки развиваются въ побѣги, а почки въ цвѣты, независимо отъ цѣлаго состава растительнаго, напримѣръ, у орѣшника еще при оцѣпневніи земли или какъ часто видимъ на вѣтвяхъ, срубленныхъ даже осенью съ ивы, осины и т. п.; а въ слѣдствіе втораго совершается жизнедѣятельное отправленіе уже въ цѣломъ составѣ древесномъ, въ силу котораго дозрѣваютъ совершенно произросшіе побѣги и, въ основаніи новоразвившихся на нихъ листовъ, образуются глазки и почки для вѣшняго періода, и потому по мнѣнію его каждая древесная вѣтвь есть какъ бы двухлѣтнее растеніе на растеніи, отчасти подобное нашимъ озимымъ хлѣбамъ, такъ что первый годъ его есть періодъ осенній въ продолженіе котораго образуется и усовершенствуется глазокъ, а второй годъ есть періодъ весенній или время, когда глазокъ этотъ достигаетъ развитія въ вѣтку, покрывающуюся вновь къ зимѣ глазками, причѣмъ побѣгъ, какъ окончившій свое развитіе или совершившій процессъ возрастанія своего, уже входитъ какъ постоянное звѣно въ цѣпь состава растительнаго. Развитіе и приложеніе къ практикѣ сей остроумной мысли Мецгера можетъ имѣть большое вліяніе на садовую практику, особенно въ отношеніи къ прививанію глазкомъ, управленію ростомъ деревъ и содержанію ихъ въ правильной формѣ, напримѣръ персиковыхъ шпалеръ.

«*Оплодотвореніе*. Изъ всѣхъ явленій, сопровождающихъ процессъ растительный, *плодотвореніе* кажется есть важнѣйшее, потому что оно есть цѣль, для которой природа располагаетъ всеми предназначенными устройствами органическаго: не смотря на то, садоводство довольствуется о немъ свѣдѣніями, только поверхностными, потому что какъ ни

любопытны, какъ ни изумительны средства, употребляемая природою для достиженія цѣли ея въ образованіи зерна — источника возрожденія — но познаніе и утонченное изслѣдованіе ихъ не имѣетъ значительнаго вліянія на совершенство садоводственной практики, почему и достаточно о семъ предметѣ слѣдующаго.

«Когда наступитъ время полнаго развитія цвѣтка, тогда *пыльники* лопаются и выбрасываютъ плодотворную пыль, всасываемую устьемъ или рыльцемъ пестика, а иногда его покровами; пыль эта, достигая мало по малу завязи или яичника, оплодотворяетъ лежащія въ немъ яички, и тогда вѣнчикъ начинаетъ увядать, засыхаетъ и падаетъ; тычинки уничтожаются, совершивъ назначеніе свое; остается одинъ яичникъ, у многихъ растеній также искорѣ теряющій рыльце и столбикъ. Яичникъ этотъ примѣтно увеличивается и наконецъ превращается въ плодъ, содержащій новые зачатки слѣдующаго поколѣнія.

Въ справедливости процесса плодотворенія очень легко увѣриться тѣмъ, 1) что преждевременное истребленіе тычинокъ (*castratio*) производитъ безплодіе яичника; 2) что въ растеніяхъ *двудольныхъ*, т. е. такихъ, изъ которыхъ одно содержитъ только мужскіе органы, а другое одни женскіе, наприм. *конопля*, второе растеніе не приноситъ плода безъ содѣйствія перваго; 3) что есть возможность искусственнаго оплодотворенія и произведенія съ помощію его *польскихъ видовъ* (метисовъ); 4) что если значительная часть тычинокъ уничтожится, наприм. отъ какого нибудь случая, превратится въ лепестки махровыхъ цвѣтовъ, то или зерна не достигаютъ совершеннаго образованія или цвѣтъ во все дѣлается безплоднымъ.

«*Періоды роста*. Кромѣ сихъ явленій, зависящихъ собственно отъ отправленія органовъ, произрастаніе сопровождается

еще другими явлениями, происходящими отъ причинъ вѣдшихъ, какъ-вы: процессъ самой планеты или обращеніе солнечное около земли нашей. Вопервыхъ, не трудно видѣть, что не во все время года видимая дѣятельность растительнаго процесса одинакова, но что въ нашемъ климатѣ зимою растенія кажутся погруженными въ глубокой сонъ бездѣйствія, отъ котораго возбуждаются весною съ приближеніемъ солнечнымъ. Когда же обратимъ взоръ на поверхность земнаго шара, то замѣтимъ, что экваторъ и полоса за 74° широты лежащая, суть какъ бы два предѣла, между которыми обнаруживаются явленія жизни растительной; въ первомъ природа представляется вѣчно юною, во второмъ находящеюся въ постоянномъ оцѣпѣнннн, а между ними оказывается въ процессъ растительномъ преемственность или измѣняемость, такъ что растенія представляются попеременно то оживающими, зеленѣющими, то увядающими, засыпающими, и чѣмъ далѣе климатъ находится отъ экватора, тѣмъ періодъ или фазисъ усыпленія становится продолжительнѣе. Нѣтъ надобности доказывать, что такая преемственность или долгота фазисовъ произрастанія зависятъ столько же отъ вліянія солнечнаго, т. е. относительнаго положенія его на горизонтъ въ различное время года, сколько и отъ непосредственнаго дѣйствія теплотворныхъ лучей его; всѣ садоводцы знаютъ, что послѣ поворота солнечнаго, т. е. съ половины декабря, растенія въ оранжереяхъ нашихъ содержимыя, при одинаковости всѣхъ условій содержанія, начинаютъ оживать, такъ сказать, видимо; орѣшникъ же и береза цвѣтутъ тогда, когда земля окочана еще холодомъ и не оттаяла; а какъ процессъ планеты совершается безостановочно, не смотря на видимыя измѣненія въ его явленіяхъ, то явствуетъ само собою, что и процессъ растительный существъ на ней живу-

щихъ, условливаемый отношеніями, соотвѣтствующими ихъ положенію, мѣсту, климату и проч., прекратиться не можетъ, пока жизнедѣятельность оказываетъ въ нихъ свое присутствіе; а потому и замѣчено, что несмотря на видимое, оцѣпѣнннн во время зимы, произрастаніе не прекращается совершенно, потому что глазки деревь и зимою продолжаютъ полнѣть, приготавлиаясь къ весеннему развитію, а зелень сохранляетъ и въ это время свою свѣжесть и зеленый цвѣтъ; Галесъ же доказалъ, что и самое движеніе соковъ, хотя медленно, слабо, однакожь совершается.

«Кромѣ упомянутыхъ періодовъ преемственности произрастанія, на него очевидно имѣетъ вліяніе и движеніе земли, по причинѣ котораго центробѣжная сила подѣ экваторомъ далеко превосходитъ центробѣжную силу полюсовъ; а отъ такого неравенства вліянія силъ и на растеніяхъ обнаруживаются различныя слѣдствія, такъ что по наблюденіямъ естественныхъ испытателей, сколько участвуетъ теплота въ томъ, что произрастаніе совершается быстрѣе, сильнѣе и возвыщеннѣе подѣ экваторомъ, гдѣ періодъ роста какъ бы не прекращается и продолжается несравненно болѣе, нежели въ климатахъ умеренныхъ и холодныхъ, гдѣ тѣже самыя растенія не достигаютъ полнаго развитія и сила центробѣжная, по вліянію которой многія деревья жаркаго пояса, отличающіяся вышиною своею, въ странахъ ближе къ полюсамъ лежащихъ, не только не достигаютъ исполинскаго роста палмъ африканскихъ, но превращаются даже въ кустарникъ. Сверхъ того движеніе земли, или иначе сказать, обращеніе солнца, явственно обнаруживается на растеніяхъ вьющихся, потому что 1) по наблюденіямъ знаменитаго Туеня (Thouin), въ сѣверномъ полушаріи не только стволы сѣтъ растеній, но даже усы и завитки спирально завиваются съ лѣва на право, т. е. отъ востока къ

западу, тогда какъ въ южномъ полушаріи они слѣдуютъ обратному направленію, т. е. съ права въ лѣво или отъ запада къ востоку. 2) Количество видовъ вьющихся растений гораздо многочисленнѣе въ поясъ жаркомъ, тропическомъ, нежели въ умеренномъ; а страны холодныя, ближе къ полюсамъ лежація вьющихся растений совсѣмъ не показываютъ, потому что развитію ихъ сколько препятствуетъ холодъ, столько же и малонапряженность дѣйствія солнечнаго. При этомъ замѣчательно то, что вьющіяся растенія, переносимыя изъ одного полушарія въ другое, современнымъ измѣняютъ направленіе завиванія своего, слѣдственно оно дѣйствительно зависитъ отъ движенія солнечнаго *).

Довольно! Въ заключеніе остается прибавить, что нѣтъ человека, который не былъ бы готовъ, лѣтомъ бѣжать изъ груды кирпичей, называемой городомъ, куда либо, гдѣ есть трава, кустарникъ, дерево. Выражайте и объясняйте эту притягательную силу растительной природы какъ хотите, но только она есть и неодолимо притягиваетъ человека, и человекъ привлеченный ею наслаждается, цвѣтеть самъ какъ живое растеніе. Во сколько же кратъ увеличатся его наслажденія, когда онъ кромѣ внѣшнихъ красотъ растительныхъ формъ и разцвѣченій, будетъ созерцать и внутреннія формы, тайны и законы растительной жизни, которой и самъ онъ подчиненъ. Вотъ почему нѣтъ читателя, который имѣлъ бы право отказаться отъ чтенія такихъ книгъ какъ эта, и который не нашелъ бы въ ней наслажденія въ тысячу кратъ выше и питательнѣе того прайднаго удовольствія, котораго съ такою жадностью и такъ неудачно доискиваются въ чтеніи легкихъ произведеній современной литературы.

С. Б.

(*) Palm. Weber das Vinden der Pflanzen. 1827.

Preces sancti Nersesis Clajensis Armeniorum Patriarchae, viginti quatuor linguis editae. Venetiis in insula S. Lazari. 1831. (Молитва святѣйшаго Нерсеса Клаженца, патріарха Арменіи изданныя на двадцати четырехъ языкахъ, въ Венеціи на островѣ св. Лазаря, въ 1837 г., съ портретомъ патріарха Нерсеса.

Небольшая эта книжка есть чрезвычайно любопытное явленіе въ ученномъ мірѣ, достойное вниманія и библиофиловъ и филологовъ — по содержанію своему и по исполненію. Изданіемъ книжки сей обязаны мы Армянскому коллегіуму св. Лазаря основанному на островѣ тогожъ имени (близъ Венеціи) извѣстнымъ Мечитаръ-Аббасомъ. Въ особой статьѣ изложимъ мы любопытнѣйшія подробности о семъ истинно превосходномъ заведеніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о знаменитомъ его основателѣ.

Языки, на которыхъ изданы молитвы патріарха Нерсеса, суть слѣдующіе: Армянскій, Греческій, Латинскій, Италіанскій, Французскій, Испанскій, Нѣмецкій, Голландскій, Шведскій, Англійскій, Ирландскій, Русскій, Польскій, Илирійскій, Венгерскій, Грузинскій, Египтско-Коптскій (Аббисинскій), Турецкій, Персидскій, Арабскій, Сирійскій, Еврейскій, Халдейскій, Китайскій.

Нерсесъ IV, патріархъ великой Арменіи сочинитель молитвы вновѣ изданной, одинъ изъ отличнѣйшихъ Армянскихъ писателей, причтенный своею церковію къ лику святыхъ, жилъ въ XII вѣкѣ. Онъ родился въ 1102 году по Р. Х. и былъ сыномъ одного знатнаго Бека (князя). Посвятить себя духовному званію, Нерсесъ пошелъ по стопамъ великаго просвѣтителя своей родины св. Григорія, отличался ученостию, примѣрнымъ благочестіемъ и прозванъ былъ *ченоргали* (chenorgaly) — *милостивымъ*; на 58 году отъ роду облеченъ былъ въ званіе великаго *каволикоса* (патріарха) Арменіи и пре-

ставился въ 1173, упрядявъ, духовною своєю пастырю, семъ гл҃тъ. Псалъ святигедла сего осталось много любовныиныхъ сочиненій. Принимательнѣйшія изъ нихъ кромѣ извѣстныхъ молитвъ его, суть: «сокращеніе Армянской исторіи (въ стихахъ); *взгегіи на взятіе города Едессы Срациманъ въ 1144; Исусъ сынъ Божій* (поэма); *семейныя письма* (въ стихахъ и прозѣ); *трактатъ противъ Манихеизма и Сиронистовъ; трактатъ о логикѣ.* Большая часть твореній Нерсеса влечатапа въ

Константинополѣ, Амстердамѣ и въ Россіи *).

Читателямъ Мална, конечно, пріятно будетъ прочесть эти достопамятныя молитвы, какъ отрывокъ красворвчія Армянскаго въ XII вѣкѣ. Вотъ она по Русски **) и по Иллирійски, для сличенія сихъ двухъ Славянскихъ диалектовъ.

*) См. МАЯКА Ч. V. стр. 42. ст. 1. ст. И. И. Шопена. Краткое обзоріе Армянской словесности.

**) Само по себѣ разумѣется что здѣсь дѣло идетъ не о народномъ, а о церковномъ Русскомъ нарѣчій.

РУССКІЙ ТЕКСТЪ.

1

Съ вѣроу исповѣдую и поклоняюся Тебѣ, Отче и Сыне и Душе Святый, не созданное и безсмертное естество, создателю ангеловъ и челоуѣковъ и всѣхъ сущихъ!

Помилуй твореніе Твое.

2.

Съ вѣроу исповѣдую и поклоняюся Тебѣ, нераздѣльный Свѣте, и единосущная Святая Троице и едино Божество, создателю свѣта, и тьмы прогонителю! изжени отъ души моея тьму грѣховъ и невѣденія, и просвѣти мыслъ мою въ сей самый часъ, да молюся Тебѣ благоугодно, и прошеніямъ моимъ внемли.

И помилуй мене многогрѣшнаго.

3.

Отче небесный, Боже истинный, по-славый Сына Твоего возлюбленнаго, да възшеть овча погибшее! согрѣшихъ на небо и предъ Тобою: прими мене, яко блуднаго сына, и облецы мя первою оною одеждоу, изъ которой грѣхомъ совлеченъ есмь.

И помилуй твореніе Твое и мене многогрѣшнаго.

4.

Сынъ Божій, Боже истинный, смищен-

ИЛЛИРІЙСКІЙ ТЕКСТЪ.

1

Съ вѣроу исповѣдую Тя, и поклоняюся, Отче, Сыне и Святый Душе, несозданное и безсмертное естество, Творче ангелъ и челоуѣкъ и всѣхъ сущихъ.

Помилуй твари Твои:

2.

Съ вѣроу исповѣдую Тя и поклоняюся, нераздѣльный Свѣте, единосущная Пресвятая Троице и едино Божество: Творче Свѣта и тьмы прогнателью! изжени отъ души моея тьму грѣховъ и невѣденія, и просвѣти въ часъ сей умъ мой, яко да помолюся Тебѣ въ благоволеніи Твоемъ и услыши моленіе мое.

И помилуй мя великаго грѣшника.

3.

Отче небесный, Боже истинный, по-славый Сына Твоего возлюбленнаго, възскаати погибшее овча! согрѣшихъ на небо и предъ тобою: прими мя, яко блуднаго сына, и облецы мя въ первую одежду, ея же за грѣхи лишился есмь.

И помилуй твари Твоя и мене великаго грѣшника.

4.

Сынъ Божій, Боже истинный, смищен-

дѣи изъ нѣдра Отца, и пріявѣи плоть
отъ Святыя Дѣвы Маріи нашего ради
искушенія, распятый, погребенный, и
воскресшій изъ мертвыхъ, и возшедшій
ко Отцу! согрѣшихъ на небо и предъ
Тобою; помини мя якоже разбойника,
егда прійдеши во Царствіи Твоемъ.

И помилуй твореніе Твое и мене мно-
гогрѣшнаго.

5.

Душе Божій, Боже истинный, спускше-
дый на Иорданъ и на горницу, и просвѣ-
тительный мя купелію святаго крещенія! со-
грѣшихъ на небо и предъ Тобою; очи-
сти мя паки божественнымъ Твоимъ ог-
немъ, якоже Апостоловъ Твоихъ огнен-
ными языки.

И помилуй твореніе Твое и мене мно-
гогрѣшнаго.

6.

Несозданное Естество! согрѣшихъ
предъ Тобою мыслію моею, душею, и
тѣломъ моимъ; не помини беззаконій
моихъ первыхъ, ради имени Твоего свя-
таго.

И помилуй твореніе Твое и мене мно-
гогрѣшнаго.

7.

Всевидащій! согрѣшихъ предъ Тобою
помышленіемъ, словомъ, и дѣломъ; изгла-
ди рукописаніе грѣховъ моихъ, и напиши
имя мое въ книгѣ жизни.

И помилуй твореніе Твое и мене мно-
гогрѣшнаго.

8.

Тайная испытуяй! согрѣшихъ предъ
Тобою, волею и неволею, вѣдѣшемъ и
невѣдѣшемъ; подаждь мнѣ грѣшному
прощеніе, яко отъ купели паки бытія
даже до сего дня согрѣшихъ предъ Бо-
жествомъ Твоимъ всѣми чувствами, и
всѣми удами тѣла моего.

И помилуй твореніе твое и мене мно-
гогрѣшнаго.

9.

Господи, хранителю всѣхъ! положи
огражденіе очамъ моимъ страхъ Твой

дѣи изъ нѣдра Отца, и воплотившійся
отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи спасенія
нашего ради: распятый, погребенный, и
воскресшій изъ мертвыхъ и возшедшій
ко Отцу! согрѣшихъ на небо и предъ
тобою; помини мя якоже разбойника,
егда прійдеши во Царствіи Твоемъ.

И помилуй твари Твоя и мене велика-
го грѣшника.

5.

Душе Божій, Боже истинный, спускше-
дый на Иорданъ, и на горницу и просвѣ-
тительный мя купелію святаго крещенія!
согрѣшихъ на небо и предъ Тобою! очи-
сти мя паки Божественнымъ Твоимъ ог-
немъ, якоже Апостолы Твои огнен-
ными языки.

И помилуй твари Твоя и мене вели-
каго грѣшника.

6.

Несозданное Естество! согрѣшихъ пе-
редъ Тобою, сердцемъ, душею, и тѣломъ;
не помини грѣховъ моихъ прешедшихъ,
имене Твоего ради святаго.

И помилуй твари Твоя и мене вели-
каго грѣшника.

7.

Всевидащій! согрѣшихъ Тебѣ помы-
шленіемъ, словомъ, и дѣломъ; изглади
рукописаніе беззаконій моихъ, и напиши
имя мое въ книгѣ жизни.

И помилуй твари Твоя и мене вели-
каго грѣшника.

8.

Испытателю сокровенныхъ помышле-
ній! согрѣшихъ передъ Тобою, вольно и
неволью, вѣдѣнемъ и невѣдѣнемъ: про-
щеніе подаждь ми грѣшному, яко отъ
бани пакибытія даже до сего дне со-
грѣшихъ передъ Божествомъ Твоимъ,
чувствами моими, и всѣми уды тѣла мо-
его.

И помилуй твари Твоя и мене вели-
каго грѣшника.

9.

Сохранителю всѣхъ Господи! стражу
положи очамъ моимъ страхъ святыи

святый, да не узрять порочно; и слуху моему, да не внемлетъ со услаждениемъ глаголамъ беззаконія; и устами моими, да не глаголють лжи и сердцу моему, да не помышляетъ законопреступная; и руками моими, да не творятъ неправды, и ногамъ моимъ, да не ходять по путемъ беззаконнымъ; но направи течение ихъ на путь всѣхъ заповѣдей Твоихъ.

И помилуй твореніе Твое и мене многогрѣшнаго.

10.

О Христе, огню оживотворяющій! огонь Твоея любви, его же пролилъ еси на землю, возжи въ души моей, да потребишь болѣзни духа моего, и освятить совѣсть мою, и очистить отъ грѣховъ тѣло мое, и возжеть свѣтъ познанія Твоего въ сердце мое.

И помилуй твореніе Твое и мене многогрѣшнаго.

11.

Премудрость Отчая, о Иисусе! даждь мнѣ мудрость; даждь благомыслити, глаголати, и творити предъ Тобою во всякое время; отъ помышлений, словъ и дѣлъ худыхъ сохрани мя.

И помилуй твореніе Твое и мене многогрѣшнаго.

12.

О Господи, благолюбителью, воли всѣхъ правителью! не попусти мнѣ ходити по склонностямъ сердца, но тако управи мя да всегда теку по Твоему хотѣнію, которое избираетъ едино доброе.

И помилуй твореніе Твое и мене многогрѣшнаго.

13.

Царю небесный! даждь мнѣ Царствіе Твое, которое ты обещаешь возлюбленнымъ твоимъ; и украси сердце мое, да возненавидитъ грѣхъ, и Тебя единого возлюбитъ, и творить волю Твою.

И помилуй твореніе Твое и мене многогрѣшнаго.

Твоей, еже не зрѣти порочно; и ушима моима, еже не внимати со услаждениемъ словесемъ лукавствія; и устомъ моимъ, еже не глаголати лжи; и сердцу моему, еже не умышляти законопреступленія, и руками моима, еже не творити неправды; и ногама моима, еже не ходити по путемъ нечестія. Но направи движеніе ихъ, да будутъ выну по заповѣдямъ Твоимъ.

И помилуй твари Твоя и мене великаго грѣшника.

10.

Огню животворящій, Христе! огонь любви Твоея, возже жгилъ еси на землю, зажи въ души моей, да потребишь скверны духа моего, посвятить совѣсть перси моея, и очистить отъ грѣховъ плоть мою и возжеть свѣтъ познанія Твоего въ разумъ мое.

И помилуй твари Твоя, и мене великаго грѣшника.

11.

Премудрость Отчая, Иисусе! даждь ми мудрость, еже мыслити, глаголати и творити благое на всякій часъ предъ Тобою отъ злыхъ помысловъ, словъ и дѣлъ соблудя мя.

И помилуй твари Твоя и мене великаго грѣшника.

12.

Добро любителю, Господи воли движителью! не попусти мнѣ ходити по изволенію души моея; но тако веди мя, еже ходити ми приено по мановенію воли Твоея, хотящія добро.

И помилуй твари Твоя и мене великаго грѣшника.

13.

Царю небесный! даждь ми водворитися во царствіи Твоемъ, еже ты обещаешь возлюбленнымъ твоимъ; и украси сердце мое, еже возненавидѣти грѣхъ, и Тебе единого любити и творити волю Твою.

И помилуй твари Твоя и мене великаго грѣшника.

14.

Промыслиай о твореніяхъ Твоихъ! сохрани знаменіемъ креста Твоего духъ и тѣло мое отъ прелестей грѣховныхъ, отъ искушенія демоновъ, отъ мужей неправедныхъ, и отъ всѣхъ опасностей душевныхъ и тѣлесныхъ.

И помилуй твореніе Твое и мене многогрѣшнаго.

15.

О Христе, хранителю всѣхъ! да защити мѧ десница Твоя крѣпостію своею день и ноцъ, въ дому ли сидящаго, или на пути грядущаго; или спящаго, или бодрствующаго, да не претануся.

И помилуй твореніе Твое и мене многогрѣшнаго.

16.

Боже мой, отверзаяи руку Твою, и исполниай всякую тварь милосердія Твоего! Тебѣ вручаю душу мою, Ты бодрствуй и не остави мене въ нуждахъ моихъ душевныхъ и тѣлесныхъ отъ сего времени и во вѣки.

И помилуй твореніе Твое, и мене многогрѣшнаго.

17.

Возвращаяи заблудшія! обрати мене отъ злыхъ моихъ обычаевъ къ благоправду, и водрузи въ души моей улагодный день смерти, страхъ гонимыя, и любовь, царствія небеснаго, да размажу во грѣсахъ моихъ, и да творю правду.

И помилуй твореніе Твое, и мене многогрѣшнаго.

18.

Источнице безсмертія! сотвори истощи изъ сердца моего слезамъ истиннаго покаянія якоже грѣшницы, да отмыво нечистоту души моея, прежде даже не отыду отъ сего міра.

И помилуй твореніе Твое, и мене многогрѣшнаго.

19.

О милосерде Господи! подаждь мнѣ въ

15.

Промысле всѣхъ творенъ! сохрани знаменіемъ креста Твоего духъ мой и тѣло отъ прелести грѣховныя, отъ искушенія діавола, отъ человекъ нечестивыхъ и отъ всякія погибели души и тѣла.

И помилуй твари Твоя и мене великаго грѣшника.

15.

Хранителю всѣхъ, Христе! десница Твоя да остережетъ мѧ стражбою Своею день и ноцъ, или сяду въ дому моемъ, или хожу по пути, или сплю, или бдю, да не когда подвижуся.

И помилуй твари Твоя и мене великаго грѣшника.

16.

Боже мой, отверзаяи руку Твою, и исполниай всякую тварь милосердія Твоего! тебѣ вручаю душу мою, ты наблюда и снабди потребности души и тѣла моего въ сей часъ и во вѣки.

И помилуй твари Твоя и мене великаго грѣшника.

17.

Возвращаяи заблудшыя! обрати мѧ отъ злыхъ обычаевъ моихъ къ лучшимъ склоненіемъ и впечатляи во умѣ моемъ страшный день смерти, страхъ ада, и любовь раю яко да сокрушии жалѣемъ о грѣсахъ моихъ сотворю правду.

И помилуй твари Твоя, и мене великаго грѣшника.

18.

Источнице безсмертія! отрыгнутися воли изъ сердца моего потоку слезъ истиннаго покаянія, якоже изъ грѣшницы, яко да отмыво сверасъ души моея, прежде даже правду въ міра сего.

И помилуй твари Твоя и мене великаго грѣшника.

19.

Щедрителю милосердія! ущедрѣ мѧ

вѣрѣ православноѣ, съ благими дѣлами и съ приобщеніемъ святаго тѣла и крове Твоея къ Тебѣ преселитися.

И помилуй твореніе Твое, и мене многогрѣшнаго.

20.

Благотворителю Господи! препоручи мене благому ангелу хранителю, да съ миромъ направитъ душу мою, и да сотворитъ прейти мнѣ цѣлу черезъ козни воздушныхъ демоновъ.

И помилуй твореніе Твое и мене многогрѣшнаго.

21.

Христе свѣте истинный! сотвори достойну душу мою, видѣти въ радости свѣтъ славы Твоея когда позовеши мене въ день опредѣленный, и да упокоится въ надеждѣ благихъ, на ложахъ праведныхъ даже до дне великаго Твоего пришествія.

И помилуй твореніе Твое и мене многогрѣшнаго.

22.

Судіе праведный! когда приидеши во славу Отца Твоего, судити живыхъ и мертвыхъ, не види въ судѣ съ рабомъ Твоимъ; но избави мене отъ огня вѣчнаго, и услышанъ сотвори мнѣ блаженный гласъ праведныхъ въ царствіи небесныхъ.

И помилуй твореніе Твое, и мене многогрѣшнаго.

23.

Премилосерде Господи! помилуй всѣхъ вѣрующихъ въ тя сродниковъ и чуждыхъ, знаемыхъ и незнаемыхъ, живыхъ и мертвыхъ; врагамъ моимъ и ненавидящимъ мя подаждь прощеніе грѣховъ ихъ, и обрати ихъ отъ недоброжелательства, которое помышляютъ противъ мене, да будутъ достойны Твоего милосердія.

И помилуй твореніе Твое, и мене многогрѣшнаго.

24.

О Господи, святѣящаяся слава, прими *Часть XII. Гл. IV.*

еже съ православною вѣрою, и добрыми дѣлами, и святаго тѣла и крове Твоея причащеніемъ преселитимися къ Тебѣ.

20.

Благодѣтелю Господи! ангелу добру вѣри мя, да въ мирѣ мя отдати сотворишь душу мою, и пройди мнѣ пособитъ невредиму сквозъ козни демоновъ шатающихся подъ небесы.

И помилуй твари Твоя и мене великаго грѣшника.

21.

Христе свѣте истинный! достойну сотвори душу мою, съ радостію узрѣть свѣтъ славы Твоея, егда позовеши мя въ предустановленный мнѣ день, и да почитѣть, съ надеждою добрыхъ, въ селеніяхъ праведныхъ до дне втораго пришествія Твоего.

И помилуй твари Твоя, и мене великаго грѣшника.

22.

Праведный судіе! егда приидеши во славу Отца, судити живыхъ и мертвыхъ, не види въ судѣ съ рабомъ Твоимъ; но избави мя отъ огня вѣчнаго, и слышанъ сотвори мнѣ блаженный гласъ праведныхъ во царствіи небесномъ.

И помилуй твари Твоя, и мене великаго грѣшника;

23.

Многоблагодарне Господи! помилуй всѣхъ вѣрующихъ въ тя, сродныхъ моихъ и чуждыхъ, знаемыхъ и незнаемыхъ, живыхъ и мертвыхъ; и врагамъ моимъ и ненавидящимъ мя даждь прощеніе беззаконій ихъ на мя, и обрати ихъ злобы юже ми умышляютъ, яко да сподобятся милосердія Твоего.

И помилуй твари Твоя, и мене великаго грѣшника,

24.

Свѣтящаяся слава, Господи! прими

моленія раба Твоего, и милостиво внемли прощаніямъ моимъ предстательствомъ святыхъ Твоея Матере, и Крестителя Іоанна, и святаго Стефана первоученика, и святаго Григорія, просвѣтителя нашего, и святыхъ апостоловъ, пророковъ, святыхъ учителей, мучениковъ, святыхъ патриарховъ, пустынножителей, и благоуродившихъ Тебѣ дѣвъ, и всѣхъ святыхъ Твоихъ сущихъ на небеси и на земли.

И Тебѣ, Святая и нераздѣлима Троице, да будетъ слава и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Кромѣ всеобщаго литературнаго интереса, книжка эта — сокровище для лингвистовъ, въ особенности для тѣхъ, которые обучаются восточнымъ языкамъ. Мы считаемъ долгомъ поблагодарить здѣсь просвѣщеннаго любителя

Впечатлѣнія, Моряка во время двухъ путешествій кругомъ свѣта, соч. Лейтенанта В. З. — 2 ч. С. Петербургъ, 1840.

«Двѣ миленькія книжки, собраніе писемъ автора къ сослуживцу, безъ дальнихъ претензій, просто, умно написанныхъ. Двѣ маленькія марманныя книжки, которыя прочтеть съ удовольствіемъ и морякъ и человекъ не бывавшій на морѣ. Авторъ перевидалъ много, перебивалъ въ разныхъ предѣлахъ міра, имѣлъ случай составить себѣ порядочный запасъ свидѣній, прокатавшись ровно шесть лѣтъ по разнымъ торнымъ и не торнымъ путямъ Океана (съ 1834 по 1839 годъ включительно). Въ письмахъ его есть нѣсколько повтореній давно извѣстнаго, но есть много и новаго, любопытнаго. Разсказъ его живъ, катъ пріятный говоръ любезнаго повѣствователя въ дружеской, не скучной бесѣдѣ. Стадо быть не должно искать въ немъ ни глубокой учености, ни пошлаго педантизма, ни излишняго простора въ описаніи мѣстъ; онъ естественъ, дышетъ истинной, и возбуждаетъ участіе; уноситъ ли онъ васъ въ воображеніи къ дикимъ

моленіе раба Твоего; и яко благу услыши молитву мою, предстательствомъ Пресвятыхъ Твоея Матере, Святаго Крестителя Іоанна, святаго первоученика Стефана и святаго просвѣтителя нашего Григорія, святыхъ апостоловъ, пророкъ, учителей и мученикъ, святыхъ патриарховъ, отшельниковъ, дѣвъ, и всѣхъ святыхъ Твоихъ сущихъ на небеси и на земли:

И Тебѣ Слава и поклоненіе, нераздѣльная Пресвятая Троице! во вѣки вѣковъ. Аминь.

филологіи, который снабдивъ насъ симъ любопытнымъ произведеніемъ, далъ намъ средство ознакомить съ нимъ и просвѣщенныхъ читателей нашихъ.

П. КОРСАКОВЪ.

*новооткрытымъ островамъ *)* или, илина подъэкваторный фарсъ, паруску въ честь древнему Нептуну, на трогательное погребеніе сослуживца или на камчатскій балъ для почетныхъ гостей (мѣстное выраженіе). Вы невольно улыбнетесь описанію веселой повадки на камчатскіе минеральныя ключи или *лѣтъ Сандвичанъ на рыбахъ*. Не верите, прочтите, вотъ собственныя слова веселаго раскатишка.»

«Еще надобно упомянуть что я тѣдилъ *здѣсь* (на О. Воаго, одномъ изъ Гаванскихъ или Сандвичевыхъ) на рыбахъ! — Какъ такъ? неужто на рыбахъ?»

«Да, Венера каталась на голубяхъ, Бакусъ плелся на оспахъ, еще кто-то носился на деревянномъ негасѣ и мы все, въ свое время, скакали веревки на палочкѣ; а я еще тѣдилъ и на рыбахъ. Пожалуй, любезный братъ, твои соседи, мудрые хохлы, не повѣрятъ этому и скажутъ: «копсался, да и только!» Такъ побожись имъ, що правда, дали Бигъ правда. Никакъ воны не вѣрятъ,

*) Подъ 10° 3' с. ш. и 166° 5' долготы на в. отъ Гринвичскаго меридіана.

що ни одны воны, таки мудры, що за-
прыгають у ярмо вола: есть, кажи, и та-
кие люди за морями, що и рыбу за-
прыгають соби въ човники, тай и из-
дають по волнамъ, якъ по пашни. Отъ
нехай слухають. Дьло, вотъ въ чемъ:»

«Когда какой нибудь удалой дикарь,
путешествуя въ тихую погоду по за-
ливамъ, замѣтитъ въ водѣ шарка, т. е.
акулку, которая ходитъ обыкновенно
фута на два ниже морской поверхности
и въ совершенно спокойную воду бы-
ваетъ видна очень ясно, — опъ, для по-
тѣхи, спускаетъ съ своей лодки веревку,
сплетенную изъ кокосовой коры, соб-
равъ ее петлями. Шаркъ, известный
своею прозорливостію, увидѣвъ верев-
ку, старается ее схватить, а дикарь ра-
спускаетъ петли все болѣе и болѣе,
пока шаркъ не повернется вверхъ
брюхомъ, чтобъ какъ-нибудь схватить
веревку, потому что у него пасть внизу.
Въ тоже мгновение удалецъ успѣваетъ
подвести веревку подъ рыбу, за-
тягиаетъ акулку на верхъ, такъ чтобъ
на поверхности воды была видна одна
голова. Прикрѣпивъ веревку къ посу-
лодки, охотникъ уже не заботится болѣе
ни о чемъ, и только править съ
кормы весломъ, куда ему нужно. Чѣмъ
сильнѣе рыба мечется, тѣмъ быстрѣе
идетъ лодка впередъ. Такимъ обра-
зомъ мнѣ случилось разъ путешество-
вать два часа: полагаю, что я пробѣжалъ,
по крайней мѣрѣ, 14 верствъ.»

Кто хочетъ видѣть какъ наши во-
ряки шута обходятъ теперь ужасный
мысъ Горнъ (южную оконечность Ог-
невной земли) тотъ прочти любопыт-
ныя страницы 1-й части: 129, 150, и сл.

Угодно ль прочесть еще какъ стонче-
ски переносятъ удалцы офицеры наши
морскую скуку? прочтите философскую
юмористическую выходку на стр. 13 и
слѣд. во 2-й части.

Чтобы лучше ознакомить читателей
съ манерою автора, пѣчто въ родѣ —
Promenade autour du monde par Ara-

го? зайдемъ въ той же 2-й части опи-
саніе восхода на г. Кальвадо (близъ Рио
Янеиро въ Бразиліи).

«Только 20 числа я былъ на
горѣ *Кальвадо*, и признаюсь, одинъ
видъ съ ея вершины вознаграждаетъ
меня за все этотъ видъ по истинѣ
можно назвать волшебнымъ. Однимъ
взоромъ обозрѣваешь все: городъ,
рейдъ съ кораблями, острова съ
деревьями, даль моря, вздымающіяся
одна надъ другою горы . . . и все это
въ самой прелестной мнѣвтюрь. Я за-
былся, глядя отсюда; какъ будто очу-
тился посредствомъ ковра-самолета,
Богъ знаетъ, въ какомъ царствѣ, три-
десятю государствъ; а между тѣмъ
стояло только подняться на вершину
горы Кальвадо и окинуть глазами во-
кругъ себя горизонтъ. Сколько есть
тамъ людей, подумалъ я нотомъ, глядя
внизъ, которымъ и не грезится такого
чуда въ двухъ шагахъ отъ ихъ стула
или прилавка; и все оттого, что имъ
некогда подняться самымъ обыкновен-
нымъ путемъ на нѣкоторую высоту! . . .
Сколько и такихъ людей, прибавилъ
бы я, еслибъ былъ Круммахеръ, кото-
рые видятъ въ природѣ одни ея углы
и шероховатости, — грязь улицъ, тѣс-
ноту въ комнатахъ, давку въ спонхъ
сонныхъ сношеніяхъ, только оттого,
что имъ *недосугъ* въ цѣлую жизнь под-
няться на высоту идей мудраго, кото-
рый часто бываетъ для этихъ самыхъ
людей постоянною цѣлью ихъ пошлаго
остроумія! . . .»

«Но я знаю твою аккуратность. Ты
вѣрно хочешь слышать подробно, какъ
я взбирался и какъ взобрался на эту
несравненную гору, которую ты, мо-
жетъ быть, уже готовъ воображать той
самой.

«Гдѣ рса безъ шиновъ растетъ;» —
и гдѣ реальное является идеальнымъ.
Можетъ быть, ты, какъ прозаикъ и
«философъ только практический, хочешь
просто знать, чѣмъ разнообразится до-
рога по горамъ Бразиліи? Вотъ тебѣ

простосердечный обо всем отчетъ.

«Вспрыгнувъ на лошадь, я поскакалъ сперва во весь духъ, ничего не замѣчая и ничего не видя, пока мой борзый конь не усталъ до нельзя, а между тѣмъ и сама дорога стала узка и камениста; *вслѣдствіе* чего я и началъ любоваться сперва растеніями, а потомъ и всемъ окружающимъ. Только тутъ я увидѣлъ обоими глазами эту исковерканную землю, горы надъ горами, громады на громадахъ, и ужасныя пропасти, покрытыя растеніями . . . страшное величіе или, если смѣю такъ выразиться, страшное безобразіе природы! Но когда находишься на какомънибудь возвышеніи, и взоръ не остановленъ деревьями, то ему представляется будто разостланъ разноцвѣтный бархатъ: такъ отсвѣчиваютъ отъ солнца разноотливныя листья деревьевъ. Во всю дорогу, почти передъ носомъ, порхаютъ колибри, и плавно пролетаютъ тысячекрѣпные мотыльки удивительной красоты, между тѣмъ, какъ взоръ терзается въ однихъ разнаго рода деревьяхъ, совершенно новыхъ для сѣвернаго человека. Мы ѣхали, ѣхали такимъ образомъ, наслаждаясь безмолвно и невыразимо. Природа пѣла намъ во все это время свой Бразильскій гимнъ въ краскахъ и очертаніяхъ, своенравныхъ, жаркихъ и восхитительныхъ. Наконецъ, мы доѣхали, разсыпались въ восклицаніяхъ и . . . больше нечего описывать, потому что обратный путь, ни по какой риторикѣ, не подлежитъ описанію.»

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ этого путешествія показалось намъ описаніе поѣздки автора изъ Чилийскаго порта Вальпарайсо на охоту въ долину Кильето за 95 верстъ во внутренность страны, съ плодородіемъ которой, съ ея домашнимъ бытомъ, образомъ путешествія и живописнымъ положеніемъ Кордильеръ, этихъ поднебесныхъ горъ южной Америки, онъ такъ заниматель-

но васъ знакомить. Обширность этого отрывка не позволяетъ продолжать нашихъ выписокъ. Кто захочетъ, тотъ можетъ прочесть это любопытное описаніе, на стр. 40 и послѣующихъ во 2-й части *Впечатлѣній моряка*.

Прибытіе автора въ нашу Калифорнію напоминаетъ ему о подвигахъ Баранова въ пользу нашихъ колоній. Онъ менѣе строгъ къ памяти сего великаго мужа чѣмъ прочіе наши мореходы. Вотъ какъ описываетъ почтенный Е. Завойка «Село Костромитиновку» — прежде бывшую *Раншу*, («*Rancho, Ранчо* — хуторъ) на берегахъ Бодегскаго залива.

«Знаменитое село Костромитиновка состоитъ изъ одного домика, въ которомъ я сидѣлъ, потчуя моего старика, и изъ трехъ соломенныхъ шалашей, въ которыхъ живутъ трое Русскихъ. Представь себѣ, что эти четыре человека управляютъ 250 Индѣйцевъ, которые подъ ихъ надзоромъ отправляютъ всѣ работы земледѣлія. Про этихъ земледѣльцевъ можно сказать, что они находятся въ младенчествѣ своего развитія. Они живутъ подлѣ домика, подъ горою, подъ открытымъ небомъ, и хотя имъ иногда не очень нравится работа, однакожъ она не смѣютъ ни удалиться, ни отказаться отъ работъ. Одно нравственное вліяніе четырехъ Русскихъ удерживаетъ ихъ въ повиновеніи и порядкѣ. Другіе Европейцы въ этихъ странахъ набираютъ рабочихъ изъ дикарей слѣдующимъ образомъ. Они отправляются весною внутрь страны, за горы, гдѣ есть жилия Индѣйцевъ, и оттуда цѣлыми толпами пригоняютъ ихъ къ селенію. За мужиками слѣдуютъ ихъ жены. Когда партія прибываетъ къ селенію, имъ объявляютъ чрезъ толмача, что они должны работать, и что по окончаніи работъ имъ будетъ награда. Кормъ состоитъ въ разболтанной на кипяткѣ мукѣ, а по воскресеніямъ въ фунтъ мяса на человека. По окончаніи работъ имъ раздають по рубашкѣ, по платку, или что нибудь дру-

гое изъ одежды, или же нѣсколько бисеру, и отпускаютъ восвояси. Но дикари послѣ этого не удаляются еще въ свои горы и получивъ вещи, начинаютъ между собою игру, которая состоитъ въ метаніи косточекъ и продолжается иногда цѣлую недѣлю. Когда вещи всѣ перейдутъ наконецъ въ руки нѣсколькихъ, тогда вся толпа поднимается и уходитъ.

«По сосѣдству съ нами, есть одно селеніе, подѣ управленіемъ Калифорнскаго Губернатора *Воого*. У него Индѣйцы убили 35 головъ скота. *Воого* на другой же день, ничего не разбирая, кто правъ, кто виноватъ, приказалъ убить 35 Индѣйцевъ. Вотъ какъ любезный другъ, поступаютъ люди, захватившіе сюда на чужій землѣ; и все это, разумвется, для блага и просвѣщенія движиъ. Впрочемъ, надобно сказать и то, что дикари Калифорніи еще очень не скоро будутъ въ состояніи развиться, если даже съ ними стануть поступать и по человѣчески! Представь себѣ самую спокойную лѣнь, безчувствіе и отсутствіе всякаго любопытства, къ чему бы то ни было. Дикарь лежитъ безъ одежды, на солнцѣ, и если его кто нибудь не ударить, есть надежда, что онъ даже не увидитъ ничего вокругъ себя, пока не захочетъ поѣсть. Но и этотъ подвигъ ему не стоитъ никакого труда или движенія, потому, что плодъ самъ валится къ нему съ тогожъ дерева, подѣ которымъ онъ печется, подобно этому плоду, на одномъ солнцѣ. Разъ подвели къ одному такому дикарю обезьяну. Онъ приподнял голову, посмотрѣлъ на нее, на человѣка — и опять уткнулся въ землю, не показавъ ни малѣйшаго движенія любопытства. Тупость неимовѣрная, которую если можно съ чѣмъ нибудь сравнить, такъ развѣ сравнить съ тупоголовіемъ Индостанскихъ факировъ, которые успѣваютъ обрости бородой до земли, не перемѣняя избраннаго однажды на многіе годы положенія. Только тѣмъ въ

моихъ глазахъ и отличается Калифорнскій Индѣецъ отъ Любога животнаго, что животное не умѣетъ смѣяться, а этотъ скалитъ иногда свои зубы.

«Вставъ по утру, я былъ очевидцемъ всѣхъ распоряженій по работамъ и потомъ отправился въ путь. Тутъ изрядка встрѣчался порадочный лѣсъ. Между прочимъ я видѣлъ одно дерево, называемое *чага*, которое бываетъ толщиной въ окружности около семи саженьей, и замѣчательно тѣмъ, что колется въ какую угодно толщину, безъ щепъ, такъ, что для него не нужно пилы. Видѣлъ я еще и многіе другіе роды деревьевъ, неизвѣстные на свѣрѣ; но описывать ихъ, по одному моему бѣглому взгляду, память отказывается.

«Въ 9 часовъ пріѣхалъ я въ селеніе *Россъ*. Оно расположено на самомъ взморьи. Это крѣпость, въ которой домъ правителя, контора и дома чиновника сельскаго хозяйства, конторщиковъ и прикащиковъ. Крѣпость внутри и снаружи содержится въ чистотѣ и порядкѣ. Она выстроена изъ досокъ *чаги*. Числа пушекъ не помню, потому, что ихъ не считалъ. Въ крѣпости находится селеніе, котораго жители — женатые промышленники. Избы ихъ построены изъ чаги. Есть у нихъ большой скотный дворъ съ принадлежностію, вѣтряная молотильная мельница. Въ селеніи *Россъ* и на *Раинъ* Мунина состоитъ всего 120 Русскихъ промышленниковъ съ дѣтьми, женами, и 30 Алеутовъ, завезенныхъ сюда еще при Барановѣ. Окрещенныхъ Индѣйцевъ 8 мужчинъ и 31 женщина.

«Я провѣлъ въ селеніи *Россъ* и въ развѣздахъ по его окрестностямъ двое сутокъ. Осмотрѣвъ, что было возможно, я воротился съ нашимъ докторомъ на корабль. На другой день пріѣхалъ къ намъ и Г. Правитель Колоніи, а 12 Августа мы оставили пустынный заливъ *Бодего*, которому названіе вовсе дано не по шерсти, потому что *Бодего* по Испански значитъ шинокъ или гостяцъ

ница, а въ этой гостинницѣ только мы одни и гостили. Матросы умѣли его перекрестить гораздо лучше. Они говорили: заливъ Бодяга, Ранша — то бодяга, и Индѣйцы — то бодяги, да и все — то это селеніе *бодяга*»

Въ концѣ сочиненія своего (въ последнемъ письмѣ при вторичномъ посѣщеніи острова Воаго) знакомитъ насъ авторъ съ интересною колоніею скиперовъ, большею частью съверо-Американцевъ поселившихся на островѣ Воаго и заведшихъ тамъ свои купеческія суда; о двухъ изъ нихъ сообщаетъ два трагическіе анекдота.

Но довольно. Кто прочелъ нашъ разборъ, тотъ вѣроятно захочетъ прочесть и *Впечатлѣнія Морляка*. Искренно желаемъ, чтобы они заняли его также пріятно какъ мы то испытали, при разборѣ ихъ, надъ собою.

П. К.

БЕСѢДА ПРОТОІЕРЕЯ СЕРГІЯ ВЛАДИМИРСКАГО *при открытіи Суцвскаго стола для бѣдныхъ*. Москва, 1840.

Столы общественныя для насыщенія нищихъ принадлежать къ числу трогательнѣйшихъ памятниковъ состраданія нашего къ тѣмъ ближнимъ нашимъ, которые лишены первой потребности жизни — хлѣба насущнаго. Честь и хвала душамъ согрѣтымъ небесною любовію, которыя завели ихъ въ нашихъ столпахъ! эти истинныя сыны отечества достойны быть исполнителями воли высокой покровительницы нуждающихся, обожаемой матери отечества; они достойны называться подданными вѣчнонаго ея супруга!

Много писано за и противъ нищихъ. Но если лепта имъ подаваемая можетъ быть истинно полезна, то конечно въ видѣ общественной трапезы, гдѣ нищій и убогій найдутъ себѣ готовую пищу, вотъ лучшее изъ подаваній. Мы смотримъ на милостыню сію очами хри-

стіанина, и съ наслажденіемъ прочли подлежащую бесѣду умнаго пастыря.

Намъ въ особенности понравилось обращеніе его къ этой братіи Христовой, созванной христіанскою любовію къ ближнему за питательную трапезу, къ этимъ гостямъ богатаго русскаго радушія. «Вы нищи и питаетесь Христовымъ именемъ; но точно ли вы нищи, или иначе, точно ли не можете питаться честными своими трудами? Ахъ! имя Христово употребляютъ въ нищу свой лѣности, страшнѣе нежели употребляютъ его всуе, страшнѣе нежели вѣтъ хлѣбъ ступѣ. Ибо всякая монета, всякій кусокъ хлѣба испрошенныя Христовымъ именемъ безъ нужды, отъ лѣности, превратятся въ горящія уголья въ жизни вашей. И такъ перестаньте нищенствовать — не нищие, а лѣнныя тунелдцы.» И въ слѣдъ за сею сильною выходкою противъ тунеядства, пастырь строгій, является опять мужемъ любви и спасожденія къ немощнымъ своимъ ближнимъ. «Но вы нищи — точно нищи! продолжаетъ онъ: *мы не хотѣли знать какъ вы подверглись сей нищетѣ*, потому что Господь, который солнцемъ своимъ сіяетъ на злыя и благаго (Матѣ. Ч 45) не требуетъ такого любопытства, но повелѣваетъ вѣрить что онъ сотворилъ васъ, или попустилъ вамъ быть нищими, также какъ и другихъ содѣлалъ богатыми по премудрости и благимъ судьбамъ своимъ. А потому вѣчногда не должны ни роптать на его святыи промыслъ, ни сомнѣваться въ его благодати, ни отчаяваться въ его помощи. Онъ сотворилъ васъ, но онъ же далъ вамъ свое имя, какъ право на милостыню, по которому никто не долженъ вамъ отказывать; — обѣщався принимать какъ бы взаимъ себѣ, все что дается вамъ, и платить за то съ лихвою, и тѣмъ самымъ возбуждать въ другихъ нищелюбіе; онъ васъ назвалъ своею братіею, только меньшею, ибо онъ не сравненно болѣе обѣщавъ нежели

сколько вы всё вмѣстѣ. А потому не презирайте сами себя за нищету, хотя другіе васъ и презираютъ т. е. не думайте будто вамъ менѣе не приличны низкіе пороки, потому что вы такъ низки по своему состоянію; напротивъ старайтесь себя вести такъ, какъ прилично братіи Христовой; иначе вы будете безчестить собою имя Христова которымъ живете.» Въ заключеніе бесѣды своей, назидательной и не для нищаго, пастырь добрый приглашаетъ Христову меньшую братію «молиться за своихъ благодѣтелей, особенно за благодѣстивѣйшаго Государа нашего и за избранныйшихъ его споспѣшниковъ и нищелюбцевъ» и кончаетъ такъ: *«богаты и ницы срътоста другъ другу, обоимъ же Господь сотвори— безъ сомнѣнія для того дабы научить богатаго любви милосердой, а нищаго — любви благодарной.»*

Вотъ языкъ чистый, задушевный, общепонятный и убедительный, языкъ который прямо идетъ къ сердцу. Желаящій слушать слово сіе легко пойметъ въ немъ заветы Божіи! а они такъ просты: *люби Бога всѣмъ сердцемъ своимъ, а ближняго какъ самаго себя!* И въ этой двойной заповѣди весь законъ Христовъ, весь духъ вдохновенныхъ премудростей!

П. К.

**Жизнь св. Иоанна Милостиваго
Патріарха Александрійскаго, Москва,
1840.**

Одно изъ трогательнѣйшихъ сказаній нашей православной церкви, которое каждый прочтетъ съ душевнымъ умилениемъ.

Святый Иоаннъ Милостивый родился въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х. на о. Кипръ, отъ одного вельможи по имени Епи-

фанія и воспитанъ въ христіанскомъ благочестіи. Достигнувъ совершеннаго возраста, онъ—по волю родителей своихъ—женится, но вскорѣ овдовѣвъ и рѣшился посвятить себя на служеніе Богу и *дѣла милосердія*. Спустя нѣсколько времени Александрійскій патріаршій престолъ остался безъ пастыря, и императоръ Ираклій, весьма почитавшій св. Иоанна за его добродѣтели, убѣдилъ его принять санъ патріарха, не смотря на то, что онъ не былъ еще и пресвитеръ и смиренно молилъ избавить его отъ столь высокаго назначенія. Вступивъ на патріаршій престолъ въ 606 году по Р. Х. св. Иоаннъ очистилъ церковь Александрійскую отъ вкравшейся въ нее ереси Эсопаскитовъ, и послѣ жизни истинно назидательной, украшенной всеми пастырскими добродѣтелями, любопытной по многимъ отношеніямъ, преставился ноябрю въ 12 день 620 года, имѣя болѣе 60 лѣтъ, въ мѣствѣ рожденія своего Киперскомъ городѣ Амаеунтѣ.

Жизнь сего примѣрно добраго пастыря описана, со словъ бывшаго экономъ его церкви епископомъ Леонтіемъ и помѣщена въ Четв-Мивен. Русскій авторъ сего жизнеописанія руководствовался этимъ текстомъ и начертаніемъ церковной исторіи епископа Иннокентія. (См. т. 1.) Изложеніе почтеннаго автора отличается чистотою языка, простотою чувствъ и вѣрнымъ описаніемъ фактовъ. Оно состоитъ изъ 48 коротенькихъ, чрезвычайно занимательныхъ главъ, изъ которыхъ читатель можетъ почерпнуть много пользы и наслажденія.

Никогда книжка сія не могла выдти болѣе кстати, какъ въ настоящее время, когда столько страждущихъ отъ неурожае въ губерніяхъ за-московскихъ нуждаются въ милосердіи ближняго; никогда не могла она возбудить и не возбудила такого соревнованія благимъ дѣламъ милосердія, какъ въ тяжкій для многихъ 1840 годѣ. Благодаря попече-

нию человеколюбиваго правительства и добровольнымъ пожертвованіямъ частныхъ лицъ—примѣръ Александрійскаго пастыря нашель и у насъ многочисленныхъ подражателей: мѣстные значительныя пособія и столы для бѣдныхъ, о которыхъ съ такимъ удовольствіемъ говорили мы при разборѣ другой чрезвычайно любопытной книжки, пополняли то избытками зажиточныхъ, чего не доставало немущимъ. Провидѣніе уже благословило столь добросовѣстные начатки. Будущая жатва общааетъ вознаграждать ущербъ предшешей.

Отдавая отчетъ о любопытномъ живописаніи святителя Іоанна лежащемъ у насъ передъ глазами, не можемъ отказать себѣ въ желаніи выписать изъ книжки сей, какъ обращикъ изложенія автора, три главы, которыя можно бы приложить и къ нашей практической жизни.

ХП.

«Господь, искушавшій некогда Авраама, дабы показать всѣмъ великую вѣру его, восхотѣлъ искусить и сего Угодника Своего, Іоанна Милостиваго, дабы представить назидательный примѣръ церкви Своей.

«Когда безчисленное множество людей, бѣжавшихъ отъ Персидскаго нашествія нахлынуло въ Александрію, тамъ уже существовала дороговизна съѣстныхъ припасовъ, потому что въ этотъ годъ разлитіе Нильскихъ водъ было весьма скудно. Скоро открылся голодъ, и блаженный Патріархъ раздавши все, что имѣлъ, принужденъ былъ занять у многихъ богобоязненныхъ людей до тысячи литръ золота. Но скоро и сіи деньги истощились, а между тѣмъ никто уже не хотѣлъ ссужать ни золотомъ, ни хлѣбомъ, боясь продолжающагося голода: св. Іоаннъ скорбѣлъ душою о нищетѣ и страданіяхъ тѣхъ людей, которыхъ привыкъ питать и снабжать всѣмъ нужнымъ. Въ это время одинъ

жившій въ Александріи клирикъ, двоуженецъ, желавшій бытъ діакономъ, захотѣлъ воспользоваться крайнею нуждою, въ которой находился Святитель, и прислалъ къ нему слѣдующее прошеніе: «Святѣйшій и Блаженнѣйшій Владыко, Отецъ Отцевъ и Намѣстникъ Господа Іисуса Христа! Козма, недостойный рабъ изъ рабовъ твоей святыни, узнавъ о горести твоей, происходящей отъ недостатка хлѣба, и не желая жить въ изобиліи, когда Господинъ мой нуждается, предлагаю принести Господу Іисусу Христу чрезъ Святыхъ руки твои двѣсти тысячъ мѣръ пшеницы и сто восемьдесятъ литръ золота, и вмѣстѣ прошу тебя, Владыко Святый, удостоить меня недостойнаго благодати діаконскаго сана, чтобы, предстою вмѣстѣ съ тобою престолу Господню, я могъ очиститься отъ множества грѣховъ моихъ; прошу, полагаясь на слова проповѣдника Божія, св. Апостола: *по нуждѣ и закону претъпеніе бываетъ.* (Евр. VII. 12.)

«Прочитавъ это прошеніе, Святитель призвалъ клирика и спросилъ: «Ты ли прислалъ мнѣ эту бумагу?» — И когда тотъ отвѣчалъ утвердительно, свисодительный и милосердый Угодникъ Божій, не желая пристыдить его предъ другими, выслалъ всѣхъ присутствовавшихъ и сказалъ ему наединѣ: «приниженіе твое весьма значительно и нужно по теперешнему времени; но въ немъ есть порокъ: а ты знаешь, что законъ не допускаетъ никакой жертвы, кромѣ жертвы чистой и безпорочной, и что по сей самой причинѣ Господь отвратилъ очи свои отъ жертвы Каиновой. Что же касается до приведенныхъ тобою Апостольскихъ словъ — они относятся къ закону Ветхаго Завета. Иначе, что значили бы слова св. Іакова, брата Господня: *имже весь Законъ соблюдеть, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. II, 10)? А братьевъ моихъ нищихъ Богъ питалъ еще тогда, когда ни тебя, ни меня не

было на сѣтѣ; онъ пропитаетъ ихъ и нынѣ, если мы будемъ ненарушимо соблюдать Святыя слова Его. Умножившій пять хлѣбовъ можетъ и теперь умножить десять мѣръ пшеницы, остающіяся въ моей житницѣ. А тебѣ, сынъ мой, скажу то, что сказано въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ: *имѣя тебѣ части и жребіа въ семъ дѣлѣ.* (Дѣян. VIII. 21).

«Неблагоданвѣренный проситель ушелъ со стыдомъ и огорченіемъ, и вслѣдъ за тѣмъ Патріархъ получилъ извѣстіе, что два большіе корабля церковные возвратились изъ Сиціли, нагруженные хлѣбомъ. Тогда св. Іоаннъ повергся на землю и воскликнулъ: «благодарю Тебя, Господи; что Ты не допустилъ меня продать за деньги благодать Святаго Твоего Духа, и показалъ, что *ищущіе Тебя и соблюдающіе уставы Святой Твоей Церкви не будутъ скудны ни въ какомъ бласѣ!* (Псал. XXXIII. 11.)»

XIII.

«Узнавши, что два клирика поссорились между собою и подрался, св. Іоаннъ за это отлучилъ ихъ отъ Церкви на нѣсколько дней, по правиламъ церковнымъ. Одинъ изъ нихъ призналъ вину свою и искренно раскаялся; другой напротивъ утвердился въ злобѣ своей, и еще радовался своему наказанію: ибо онъ былъ такъ нечестивъ, что искалъ только случая не ходить въ церковь, и такимъ образомъ теперь могъ свободнѣе предаваться своимъ порочнымъ страстямъ. Впрочемъ онъ весьма злобился на Патріарха и грозилъ отмстить ему; нѣкоторые увѣряли, что по его же наущенію дѣйствовалъ и Патрицій Никита, о которомъ сказано выше. Святитель зналъ, что этотъ клирикъ питаетъ противъ него вражду, но имѣя всегда въ умѣ своемъ слова Апостола: *кто немощенъ, съ которымъ бы и я не чувствовалъ немощи?* (2 Коринѣ. XI.) и еще: *мы, сильные, дол-*

жны сносить немощи безславыи (Рим. XV. 1.), хотѣлъ призвать его, и, послѣ кроткаго выговора, снять съ него запрещеніе; ибо онъ видѣлъ, что адскій волкъ готовъ былъ пожрать эту овцу. Но по особенному устроенію Божію вышло такъ, что Святитель позабылъ послать за виновнымъ и разрѣшить его.

Въ слѣдующее воскресенье, во время литургіи, когда діаконъ произнесъ *Двери, двери, премудростію вонмемъ*, Патріархъ, приступая къ приношенію безкровной жертвы, вдругъ вспомнилъ о клирикѣ, который почиталъ себя оскорбленнымъ, и приказавъ діакону вновь читать медленно ектенію, послалъ двадцать церковнослужителей въ разныя стороны за отлученнымъ, а самъ отошелъ въ ризницу, рѣшившись исполнить слова Господни: *если принесешь даръ твой къ олтарю, и тутъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ нѣчто на тебѣ; оставь тамъ даръ твой предъ олтаремъ, и поиди, прежде примиришься съ братомъ твоимъ; и тогда приди и принеси даръ твой* (Матѣ. V, 23 и 24). Какъ скоро виновный явился и призналъ вину свою, Патріархъ первый преклонилъ колѣна, и сказалъ: «прости меня, братъ мой!»—Клирикъ, вида такое смиреніе достойнаго Патріарха и устыдясь свидѣнія его и присутствія всѣхъ окружающихъ, а болѣе всего пораженный страхомъ Суда Божія, думалъ, что въ ту же минуту огонь спадетъ съ неба и пожретъ его, и съ громкимъ воплемъ повергся на землю, умолая о прощени и помилованіи. Святитель отвѣчалъ: «Богъ да проститъ и помилуетъ всѣхъ насъ!» Потомъ оба они встали, вошли въ церковь, и блаженный Патріархъ съ великою радостію предстою св. Престолу, могъ съ чистою совѣстію произнести Святыя слова: *Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѣ. VI, 12.). А клирикъ съ того дня ведъ стоде-

честую и неукоразненную жизнь, что удостоится сана пресвятерскаго.

XIV.

«Некоторые из Богоносныхъ Отцевъ говорили, что Ангеламъ свойственно никогда не сорряться, но пребывать въ совершенномъ мирѣ; словескамъ естественно иногда доспорить, но скорѣ послѣ того и помириться; а дѣло злыхъ духовъ сорряться и никогда не примириться. Это мы припомнимъ по новоду савдующаго происшествія:

«Св. Іоаннъ имѣлъ однажды дѣло съ вышеупомянутымъ Патриціемъ Никитю. Никита, заботясь о выгодахъ казны, хотѣлъ обложить податью одну влошадь; а Святитель, радъ объ участіи бвдныхъ, не хотѣлъ на это согласиться. Долго они спорили и разстались въ пятомъ часу дня *) съ предметнымъ неудовольствіемъ и гнѣвомъ.

Огорченіе Патриарха происходило отъ ревности къ защищенію заповѣди Божіей и отъ состраданія къ нищимъ, а неудовольствіе Никиты отъ денежнаго расчета. Но послѣ сего Святитель счлзала сама себя: «не должно гнѣваться ни безъ причины, ни по самой справедливой причинѣ, ни потому въ одинакатомъ* часу дня, восмалъ Протопресвитера и клириковъ къ Патрицію съ снмъ достопамятнымъ словомъ: «скоро зайдетъ солнце», желая тѣмъ напомнить ему заповѣдь Св. Писанія: *Да не войдетъ солнце во гнѣвъ ташаде*. (Евс. IV. 26). Услышавъ сіе слово, Никита былъ такъ тронутъ и какъ бы воспаленъ огнемъ божественной любви, что облыся слезами и тотчасъ же пошелъ къ Святителю, который прнмалъ его съ отпертыми объятіями, говоря: «Благословенъ придохъ твой, сынъ Церкви,

такъ усердно внимающій ея голосу!» послѣ того они поклонились другъ другу до земли; облыся и снмъ. Тогда Патриархъ сказалъ ему: повѣрь мнѣ, сынъ мой, что я пошелъ бы къ тебѣ самъ, еслибъ не зналъ, что ты сильно раздосадованъ: ибо я знаю, что Господь и Богъ нашъ самъ ходилъ по городамъ, селеніямъ и домамъ, посыщая чловѣковъ.» Всѣ присутствующіе дивились смиренію и благоразумію Святителя, а Никита сказалъ: «отнынѣ, Отче, обещаю тебѣ во всю жизнь не слушать тѣхъ людей, которые стараются ввести меня въ споры и распри.» — «Да, сынъ и братъ мой, отвѣчалъ ему Св. Іоаннъ, мы впадемъ во многія согрѣшенія, если будемъ слушаться всѣхъ этихъ людей, особенно нынѣ, когда изсякла любовь многихъ. Со мною неоднократно случалось, что непослушавшись члзкъ либо внушенія на судѣ, и положивъ уже опредѣленіе, я послѣ узнавалъ отъ другихъ, что мое рѣшеніе незаконно и противно истинѣ. Тогда я положилъ себѣ за правило, никогда не впадать опредѣленія на судѣ, не испытать со всею точностію доказательства той и другой стороны, и постановилъ, чтобы несправедливо доносящій подвергался тому самому наказанію, которому подлежалъ обвиняемый. Съ того времени я не получаю уже ложныхъ доносовъ, и тебѣ, любезный сынъ мой, советую и умоляю тебя послѣдовать этому правилу. Въ судахъ гражданскихъ, гдѣ часто идетъ дѣло о жизни чловѣческой, случается иногда несправедливое осужденіе провинныхъ, потому только, что судья слишкомъ легко доверяетъ чужимъ внушеніямъ и, открывая ложные доносы, не наказываетъ доносителей.» — «Никита прнмалъ слова сіи какъ заповѣдь Божию и облыся Святителю во всю жизнь, ненарушимо послѣдовать этому совету.»

Въ заключеніе остается поблагодарить почтеннаго автора Гр. Т — го за издачіе сей занимательной и въ высшей

* По нашему счисленію времени въ одинакатомъ часу за полдень.

* Въ пятомъ часу за полдень

степени полевой книжки, въ которой множество примѣровъ, одинъ другаго любопытнѣе и извѣдательнѣе, самымъ разительнымъ, простымъ не отвлеченнымъ образомъ наводятъ человека на то, что любовь къ ближнему есть одна изъ умилительнѣйшихъ добродѣтелей христіанина и лучшая заслуга его передъ Богомъ.

Ярчукъ, кладъ и уголь, три повѣсти. Сочиненія *Александрова* — Дуровой. С. Петербургъ, въ типографіи Штаба отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, 1840.

Вотъ три маленькія книжечки, три новыя повѣсти автора Гудишекъ, нашего милого рассказчика Александрова (Н. А. Дуровой), о которомъ Маякъ не имѣлъ еще случая побесѣдовать съ своими читателями. Мы слышали будто бы они принадлежать къ одной странной задачѣ, которую самъ плодовитый авторъ себя задаль: «написать по повѣсти на каждую букву нашей азбуки.» И того, за исключеніемъ буквъ з, ѣ и ъ, ихъ будетъ... тридцать, а считая о, тридцать одна: въ добрый часъ, г. Александровъ, — сочиняйте съ Богомъ, пишите, печатайте и продавайте любителямъ легкаго чтенія ваши труды! И ктоже не пожелаетъ имъ расхода, и ктоже откажется покупать ихъ, когда къ пріятному, заманчивому слогу вашему, присоединяются еще два обстоятельства: вы такъ хитро запутываете приключенія вашихъ повѣстей что пересказать ихъ гораздо труднѣе чѣмъ прочесть. Спасибо вамъ и за то что они *хорошо читаются*: не всѣ ваши рассказы обладаютъ этимъ счастливымъ даромъ, а вѣрно всѣ *досужде* читатели скажутъ за него спасибо. Другое обстоятельство еще примѣчательнѣе: благородный авторъ сочиненіями своими поддерживаетъ существованіе небогатыхъ родныхъ. Дѣло не весьма

обыкновенное: въ нашемъ эгоистическомъ вѣкѣ: примѣръ если не всегда заманчивый для подражателей, то по крайней мѣрѣ всегда достойный одобренія и ободренія. Мы не будемъ рассказывать содержанія этихъ повѣстей, чтобы не лишить читателей удовольствія прочесть ихъ въ оригиналѣ; скажемъ только что «Уголь» намъ понравился болѣе другихъ.

П. К.

Овца какого не бывало! Москва, 1840.

По законамъ критики, «рецензентъ» долженъ быть безпристрастнымъ — но не безчувственнымъ; если въ немъ *есть душа, если у него сердце на мстѣ*, онъ не можетъ не сочувствовать прекрасному, не можетъ равнодушно смотрѣть на неистовое, дурное. Онъ человекъ, не камень!

Такъ — сохраняя все возможное безпристрастіе, не можемъ и мы уклониться отъ сочувствія восторженности одушевляющей благородный, патриотическій рассказъ любимца публики Ф. Н. Глинки; брошюрка его лежитъ у насъ передъ глазами: въ тридцати страничкахъ ея — болѣе сказано чѣмъ въ иномъ огромнѣйшемъ фолиантѣ: мы не разъ ее прочитали и прочитали съ истиннымъ наслажденіемъ. Истина всегда краснорѣчива и въ самой простотѣ. И вотъ секретъ — почему такъ нравятся всѣмъ и каждому языкъ поэта истинны, оратора любви къ ближнему, сына, прославителя своей родины,

«Въ день Преображенія Господня, въ который празднуется и рожденіе Ея Императорскаго Высочества Великой княгини **МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ**, древняя наша столица (Москва) обогатилась новымъ общепольнымъ учрежденіемъ, имѣющимъ цѣлю

постепенное уменьшение нищенства. *) Это дѣло поручено особому комитету, который, подъ председательством г. сенатора Степана Дмитриевича Нечаева, открылъ 6 числа сего августа, свои засѣданія. И дѣйствовалъ не шумно, но дѣятельно; ибо, по словамъ г. председателя комитета — дѣло общественнаго человѣколюбія (призрѣніе нищихъ) дѣло скромное, чуждое мірскаго блеска и гласности.» Цѣль сего христіанскаго начинанія прекрасно выслена въ рѣчи г. президента общества: «спасти отъ привычки и соблазновъ бродяжничества, неопытную юность и придумать средства къ ослабленію безпрестаннаго притока просящихъ подаданія въ сей столицѣ — вотъ предназначенный намъ подвигъ.»

Авторъ брошурки былъ на обѣдѣ, на которомъ въ первый разъ кормили нищихъ въ Москвѣ, на *болотѣ* (часть города), 13 ноября сего 1840 года и описываетъ этотъ обѣдъ, такими словами, которыя прожгутъ и каменное сердце. «Тутъ не было ни князей, ни бароновъ, ни милостивныхъ любимцевъ моды, ни дорогихъ плодовъ, ни ароматныхъ блюдъ, ни искры золота, ни признаковъ серебра, а обѣдъ единственный. Святые съ высокихъ мѣстъ глядѣли на этотъ обѣдъ, и тотъ, отъ кого нисходитъ всякое благословеніе, благословилъ его. Радущіе прислуживало, простота убирала столъ, ласка стояла у дверей съ зазывомъ и многомного собралось гостей *) какъ не

*) Справедливость требуетъ сказать, что такой же комитетъ для призрѣнія нищихъ, стольже скромно и постоянно дѣйствуетъ въ Петербургѣ.

Редакт.

**) На обѣдѣ было 250 нищихъ. Кушанья этихъ обѣдовъ для нищихъ — и въ Москвѣ и въ Петербургѣ — сытныя и хусныя: щи изъ бѣлой капусты съ говядиною или рыбою. Гречневая каша съ масломъ, по кувшину квасу на ка-

посмотрѣть такого вида! любопытство было вожатымъ, онущенія высокія, чистыя — наградою пощадки. Этотъ случай, подастъ автору случай бросить взоръ на гражданское общество Европы. Предметъ для воззрѣнія чрезвычайно занимательный!

«Всѣ романисты — угодиniki этого общества — на ловлѣ *ощущеній* — Трогайте, щекотите, мучьте, терзайте — насъ, только дайте намъ чувствовать, что мы еще живы!» — вотъ требованіе, голосъ *вѣка*, этого посядлага развратника, застыившаго эгоиста! Онъ ищетъ, онъ требуетъ *взрваній* и *ощущеній*, которыми такъ богаты были предки его — простые, патриархальныя люди! Этотъ вѣкъ, весь внѣшній, весь чувственный, разлилъ въ огромныхъ объемахъ умъ свой, и забылъ про *сердце*! Умъ, любимое дитя его, забавляетъ своего прихотливаго дѣдушку всѣми игрушками чувствъ, всѣми вычурами мелкихъ страстей, всѣми матеріальными обновами роскоши. Но дѣдушка скучаетъ, «Мнѣ скучно, бѣсъ!» говорить онъ словами одного изъ превосходныхъ поэтовъ нашихъ. «Чтожъ дѣлать, Фаустъ!» отвѣчаетъ ему потѣшникъ его. «Я сорвалъ покрывало со всѣхъ таинствъ наукъ и природы! ... Ты безъ крыль летаетъ по воздуху, сухо проходишь по поддолью рѣкъ, мчишься по выстилкамъ желѣзнымъ.» — «Но она тутъ тутъ моя грусть!» говорить баловень, указывая на грудь около сердца, «Чтожъ дѣлать, Фаустъ!» отвѣчаетъ поставщикъ матеріальныхъ наслажденій: «я могу оборачивать твои чувства, прислуживаться желудку пока онъ еще не отупѣлъ! Но область сердца не моя: я ничего не разумѣю въ дѣлахъ его. — А между тѣмъ земное счастье пришло земнымъ: они хотятъ чего-то *иного*;

ждаго застольника, по фунту хлѣба, иногда по куску калача. Столы длинныя, скатерти бѣлыя, посуда оловянная зеркалажно ясная.

вотъ откуда это огромное требованіе впечатлѣній, эта пылкая жажда *ощущеній* глубокихъ! Бѣсъ Лесажевъ сорвалъ крыши со всѣхъ домовъ и палатъ, раскрывъ, обнаружилъ все тайное, все завѣтное *домашнее*. «Такъ вотъ что!» сказали люди про себя. «Такъ вотъ въ чемъ дѣло!» — И, посмотрѣвъ другъ другу пристально въ глаза наговорили одинъ другому жестокихъ истинъ — и расзорились! Пирова я храмина жизни (этой старой, задушевной, сердечной жизни) стала *биржею*, мѣстомъ ума, расчета и торга — часто сборищемъ шпажныхъ и кулачныхъ бойцевъ? — а религія? — Испарилась какъ дорогой ароматъ изъ позлащенаго сосуда . . . Сосудъ остался! — Но мы далеко увлеклись, коснувшись струны *ощущеній*! Больны вѣрить и не вѣрить, а я, на свою долю, напелъ много ощущеній, побывавъ на обѣдѣ нищихъ.

Теперь слѣдуетъ мастерское описаніе обѣда и званыхъ гостей.

Эпизодъ объ одномъ нищемъ знакомомъ автору, который часто видалъ его у Московскихъ мостовъ, трогательно, прекрасенъ. Это олицетворенное горе!

«Лицо его закрыто кускомъ нахлобученной на глаза старой, порыжѣлой шляпы. Онъ весь умѣлъ закутаться въ лохмотья, весь загрязненъ, испачканъ: кто-бы узналъ его? — Въ поставкѣ его есть что-то *прежнее*. Онъ прямъ, но это прямизна оцѣпенѣнія. Вы готовы съестъ его за статую, за человѣка застыившаго на морозѣ, бездушнаго. Но правая рука безъ участія, кажется, безъ свидѣнія всего тѣла, подымается, сжимается, что въ нее кладутъ, и опять опускается . . . Онъ живъ! И это онъ, нашъ знакомецъ! И вотъ какъ переходятъ отъ довольства въ нищету! Присутствовали-ль вы при подписаніи договора жизни (жизни земной, общественной) съ человѣкомъ, въ нее вступающимъ? Какъ много эта очарова-

тельная плѣнительница сулить дѣтству, сулить юности! И всегда ли, часто-ли устываетъ въ посулахъ своихъ? — И не имѣетъ-ли права искушенный опытомъ сказать: «сколько надеждъ загла ты въ душѣ моей, сколько радостей обѣщала мнѣ! Я былъ *честенъ* и *прямъ*: на чьей-же сторонѣ *неустойка*?» — Да! таинственны условія жизни! Юноша надѣется, мужъ принимаетъ, и часто всѣ эти надежды, упованія, всѣ думы, предпріятія упираются въ одно — въ одну общую мрачно-сводистую покрывку — гробовую крышку живыхъ. Ни одна голова не можетъ подняться выше этого роковаго заслона. И что-жъ это такое? Огромная свищовая доска, на которой огромными буквами нанесано слово, одно только слово: «Нищета.»

Описаніе голода и радушія русскаго превосходно. Выпишемъ цѣлкомъ обращеніе пламеннаго расквѣсика отъ приличій Европеизма къ одной теплой душѣ русскаго Говарда.

«Посмотрите на Бориса Васильевича *), угостителя и друга нищихъ. Посмотрите, какъ онъ; будто на свадебномъ пиру, и хорошъ и пригожъ въ своемъ Русскомъ нарядѣ, ухаживаетъ и улаживаетъ пированье застольное для дорогихъ своихъ гостей. Онъ не только кормилецъ, онъ и страпчій за нищихъ, умѣетъ кормить, умѣетъ и отстаивать нищую братію. Какъ жарко заступаетъ онъ за нихъ (добрый человѣкъ! Да заступится за тебя Господь Богъ на послѣднемъ судѣ) — Напрасно («это его слова») считаютъ нищихъ людьми подозрительными, опасными: это просто несчастные. Несправедливо болятъ впускать ихъ въ дома, полагая что они *крадутъ* . . . У насъ и теперѣ, и при родителяхъ, тридцать лѣтъ въ домѣ открыто для убогихъ, въ 30 лѣтъ случилась только одна пропажа: утащили *старую*

*) Смотрите о немъ рѣчь Сенатора Нечаева, Президента Комитета.

трубу съ самовара, и то, можетъ быть не они!»

Страховъ смотритъ на нищету сквозь призму высокой любви Евангельской! «Какъ вамъ Богъ помогъ такъ скоро собраться и обзавестись? шутка-ли накормить 250 человекъ!» сказала я Страхову. — «И Богъ и *добрые люди!*» отвечалъ онъ. Поверите-ли, въ три, четыре дня наслали столько, что погребамъ ломается отъ пришошей! Вчера одинъ прислалъ 50 пудовъ рыбы, другой 30 пудъ говядины; сей часъ привезли 150 калачей.» Такъ вотъ гдѣ скрывается эта стихія живительная, эта цѣлебная теплота, вѣтренная вѣнчаніемъ холодомъ во внутренней тайницѣ жизни народной! Подъ ледяною коркою вѣнчана и холодныхъ расчетовъ и въ зимнюю стужу нынѣшняго вѣка еще струится вода жизни — еще есть милосердіе! О, Русь блаженная! О, люди Московскіе! Богъ наградитъ васъ стоицею за даянія ваши, десница дающая не оскудѣетъ!»

Вотъ еще анекдотъ объ одной бѣдной Латышкѣ, не менѣ трогательный и P. S. разсказа, которымъ заключимъ наши выписки изъ сей примѣчательной брошюры, достойной быть передпечатанной вполнѣ, во всеуслышаніе Евровы на всѣхъ ея языкахъ!

«Осмотрѣвъ все, я уже прощался съ князюмъ (Борисомъ Васильевичемъ Страховымъ) и уходилъ, какъ вдругъ внезапно остановился передъ одною группою изъ пяти фигуръ.

«Это была женщина высокая, сухая, блѣдная съ синими глазами, одѣтая какъ-то не по-русски. Около нея тѣснились четверо малютокъ, волосы ихъ мягки и бѣлы какъ лёнъ, глаза синіе. Я заговорилъ съ матерью, она оставалась вѣрна, малютки улыбадись. «Она не говоритъ по-русски,» сказала Страху. «Чтожь это за люди?» — спросилъ я съ удивленіемъ. «Это *Латыши*. Ихъ отецъ сосланъ въ Сибирь и умеръ. Жена его возвращается съ детьми, на

родину». — «Какъ-же они попали къ вамъ?» «За два передъ этимъ дня (говорилъ Страху) я нашель ихъ на каменномъ мосту. Тамъ стояли они и смотрѣли на Москву. Я объяснился съ ними кое-какъ, взялъ ихъ къ себѣ, вымылъ въ банѣ, накормилъ (добрый человекъ! онъ невольно высказалъ драгоценныя подробности своего человеколюбиваго подвига)» и вотъ они смотрятъ весело. *Комитетъ приарънїи* общалъ имъ цомочъ, и скоро вся семья отпавится *въ свою сторону.*» — Какъ все это кажется просто, а сколько тутъ хорошаго. Бѣдная мать, не зная ни слова по русски, съ дѣтьми малютками прошла двѣ, три тысячи верстъ по Россіи. Какова жъ Россія! И вотъ они пришли въ Москву и смотрѣли на эти роши церковей и колоколенъ, на этотъ огромный, нестрой, воздушный коверъ изъ кровель на домахъ, дворцахъ и палатахъ, на этотъ безпредѣльный городъ, называемый Москвою, забывъ (если объ этомъ забыть можно), что имъ надо-же гдѣ нибудь провести ночь, чѣмъ нибудь утолить голодь. И вотъ являетъ ся нашъ Говардъ въ Русскомъ кафтанѣ, улавливаетъ въ нѣтъ своего человеколюбія все это гнѣздо *Латышей*, ходитъ, кормитъ, успокоиваетъ ихъ: каковъ-же Борисъ Васильевичъ *Страховъ*. Теперь бѣлоголовые Латыши, какъ гнѣздо пташекъ въ клеткѣ, жмутся въ теплой уголокъ около своей матушки и весело смотрять на, прохожихъ. Это обстоятельство даетъ поводъ останавливаться еще болѣе на мысли, что, *со временемъ*, *Комитетъ*, кромѣ стола, будетъ давать и дряотъ безпріютнымъ. Въ числѣ самыхъ жаркихъ участниковъ и дѣателей по *Комитету* справедливость требуетъ назвать: *Розенштрауха*, наследовавшаго отъ почтеннаго родителя своего любовь къ бѣднымъ, высокое стремленіе къ пользѣ человечества. После этого, сказавъ, что *Комитетъ* находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ Князя Дмитрія Владиміровича Голицы-

на и подь управленіемъ Степана Дмитриевича Нечаева, мы скажемъ все: ибо есть имена, ручающіяся за дѣятельность самую ревностную и успѣхъ самый желанный въ предпріятіяхъ самыхъ затруднительныхъ. *)

«И такъ если вы назначили раздать въ недѣлю, въ мѣсяцъ 10 р. нищимъ, ку-

*) Справедливость требуетъ вспомнить, что первыя основанія попечительства о призрѣніи нищихъ произведены при надзорѣ и усердномъ стараніи Ал. Дм. Черткова. Еще утѣнительно сказать здѣсь слово о заведеніи подобномъ Московскому въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Россіи — въ г. Ростовѣ.

Дувно уже существуетъ тамъ заведеніе, доставляющее временное успокоеніе странникамъ и убогимъ.

Княгиня Н. И. Голицына, за 26 передъ снмъ лѣтъ, выстроила и обзавела всѣмъ нужнымъ особенный домъ противъ самаго собора, гдѣ почиваютъ мощи Св. Дмитрія Ростовскаго. Ее побудила къ тому безпріютность бѣдныхъ, приходившихъ, по чувству набожнаго ~~убѣжденія~~ изъ разныхъ краевъ Россіи къ Святителю Ростовскому. Прежде — странники безпокровные — обночлеживались они часто на открытомъ воздухѣ въ окрестностяхъ собора. Теперь страннопріимный домъ въ Ростовѣ даетъ имъ *ночлеги, обѣды и ужины*. Благодѣтельная учредительница не хотѣла блистать наружною, и существенную прочность заведенія предпочла всякой внѣшней красивости. Все просто въ этомъ домѣ, но пища сытная, помѣщеніе спокойное. По особенному распоряженію странники *самоварные* (имѣющіе достатокъ пить *свой чай*) не принимаются въ заведеніе: это пряное *убѣжище* бѣдныхъ и предлагаетъ пріютъ чисто безпріютнымъ. Намъ случилось видѣть одинъ изъ послѣднихъ отчетовъ по этому заведенію, и не безъ удивленія и съ удовольствіемъ прочли мы въ немъ, что въ теченіи одного Сентября мѣсяца принято и накормлено въ страннопріимномъ домѣ въ Ростовѣ 1046 человекъ! Мало кому извѣстно объ этомъ заведеніи, но оно существуетъ уже 26 лѣтъ!

пите лучше въ конторѣ Комитета **) три билета, и вы прокормите трехъ человекъ цѣлый мѣсяцъ за 3 руб. 50 коп. (за цѣлковой); покровительствуемый вами будетъ обѣдать 30 разъ. Это почти нестроятно! Но повѣрка не далека — съѣздите на Болото, гдѣ кормятъ *прошлыхъ милостыни*.

«PS. Вчера, къ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Михаила Павловича, былъ я свидѣтелемъ *другаго* угощенія бѣдныхъ. На итменкомъ рынкѣ, въ домѣ Человѣколюбиваго общества, бывшаго купца Бубнова, накрылись столы, уставленные яствами простыми, но здоровыми и сытными. Прибывъ около полудня, я уже засталъ тамъ Президента комитета для призрѣнія нищихъ, С. Д. Нечаева, и другихъ членовъ Комитета. Въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ накормлено 350 человекъ! *) Тѣже явленія, какія показывались на Болотѣ, повторились и здѣсь, но дѣлателями были другія лица. Борисъ Васильевичъ Страховъ былъ тутъ гостемъ. Хозяевами и угостителами бѣдныхъ за *столомъ Лафертовскимъ* были Московскіе купцы: *братья Чижевы*. На свой счетъ, своими трудами учредили они *Лафертовскій столъ*! Радушные учредители, при содѣйствіи агентовъ Комитета *Новикова* и *Пишгена*, — сургучнаго мастера, зазывали, принимали, угощали бѣдныхъ какъ друзей, какъ сродниковъ. — Увлекаясь гостепрѣимствомъ, братья Чижевы просили посѣтителей въ свой домъ на Полянку за Москвою рѣкою. Все показывало порядокъ и быть мирный, степенный въ этомъ домѣ, убранномъ богатою рукою. Братья Чижевы, следуя прекраснымъ словамъ псалмопѣвца, «что

**) Въ Харитоньевскомъ переулкѣ, въ домѣ бывшемъ К. Юсупова.

*) По случаю постнаго дня бѣдныхъ кормили рыбными кушаньями; сверхъ обыкновеннаго, щедрые братья Чижевы выдали на каждого человека по большой порціи прекрасной паюсной икры.

есть добро и что есть красно, но еже-
 жити брати вкупѣ!» — живутъ нераз-
 дѣльно — однимъ капиталомъ и, что еще
 важнѣе — однимъ сердцемъ. Эта совме-
 стность поддерживаетъ отцовскій домъ,
 ручается за кредитъ этого дома въ тор-
 говыхъ дѣлахъ и сохраняетъ въ семей-
 ствѣ, довольномъ самимъ собою, высо-
 кую простоту древнихъ нравовъ и
 благочестіе предковъ, на которомъ
 зиждется прочность домовъ. Въ домѣ
 почтенныхъ Чижевыхъ, разговарясь съ
 Страховымъ, узнавъ я, что семейство
Латышевъ уже отправилось въ свою
 сторону и, вообразите, что сдѣлано для

этого семейства! — При содѣйствіи гла-
 внаго попечителя о счастіи Москвы и
 бѣдныхъ ея, и при пособіи, оказанномъ
 Президентомъ общества для призрѣнія
 просіявшихъ милостыни, семейство, въ
 которомъ мы приняли участіе, отпра-
 влено на *особой подводѣ* до самаго мѣ-
 ста его жительства, и въ помощь ему
 собрано 350 рублей деньгами! Какъ же
 не порадоваться?»

Спасибо русскимъ душамъ кото-
 рыя такъ радушно содѣйствуютъ ви-
 дамъ отца отечества, честь и слава
 благородному сыну Россіи такъ утѣ-
 шительно описавшему ихъ подвиги!

П. К.

—•••••

Въ книгѣ М. Н. Латуша, которой одной достаточно для поддержанія его извѣстности, описаны съ извѣстнѣею чувствительностію самыя гайныя впечатлѣнія воспитанника Риминійской семинаріи. Зачѣмъ не осмѣлился онъ передать намъ отчаяніе этаго злополучнаго актера, который такъ грустно восклицалъ: «мнѣ кажется, нѣтъ чело-вѣка въ мірѣ честнѣе меня!»

Пиетро Франческо Біанкателли, извѣстный на сценѣ подѣ именемъ *Доминика*, умиралъ съ горя; ничто не могло разсѣять грусти, которая чернымъ клеймомъ запечатлѣлась на его сердцѣ. Онъ рѣшился посоветоваться съ докторомъ. Бѣдный медикъ истощилъ всѣ средства, и все напрасно! «Вамъ ничего болѣе не остается: съездите посмотрѣть *Доминика*» говорилъ онъ своему пациенту, котораго вовсе не зналъ. Больной обѣщалъ исполнить приказаніе доктора и они вмѣстѣ отправились въ Италіянскую комедію; потомъ оставя медика подѣ какимъ то предлогомъ, Біанкателли сыгралъ роль арлекина. Отсутствие его приводило въ отчаяніе врача; но окончивши пьесы *Доминикъ* только что успѣвъ воротиться, какъ разсерженный докторъ принялся его *распекать*. «Еще ни когда въ жизни *Доминикъ* не былъ такъ забавенъ; ручаюсь вамъ что онъ одинъ можетъ засмѣять и развеселить васъ».

— «Вотъ то-то и бѣда», протворилъ большой голосомъ, отъ котораго затрепеталъ бы не только живой, но и мертвецъ: «что я-то и *Доминикъ*!»

Испуганный докторъ убѣжалъ отъ него въ ужасѣ, а бѣдный арлекинъ... умеръ!

Участь Петра Лудвига, комика, извѣстнаго на сценѣ подѣ именемъ *Пресилла* ни сколько не лучше перваго. 11-го февраля 1786-го онъ вступилъ на сцену всѣхъ комиковъ во время представленія *Mercure Galant*, гдѣ изъ каждой его словесъ раздавались тысячные раскаты рукоплесканій; сдѣлался какъ

бы припадокъ внезапнаго помѣшательства, и хотя зрители того не замѣтили, но онъ самъ видѣлъ что не могъ продолжать свою театральную каррьеру. Возратясь въ Санли, гдѣ домашнее горе довершило разстройство его ума, онъ не приходилъ болѣе въ рассудокъ. Старшая и единственная въ то время дочь его, оставшаяся въ живыхъ, прирѣзала его у себя въ Бове, гдѣ и умеръ онъ 18-го декабря 1799-мъ семидесяти лѣтъ отъ роду.

Давидъ Гарриксъ, актеръ, долго приводившій зрителей своихъ въ такой восторгъ и потрясеніе, что его прозвали было *братомъ Гаррикомъ*, пораженъ былъ тоже внезапно меланхоліею, играя роль Ричарда III. Одинъ свидѣтель этой сцены описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: «онъ распростертъ былъ на софѣ, какъ умирающій Германикъ на картинѣ Пуссеновой: почти задыхался отъ изнеможенія; потъ лилъ съ него градомъ; онъ не могъ поднять ни руки ни ноги. Зависть грызла и убивала Гаррика, его собственные успѣхи исчерпали въ глазахъ его передъ успѣхами товарищей. Ничто не могло утѣшить его послѣ похвалъ, которые заслужилъ Барри въ роль Отелло, а Томасъ Щериданъ въ роль короля Іоанна».

Всѣ знаютъ въ какомъ состояніи находится нынче *Манроузъ*!

Потье умеръ въ уничтоженіи всѣхъ умственныхъ своихъ способностей.

Перле—этотъ глубокій и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательный комикъ, подвергся всѣмъ ужасамъ *миллаго большаго*.

На театрѣ, *Верне* мучится ужасными страданіями, вырывающими у него внутренніе вопли посреди всеобщаго смѣха.

Когда *Буффе* не на сценѣ—это живое олицетвореніе печали и горя: каждое движеніе выказываетъ тайную скорбь, а видъ внушаетъ невольное сожалѣніе; тотъ который заставляетъ васъ такъ смѣяться на сценѣ подѣ тысячами превращеній, возбуждаетъ жалость въ кулисами. Буффе вѣчно въ отчаяніи:

все ему кажется не такъ: и въ себѣ и въ другихъ; подумаешь, что судьба и несчастіе бременять его. Иногда — на его длинномъ поблекломъ лицѣ выражаются вдругъ самыя жалкія предчувствія горя, словно отпечатокъ выбранный изъ всѣхъ ролей, къ которымъ предназначена алчность и безсиліе нѣкоторыхъ писателей. На Буффе больно смотрѣть, такъ велики его страданія и такъ глубоко его горе!

Арналь, этотъ другой царь безумнаго смѣха ни когда васъ не восхититъ веселымъ нравомъ своимъ внѣ сцены. Тутъ ему во все не до смѣха: онъ безжюкоентъ, бурливъ, даже недовѣрчивъ, раздражителенъ и почти неукротимъ. Все возбуждаетъ грусть его и досаду. За сценой его узнать нельзя: совершенно другой человекъ: душевныя чувства его вполне противорѣчатъ его сценическимъ ухваткамъ. Онъ убѣгаетъ разсыанности; развлечения и удовольствія пугаютъ его: а если онъ и предается имъ, то бережно- и осторожно; самая веселость его очень похожа на скуку. Арналь всегда важенъ; его занятія, его вкусъ и самый отдыхъ отзываются строгостью. Доброта его сердца и праводушіе характера, самая откровенность его не много грубал, придаетъ ему нѣкоторыя черты сходства съ мизантропомъ, это не бѣшеный Тимонъ — не другъ всѣхъ людей, а позвнй Алитъ. Онъ говоритъ также:

L'ami du genre humain, n'est pas du tout mon fait!

т. е.

«Другъ человечества мнѣ другомъ быть не можетъ!»

А *Мольеръ*! какъ кончилъ? что за смерть! какой трауръ и какой погребальной крестъ напалъ онъ на шутку! что за существованіе! а каковъ былъ его послѣдній часъ!

Едва, между всѣми этими публичными проказниками, между всей этой веселой братьей сцены, едва найдешь

одного, который бы не изнемогъ отъ горя, не сдѣлался предметомъ слезъ своихъ ближнихъ!

Тиберио Фіорилли или Фіорелли, *Скарамушь*, великій Скарамушь, — этотъ герой шутки, которому не стыдился подражать самъ Мольеръ—одинъ умѣлъ избѣгнуть этихъ ужасныхъ случаевъ, — но какъ? жалость вспомнить... знаете ли что спасло его отъ меланхолии и отчаянія? обжорство! онъ просто — объѣлся.. въ день своей смерти спросилъ онъ къ обѣду супу на итальянской манеръ, большое блюдо вермишеля съ любимымъ своимъ сыромъ, пармезаномъ. Докторъ, навѣстившій его — сказалъ, что такое кушанье вредно для его здоровья; если побережетъ себя, то проживетъ еще съ недѣлю. И вы увѣрены въ этомъ? спросилъ Скарамушь. — Да, сударь, отвѣчалъ докторъ. — Ну такъ недѣлей раньше, недѣлей позже—не счетъ! сущая бездѣлица для такого долговѣчнаго человека какъ я! стало быть и труда не стоитъ лишать себя, изъ за такой бездѣлки, любимаго блюда: велите только сдѣлать его пополнѣе; сказано, сдѣлано. Больной Скарамушь съѣлъ одинъ цѣлое блюдо вермишеля и къ вечеру... умеръ!

Впрочемъ — все это были одни великіе комикъ! гаеры гораздо счастливѣе ихъ, и не всѣ такъ кончаютъ свое жизненное поприще.

Странно! — прибавляетъ Французскій писатель — какъ объяснить эти непонятныя психологическія явленія, изъ большинства которыхъ можно вывести законъ, что *забавникамъ, потѣшникамъ людскимъ не дано пользоваться величайшимъ сердечнымъ благомъ—миромъ сердечнымъ*? ежели миръ сердечный, — какъ оно и есть — Божій даръ, ежели смѣхъ есть *безуміе* и физиологически и морально, то весьма понятно, что человекъ, посягающій, своими шутками, на разрушеніе мира сердечнаго въ цѣломъ обществѣ, по закону возмездія —

какою мѣрою мѣришь и тебѣ отмѣрится—непрѣменно самъ наказывается лишеніемъ мира благодатнаго. Это ужасно! а весьма справедливо! жаль, что на это не обращаютъ должнаго вниманія гг. комики и юмористы, у которыхъ вся цѣль игры или письма—разсмѣшить зрителя или читателя, и больше ничего.

«Въ самой вещи, миръ сердечный есть такой высокій благодатный даръ, что только при немъ человекъ дышетъ дыханіемъ неба, только въ этой мирной атмосферѣ душа человѣческая прозябаетъ, развивается и оплодотворяется небесными дарами, способна созерцать незримаго, сколько это возможно въ здѣшной жизни, точно какъ вся красота неба созерцается въ тихой, зеркальной поверхности воды — и такимъ образомъ душа совершенствуется, очищается, становится такою какою быть ей должно, достигаетъ своего назначенія. Но безпутный смѣхъ, все это разрушаетъ, вызывая все существо человека въ мятежную внѣшность, оглушая, одуряя его судорожнымъ напряженіемъ нервной системы; смѣхъ вводитъ людей, и добродѣтельныхъ и порочныхъ безъ различія, въ ту пагубную увѣренность, что если все смѣхъ да смѣхъ, сегодня смѣхъ и завтра смѣхъ, то блаженство ихъ совершенно, и больше нечего желать.

«Но съ другой стороны—каждый это легко замѣтитъ на самомъ себѣ—чѣмъ больше кто имѣетъ случаевъ смѣяться, тѣмъ чаще и болѣзненнѣе пробивается скорбь и голодъ души, лишившейся истинной пищи; эта скорбь и голодъ—скука. Послѣ отчаяннаго смѣха, чувство скуки злѣе, горчѣе. Человекъ шовадившійся жить весело, всѣми силами доискивается случаевъ посмѣяться, водобоязнію боится всего, гдѣ видитъ, что не чему посмѣяться, онъ боится заглянуть внутрь себя, предчувствуя тамъ готовыя укоризны; одиночество убиваетъ его; онъ жадно ищетъ толпы

которая бы двигалась и пестрѣла въ его глазахъ, онъ ищетъ шума, который глушилъ бы его слухъ, — онъ рѣшительно выходитъ изъ того состоянія жизни въ собственномъ сердцѣ, которое одно ему на потребу; комики и юмористы, которые выводятъ людей изъ этой естественной жизни, что иное въ очахъ истины, какъ не убійцы душъ? И вотъ же что они производятъ въ другихъ, то самое посылается имъ. Печально, а такъ оно въ самомъ дѣлѣ — присмотритесь!»

ЭКСПЕДИЦІЯ АДМИРАЛА (ЛИНУА).

(СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.)

1801.

I.

Изъ всѣхъ портовъ омываемыхъ Атлантическимъ океаномъ и моремъ Средиземнымъ, отъ устья Текселя даже до Тибра, — порты Испаніи составляли тѣ приморскіе пункты, въ коихъ Наполеонъ видѣлъ наиболѣе способовъ къ осуществленію идеи своей о всемірномъ владычествѣ. Политика Мадридскаго двора, — благоразумная и искусная, — почти постоянно держала эскадры свои внѣ той борьбы въ которой пали предъ флотами Англійскими, соединенными морскія силы Франціи и Батавіи; — за то и потери Испаніи едва простирались до 8-и кораблей и 14-и фрегатомъ; между тѣмъ, какъ Франція лишилась въ это время 60-и кораблей, 137-и фрегатомъ и 140-а разныхъ мѣкихъ судовъ, — а Голландія 25-ти кораблей и 22-хъ фрегатомъ.

Всѣ предначертанія перваго консула клонились къ тому, чтобъ воспользоваться морскими силами Испаніи. Натурально, что стеченіе обстоятельствъ много способствовало къ этому.

Когда угрозы и арміи монархической коалиціи, были вторично уничтожены нашими легионами, — тогда юный

предводитель ихъ, возвратясь изъ этой компании, столь достопамятно начатой, победою при Маренго и столь выгодно для Франціи конченной Люневильскимъ трактатомъ, — приобрѣлъ довольно могущества для того, чтобъ Испанскій король не сдѣлалъ распоряженія въ свою пользу, чрезъ которое пожертвованіе. Ктому же Португальская экспедиція придава еще нашему вліянію характеръ болѣе положительный и настойчивый, — выраженіемъ и орудіемъ котораго въ совѣтъ Фердинанда былъ Годои — «принцъ Мира».

Едва сдѣлалось извѣстнымъ желаніе Наполеона, — какъ Мадридскій дворъ предложилъ, къ услугамъ Франціи, 4 линейныхъ корабля.

Эти суда ввѣренныя Наполеономъ контръ-адмиралу Дюмануару въ совокупности съ нѣсколькими Испанскими кораблями должны были составлять въ Кадиксѣ соединенный флотъ, подъ начальствомъ адмирала Донъ Жуана Морено.

Вѣсть о составленіи Иберо-Французской эскадры на рейдъ Кадикскомъ, весьма встревожила Англійское правительство. Вся система, на которой Бонапарте предполагалъ возсоздать наше морское могущество, обнаружилась тогда Адмиралтейству. Эта дѣятельность съ самаго возвращенія изъ Египта кипѣвшая на всемъ пространствѣ береговъ нашихъ. Эти огромныя работы производившіяся въ руслахъ Лианны и на приморьѣ Булонскомъ. Эти канонерскія лодки, строившіяся во всѣхъ бухтахъ нашихъ. Эта флотилія начинавшая образовываться чрезъ соединеніе маленькихъ Ламанскихъ эскадръ, — отпосланы къ вооруженію Иберо-Французскаго флота, слишкомъ близко для того, чтобъ не почестъ все это исполненіемъ одной и той же идеи.

Но, изъ всѣхъ этихъ тревожныхъ приготовленій, — отпоселенія Сенъ-Джемскаго кабинета преимущественно оста-

навливаясь на флотъ Кадикскомъ. Пребываніе въ этомъ мѣстѣ Французскихъ морскихъ силъ вынуждало Адмиралтейство сдѣлать принятія мѣры къ сохраненію и поддержанію сношеній своихъ съ тремя эскадрами Средиземнаго моря. Адмиралъ Сиръ Джемсъ Саумареэзъ получилъ повелѣніе немедленно отправиться къ Гибралтарскому проливу съ дивизіею состоявшею изъ шести кораблей. Именно-же: изъ трехъ осьмидесятныхъ *César, Pompée, Superbe* и изъ трехъ семидесятныхъ *Annibal, Audacieux, Vénérable*. 13-го Іюня, эта эскадра къ которой присоединили еще одинъ фрегатъ и одинъ люгеръ, — снявшись съ Плимутскаго рейда направилась къ берегамъ Испаніи.

13-го же іюня и почти въ тотъ-же часъ контръ-адмиралъ Линуа покидалъ Тулонскій рейдъ и направлялся къ тѣмъ-же берегамъ съ тремя кораблями, которые за разными поврежденіями и за болѣзною экипажей — отосланы были Гантомомъ изъ Ливорны; но какъ всѣ эти поврежденія исправлены въ нѣсколько дней, то *Formidable, Indomptable* и *Desaix* и могли теперь опять вступить подъ паруса. Фрегатъ же *Créole*, замѣнилъ при этой эскадрѣ Венеціанское судно *Marion*.

И такъ для обвѣхъ воюющихъ эскадръ въ тотъ-же день и въ тотъ-же часъ, началась эта достопамятная кампанія, которой предназначено было въ продолженіе одного мѣсяца, подарить исторіи Французскаго мореходства, двѣ безсмертныя страницы.

II.

БИТВА АЛЖЕЗИРАССКАЯ.

(ДОНЕСЕНІЕ АД. ЛИНУА).

Напутствуемая легкимъ вѣтеркомъ дувшимъ съ береговъ Франціи и Италіи, — эскадра контръ-адмирала Линуа прогнавъ нѣсколькихъ крейсеровъ, оставленныхъ для наблюденія Саромъ Уарреномъ, — направилась къ Гибралтару.

Черезъ два дня пришла на видъ Испанія. Вѣтръ и погода продолжали благопріятствовать. Для точнѣйшаго опредѣленія своего мѣста, адмиралъ подоѣдъ ближе къ берегу встрѣтить Каталандскую рыбацкую лодку, отъ которой узналъ, что въ окрестностяхъ Кадикса показалась Англійская эскадра. Новость эта совершенно измѣнила положеніе Французскаго отряда. Дивизія Уаррена если только возвращеніе Гантома содѣлывало ее свободною, непременно должна была обратиться въ преслѣдованіе Линуа и такимъ образомъ этотъ адмиралъ рисковалъ быть стѣсненнымъ межъ двухъ непріятельскихъ дивизій; — хотя и казалось, что самое вѣрное средство избѣжать этой бѣды, было, возвратиться въ Тулонъ, но это возвращеніе не могло не навлечь нареканій на способности адмирала, а потому, не смотря на грозившія опасности, онъ рѣшился не отступать.

4-го іюля эскадра, подызуясь благопріятнымъ Ю-мъ вѣтромъ шла къ берегу, чтобъ расположиться подъ стѣпями Алжезираса. Это благоразумное и отчаянное намѣреніе адмирала Линуа, давало ему возможность и собрать свѣденія необходимыя для дальнѣйшихъ соображеній воспользоваться ошибкою непріятеля съ усмѣхою кончить эскадрилю.

Едва линія Сиръ Диамезъ Саумарезъ извѣстивъ о поведеніи Французской эскадры, какъ поспежалъ на встрѣчу къ ней.

Вѣтръ не благопріятствовалъ Англичанамъ, однакожь слабость его не могла уничтожить быстроты допущеннаго течения, помощію котораго в прошли они Гибралтарскій проливъ ночью съ 5-го на 6-е июля. Адмиралъ думалъ, чрезъ этотъ скорый маршъ нанести на наши корабли враспалокъ; однакожь съ разсвѣтомъ, отыскалась Дель Карне, ро-требель, коего вытчалъ башнею какъ бы служившею передовымъ пикетомъ

Алжезираса, — Сиръ Саумарезъ, суда по движеніямъ нашей эскадры могъ убѣдиться, что его ожидали. Корабли наши, орумященныя свѣтломъ востока, — хладнокровно становились въ свою боевую диспозицію.

Formidable, на которомъ адмиралъ Линуа имѣлъ свой флагъ бросилъ якорь на 12-ти сажняхъ глубины, къ сѣверу отъ кораблей *Desaix*, *Indomptable* и *Murion* и такимъ образомъ составилась ширинговая линія, правымъ флангомъ своимъ опиравшаяся на островъ Верде, который собственно былъ подводный камень, служившій основаніемъ батареи о 18-ти орудіяхъ, — а лѣвый флангъ простирался къ сѣверу до развалинъ ветхаго укрѣпленія Сантіаго. Англійская эскадра построясь въ линію и держась ближе къ берегу шла подъ вѣтми парусами; корабль *Vénérable*, командиръ котораго зналъ всѣ подробности этого заѣва, — былъ Форсейлемъ.

Поровнявшись съ башнею Сантіа-Гарсія, ввѣчавшею одинъ изъ наиболѣе выдававшихся мысовъ, — эскадра уменьшила паруса.

Коль скоро же голова непріятельской колонны достигла траверза острова Верде, — батарея этого острова начала пальбу. Англійская эскадра потонула вдоль нашихъ кораблей и въ одно мгновеніе вся линія была въ огнѣ. Въ продолженіе этого движенія Сиръ Саумарезъ пораженъ былъ значительно разстояніемъ отдаленнаго Французскія суда отъ берега. Позиція столь выдававшаяся и слабость укрѣпленій манинровавшихъ ее, рѣшили Англійскаго адмирала, употребить тотъ-же самый маневръ, который при Абукирѣ доставилъ Нельсону блестящую побѣду. Немедленно сдвинуть были сичналь авангарду обѣихъ лѣвый флангъ непріятельской линіи, — и въ свѣдѣствіе этого повелѣнія *Vénérable* началъ опускаться между к. *Formidable* и крепостью С. Яго. Французская эска-

дра подверглась опасности очутиться меж двух огней. Адмиралъ Линуа, тотчасъ повялъ это, видя намереніе направленіи непріятельскаго передоваго корабля и приказалъ эскадрѣ своей отрубивъ канаты дрейфовать къ берегу. Это благоразумное распоряженіе, испорчено было нѣсколько; чрезъ измѣненіе вѣтра, который въ это время стихнувъ отошелъ къ О. Въ особенности потерѣли точность и быстрота построения новой боевой линіи, кромѣ того, производившагося, подъ непрерывнымъ огнемъ съ нашей стороны, по мѣрѣ того, какъ линія утверждалась, бой двался упорнѣе и упорнѣе. Нашъ Флагманскій корабль — *Formidable*, чрезъ худое дѣйствіе укрѣпленія С. Яго подвергся нападенію трехъ непріятельскихъ кораблей. Но, такова была мѣткость и непрерывность выстрѣловъ четырехъ судовъ нашихъ, что послѣ сраженія продолжавшагося два часа, на разстояніи меньшемъ двухъ кабельтовыхъ, — Англійскій адмиралъ почелъ невозможнымъ разбить нашу линію не овладѣвъ батареею острова Верде. Между тѣмъ батарея эта уже не пала; во первыхъ потому, что Испанскіе артиллеристы оставили ее истративъ всѣ свои снаряды и во вторыхъ потому, что слабость бруствера не защищала и отъ Англійскихъ ядеръ.

Множество гребныхъ судовъ наполненныхъ вооруженными людьми отдѣляясь отъ непріятельской эскадры, направились къ острову.

Командиръ *Murion*, стоявшаго нѣсколько позади судна *Indomptable* замѣтивъ это, поспѣшилъ съ своей стороны отправить на островъ роту солдатъ находившихся на его суднѣ. Офицеръ распоряжавшійся этою, высадкою, произвелъ ее съ такою храбростію и быстротою, что Англичане вступившіе, градомъ пуль и картечи принуждены были бѣжать въ безпорядкѣ. Одно изъ

гребныхъ судовъ ихъ было взято, другое затоплено.

Тотчасъ-же послѣ этого отпора, батарея управляемая нашими артиллеристами, открыла убійственный огонь по тѣмъ кораблямъ, которые громкии наші *Indomptable*, судьба сраженія, не казалась болѣе сомнительною на этомъ пунктѣ.

Pompee, — коснувшись рѣка ополыщающаго острова, не могъ сопротивляться долго; весь разстрѣлянный нашими ядрами и явшившій всѣхъ мачтъ онъ принужденъ былъ спустить флагъ, при кликахъ торжествующихъ Французовъ. Однакожъ Англичане успѣли вырвать этотъ корабль изъ явниго плѣна; — явилось множество гребныхъ судовъ изъ Гибралтара и корабль былъ уведенъ.

Въ продолженіе этого времени, когда *Indomptable*, — лишившійся своего командира, достопамятно погибшаго на своихъ шканцахъ, — въ совокупности съ батареею острова Верде упрочили побѣду на нашемъ правомъ крылѣ, — лѣвое также одерживало успѣхи чрезъ сопротивленіе не менѣе упорное. И здѣсь побѣда долго не склонялась ни на чью сторону.

Надо замѣтить, что въ то время, какъ корабли наши отрубивъ канаты уничтожили намереніе непріятеля, — семь канонерскихъ лодокъ отдѣляясь отъ Алжирской крѣпости, заняли пространство въ слѣдствіе удаленія кораблей оставшееся не защищеннымъ и такимъ образомъ сохранили сообщеніе нашей линіи съ крѣпостію С. Яго. Участіе, какое приняли эти лодки въ общемъ дѣлѣ было столь дѣйствительно, что только два изъ нихъ уцѣлели."

Укрѣпленіе С. Яго, будучи въ весьма дурномъ состояніи не могло устоять противъ мѣткихъ выстрѣловъ Англійскихъ кораблей; и вскоре замолчало; — замѣтивъ это, храбрый Девон поспѣшилъ занять укрѣпленіе съ сол-

даты, взятыми имъ на этотъ предметъ съ корабля *Desaix*, — и тогда укрѣпленіе снова открыло его непріятельской эскадрѣ сильную канонаду.

Упорство съ какимъ продолжалось сраженіе возрастало равно съ обѣихъ сторонъ. Обѣ эскадры одяныя вихрями дыма, пронзаемаго потоками пламени, потрясли окрестности громомъ непрерывнымъ.

Экипажи Французскихъ судовъ вели себя съ примѣрною доблестью. Мѣста убитыхъ при орудіяхъ ни минуты не оставались праздыми. Матросы и солдаты соперничали въ дѣятельности и въ храбрости.

Въ это-то время, среди всеобщаго увлеченія убитъ нашъ безстрашный Лалондъ, который не смотря на рану полученную имъ еще при началѣ сраженія, продолжалъ распоряжаться и посылать другихъ примѣромъ своимъ.

Уже было 7 часовъ утра, а сраженіе еще продолжалось. Ярость нападенія примѣтно охлаждалась отъ востойнаго уюорства въ сопротивленіи, и наконецъ адмиралъ Саумарезъ рѣшительно увидѣлъ себя въ необходимости отступить. Да и мѣра была подумать объ этомъ! Ужъ трое изъ его кораблей лишились бушпритовъ, и всѣхъ стеньгъ своихъ.

Отрубивъ канаты Англійская эскадра едва едва могла пользоваться вѣтромъ; въ это время одинъ изъ ея кораблей *Аннибалъ*, ставъ на мѣль остался во власти Французовъ, какъ трофей этого достопамятнаго дня.

Такимъ образомъ, кончилось побѣдою это сраженіе, въ которомъ эскадра наша по видимому должна бѣ была пасть отъ превосходныхъ силъ пришедшихъ атаковать ее, сраженіе, въ которомъ всѣ выгоды происходящія отъ избранія средствъ атаки, отъ позиціи непріятеля, отъ вѣтра и теченія, отъ увѣренности въ безопасной ретирадѣ, подъ пушки Гибралтара, соединялись въ пользу Британскаго флота и которыя обратились лишь во славу морякамъ

нашимъ. За то и прекрасно было для нихъ это зрѣлище, которое представляло собою безпорядочное бѣгство, почти обезмачтаныхъ непріятельскихъ кораблей! . . . Хотя и дулъ имъ попутный вѣтръ прямо съ берега, хотя и несло ихъ въ море теченіемъ, но локутъя парусовъ и обрывки снастей весьма мало способствовали намъренію ихъ достигнуть Гибралтара, гдѣ уже скрывался *Помпей*, весь изрѣшеченный нашими ядрами.

Французскій адмиралъ не смотря на торжество свое, видѣлъ однакожъ всю разницу между положеніемъ своего отряда и отряда непріятельскаго; онъ чувствовалъ, что кромѣ безопаснаго убѣжища представляемаго ему рейдомъ и портомъ Гибралтарскимъ, Сэръ Джемсъ находилъ еще тамъ всѣ средства и способы къ скорому исправленію и укомплектованію судовъ своихъ. Французская же эскадра напротивъ того, стояла на открытомъ рейдѣ, имѣла многія важныя поврежденія и не могла получить съ берега ни какой помощи: Французскій адмиралъ спѣшилъ взять свои мѣры. Пока матросы, съ энтузіазмомъ возбужденнымъ побѣдою занимались самонужнѣйшими работами; онъ извѣщалъ адмираловъ Испанскаго и Французскаго находившихся тогда на Кадикскомъ рейдѣ, какъ о происшедшей битвѣ, такъ и о критическомъ положеніи своемъ, прося самоскорѣйшей помощи.

Адмиралъ Саумарезъ, жаждая, при первой возможности, загладить то безславіе, которое заслужила его эскадра, чрезъ разбитіе столь неожиданное, — не упустилъ изъ виду ничего, чтобъ употребить въ свою пользу всѣ способы представлявшіеся чрезъ соседство Гибралтарскаго порта. И между тѣмъ, какъ исправленія по корпусу и рангоуту производились съ удивительною дѣятельностью, — адмиралъ, самъ занимался пополненіемъ экипажей своихъ, матросами избранными.

Не меньшая деятельность царствовала и на противоположной сторонѣ.

Французскій отрядъ усиленный плавни-мымъ *Амбалою* и следовательно состоявшій изъ пяти судовъ, вскорѣ приведенъ былъ въ такое положеніе, что могъ и вторично съ достоинствомъ встрѣтить непріятеля. Адмиралъ Линуа безпоясился только на тотъ счетъ, что ни откуда не получалъ ни какой помощи. Тщетно устремлялъ онъ зрительную трубу и на море и къ тѣмъ высятамъ, на которыхъ разставлены были часовые. Время текло и ни какое судно не показывалось! . . . Онъ не могъ постыгнуть подобной бездѣйственности.

И что могло удерживать Донъ Гуава Морено на Кадикскомъ рейдѣ, коль скоро отсутствіе эскадры Сэра Саумареа открывало ему свободный путь?..

Курьеръ за курьеромъ летѣли къ контръ-адмиралу Дюмануару для объясненія ему совершенной необходимости въ вспоможеніи, безъ котораго отряду нельзя было оставить Алжирской бухты. Тѣ же самыя предостереженія слышаны были и Дону Менаредѣ, — главному командиру Кадикскаго порта; ему объясняли какой опасности подвергается отрядъ не получая подкрѣпленія и что крайне неблагоугодно давать непріятелю время исправлять корабли свои.

Вѣтры постоянно дули попутные, а Испанскій флотъ все таки не являлся. Наконецъ Линуа, потерявъ всякое терпѣніе, серьезно жаловался на это нерадѣніе или невнимательность и не смотря, что подобное подозрѣніе могло быть весьма оскорбительно для храбраго офицера, онъ кончилъ свою депешу тѣмъ, что спрашивалъ Испанскаго адмирала, какая бы еще могла быть причина замедлившая выходъ его эскадры, коль скоро непріятельскій отрядъ будучи разбитъ избавляетъ ее отъ всякой опасности; присовокупляя при томъ, что два изъ непріятельскихъ кораблей выключаются въ Гибралтаръ, а три ос-

тальные хотя и стоятъ на рейдѣ, но по причинѣ важныхъ поврежденій своихъ не представляютъ ничего страшнаго, между тѣмъ, какъ четыре Французскіе корабля ждутъ только покрѣпленія, чтобъ въ случаѣ нужды могли на буксирѣ достигнуть до Кадикса. Эти не совсѣмъ деликатныя замѣчанія и настоятельное требованіе контръ-адмирала Дюмануара, рѣшили наконецъ Испанскаго адмирала вступить подъ паруса. Эскадра его, состоявшая изъ 5 корабл. 3 фрегатовъ и одного брига, снялась съ Кадикскаго рейда вечеромъ 8 июля.

120 пушечный *Réal-Carlos*; 112 *San-Hamenogilde*; 94 *San-Fernando*; 73 *Argonaute*; и 44 *Sabine*, — были подъ флагомъ Испанскимъ; а 74 пушечный *Saint-Antoine*, 44 пушечные *Libre* и *Indienne* и авизъ *Vantour*, — подняли трехцвѣтные Французскіе флаги.

9 Іюля, эта эскадра пришла на Алжирскій рейдъ.

Медленность Дона Морено, имѣла тѣ послѣдствія, которыя предвидѣлъ и которыхъ ожидалъ.

Англійскій флотъ успѣлъ снова занять свой обсервационный и крейсерскій постъ. Подписано: *Линуа*.

Съ Франц. Н. С.—НѢ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ РОБЕРТЪ ШОМБУРГКЪ (SCHOMBURGK).

Этотъ молодой человекъ, возвратившійся въ свое отечество изъ путешествія во внутренность Гвiany, очень важнаго по многимъ открытіямъ, въ послѣднее время обратилъ на себя вниманіе знаменитыхъ мужей Берлина, Лейпцига и Дрездена. И такъ не лишне будетъ сдѣлать краткій очеркъ его славной, многотрудной жизни. Робертъ Германъ Шомбургкъ родился въ Фрейбургѣ на Унструтѣ въ 1804 году. Отецъ его принадлежалъ къ духовному званію лицъ. Шомбургкъ посвятилъ себя торговлѣ, и уже съ ранней поры

показывалъ склонность къ путешествію въ отдаленныя земли *). Въ 1828 году представился ему случай увидѣть другую часть свѣта, которымъ онъ воспользовался съ радостію: изъ Саксоніи отправляясь нѣсколько овецъихъ стадъ въ Сѣверную Америку; главный надзоръ надъ этою экспедиціею порученъ былъ Шомбургку. Во время пребыванія своего въ Соединенныхъ Штатахъ онъ ѣздилъ во многія мѣста; былъ въ Вестъ-Индіи и спускался даже до рѣки Св. Томы. Однажды ночью вдругъ скрылся его въроломный компаньонъ со всеми его пожитками, и такимъ образомъ довелъ Шомбургка до нищеты. Онъ терпѣлъ во всемъ крайнюю нужду, къ тому присоединилась еще желтая горячка. Одинъ невольникъ, сжалившись надъ нимъ, перенесъ его въ свою хижину, и съ неуспыннымъ стараніемъ заботился объ немъ. Оправившись отъ болѣзни, крѣпкій юноша продолжалъ свои географическія и астрономическія занятія въ хижинѣ вѣраго негра Губернаторъ. Доневадъ, узнавъ объ этомъ, принялъ въ немъ участіе, и доставилъ ему средство приготовиться къ большому путешествію. Этотъ благородный человекъ, къ сожалѣнію, умеръ слишкомъ рано для нашего соотечественника. Неутомимый Шомбургкъ обратилъ свое вниманіе на маленькій соседній островъ, Анегаду, окруженный опасными мѣлами и подводными камнями, который былъ ужасомъ и гибелью для кораблей. Шомбургкъ отправился на тотъ островъ, снялъ какъ самой островъ, такъ и окружающее его море со всеми рифами и скалами, и отправилъ свою карту въ Лондонское адмиралтейство. Вся удивляясь точности съемки; но когда посланная шкуна подтвердило его показанія; то Англійское правительство поступило вопреки желанію Шомбургка, поручивъ ему геогностическую экспе-

*) Любимую его наукою была географія.

дицію. После отставки Грея министерство Пяля отвергло планъ Шомбургка. Тщетно просилъ онъ пособія у своего отечества, Пруссіи, для ученыхъ своихъ предпріятій. Но когда Мельбурнъ опять вступилъ въ службу; то вновь преобразованное министерство сдержало давнее обѣщаніе, отправивъ Шомбургка для метеорологическо-геогностическихъ открытій въ внутренность Гвианы; при чемъ обязалось доставлять ему пособія не только со стороны правительства, но и со стороны Географическаго Общества (Geographical Society), начиная съ 1854 до 1859 года. Такимъ образомъ Шомбургкъ совершилъ три путешествія. Первое — вверхъ по р. Эссексба, которую онъ обозрѣлъ со всеми прилежащими къ ней рѣками. Во время этой экспедиціи онъ открылъ то растеніе, изъ коего Индѣйцы дѣлаютъ славныя свои пицали, объ которыхъ упоминаетъ и Гумбольдтъ, хотя этотъ послѣдній ни чего не могъ узнать о происхожденіи ихъ. Стволъ этого растенія бываетъ вышиною въ 18 футовъ, и не имѣетъ колѣнцевъ. Бентамъ называетъ его *Arundinaria Schomburgkii*, изъ него приготовляются также маленькія ядоносныя стрѣлы, извѣстныя у Индѣйцевъ подъ именемъ *Варуни*. Когда нашъ путешественникъ, въ присутствіи короля, дѣлалъ опыты надъ дѣйствіемъ такихъ стрѣлъ, которыя онъ употреблялъ уже три года; то ядъ оказался столь сильнымъ, что въ 4 минуты умертвилъ кролика. Касательно ботаники и геологіи Шомбургкъ сдѣлалъ гораздо важнѣйшія открытія, которыхъ порознь не будемъ здѣсь изчислять. Дожливая погода заставила его воротиться въ Чорчтаунъ (Churchtown). Второе путешествіе совершено было по рѣкѣ Бербисъ. Въ этомъ путешествіи онъ открылъ великолѣпнѣйшую изъ водорослей, которую позвалъ *Victoria Regia*. Цвѣтъ этого растенія снаружи свѣжно бѣлый, а внутри розовый; плавающие листья его имѣютъ въ попереч-

никъ 6 футовъ и 5 дюймовъ, а цѣвтокъ — 16 дюймовъ. Послѣ того Шомбургкъ поплылъ вверхъ по Корептину; но вскорѣ принужденъ былъ отложить свое намѣреніе отыскать источники р. Эссе Квебо и возвратиться назадъ, будучи оставленъ своими Караибскими вожатыми. По окончаніи періодическаго времени дождей, онъ предпринялъ по р. Эссеквесь третью и самое значительное путешествие продолжавшееся 22 мѣсяца. Онъ провѣхалъ до самаго истока этой рѣки, который, по его словамъ, отстоитъ отъ экватора на одинъ только градусъ. Потомъ воротясь назадъ, осмотрѣлъ всѣ источники этой рѣки, и приблизился на 8 миль къ истоку р. Ориноко; уже онъ видѣлъ въ небольшомъ разстояніи ту гору, изъ которой вытекаетъ эта великая рѣка, какъ вдругъ встрѣтились съ ними 4 Индѣйца Віонконгскаго племени, къ которому принадлежали тоже и его проводники, и начали рассказывать о своемъ несчастіи. Віонконгасы живутъ въ кровавой враждѣ съ Бразильскимъ племенемъ Киришанами, которыхъ уже описывалъ неоднократно Александръ Гумбольдтъ во время путешествія своего по Ориноку. Киришаны предложили миръ Віонконгамъ. Последніе, принявъ съ довѣрчивостію такое предложеніе, отправили 20 человѣковъ ихъ владѣнія, которые почти всѣ коварнымъ образомъ были перебиты Киришанами, такъ что изъ всѣхъ едва могли спастись только четверо. Всѣ убѣжденія и обѣщанія Шомбургко склонить своихъ проводниковъ пройти съ нимъ еще нѣсколько миль остались тщетными; опасность казалась имъ слишкомъ явною, и нашъ путешественникъ съ горестію принужденъ былъ воротиться назадъ. Онъ свѣшилъ въ Эсмеральду, послѣдній пунктъ, до котораго достигъ Гумбольдтъ; отсюда плыветъ вверхъ по Кассеквиару во Ріо-Негро и Ріо-Бранко къ Бразильскому укрѣпленію Св. Іоакима; отсюда отправляется въ Англію чрезъ Чорчтаунъ,

для представленія результатовъ своихъ поѣздокъ Географическому Обществу. 16 Сентября 1839 года прибылъ въ Лондонъ, гдѣ былъ отлично принятъ и получилъ двѣ медали, одну отъ Англійскаго Короля, другую отъ Австрійскаго Императора. Какъ важны были его экспедиція, можно видѣть изъ того, что Англія на 70,00 Англійскихъ квадратныхъ миль распространила свои владѣнія въ Гвианѣ — странѣ, которой пространство и окрестность мало были извѣстны до изслѣдованія Шомбургка. Путешественникъ нашъ совсемъ иначе опредѣлилъ на своихъ картахъ границы этой земли, равнымъ образомъ теченіе рѣкъ и горы, такъ что самъ Гумбольдтъ по указаніямъ его исправилъ теченіе рѣкъ, означенное въ его путевомъ журналѣ. Шомбургкъ долженъ былъ соединять съ этиаъ болѣе политическимъ препорученіемъ и ученую цѣль — отыскать съ восточной стороны начало Ориноко. Онъ получаетъ жалованья 800 фунтовъ стерлинговъ; кромѣ содержанія. Колонія сдѣлала его подполковникомъ и адъютантомъ у губернатора. Если принять въ разсужденіе, что Шомбургкъ не получилъ собственно классическаго ученаго образованія, но сдѣлался ученымъ чрезъ собственныя наблюденія и уединенныя занятія; то все таки нельзя довольно удивиться его уму, смѣтливости, постоянству и твердости, особливо если уважить и то, что такой ученый мужъ, какъ Гумбольдтъ, оказываетъ большую пріязнь юному соревнователю его славы и считаетъ его равнымъ себѣ. Шомбургкъ ведетъ постоянную переписку съ знаменитымъ и опытнымъ своимъ предшественникомъ. Гумбольдтъ былъ чрезвычайно радъ, когда Шомбургкъ посвятилъ его въ Берлинъ, представилъ Шомбургка королю, который, не смотря на множество важныхъ дѣлъ, провелъ нѣсколько дней съ столь занимательнымъ путешественникомъ, и пожаловалъ ему орденъ Орла 3-ей степени.

Королева приняла тоже живѣе участие во всемъ, что сообщалъ Германъ Шомбургкъ, и изъявила свою признательность пожалованіемъ ему богатой, бриллиантами украшенной табакерки. Путешественникъ находится теперь (въ октябрь 1840) въ Дрезденѣ, гдѣ тоже успѣлъ обратить на себя вниманіе Саксонскаго короля. Къ концу этого мѣсяца онъ хочетъ возвратиться въ Англию, и предпринять отсюда новое путешествие, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Потсдамскимъ садовникомъ, который, по препорученію Прусскаго правительства, будетъ сопутствовать ему для ботаническихъ наблюденій. Въ особенности достопримѣчательно еще то, что Германъ Шомбургъ находилъ вездѣ въ Гвианѣ, при Эссеквебо, Бербисѣ и Ориноко гіероглифы, похожія на Египетскія и отчасти на Сибирскія. Они, по большей части, глубоко высѣчены въ гранитныхъ скалахъ, и представляютъ лабиринты, изображенія звѣрей, человѣческа и др. Онъ открылъ также нѣсколько плоскихъ гіероглифовъ явно новѣйшаго происхожденія, изображенія разныхъ письменъ и т. п. Въ Бергаузовомъ альманахѣ на 1840 годъ напечатаны письма нашего путешественника къ Александру Гумбольдту о древнемъ мѣсто пребыванія Лагуны (Озера) Париме или Лагуны Дель Дорадо, въ которыхъ онъ доказываетъ, что теперешнее озеро Амуку есть остатокъ большаго и благо моря которое есть не иное что какъ Эль Дорадо Сера Валтера Рали (Raleigh). При всѣхъ своихъ открытіяхъ Шомбургкъ обогатилъ Ботанику сотнями новыхъ растений, которыя переправилъ въ Лондонъ къ Бентону, для изслѣдованія. Для Гумбольдта и Шомбургка всегда будутъ замѣчательны слова, которыя первый написалъ юношѣ подъ своимъ портретомъ: «сміялому, оказавшему столько услугъ географіи и естественнымъ наукамъ молодому путешественнику отъ старосвѣтнаго (unverfälfchten) путешествен-

нику по Ориноко и Иртышу въ память дружбы, Александръ Гумбольдтъ.» При переводѣ Шомбургковыхъ путешествій Гумбольдтъ помѣститъ также предисловіе. На сихъ дняхъ выдетъ переводъ Томбургкова сочиненія: «географическо-статистическое описаніе Гвианы, съ ея произведеніями и промышленностію. (Geographisch Statistische Beschreibung von Guiana mit seiner Ertragsfähigkeit und seinen Hülfsquellen)» Итакъ да напутствуютъ наши лучшія желанія дѣлѣвшимъ предпріятіямъ этого отважнаго мужа.

(Изъ № 249 St. Peterb. Zeitung.).

НОВОМОДНЫЯ КОЗЬИ БОРОДКИ.

Графиня Ганъ-Ганъ (Хаби-Хаби) написала презабавную шутку о новомъ появленіи козьихъ бородъ у зарейнскихъ козлицъ. Шутка эта помѣщена въ сочиненіи графини «Zenselt's der Berge (за горами)» изд. Брокгаузомъ въ нынѣшнемъ году.

«Нельзя было придумать ничего безвкуснѣе и отвратительнѣе нынѣшнихъ козьихъ бородъ: новомоднымъ хозяевамъ ихъ недостаетъ только долгополыхъ кафтановъ и париковъ, которые были бы подъ стать этой уродливой модѣ. А то нынѣшніе зарейнскіе франтики, отпустивъ себѣ бороды, расхаживаютъ по бѣлу свѣту какъ какой нибудь Платонъ или де Винчи, только не въ древнихъ величественныхъ тогахъ, а въ жалкихъ поскудныхъ, общипанныхъ фрачишкахъ, которыхъ и застегнуть нельзя; вмѣсто пышной чалмы или бархатнаго берета съ перомъ, напяливаютъ они на пустую голову свою тулью уродливой шляпки съ узенькими въ палець ширинны полями; трость ихъ толщиною въ вазательную спичку; желтыя узкія обтяжыя перчатки едва выходятъ на руку.

Смотря на этих господъ щеголей, невольно подумаешь, что вся сила ихъ сосредоточена въ ихъ козьей бородкѣ, и что холить ее и вытягивать, чтобы она торчала какъ у жида — есть единственное и главнѣйшее занятіе цѣлой ихъ жизни; за то весь умъ ихъ, все умѣнье, все дѣйствія суть не что иное какъ продолженіе, и принадлежности этой бородища!»

СТРАСТЬ КЪ ВОЙНѢ ВЪ НЫНѢШНЕЙ ФРАНЦІИ.

(Жизнотрѣпціи анекдотъ изъ современной французской хроники.)

Во время послѣднихъ безпокойствъ въ Руанѣ, по случаю новыхъ переговоровъ съ Англіею о дѣлахъ Сирійскихъ, толпа бакалушниковъ по выходѣ изъ театра собралась подъ окнами дивизионнаго генерала Теста, командира войскъ расположенныхъ въ Нормандіи. Буйные крики и пѣсни незваныхъ гостей гремѣли цѣлую ночь подъ окнами генерала. Наскуча такою непрошеною музыкою, генералъ выходитъ на балконъ. «Чего хотите вы, дорогіе мои?» спросилъ онъ истушленныхъ. — «Войны, войны и войны!» — «Превосходно, отвѣчаетъ имъ ловкій генералъ: вижу что въ васъ кипитъ истинно французская кровь. И такъ вы твердо рѣшились всѣмъ жертвовать для пріобрѣтенія славы?» — «Всѣмъ!» проревѣла толпа: и жизнью и достоинствомъ. «Послѣ этого, вмѣню я себя за честь вести васъ къ новымъ лаврамъ. Подождите меня господа; дайте мнѣ только сходить за дивизионными списками; я запишу въ нихъ ваши имена и развѣщу васъ немедленно по полкамъ храбрымъ, состоящихъ у меня подъ начальствомъ.» Думать должно что опытный генералъ хорошо зналъ духъ своего народа. Когда онъ воротился со

списками на балконъ, ни одного изъ храбрецовъ не осталось на улицѣ. Вся толпа, въ тихомолку, разошлась по домамъ и ввроятно обратилась къ другимъ занятіямъ болѣе миролюбивымъ....

ХАРАКТЕРИСТИКА

СТРАНСТВУЮЩИХЪ АНГЛИЧАНЪ.

Одинъ туристъ обѣщалъ въ самое короткое время прискакать изъ Венеціи въ Венецію и, къ всеобщему удивленію, исполнилъ обѣщанное. «Благополучно-ль вы доѣхали?» спросилъ его одинъ знакомый. — «Я проспалъ всю дорогу.» — «стало бытъ вы ничего не видали? чѣмъ же вы наполните свой журналъ?» — «Со мной былъ преловкій слуга: онъ замѣчалъ въ моемъ дневникѣ все прекрасные виды и любопытныя мѣста.»

Другой Англичанинъ, скакавшій также безостановочно изъ Генуи въ Парижъ, велѣлъ вдругъ остановиться на Маренгскомъ полѣ; выскочилъ изъ коляски, набилъ все карманы грязью съ поля сраженія, прославленнаго побѣдой Наполеона, и помѣстилъ эту землю въ свой музей, съ пышною надписью: «Земля съ Маренгскаго поля!»

Сколько пользы отечеству отъ подобныхъ путешествій!

БОГАТАЯ ВЫДУМКА

Одинъ проказникъ, нѣмецкой журналистъ, подшучивая надъ всеобщемою маніею желѣзныхъ дорогъ охватившей всю его родину, увѣдомляетъ своихъ читателей, что и поселяне живущіе въ захолустьяхъ Германіи, соблазнились примѣромъ жителей придорожныхъ. Обыватели деревень Шилда и Кунабелла рѣшились, по словамъ юмориста редактора, устроить между двумя своими селеніями псевдо-желѣз-

вую деревянную дорогу; а чтобы показать ей видъ настоящей и довершить очарованіе глазъ, велѣли окрасить на всѣхъ подѣхъ желѣзо нарочно для того проведенныя рельсы. Они находятъ это тѣмъ удобнѣе, продолжаетъ тотъ же проказникъ, что желѣзо гораздо дороже дерева, и что въ приходѣ выдумщиковъ больше лѣса чѣмъ чугуна. Но вънецъ изобрѣтательности ихъ есть родъ *локомотива*, экипажъ, въ которомъ будутъ ѣздить по этой дорогѣ. Не пары станутъ приводить его въ движеніе и не лошади: смѣтливые экономеры, предполагаютъ ѣздить въ немъ, какъ наши Камчадалы, на большихъ дворовыхъ собакахъ, передъ дышломъ которыхъ поставится блюдо съ кушаньемъ, а собакъ станутъ выпрагивать не иначе какъ на тощахъ. Само по себѣ разумѣется, что голодные псы повые тавталы, по системѣ вѣроятностей, обнюхавъ кушанье, захотятъ отвѣдать его на блюди чуть чуть не у самой ихъ морды и чѣмъ болѣе станутъ порыеваться къ нему, тѣмъ повозка скорѣе, покатится, наконецъ, отъ голода и отчаянія, они съ громкимъ лаемъ и визгомъ пустятся во всю собачью рысь за сѣй ускользящей отъ нихъ приманкой; и тогда скорость хода повозокъ новой выдумки не уступитъ въ быстротѣ никакому *паровозу*, и путешественники, не хуже братья своей развѣзжающей по желѣзнымъ дорогамъ, достигнуть цѣли пути: изъ д. Шиддѣ въ д. Кушпабельи *vice-versa!* вотъ что называется и *дешиво и весело!!!*

К.

ПАРИЖСКІЯ ПРАЗДНИЧНЫЯ КАВАЛКАДЫ.

(Изъ французской газеты *Charivari*).

Въ продолженіи всей будничной части недели не насчитается болѣе 3 или 400 верховыхъ ѣздоковъ въ домѣ Парижѣ, за то по воскресеньямъ являеся

адругъ сотъ по 8 или 9 этихъ новыхъ центавровъ. Такое огромное число воскресныхъ вершниковъ происходитъ отъ непреодолимой страсти, которая внезапно поодушевляеть въ субботу вечеромъ цѣлую толпу молодежи отъ 18 до 20 лѣтъ. Всѣ эти юноши едва знающіе что такое лошадь по имени и по виду, при первыхъ полуторныхъ десяткахъ франковъ, которые забрякаютъ у нихъ въ карманѣ, готовы, въ первый свободный день отъ своихъ занятій — воспользоваться удобнымъ случаемъ прокатиться верхомъ на наемномъ бугефалѣ. Здѣсь кстати сообщитъ нашимъ читателямъ, что всѣ Парижскіе наемныя лошади раздѣляются на два отличительныя разряда: — на лошадей прыткихъ и тихоногихъ. Если же выразиться правильнѣе, то къ этимъ двумъ разрядамъ можно причислить еще и третій, — лошадей, какъ говорится, *они жиру ни мл.* Впрочемъ, отложивъ въ сторону не большіе эти не възгоды, охотнику до верховой ѣзды, за свои 12 Франковъ въ день, можно накататься и потѣшиться сколько душею угодно. Впрочемъ дешевле и взятъ нельзя: — потѣхи истинно вдоволь! молодой человекъ впервые отроду вкупающій наслажденіе верховой, скачки, приходитъ въ конюшню гдѣ стоитъ настойлѣ желанный андалузской иноходецъ, и вотъ онъ — (разумѣю вершника а не коня) вступаетъ туда съ трепещущимъ сердцемъ какъ влюбленный не опытный юноша на любовный *rendez-vous*. Само собой разумѣется что у рыцаря въ рукахъ порядочный бичъ, а на закаблучалыхъ сапогъ — пара блестящихъ серебряныхъ шпоръ. И это уже родъ блаженства въ своемъ родѣ, молодой эрстикъ пронизываетъ отъ квартиры своей до конюшни цѣлый рядъ улицъ оглашенныхъ хлестаньемъ его бича, проходить по нѣсколькимъ тротуарамъ выстланыхъ камнемъ, о которыхъ не равъ задымаютъ на пути его звѣздиціи шпоры. Первый приступъ къ наслажденію — посадка будущаго героя на коня по большей части, довольно удаченъ, — при помощи трехъ конюховъ, изъ коихъ одинъ держитъ лошадь за голову на лѣвой утѣцѣ, а двое подсаживаютъ на задника. Но едва успѣетъ сплоченная такимъ образомъ пара — двуногий и четвероногий,

отъехать шаговъ двадцать пять или тридцать отъ той конюшни, гдѣ остались товарищи четвероногого и его недоушанная соломенная свѣчка, какъ обстоятельства принимаютъ новый видъ: ретивый конь приостанавливается и какъ бы погружается въ раздумье; его можно сравнить тогда съ человекомъ который вышелъ за ворота и вспоминаетъ вдругъ о вещи позабытой имъ дома; тутъ нерѣдко — оборотясь на право кругомъ — аргамакъ пускается рысью назадъ прямо къ своей стойкѣ, не забывая ни о замѣчаніяхъ, ни о досадѣ своего витязя. Вотъ одна изъ тѣхъ прогулокъ; за которую платится ходячею монетою по 12 чистыхъ и неподдѣльныхъ франковъ. Въ другой разъ, лошадь шаговъ за 60 отъ конюшенныхъ воротъ, добрый конь натывается некованнымъ или разкованнымъ копытомъ о гладкій камень, спотыкается на колѣни, на задникъ уже и — подавно на полу: не имѣя средства помочь своему горю, опрокинутый вмѣстѣ съ лошадью всадникъ вынужденъ просить помощи у ближайшаго прохожаго, который обыкновенно подымаетъ его. Цѣна этой верховой прогулки одна и таже: — двѣнадцать франковъ!... Третья неожиданность, — лошадь можетъ быть съ занономъ; она можетъ потерпѣть ударовъ хлыста, можетъ не жаловаться чтобъ ее прищипывали, можетъ безотчетно испугаться собаки, осла или красныхъ папталонъ французскаго инфантериста, быть даже просто съ нервомъ, или съ разстроенными нервами, какъ у городской кокетки, не можетъ выносить ни малѣйшаго шума, не любитъ ни барабашной дроби, ни звука органовъ и т. п. Въ такомъ случаѣ, какъ на бѣду — чувствительная лошадь кидается во всю прыть, во весь опоръ — куда глаза глядятъ и вотъ юный всадникъ, которому хотѣлось проѣхать только до Булонскаго лѣса, уносится четвероногой своей половиной въ Нѣльи, а иногда и до самой Версаля: цѣна прогулки тоже — 12 франковъ. Убытокъ — на сторону содержателя конюшни. Мы сказали что ѣздокъ мчится до Нѣльи, однакожь это не всегда удается. Иногда прихотливому животному приходится вдругъ въ его скотскій умъ странная идея — посмотреть женскихъ модныхъ нарядовъ

и вотъ оно въ самой серединѣ множества модныхъ магазиновъ; тутъ пойдетъ цѣлая потѣха! цѣльные стекла разлетаются въ дребезги передъ мордой четвероногого, на улицѣ собирается толпа зѣвакъ, модистки поднимаютъ крикъ, сбѣгаютъ все окрестные дворники; къ нимъ пришивается иногда и муниципальная гвардія.... Между тѣмъ лошадь, которую одни дергаютъ назадъ, другіе толкаютъ впередъ, не выдержавъ болѣе этихъ испытаній, ищетъ спасенія въ самомъ магазинѣ изъ котораго выбила все наружныя стекло и что же выходитъ? верховый ѣздокъ уже заплатившій коалину лошади 12 франковъ за свою сантиметальную прогулку верхомъ, получаетъ отъ хозяйки моднаго магазина аптекарскій счетъ суммою въ 547 франковъ, за разбитые зеркала, разбитыя чашки, растрепанныя шляпки, переломанную конторку и т. д. послѣ этого посудите сами во сколько обойдется эта интересная прогулка верхомъ въ модные магазины.

СТАТИСТИКА ИСПАНІИ.

Испанская монархія — заключаетъ въ себя 12.500.000 жителей разсыянныхъ на пространствѣ 15.000 миль (по 17½ въ градусъ); государственный доходъ ея составляетъ 530.000.000 реаловъ (130.000.000 франковъ или 92.500.000 рублей); государственный долгъ ея простирается до двухъ миллиардовъ; она содержитъ 120.000 войска; флотъ ея составляютъ 4 линейныхъ корабля, 8 фрегатовъ и 15 судовъ меньшаго размѣра.

Пиреней на протяженіи 92 мѣ (около 415 верстъ) отдѣляютъ ее отъ Франціи. Протяженіе береговъ ея до Средиземнаго моря составляетъ 252; по Атлантическому океану 234 мѣ, а по границѣ Португальской 187 мѣ; вся окружность 765 мѣ; величайшая длина ея отъ С. къ Ю. отъ мыса Ортегаль до Тарифы 210, а ширина отъ З. къ В. т. е. отъ мыса Финистерре до М. Кре 200 мѣ.

Во всей Испаніи считается 62 епископата, 2,883 канониката, 1,869 пребендъ, 16,481 приходовъ (curas), 4,929 викаріатовъ, 17,411 бенедикціи, 27,757 посвященныхъ ставлен-

никовъ (священниковъ), 15,015 сакраментовъ (пономарей) и аюлтовъ (помощниковъ), 3,077 служекъ; 88,322 постриженныхъ монаховъ, 2,559 полупостриженныхъ; 80,346 бальцовъ; 23,111, монахинь, 806 блядъ 7,393 каноникъ и другихъ дамъ принадлежащихъ къ духовному званію — всего 168,371 духовныхъ лицъ обоего пола.

Въ Испаніи всего 1,823 Кастильскихъ Гранда, 402,059 дворянъ, 27,243 гражданскихъ чиновника, 149,840 военно служащихъ; судей и адвокатовъ 5,883; нотариусовъ 9,833; прокуроровъ, агентовъ алгвазиловъ ипр. 13,274; врачей — медиковъ 4,846; врачей хирурговъ 9,772; аптекарей 3,872; ветеринаровъ 5,706; студентовъ 29,812; помѣщиковъ — землевладельцевъ 364,514; арендаторовъ 527,423; поденщиковъ 805,235; стадохозяевъ 25,530; пастуховъ 113,628; негоціантовъ (купцовъ первостатейныхъ) 6,824; торгашей (мѣлочныхъ продавцовъ) 18,851; художниковъ 5,899; моряковъ 31,338; рыбаковъ 16,247; звѣролововъ (охотниковъ) 2,886; фабрикантовъ, ремесленниковъ и промышленниковъ 489,493; муловъ 214,000; лошадей 140,000; рогатаго скота 1,065,000 головъ; ослевъ 236,000; овецъ 12,000,000; козъ 2,521,000; свиней 1,267,000.

(изъ Мадридскихъ вѣдомостей).

КРУШЕНІЕ БРИГА ЕКАТЕРИНА.

ИЗВѢСТІЕ СЪ О. СИМУСИРА,

(одонго изъ курильскихъ).

Охотскою флотиліи транспортный бригъ Екатерина, 20 сентября 1838 года отправился изъ Охотска въ Тигильскую крѣпость, съ казеннымъ провіантомъ, партикулярнымъ грузомъ и пассажирами. На бригъ семь состояли: командиръ онаго, корюса штурмановъ штабъ капитанъ Олесовъ; 2 штурманскіе ученика, 2 квар-

тирмейстера, 9 матросовъ и одинъ плотникъ, всего 15 человекъ команды.

Съ тѣхъ поръ, какъ бригъ отправился къ предназначенный путь, не было объ немъ ни какихъ свѣдѣній.

Нынѣ получено съ Курильскихъ острововъ слѣдующее печальное извѣстіе объ этомъ суднѣ, изъ котораго видно, что бригъ потерпѣлъ совершенное крушеніе на южномъ мысѣ острова Симусира:

Въ первыхъ числахъ марта сего года, съ острова Симусира были посланы люди на байдаркѣ, для стрѣльбы нерповъ. Не дождая пяти верстъ до мыса, они увидѣли судно, переломленное на двѣ части, выкинутое на берегъ и засыпанное пескомъ. Управляющій островомъ Москвитиновъ, получивъ о семъ свѣдѣніе, не могъ тогда, за большими льдами, отправить байдарокъ къ разбитому судну, — но въ тоже время послалъ къ нему 4-хъ человекъ берегомъ. Посланные люди возвратились черезъ семь дней; они не имѣли возможности сдѣлать подробнаго осмотра судна, по случаю большихъ снѣговъ, но отыскали нѣкоторые товары и посуду разбитаго брига, и нашли, въ близи его, кости трехъ человекъ, которые предали погребенію.

Какъ скоро очистившійся ледъ позволилъ приблизиться къ судну, — г. Москвитиновъ самъ отправился къ нему съ партиєю Алеутовъ; въ продолженіи 13 дней онъ отыскалъ и выкопалъ изъ щелку значительное количество матеріаловъ и вещей разбитаго брига, которые перевезены потомъ на островъ Симусиръ; — на передней части самаго судна, найдены двѣ чугунныя пушки. Въ числѣ матеріаловъ и вещей находились ядра, свинецъ, винтовки, желѣзо и чугунъ, въ разныхъ видахъ; нѣкоторая часть, такелажа судна; вещи офицерскія; и нѣкоторыя другія.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Москвѣ вышли уже:

1. «Римскія древности,» Шаова.
2. Третій томъ «Историческаго Сборника.»
3. «Троицкая Лавра,» И. М. Снегирева.

Печатается.

4. Пятая и шестая книга (или III томъ) «Повѣствованія о Россіи.»

Въ Москвѣ, говорятъ, скоро поступитъ въ печать новый романъ М. Н. Загоскина: *Семейство Мирошевскихъ*. Тамъ же К. Я. Тромонинъ приготовилъ къ изданію 2-ой томъ своихъ *Очерковъ съ произведеній живописи и пр.* Этотъ томъ, какъ мы слышали уже, частію отпечатанъ, и заключаетъ въ себя очерки Московскихъ древностей.

Въ Одессѣ:

О должностяхъ священнаго сана.

Въ Петербургѣ:

На дняхъ вышла изъ печати, книга подъ заглавіемъ: Основанія Государственнаго благоустройства, съ примѣненіемъ къ Россійскимъ законамъ, соч. Ш. Рождественскаго. Мы слышали отъ многихъ юристовъ, что это сочиненіе замѣчательно и въ ученое и въ практическое отношеніи.

Почтительныя бесѣды о великомъ Божіемъ мірѣ, въ которыхъ объясняются просто и внятно великія явленія природы, ежедневно предъ глазами нашими совершающіяся. Москва. 1840.

«Первые четыре вѣка христіанства.» А. Н. Муравьева 1840. Спб.

Биржевые расчеты для сравненія С. Петербургскихъ цѣнъ съ англійски-

ми на привозные товары по всякому сельскому курсу. Составлены агентомъ Карломъ Кларкомъ. С. П. Б., 1840. Въ 8-ку, VII и 179 страницъ. — «Вотъ книга—говоритъ «Погодинъ» — очень полезная, какой во все не доставало до нынѣ нашему купечеству. Часто случается слышать замѣчанія, почему наши русскіе купцы сами не выписываютъ заграничныхъ товаровъ, и почему не посылаютъ туда собственныхъ. Кромѣ другихъ обстоятельствъ, препятствующихъ у насъ развитію этой отрасли торговли, не мало помѣшательства причиняетъ нашимъ купцамъ недостатокъ знакомства съ порядкомъ и расчетами заграничной торговли, такъ же недостатокъ нужныхъ къ тому руководствъ. Всякому дѣлу должно начинать учиться съ азбуки; тогда знаніе его выходитъ основательное. Въ нашей внутренней и лавочной торговлѣ люди начинаютъ ее съ мальчиговъ, и изъ этихъ мальчиговъ образуется большая часть лучшихъ торговцевъ. Они знаютъ твердо гдѣ, когда и какимъ образомъ купить товаръ, чтобы запастись имъ самымъ выгоднымъ образомъ; они знаютъ также какъ и продать товаръ лучше. По какой же причинѣ, мы можемъ вдругъ по первому желанію, сдѣлаться заграничными торговцами, и торговать съ пользою, тогда какъ заграничныя дѣла гораздо сложнее внутреннихъ, и требуютъ гораздо болѣе знанія? Не держась правила «начинать съ начала и азбуки», многіе изъ предпринимавшихъ заграничную торговлю повѣсили убытки, и даже разореніе. — У насъ особенно многіе изъ иногородныхъ и также богатые изъ петербургскихъ

мѣстныхъ торговцевъ, желая обезпечить себя заблаговременно достаточнымъ запасомъ отборныхъ партій ходячихъ иностранныхъ товаровъ, стараются выписывать ихъ изъ за границы, но обращаются съ выпискою къ петербургскимъ иностраннымъ конторамъ, потому что въ нынѣшнемъ положеніи вещей находятъ такой способъ выписки для себя выгоднѣе собственной. Эта отрасль С. Петербургской торговли значительна, и годъ отъ году увеличивается. Но всякому выписывающему, для соображенія, необходимо знать судя приблизительно по существующей здѣсь цѣнѣ на товаръ, какую можно дать за него цѣну за границую, особенно въ Англіи, отсюда поступаетъ къ намъ наибольшая часть нужныхъ товаровъ. Для этого соображенія, торговецъ долженъ уметь сдѣлать слѣдующій расчетъ: 1) Заграничную стоимость товара по цѣнѣ съ тамошними расходами, комиссіею, интересами до уплаты и страховыми процентами на англійскія деньги; съ приложеніемъ по вексельному курсу на россійскую монету. 2) Звандскую пошлину, взимаемую датскимъ правительствомъ въ Эльзверѣ, по курсу. 3) Корабельный фрахтъ до Кронштадта съ провозомъ оттуда до С. Петербурга. 4) Привозную пошлину съ мѣстными расходами. 5) Комиссію конторы за производство дѣла. 6) Расчетъ при продажѣ въ срокъ. — Съ намѣреніемъ показать и облегчить каждому эти расчеты, составлена книга г. Кларка, и, скажемъ, что она составлена очень хорошо и съ большимъ знаніемъ дѣла.

Журналы. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ Прибавленіями* будетъ продолжаться въ 1841 г. Составъ содержанія его раздѣляется на VII отдѣленій: въ I помѣщаются дѣйствія правительства, относящіяся къ предмету журнала; во II, словесность, науки и

художества; въ III, извѣстія объ отечественныхъ и учебныхъ заведеніяхъ. въ IV, извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ; въ V, исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія; въ VI, обзорніе книгъ и журналовъ; въ VII, новости и смѣсь. Къ книжкамъ журнала отъ времени до времени прилагаются картыми, карты планы, снимки съ почерковъ и проч. Въ прибавленіяхъ помѣщаются официально-учебныя извѣстія; литературныя рассказы, библиографическія указанія всѣхъ выходящихъ въ свѣтъ въ Россіи книгъ и труды воспитанниковъ учебныхъ заведеній. — Журналъ издается по одной книжкѣ въ мѣсяцъ, а прибавленія по накопленію статей. — Подписная цѣна годовому изданію журнала съ Прибавленіями въ С. Петербургѣ 10 рублей, а во всѣхъ прочихъ горадахъ Имперіи 11½ руб. сер. Подписка принимается, въ С. Петербургѣ у книгопродавцевъ Глазуновыхъ и Смирлина, въ Москвѣ у книгопродавца Шляева, а для иногородныхъ въ газетныхъ экспедиціяхъ Почтамта, и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ.

Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ будетъ продолжаться и въ 1841 году, на прежнемъ основаніи, выходя ежемѣсячно книжками отъ 12 до 16 листовъ въ каждой. Цѣна оному за 12 книжекъ безъ доставки 5 р. 70 коп. серебромъ (20 р. асс.) а съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 7 р. 20 коп. серебромъ (25 р. асс.)

Подписка принимается въ редакцію журнала въ домѣ Министерства В. Д. у Чернышева моста, и у книгопродавца А. Ф. Смирлина; въ Москвѣ — у комисіонера А. С. Шляева. Иногородныя лица могутъ относиться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Москвитянинъ. Учено литературный журналъ на 1841 годъ въ 12 книгахъ *)

Путешествовавъ два раза въ чужихъ краяхъ, — говоритъ М. П. Погодинъ — и устроивъ литературныя и ученые сношенія съ главными городами Европы, имѣя усердныхъ корреспондентовъ по всемъ Славянскимъ странамъ—въ Богеміи, Моравіи, Крoаціи, Венгріи, Сербіи, Галиціи, Польшѣ, а равно и во всехъ главныхъ городахъ Русскихъ по лестному вызову многихъ литераторовъ русскихъ, я буду въ слѣдующемъ 1841 году издавать учебно-литературный журналъ, подъ заглавіемъ «Москвитянинъ», на который и имѣлъ счастье получить Высочайшее соизволеніе.

Съ такими средствами, и при такомъ степеніи благоприятныхъ обстоятельствъ, я надѣюсь доставлять публикѣ скорыя и вѣрныя извѣстія о важнѣйшихъ явленіяхъ въ жизни литературной, ученой, художественной и гражданской, во всехъ частяхъ Россіи, и въ главныхъ государствахъ европейскихъ, разпространять полезныя свѣдѣнія и понятія, и тѣмъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ моихъ, великому дѣлу отечественнаго просвѣщенія

Первое мѣсто въ Москвитянинѣ посвящается Россіи. Ея словесность, исторія, географія, статистика, юриспруденція, будутъ главными предметами, и я употреблю всѣ свои силы, при помощи многочисленныхъ корреспондентовъ чтобъ знакомить болѣе и болѣе моихъ соотечественниковъ съ любимымъ нашимъ отечествомъ, въ комъ до сихъ поръ остается такъ много неизвѣстнаго.

Изъ отечественныхъ явленій обратится особенное вниманіе на произведенія умственныя. Отдѣленіе критикъ, на которую такъ много жалуются наши писатели

*) Наконецъ счастливый случай доставилъ намъ программу Москвитянина, не пропущенную на литературныхъ заставкахъ Петербурга.

обвиная ее въ пристрастіи и ограниченности, устроено такимъ образомъ, что всякая книга будетъ разбираема ученымъ, который занимается преимущественно ея предметомъ. Профессоры всехъ Русскихъ университетовъ примутъ дѣятельное участіе въ этомъ отдѣленіи.

Книги по части Русской Исторіи будутъ разбираемы мною или подъ моимъ рукоприкладствомъ.

Критика произведеній изящной словесности, отечественной и иностранной, находится въ завѣдываніи профессора Русской словесности С. П. Шевырева.

Здѣсь прилагается и краткая программа журнала «Москитянинъ».

Журналъ сей состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣленій;

I-е. Изящная словесность: 1 стихотворенія. 2 проза, повѣсти, сцены полныя, извлеченія изъ новыхъ иностранныхъ романовъ и прежде вышедшихъ; но мало уцася извѣстныхъ, съ соблюденіемъ строгаго выбора.

II-е Науки. Въ этомъ отдѣленіи постоянно помѣщаются будутъ статьи оригинальныя, писанныя русскими учеными, о важнѣйшихъ предметахъ челоувѣческаго знанія, также полный извлеченія изъ замѣчательныхъ книгъ, выходящихъ въ ученой Европѣ.

III-е Критика. Разборы главныхъ произведеній отечественной и иностранной словесности, а равно и учености; антикритическія замѣчанія.

IV Библиографія Русскихъ и иностранныхъ книгъ. Изложеніе содержанія оныхъ.

V Смѣсь. Сюда войдутъ всѣ статьи по содержанію своему непринадлежащія къ предъидущимъ отдѣленіямъ. Разныя извѣстія и новости по части наукъ, художествъ, литературы, промышленности, о новыхъ изобретеніяхъ и открытіяхъ, путешествія, біографіи современныхъ писателей, обзорніе журналовъ, выписки изъ современнаго чте-

лія, анекдоты, статьи о нравахъ, корреспонденція, вѣсти изъ губерній. —

Моды съ картинками (?)

Постояннымъ отвлеченіемъ въ смѣсь будутъ московскія записки, — свѣдѣнія о московскихъ дрявностяхъ, примѣчательностяхъ, объ учебныкъ заведеніяхъ и обществахъ. Театральныя записки. Вѣвстія о Московской промышленности и торговлѣ и проч.

«Москвитянка» будетъ выходить по книжкѣ въ мѣсяцъ отъ 15 до 20 листовъ. Цена за 12 книжекъ, составляющихъ годовое изданіе, 40 рублей ассигнаціями а съ пересылкою 45 рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ у комиссіонера Московскаго университета А. С. Ширева. Иностранцы благоволятъ относиться въ Газетную Экспедицію Московскаго Почтамта.

Редакция Маяк открыла свою контору на Невскомъ проспектѣ въ домѣ *отомина*, между Малой Милонной и полицейскимъ мостомъ, у Книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера въ его магазинъ *Русскихъ книгъ*.

Во избѣжаніе беспорядочнаго и несвоевременнаго получения подписчиковъ экземпляровъ, на которое до сих поръ было столько жалобъ, Издатели пришли вовсе уничтожить раздачу экземпляровъ лично самимъ подписчикамъ. Отнынѣ всѣ подписчики безъ ключенія будутъ получать Маякъ городской и внгородной почтѣ, и только черезъ контору, которая, впрочемъ, исключительно отвѣчаетъ уже только за безпорядокъ доставки и за потерю экземпляровъ.

Для сего, всѣ мѣста и лица, гдѣ принимающіе подписку на Маякъ *года*, благоволятъ передавать, съ раненіемъ выгодъ имъ предоставленныхъ, подписку и адреса въ контору Маяка.

г. подписавшіеся, гдѣ либо, *безъ павки* (на сей 1840 годъ), благоволятъ сообщить въ контору только свои имена и адреса, безъ приложенія *бѣгъ* на доставку. И контора, (выдавая свой билетъ), по мѣрѣ выхода отдельныхъ частей (IX, X, XI и XII) будетъ уже сама пересылать ихъ по городской почтѣ на домъ.

Это распоряженіе и потому еще ходимо, что Маякъ — изданіе безплатное, и обязываться выходями частями въ опредѣленные сроки никогда не имѣетъ. Контора будетъ разсылать книжки въ самый день выхода,

тогда какъ газеты извѣщаютъ о выходѣ ихъ часто черезъ недѣлю.

Въ будущемъ 1841 году:

Маякъ будетъ издаваться въ томъ же духѣ, по прежней системѣ, тѣмъ же компактнымъ наборомъ и большимъ форматомъ (котораго листъ равняется слишкомъ двумъ листамъ Б. для Ч. и почти четыремъ листамъ печати обыкновенныхъ романовъ), новымъ, болѣе четкимъ и красивымъ шрифтомъ.

Подписка во всѣхъ мѣстахъ будетъ приниматься только на 12 частей, непременно съ доставкой на домъ и по горадамъ, по 13½ рублей серебромъ.

Если же кому угодно будетъ, по прежнему, подписываться въ три срока по 4 части, тѣмъ сдѣлается и это уваженіе, но съ условіемъ — адресоваться къ самимъ издателямъ, *) внося на каждыя четыре части по *пяти* рублей серебромъ. Разсылка будетъ производиться также черезъ контору.

Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ:

Въ конторѣ Маяка, у книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера; въ *Газетной Экспедиціи* С. Петербургскаго почтамта. Начальника почтамта. Издатели вполнѣ отвѣчаютъ за исправность доставки подписавшимся во всѣхъ прописанныхъ мѣстахъ.

*) *Петру Александровичу Корсакову* въ домѣ Цыrkовыхъ на Каликинской площади *Степану Онисимовичу Бурачку* на В. О. по 14 линіи, между большимъ и среднимъ проспектами въ домѣ Мальгиной No 24.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ХІІ ЧАСТИ.

ГЛАВА II. СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Утѣшеніе въ молитвѣ. Н. <i>Фанариотъ</i>	15
Отцу. (Стансы). В. <i>Зочовъ</i>	16
Жизнь. И. <i>Пальминъ</i>	—
Herz, mein Herz. (изъ Гёте).....	17
Утѣшеніе. Князь Д. <i>Кропоткинъ</i>	—
Коломбъ. Гр. <i>Перецъ</i>	18
Воспоминаніе Н. <i>К-нъ</i>	—
Воровъ..... Н. <i>К-нъ</i>	—
Пѣсня Калабрійки. Я. <i>Щеткинъ</i>	—
Цвѣтничъ. Я. <i>Щеткинъ</i>	16
Къ морю. (Изъ Чайльдъ-Гарольда В. <i>Б-скій</i>	20

ПРОЗА.

Капуца розаго года. (Подражаніе Сафру).....	111
Глухой домъ. (Повѣсть Берте).....	117
Очерки Вѣнской жизни, Л. <i>Самойловъ</i>	154
Отвѣтъ холостяка. Гр. <i>П-скій</i>	168

ГЛАВА III. МАТЕРІАЛЫ.

О свѣгахъ на большомъ Семъ-Бернарѣ. А. <i>Храмцовъ</i>	193
Вяльня. Соч. <i>Крашевскаго</i>	205
О Венгерской поэзи. И. <i>Боричевскій</i>	225

ГЛАВА IV. БИБЛИОТЕКА ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

Стихотворенія Лермонгова. Практическое руководство для устройства веревчатыхъ приводовъ, составленное Д. *Диго*. Руководство къ теорическому и практическому садоводству, составленное П. *Шварцемъ*. Молитвы, святѣйшаго Нерсеса Клайенци, патріарха Арменіи. Впечатлѣнія моряка. Бесѣда протоіерея Сергія Владимірскаго. Жизнь св. Іоанна Милостиваго. Ярчукъ, Кладъ и Уголь. Соч. *Александрова*. Обѣдъ какого не бывало. *Глинка*.

ГЛАВА V. НЕОРАМА, СМѢСЬ И РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Смѣхъ и горе. Экспедиція адмирала *Линоа*. — Путешественникъ Робертъ Шомбургкъ. — Новомодныя козы бородаки. — Новый способъ утушать мятежи. — Характеристика странствующихъ Англичанъ. — Богатая выдумка. — Парижскія праздничныя Кавалькнды. — Статистика Испаніи. — Разныя извѣстія.

